

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА

Военно-научный журнал

**№ 3(4)
2015**

*Издается
с ноября 2014 г.*

Учредители:

Новосибирское высшее военное командное училище

**Новосибирское региональное отделение
Академии военных наук Российской Федерации**

**Благотворительный фонд поддержки Новосибирского высшего
военного командного училища и его выпускников**

Редакционный совет:

- Разгонов В.Л.** начальник Новосибирского высшего военного командного училища, полковник (председатель редакционного совета)
- Гурский А.И.** канд. филос. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, полковник в отставке
- Диев В.С.** д-р филос. наук, проф., декан философского факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Донских О.А.** д-р филос. наук, проф., PhD университета им. Монаша (Австралия), заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления
- Курочко М.М.** канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии и религиоведения Военного университета МО РФ, ученый секретарь Совета Военно-философского общества Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооружённых Сил «Мегапир», полковник запаса
- Лопуха А.Д.** д-р пед. наук, проф., профессор кафедры тактики Новосибирского высшего военного командного училища, полковник в отставке
- Силантьев И.В.** д-р филол. наук, проф., директор Института филологии СО РАН
- Собольников В.В.** д-р психол. наук, проф., главный учёный секретарь Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (г. Новосибирск)
- Федорук М.П.** д-р физ.-мат. наук, проф., ректор Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Шиловский М.В.** д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Редакционная коллегия:

- Авдеев В.В.** канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, полковник в отставке
- Балабушевич В.Ю.** канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, подполковник в отставке
- Головко Н.В.** д-р филос. наук, доцент, заместитель декана философского факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Кокоулин В.Г.** д-р ист. наук, доцент, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, профессор кафедры истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Лихоманов И.В.** канд. филос. наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища
- Свилин С.Ю.** начальник отдела (организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров) Новосибирского высшего военного командного училища, подполковник

СОДЕРЖАНИЕ

II Всероссийская научно-практическая конференция**«Гуманитарные проблемы военного дела» (Новосибирск, 20 ноября 2015 г.).....7****ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И ПРАВО**

Куратченко М.А. Стратегия «мягкой силы» в сетевом контексте образовательной системы Китая: глобализация и идентичность	10
Лопуха Т.Л. Идеологические основы политической культуры офицеров российской армии	12
Пальцев А.И. Интеграционный потенциал евразийского национализма	16
Пальцев А.И. Постгендерный принцип формирования элиты глобальной власти	18
Сиотани М. Экономический подъем России и Китая и будущее гегемонии Америки и Европы	22
Собольников В.В. Место и роль психологического воздействия в стратегии ведения «гибридных» войн НАТО	25
Суховецкая Е.Ю. Педагогические условия правового воспитания курсантов как фактор профилактики коррупции в сфере военной службы	31

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА

Балабушевич В.Ю., А.И. Гурский А.И. Феномен мира: военно-философский аспект	35
Коротун С.Н. Система взглядов на войну в философии А.Е. Снесарева	40
Ксенофонов В.А. Методологические аспекты исследования теории гражданско-военных отношений	44
Лихоманов И.В. Идеология и политика «восточничества» в канун Русско-японской войны 1904-1905 гг... ..	49
Лихоманов И.В., Десятов Д.Е. Актуальные аспекты военно-теоретического наследия Карла фон Клаузевица	56

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Авдеев В.В., Кокоулин В.Г. Разведывательно-диверсионная деятельность национальных формирований абвера на Восточном фронте	60
Аргунова М.П. Организация приема и размещения раненых и больных военнослужащих в эвакогоспиталях Алтайского края в годы Великой Отечественной войны	64
Баранов А.Н., Чугунов Е.А. Первая мировая война и российская провинция в периодической печати (на материалах Костромской губернии)	67
Бояренко В.Г. Иностранцы военнопленные в Западной Сибири в период Первой мировой и Гражданской войн	72
Гостев И.Н. Становление и развитие милиционных частей Красной Армии в годы Гражданской войны (на материалах Костромской и Ярославской губерний)	75
Изонов В.В. К вопросу об организации и формах информационного противоборства в первый период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.	79
Каменецкий И.П. «Белорусцы» Аршинские на службе в Сибири в XVII веке	83
Кураев А.М., Путинцев А.Н., Комаров Д.Д. Сибирь в годы Великой Отечественной войны: истоки промышленного превосходства	88
Кураев А.М., Усоский А.И., Кураева А.А. Сибирь в годы Великой Отечественной войны: культура как средство обретения духовного превосходства над врагом	90
Пашкевич Т.Л., Ежов Д.С., Стариков Д.Д. Значение книги в профессиональном становлении будущего специалиста.....	92
Ростов Н.Д. Развертывание боевых и специальных частей и соединений на территории Сибирского военного округа и Забайкальского фронта в 1941-1942 гг.	94
Суховецкая Е.Ю., Михеев И.А. К вопросу о фальсификации истории участия войск НКВД в борьбе с националистическим подпольем.....	98
Шевченко В.Н. К вопросу о фальсификации событий накануне Великой Отечественной войны: о дивизиях и корпусах из «зеков» и «чекистских» армиях вторжения.....	101

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Бауэр В.П. Психолого-педагогические условия формирования информационной культуры курсантов в образовательном процессе	105
Бориц А.А. Ценностные ориентации в структуре личности офицера внутренних войск МВД России	107
Виноградов А.В., Котов А.М. К вопросу о понятии социальной ответственности будущих офицеров в педагогической теории и практике	109
Володин Р.В. Идеология патриотизма и военное образование	112
Герш Б.Г. Мотивация агрессивного поведения	115
Гуца Р.А., Сергиенко С.В. Особенности физической подготовки военнослужащих подразделений специального назначения внутренних войск МВД России.....	119
Карлова В.Н. Управление мотивацией курсантов военных вузов на современном этапе строительства Вооруженных Сил	122
Лопуха А.Д. Целесообразные направления реформирования системы военного образования России	126
Неверко М.В., Гомель Н.И. Совершенствование системы психологического обеспечения военнослужащих Вооруженных Сил Республики Беларусь	130
Подмаренко А.А., Суслов Д.В. Педагогическая поддержка курсанта на занятиях по тактике	135
Поликанов А.В. Принципы педагогического мониторинга процесса адаптации курсантов к образовательной среде военного института внутренних войск МВД России.....	137
Разгонов В.Л. Военно-профессиональное воспитание курсантов военных вузов и их профессиональная направленность.....	140
Сливкин А.Н. Педагогические аспекты формирования системы патриотического воспитания в вузах внутренних войск МВД России	144
Снигирев А.Л. Теоретические аспекты повышения профессионализма преподавателей вузов внутренних войск МВД России	147
Сорокин М.Н. Мифы и символы в жизни современного российского общества и образовательной практике	149
Чихачёв М.В., Поликанов А.В., Спирин А.В. Изучение психолого-педагогических условий, обеспечивающих социально-психологическую адаптацию курсантов-первокурсников к учебно-профессиональной деятельности в военных институтах	152
Шадрин В.А. Особенности экспериментальной работы по формированию готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих	157
Шульга Н.И. Жизненные стратегии уволенных в запас военнослужащих	159

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Алифиров А.И. Структура военно-физической подготовки и организационные формы физического воспитания донского казачества в XVI-XIX веках	163
Визер В.Г., Калачкова Н.Ф., Казначеев С.В. Казачество как феномен русского мира	167
Егорычев А.М., Мардахаев Л.В. Воспитание подрастающего поколения в условиях современной России: учет традиций российского казачества	171
Родионов А.И. Российское казачество на службе Отечеству: вчера, сегодня и в перспективе	175
Родионов А.И., Фабрика Ю.А. Русская армия, казачество и сибиряки в годы Великой войны 1914-1918 гг.	179
Родионов А.И., Фабрика Ю.А. Россия и Сибирь накануне и во время Второй Отечественной войны 1914-1918 гг.	183
Сафронов А.В. Героиня великой войны, полный Георгиевский кавалер – казачка Мария Бочкарёва.....	188
Сведения об авторах.....	192
От редакционной коллегии.....	195

CONTENTS

<i>II scientific-practical conference “Humanitarian problems of military affairs”</i> (Novosibirsk, Russia, 20 November 2015).....	7
---	---

MILITARY POLICY, ECONOMY AND RIGHT

<i>Kuratchenko M.A.</i> The strategy of “soft power” in a network context of the educational system in China: globalization and identity	10
<i>Lopoukha T.L.</i> Ideological basis of political culture of Russian army officers	12
<i>Paltsev A.I.</i> Integration potential of Eurasian nationalism	16
<i>Paltsev A.I.</i> The post-gender principle of the global power elite’s creation	18
<i>Masachika Shiotani.</i> Economic recovery of Russia and China and the future of hegemony of America and Europe	22
<i>Sobolnikov V.V.</i> Place and role of psychological influence in strategies of conduct of «hybrid» wars NATO	25
<i>Sukhovetskaya E.J.</i> Pedagogical conditions of legal education of students as a factor of prevention of corruption in the sphere of military service	31

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF MILITARY SCIENCE

<i>Balabushevich V.Y., Gurskiy A.I.</i> The phenomenon of the peace: military-philosophical aspects	35
<i>Korotun S.N.</i> A system of the views on war in the philosophy of A.E. Snesev	40
<i>Ksenofontov V.A.</i> Methodological aspects of research of civil-military relations theory	44
<i>Likhomanov I.V.</i> Ideology and politics of “Orientalism” on the eve of Russian-Japanese war of 1904-1905	49
<i>Likhomanov I.V., Desyatov D.E.</i> Current issues of military-theoretical heritage of Karl von Clausewitz	56

MILITARY HISTORY AND CULTURE

<i>Avdeev V.V., Kokoulin V.G.</i> Prospecting and diversionary activity of national formations of Abver on the East front	60
<i>Argunova M.</i> Organizing the reception and accommodation of the sick and wounded soldiers in the evacuation hospitals in Altai during the Great Patriotic war	64
<i>Baranov A.N., Chugunov E.A.</i> The First World War and the Russian province in the press (on materials of Kostroma province)	67
<i>Boyarenko V.G.</i> Foreign prisoners of war in Western Siberia in the First World and the Civil war	72
<i>Gostev I.N.</i> Formation and development of militia of the Red Army during the Civil war (on materials of Kostroma and Yaroslavl regions)	75
<i>Isonov V.V.</i> To the question of organization and forms of information warfare in the first period of the Great Patriotic war of 1941-1945	79
<i>Kamenetsky I.P.</i> “Belorustsy” from Arshinsky dynasty in the serve in Siberia in the XVII century	83
<i>Kuraev M.A., Putintsev A.N., Komarov D.D.</i> Siberia during the Great Patriotic war: the origins of industrial excellence	88
<i>Kuraev A.M., Usosky A.I., Kuraeva A.A.</i> Siberia during the Great Patriotic war: culture as a means of gaining spiritual superiority over the enemy	90
<i>Pashkevich T.L., Yezhov D.S., Starikov D.D.</i> The value of the book in the professional formation of the future specialist	92
<i>Rostov N.D.</i> Deployment military and special units and formations in the Siberian military district and the Trans-Baikal front in 1941-1942	94
<i>Sukhovetskaya E.J., Mikheev I.A.</i> The question of participation falsify history NKVD in combating nationalist underground	98
<i>Shevchenko V.N.</i> To the question of falsifications of events before the Great Patriotic war: divisions and corps from the “prisoners” and “NKVD” armies invasion	101

MILITARY SOCIOLOGY, PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

Bauer V.P. Psycho-pedagogical conditions of formation information culture of students in the educational process.....	105
Borshch A.A. Value orientations in the structure of personality of officer of interior ministry troops of Russia.....	107
Vinogradov A.V., Kotov A.M. To the question about the concept of social responsibility of the future officers in educational theory and practice	109
Volodin R.V. The ideology of patriotism and military education	112
Gersh B.G. Motivations of aggressive behavior	115
Gushcha R.A., Sergienko V.S. Features of physical training of the military personnel of divisions of the special purpose of internal troops of the ministry of internal affairs of Russia.....	119
Karlova E.N. Managing cadets motivation at the current condition of the armed forces	122
Lopoukha A.D. Appropriate ways of reforming the system of military education in Russia	126
Neverko M.V., Gomel N.I. Improvement of psychological security armed forces of Belarus: general view on the theory of the problem.....	130
Podmarenko A.A., Suslov D.V. Educational support to cadets at the lessons of tactics.....	135
Polikanov A.V. Principles of pedagogical monitoring of the process of adaptation of cadets to the military education in the institute of interior ministry troops of Russia.....	137
Razgonov V.L. Professional military education of cadets and their professional orientation	140
Slivkin A.N. Pedagogical aspects of formation of patriotic education in institutes of interior ministry troops of Russia	144
Snigiryov A.L. Theory of improving the professionalism of professors of institutes of interior ministry troops of Russia.....	147
Sorokin M.N. Myths and symbols in modern Russian society and educational practice.....	149
Chikhachev M.V., Polikanov A.V., Spirin A.V. Studying of psychological and pedagogical conditions, providing social and psychological adaptation of cadets to education and the professional activity in military institute	152
Shadrin V.A. Features of experimental work on formation of readiness of the future officer to patriotic education of military men	157
Shulga N.I. Life strategies of retired servicemen	159

RUSSIAN COSSACKS: HISTORY AND TRADITION

Alifirov A.I. The structure of the military and physical training organizational forms of physical education of the Don Cossacks in the XVI-XIX centuries	163
Wieser V.G., Kalachkova N.F., Kaznacheev S.V. Cossacks as a phenomenon of the Russian world.....	167
Egorychev A.M., Mardakhaev L.V. Educating the younger generation in a modern Russia: Russian Cossacks accounting traditions.....	171
Rodionov A.I. The Russian Cossacks on service of the fatherland: yesterday, today and in the future	175
Rodionov A.I., Fabrika Yu.A. Russian army, Cossacks and Siberians in the years of Great War	179
Rodionov A.I., Fabrika Yu.A. Russia and Siberia before and during the second patriotic war of 1914-1918.....	183
Safronov A.V. Heroine of great war, complete George knight – Cossacks Maria Bochkareva.....	188
Information about authors	192
From editors.....	195

**II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА»
(НОВОСИБИРСК, 20 НОЯБРЯ 2015 г.)**

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Новосибирское высшее военное командное училище;
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет;
Новосибирское региональное отделение Академии военных наук Российской Федерации.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Разгонов В.Л. – начальник Новосибирского высшего военного командного училища, полковник, председатель оргкомитета;

Волоткович Д.А. – заместитель начальника Новосибирского высшего военного командного училища по учебной и научной работе, кандидат технических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук, полковник, заместитель председателя оргкомитета;

Свилин С.Ю. – начальник отдела (организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров) Новосибирского высшего военного командного училища, подполковник;

Гурский А.И. – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, профессор Академии военных наук, полковник в отставке, заместитель председателя оргкомитета;

Диев В.С. – доктор философских наук, профессор, декан Философского факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета, заместитель председателя оргкомитета;

Балабушевич В.Ю. – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, профессор Академии военных наук, подполковник в отставке;

Кокоулин В.Г. – доктор исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, профессор кафедры истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор Академии военных наук;

Лопуха Т.Л. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища;

Лихоманов И.В. – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища.

ПРЕЗИДИУМ КОНФЕРЕНЦИИ

Рогожкин Н.Е. – Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе;

Колович А.А. – руководитель Сибирского территориального управления Федерального агентства научных организаций (ФАНО);

Разгонов В.Л. – начальник Новосибирского высшего военного командного училища, полковник;

Федорук М.П. – доктор физико-математических наук, профессор, ректор Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

О СОСТАВЕ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Оргкомитет II Всероссийской научно-практической конференции «Гуманитарные проблемы военного дела» благодарит всех откликнувшихся на приглашение принять участие в конференции в очной или заочной форме.

В сборнике материалов конференции опубликовано 50 докладов и статей 64 авторов.

Участники конференции представляют три страны (Российская Федерация, Республика Беларусь, Япония), 7 городов Российской Федерации (Барнаул, Бийск, Воронеж, Кострома, Москва, Новосибирск, Томск), а также Минск (Республика Беларусь) и Токио (Япония).

Среди участников конференции, любезно представивших свои материалы для публикации:
докторов наук – 9;
кандидатов наук – 23;
профессоров – 5;
доцентов – 12;
старших научных сотрудников – 2;
аспирантов, адъюнктов, соискателей, магистрантов – 10;
курсантов – 7.

Активное участие в подготовке публикаций приняли российские и зарубежные вузы:

- Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул);
- Военная академия Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск);
- Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Министерства обороны Российской Федерации (г. Кострома);
- Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина Министерства обороны Российской Федерации (г. Воронеж);
- Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова (г. Кострома);
- Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России (г. Новосибирск);
- Новосибирский филиал Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург);
- Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск);
- Новосибирский государственный технический университет (НГТУ);
- Новосибирское высшее военное командное училище Министерства обороны Российской Федерации (г. Новосибирск);
- Российский государственный социальный университет (РГСУ) (г. Москва);
- Сибирский институт международных отношений и регионоведения (СИМОП) (г. Новосибирск);
- Университет Тохоку (Япония, г. Токио);
- Юридический институт Красноярского государственного аграрного университета (г. Красноярск).

На конференции были представлены учреждения среднего профессионального образования и общеобразовательные учреждения:

- Бийский промышленно-технологический колледж (г. Бийск);
- Образовательный центр «Горностай» (г. Новосибирск).

Ряд публикаций принадлежит авторам, представляющим государственные научные и научно-исследовательские учреждения, общественные объединения:

- Академия безопасности и правопорядка (АБиП);
- Академия военных наук Российской Федерации;
- Всеславянский союз журналистов;
- Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск);
- Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры (МСА);
- Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (г. Москва);
- Петровская академия наук и искусств (ПАНИ);
- Российская академия естествознания (РАЕ);
- Союз журналистов России;
- Союз казаков России;
- Союз казачьих журналистов Сибири и Дальнего Востока;
- Экспозиционный (военно-исторический) отдел Дома офицеров Новосибирского гарнизона Министерства обороны Российской Федерации.

ОБРАЩЕНИЕ

**начальника Новосибирского высшего военного командного училища
полковника В.Л. РАЗГОНОВА к участникам конференции**

Уважаемые товарищи!

Сегодня в этом зале собрались ученые, преподаватели высшей школы, представители экспертного сообщества, органов власти, силовых структур государства, патриотических общественных объединений, то есть люди, которым небезразлична судьба нашего Отечества.

Для меня большая честь приветствовать всех участников второй Всероссийской научно-практической конференции «Гуманитарные проблемы военного дела».

Несмотря на то, что наша конференция проводится всего лишь второй раз, она уже стала заметным событием в научной, интеллектуальной жизни Новосибирска и Академгородка, превратилась в своего рода интеллектуальную площадку для обсуждения чрезвычайно важных проблем, связанных с гуманитарной составляющей обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и развития военного дела.

Эти проблемы представляются чрезвычайно актуальными в свете событий, происходящих в мире. Современная военно-политическая обстановка характеризуется высокой динамичностью, обусловлена сложностью и противоречивостью происходящих в основных регионах мира процессов, а также попытками США и стран Запада сохранить свое глобальное лидерство.

По существу, в мире идет борьба за формирование новой модели миропорядка. Видение его контуров, структур и базовых принципов у Запада и у остального мира явно не совпадает. Попытки «переформатировать» мир в соответствии с западными представлениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо», наталкиваются на все возрастающее сопротивление народов и стран, отвергающих насилие и диктат.

Критичное обострение военно-политической ситуации в мире, нарастание антироссийской истерии, стремление изолировать Россию, попытки умышленной дестабилизации экономической и внутривнутриполитической обстановки в нашей стране требуют от государства и российского общества «прорывных», инновационных решений в области обеспечения национальной безопасности.

Сегодня руководство России самое пристальное внимание уделяет укреплению обороноспособности страны. Современная армия невозможна без современной экономики. Чтобы создать эффективно действующую военную организацию общества, важно знать, что и от кого мы хотим защитить, кого в современном мире мы можем назвать своими друзьями и союзниками? Какой в условиях мирового кризиса может стать война будущего? Как это изменит стратегию, тактику, оперативное искусство? Каким видится духовный облик народа и армии? Как будет формироваться моральный дух войск?

На эти и другие вопросы могут и должны дать ответ российская наука и образование, в том числе и военные. Решение каждой из названных задач повышает готовность страны и ее Вооруженных Сил к возможным суровым испытаниям.

Я выражаю искреннюю признательность всем тем, кто откликнулся на приглашение оргкомитета принять участие в работе нашей конференции и представил для публикации свои доклады и статьи.

Уверен, что наша конференция будет способствовать увеличению вклада ученых, профессорско-преподавательского состава ведущих вузов страны в разработку путей реализации тех задач, которые поставлены перед Вооруженными Силами Президентом Российской Федерации.

Желаю всем участникам конференции успешной работы, ярких выступлений, творческих дискуссий, плодотворного научного общения с коллегами!

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

УДК 373(470+571)

М.А. Куратченко

Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск

mkuratchenko@gmail

СТРАТЕГИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СЕТЕВОМ КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КИТАЯ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

В статье предложен анализ взаимовлияния образовательных стратегий и трансформации общественного сознания, социальных идентичностей в ситуации кросскультурного взаимодействия. Данные процессы анализируются на примере интернациональной образовательной парадигмы правительства КНР, которая может быть интерпретирована как стратегия «мягкой силы», направленная на создание условий для подготовки корпоративного сообщества, готового воспринять и реализовать в практиках новое знание, транслируемое китайской системой образования.

Ключевые слова: система образования, общественное сознание, социальная идентичность.

За последние год-полтора после анонсирования «разворота» России в сторону Китая очевидны тенденции поощрения российско-китайских контактов как в экономико-политической, так и в социально-образовательной сферах. С одной стороны, данные тенденции очевидны, ведь КНР является давним соседом и партнером Российской Федерации, но, с другой стороны, все большее число экспертов упоминает об экспансионистских стремлениях Китая, посвящая публикации анализу китайской военной мощи [1]. Однако, в современной геополитической ситуации, когда информационная составляющая оказывается не менее важной, чем финансовая или военная, стоит скорее обратить внимание на мероприятия правительства КНР в рамках образовательной экспансии, деятельность в стиле стратегии «мягкой силы».

Термин «мягкая сила» (soft power) был введен в научный оборот Дж. С. Найем (J. Nye) для описания ситуации, когда для достижения стратегических целей следует обращение не к внешнему материализованному насилию, а к стереотипизированным образам привлекательных идей и символов [2, 54]. Таким образом, основным ресурсом становятся ценностные конструкты, воплощенные в социальных практиках, артефактах и программах общества, реализующих принципы мягкой силы во внешней политике.

В ситуациях кризисных, связанных с социальными изменениями, особенно остро ставится вопрос о тождественности общества самому себе, вследствие чего в центре внимания оказываются вопросы трансформации общественного сознания и практики формирования идентичности. Общественное сознание, являясь внутренним опосредованием социальной деятельности, не только пассивно отражает любые изменения в обществе, но и оказывает влияние на функционирование социальной системы в целом. На формирование общественного сознания оказывают влияние различные социальные институты, однако ключевая роль принадлежит образованию. Именно через образовательные практики формируется определенный тип общественного сознания, разделяемый различными социальными группами (социальным большинством), что в свою очередь определяет формирование особого типа социальной идентичности.

Идентификация является процессом соотнесения субъекта с чем-либо в связности и непрерывности собственной изменчивости [3, 79]. Базовыми компонентами социальной идентичности являются, прежде всего, представления о таких категориях, как собственные прошлое и будущее: представления о прошлом отвечают на вопрос «кто мы», представления о будущем – «зачем мы». Данные представления также формируются в образовательном процессе. Однако, в ситуации направленного взаимодействия с иной культурной традицией феномены «чужой» культуры подлежат освоению, предполагая овладение «чужим» знанием и служат форсированию изменений и сокращению различий между субъектом (обществом) и контрсубъектом (обществом-источником трансформации), что обуславливает трансформацию социальной идентичности субъекта.

Формирование специфических социальных идентичностей в ходе глобального взаимодействия примечательно проявляет сетевой характер данных процессов. В этом контексте изучение закономерностей формирования единого коммуникативного пространства, где акторами являются представители различных культурных парадигм, анализ принципов трансформаций базовых коллективных идентичностей представляется фактором устойчивого развития всего мирового сообщества.

Необходимо отметить, что социальные сети характеризует некое «не-сплошное» покрытие относительно больших географических и социальных пространств, позволяющее не только поддерживать контакт между отдельными узлами (звеньями), но и оказывать системное воздействие на окружающие социальные контексты, которые таким образом становятся в положение управляемых (контролируемых) объектов. Сетевым структурам присуще удаленное взаимодействие входящих в них элементов; потенциально – во всемирном масштабе.

Такое включение в удаленные социальные взаимодействия оказывает на указанные элементы все

большее влияние, нежели их принадлежность к локальной социальной организации, в рамках которой элементы разных социальных сетей создают сложную картину взаимопереплетения и конкуренции за контроль над ресурсами и социумами от лица и/или с помощью представляемых сетевых образований [4, 142].

В случае глобального взаимодействия элементами сети становятся основные субъекты общественной элиты (политической, экономической, культурной), очевидно играющие в описываемых процессах более активную роль, чем массы. Происходит это, в том числе, вследствие большего доступа элит к знаниям (путем включения в глобализационные процессы и постулируемым тождеством с Другим), а также наличием навыков обращения с этим ресурсом. Таким образом, в глобализационном контексте системе образования отводится особая роль, заключающаяся не только в передаче уже существующих знаний, но и в подготовке корпоративных сообществ, готовых это знание (зачастую чужое) адекватно воспринять и реализовать в соответствующих практиках.

Включение в иной (европейский, американский) социально-сетевой контекст нередко начинается с учебы за рубежом. По статистике Министерства образования КНР, в 2013 г. общее число китайских студентов, обучающихся за рубежом, составило 413,9 тыс. человек. После окончания обучения в Китай вернулись 353,5 тыс. человек, что превысило аналогичный показатель 2012 г. на 3,58 % и 29,53 % соответственно. Десятку самых популярных стран, предоставивших обучение, составили Южная Корея, США, Таиланд, Япония, Россия, Индонезия, Вьетнам, Индия, Казахстан и Пакистан. Число студентов в Африке, Европе и Азии возросло соответственно на 23,31 %, 13,02 % и 8,09 % по сравнению с показателями 2012 г. [5].

Социально-сетевую общность представителей китайской элиты, реализующей данный этап развития общества, можно увидеть и в очевидной специфике кадровой политики, пополняющей высшее руководство страны из числа представителей общего кадрового резерва на основе не столько регионально-клановой, сколько корпоративно-университетской идентичности [6].

С начала 2000-х гг. правительство Китая ведет активную деятельность по распространению китайского языка и китайского языка за рубежом. Для этой цели создана система институтов Конфуция, управление которой находится в ведении государственной организации «Ханьбань» – китайского агентства по распространению китайского языка как иностранного. Министерство образования КНР заявило, что в 2006 г. около 40 млн. человек изучали китайский язык по всему миру, в 2010 г. это количество составляло уже 100 млн. В соответствии с отчетом, к концу 2012 г. было открыто 400 институтов Конфуция и 535 классов Конфуция по всему миру [7].

Примечательно, что о тактике взаимодействия с противником через сохранение целостности государства, с одновременным подрыванием устоев (т. е. трансформацией идентичности) говорилось уже в военном трактате «Искусство войны», авторство которого приписывается Сунь Цзы (конец VI – начало V вв. до н. э.) В главе 3 «Стратегическое нападение» указывается предпочтительность ненасильственных видов борьбы, ведущихся дипломатическими и политическими средствами. «По правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целостности, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целостности, на втором месте – разбить ее» [8, 21], «поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска» [8, 23].

Таким образом, рассмотрение процесса образования с учетом сетевого характера взаимодействующих структур позволяет увидеть еще одну роль университетов и прочих образовательных структур в китайском обществе – не только как центров специфической «институализации мышления», но и как поставщиков лояльной государству элиты. С другой стороны, на международном уровне организации, подобные институтам Конфуция в сочетании с широким спектром стипендиальных программ, предоставляющие возможность иностранцам обучаться в вузах КНР, также способствуют формированию сетевого сообщества, очевидно являясь инструментом «мягкой силы».

В свою очередь учет наличия данного корпоративного сетевого сообщества, объединенного общими целями, имеющего схожие ценности, постулирующего тождество предыдущим поколениям, позволит по-новому взглянуть на процессы производства и воспроизводства, происходящие в китайском социуме, оценить возможности социальной адаптации в рамках трансформирующегося общества, проанализировать стратегию взаимодействия с основными акторами на внешнеполитической арене.

Библиографический список

1. Тихонов С. Китай наращивает военную мощь // Expert-online 13.01.2015 [Электронный ресурс]. URL <http://expert.ru/2015/01/13/zachem-rossiya-otkryla-kitayu-put-k-voennomu-gospodstvu/> (дата обращения 06.09.2015), Zachary Keck This is How China and Russia Plan to Crush America's Stealth Aircraft 26.08.2015 (Как Китай и Россия планируют уничтожать американские самолеты-невидимки) // The National Interest [Электронный ресурс]. URL <http://inosmi.ru/world/20150828/229909777.html> (дата обращения 06.09.2015).
2. Ney J. Soft Power: the Means of Success in World Politics. – New York: Public Affairs Group, 2004. 191 p.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001.

4. Valdman I.A. The network structures: virtualization and adaptation in modern society // Философия образования. Спецвыпуск. – 2009. – № 2. – С. 141-146.
5. 2013 niándù wǒguó liúxué rényuán qíngkuàng (Информация о китайских студентах, обучающихся за рубежом в 2013 г.) // Официальный сайт Министерства образования КНР [Электронный ресурс]. URL. <http://www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s5987/201402/164235.html> (дата обращения 06.09.2015).
6. Сайт правительства КНР. [Электронный ресурс]. URL www.gov.cn (дата обращения 06.09.2015).
7. Устав Институтов Конфуция // Официальный сайт института Конфуция. [Электронный ресурс]. URL. <http://www.russian.chinese.cn/confuciusinstitute> (дата обращения 06.09.2015).
8. Sunzi bingfa sanshiliu ji de zhihui. – Beijing: Xianzhuang shuju. – 2008. (Сунь Цзы Искусство войны. Тридцать шесть стратагем). – Пекин: Сяньчжуан шудзю, 2008. – 125 с.

M.A. Kuratchenko

Novosibirsk state pedagogical university,
Novosibirsk

mkuratchenko@gmail

THE STRATEGY OF “SOFT POWER” IN A NETWORK CONTEXT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM IN CHINA: GLOBALIZATION AND IDENTITY

In the article is offered the analysis of the interference of the educational policies and the transformation of social consciousness, social identities in a situation of cross-cultural interaction. These processes are analyzed on the example of international educational paradigm of the Chinese Government, which can be interpreted as a strategy of “soft power”, aimed at creating the conditions for the preparation of the corporate community ready to accept and implement new knowledge in practice, relayed the Chinese education system.

Keywords: educational system, social consciousness, social identity.

УДК 903.2

Т.Л. Лопуха

Новосибирское высшее военное командное училище

г. Новосибирск

lopoukha@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

В статье анализируются проблемы идеологии и ее влияние на политическую культуру общества и его социальных групп. Рассматриваются возможности формирования объединяющей россиян идеологии и реализации идеологии государственного патриотического воспитания. Отмечается необходимость преодоления сопротивления либерального сообщества решению этой задачи. Обосновывается необходимость смены либерального идеологического дискурса в воспитании будущих офицеров российской армии государственно-патриотическим.

Ключевые слова: идеология, идеологическая культура, патриотическое воспитание, политическая культура, идеология консолидации россиян, современный идеологический дискурс: либералы и центристы-государственники.

В политологической и социологической литературе есть «классическое» понимание идеологии, смысл которого в следующем: идеология – это «наука об идеях», система взглядов и представлений об идеально желаемом обществе; в идеологиях разного типа осознаются, оцениваются и выражаются отношения людей к той или иной действительности и друг к другу, содержатся цели социальной и политической деятельности, направленной на закрепление или изменение существующих общественно-политических отношений [1; 2; 3].

В.Н. Кузнецов трактует идеологию в расширительном смысле. Он считает, что отдельными видами идеологии могут быть: идеологии безопасности, патриотизма и т. п. Такие определения весьма близки к психологическим характеристикам общественного сознания, хотя и не тождественны им: первые отражают действительность на рациональном уровне, вторые – на эмоционально-психологическом [4, 114-115].

Понятие «идеологическая культура» надо рассматривать как составную часть культуры политической. При оценке политической культуры офицеров не следует все сводить к оценочному подходу по типу: «развитая – неразвитая культура», «высокая – низкая» и т. п. Аксиологический подход должен предусматривать вариант анализа идеологической культуры, предполагающий, что это понятие включает в себя положительные и отрицательные идеологические ценности. Иными словами, надо учитывать, что военнослужащие, как и профессиональные политики могут иметь различные идеологические установки. Наличие у человека определенных идеологических установок, политических и иных ценностных ориентаций, взглядов и убеждений как раз и составляет содержание его идеологической культуры.

Политические идеологии и соответственно идеологическая культура отражают определенный уровень мировоззрения, картину или образ мира в общественном и личностном сознании. Ж.Т. Тощенко пишет: «...В условиях ломки общественных ценностей один и тот же человек может одновременно по одним вопросам придерживаться таких-то социальных оценок (неолиберальных), по другим – других (националистических), по третьим – третьих (социалистических)... Этап одномерного идеологизированного человека начал постепенно вытесняться... социальные ценности людей обычно не ограничиваются установкой на одну цель, а направлены на реализацию нескольких целей...» [5, 276].

Указанный парадокс в условиях, когда российское государство не полностью контролирует информационное пространство, требует системного политического воспитания военнослужащих, формирования у них государственно-патриотической культуры. Если нет целостного мировоззрения, а есть дискретное, искаженно-призрачное сознание, цели и интересы индивидов и социальных групп не только не совпадают, а находятся в конфронтации, это проявляется и во внутреннем мире каждого человека.

По В.Н. Кузнецову, объединяющая идеология в России может сложиться на первом этапе как эклектический конгломерат разных идеологий и представлять собой совокупность смысловых ценностей, в числе которых такие, как безопасность, свобода, ответственность, цель, идеал, смысл жизни, российская мечта, культура патриотизма, историческая память и др. [4, с. 318-319].

Любая идеология имеет не только теоретико-концептуальное обоснование, но и свой практический, прикладной уровень. Он предполагает конкретное идеологическое обеспечение социально-философских теорий, программ, лозунгов, предусматривает организацию идеологической деятельности в массах и с каждым индивидом. В системе военного образования он должен реализовываться в практике воспитательной работы.

О. Крыштановская говорит о том, что для укоренения идеологии, для формирования определенной идеологической культуры населения требуется специальная государственная политика и долгие годы. Нужно иметь нечто наподобие «идеологического отдела ЦК» (а мы бы добавили: иметь не только в центре, но и в субъектах Федерации, во всех силовых структурах особые органы пропаганды) и, конечно, целые научные институты, учебники для вузов, для школ [6, 8-9].

Объединяющей основой общества может стать патриотическое воспитание. Тем более, что в последнее время, особенно в период подготовки к 70-летию Победы, активную работу в этом направлении осуществляло государство, в лице Президента, и общественность. Регулярно российское правительство утверждает государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». При этом правительство занимается не идеологическим, а финансовым обеспечением данной программы. Подряды на освоение средств в целях практического осуществления мероприятий по данной программе получают министерства и ведомства, а общая сумма затрат достаточно скромна.

Разработчики программы, наверное, учитывают, что в современных условиях нужны современные методы и средства воздействия на молодежь. Денежные средства направляются на разработку «патриотических компьютерных игр», в которых «используются государственные символы России», а также на производство кассет и компакт-дисков с записями патриотических песен.

Самой затратной частью программы является «формирование госзаказа на производство кинофильмов, постановку спектаклей, создание музейных экспозиций и издательскую деятельность» [7]. Современные реалии свидетельствуют о том, что в российском информационном пространстве значительное место занимает либеральный дискурс.

Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо широко использовать традиционный опыт организации культурно-массовой работы (кружки художественной самодеятельности, проведение диспутов, вечеров встреч и т. п.) в клубах воинских частей и вузов. Сегодня нужны финансовые средства на ремонт этих зданий, создание новых, взамен переданных А. Сердюковым на баланс местных властей. Необходимо восстановление различных церемониалов, связанных с патриотическим воспитанием, с традициями народа.

Для организации патриотического воспитания военнослужащих целесообразно также организовать систематическую подготовку и переподготовку людей, специально занимающихся политико-воспитательной, идеологической, культурно-массовой деятельностью в рамках задач, поставленных государством перед вооруженными силами.

По мнению экспертов, бюджетных средств, выделяемых правительством на патриотическую программу, конечно, недостаточно. Говорят, что нынешних менеджеров, управляющих телеканалами, расчетливых и циничных, а также «серьезных продюсеров» такие бюджеты вряд ли заинтересуют, они «не станут вкладываться в «вечные ценности» [8], тем более в армии.

Уже в середине первого десятилетия XXI века российская пресса либеральной ориентации с беспокойством заговорила о том, что правительство России пытается «поставить, как и при советской власти, деятелей искусства на службу государству», заставить журналистов, писателей, кинематографистов «к штыку приравнять перо». Редакция «Известий», например, назвала правительственную программу патриотического воспитания «управляемым патриотизмом». При этом в дискуссии со сторонниками патриотиче-

ского воспитания используется старый, но проверенный метод – метод «подмены тезиса»: «Любовь к стране и любовь к государству – два разных патриотизма». Однако в этом же номере газеты редакция проговорила, когда выразила свое истинное отношение к патриотическому воспитанию. Оказывается, патриотическое воспитание на Западе не практикуется. Патриотическим воспитанием занимаются в основном авторитарные режимы. «Наибольшее внимание этому вопросу уделяют в азиатских странах»: в Туркмении, Китае, Северной Корее [9].

Идеология консолидации должна давать ответы на вопросы о прошлом, настоящем и будущем нашей страны, ее армии. Сегодня люди хотят знать, к чему мы стремимся, т. е. какие ставим перед собой перспективные цели; какой образ жизни в этой объединяющей идеологии представляется идеальным для россиян; каким должен быть наш современник; каким видится национальный герой, чтобы его можно было назвать своим кумиром и подражать ему.

Таким образом, одним из важнейших направлений объединяющей идеологической деятельности могла бы стать работа по формированию привлекательного образа: образа страны, в которой мы живем, общества, которое строим, его институтов, человека, который является главной созидающей силой.

Сегодня образы героев труда, покорителей Арктики, целины, даже героев войны и героев космоса отодвинуты в сторону, а то и подвергаются осмеянию. Оплеваны либеральной прессой З. Космодемьянская, героини-панфиловцы. Разумеется, новое время требует и новых героев. Но кумирами россиян не должны быть певички и певцы из «Фабрики звезд», бандиты, действующие в телесериалах типа «Бригада» и т. п., зарубежные «легионеры» или удачливые мошенники.

Необходимо формирование общенациональных целей и устремлений. Российские политтехнологи вдалбливают расхожую идею: «Мы строим развитое демократическое государство западного образца». При этом не говорят, что безработица в США более 12%, там миллионы бездомных.

В.Н. Мегре в книге «Звенящие кедры России» пишет: «Многие уже как-то изловчились, ездят на дорогих машинах, строят роскошные коттеджи, посещают дорогие курорты. Как-то изловчились... И начинает ловчить вся страна: продавцы и покупатели, гаишники и чиновники, офицеры и солдаты, учителя и студенты» [10, 142].

Наше либеральное прозападное «элитное» меньшинство давно уже определилось со своими ценностными ориентациями. Они, как отмечает А. Мигранян, – сторонники интеграции в Европу и не предусматривают сохранения России как государства, они «уже определенным образом включены в глобальное целое и знают там свое место». Для этих хозяев сырья и других ресурсов понятия «государство – страна – народ» просто не существуют. Их логика заключается в уничтожении России как субъекта, как государства, превращении ее просто в территорию, а народа – в ресурс» [11].

Сегодня в научной социально-философской, политологической и иной литературе нет ответа, на основе каких духовных, политических ценностей должна формироваться объединяющая идеологическая культура российских граждан, как, к сожалению, и у ученых, публицистов, писателей и других литературных деятелей.

В идеологическом дискурсе преобладает дистанцирование, а не взаимодействие, не поиск приемлемых способов сотрудничества представителей разных убеждений и взглядов. Например, социологи и политологи, ориентирующиеся на западную теорию политической модернизации, противопоставляют два типа людей: «человека современного» и «человека традиционного». А.Г. Володин пишет: человек современный сформировался на Западе, процесс его становления проходил в течение 500 лет. В России же сложился человек традиционный. Чем же они отличаются друг от друга? Человек современный обладает такими качествами, как динамизм, витальность, умение рационально расходовать время, самодисциплина, верность слову, сознательное отношение к труду, бережливость и т. д. [12, 136-137].

В характеристиках человека традиционного отмечается больше минусовых качеств, чем плюсовых. Во-первых, говорят сторонники западной модернизации, сама организация хозяйственной жизни в России способствовала тому, что российский человек не мог проявить свою самостоятельность, он зависел от силы организации (общины), которая обеспечивала его прожиточный минимум, и от власти, которая интегрировала эти усилия и направляла их. Во-вторых, традиционный человек – это «государственно-зависимый работник нерыночного типа с ярко выраженным эгалитарным сознанием. Он не был заинтересован в получении более высокого дохода за счет интенсивного труда. Ему был достаточен минимум, позволявший сохранять привычный уровень существования» [13; 14]. К этим характеристикам добавляются такие, как мобилизационная культура, т. е. вынужденное вхождение граждан в политику под давлением государства или иных политических структур, патерналистские установки и пр. Их все относят к отрицательным свойствам россиян.

Думается, что подобного рода оценки и попытки противопоставить человека западного мира и россиянина не формируют идеологическую культуру, а, напротив, усугубляют комплекс неполноценности российских граждан.

Содержание идеологии составляют не только установки на формирование определенного типа по-

ведения и политического сознания. Идеология, в ее «классическом» понимании, как правило, предполагает конкретные программы общественно-политического устройства. Не случайно говорят, что если та или иная политическая партия умалчивает о своих программных целях или сводит их к решению сиюминутных задач и проблем, то она не имеет своей идеологии.

В современной России формирование общегосударственной идеологии, к сожалению, конституционно запрещено. Впрочем, есть основания и для оптимизма. В России возможно создание государственной идеологии, которая могла бы консолидировать граждан, мировоззренческие ценности которых на первый взгляд не совпадают, но могут оказаться достаточно близкими друг к другу на основе государственного патриотизма. Победу на выборах В.В. Путину обеспечил электорат центристской ориентации. Внутри этой группы электората есть люди с существенными различиями во взглядах: у одних сильны националистические настроения, у других – социал-демократические, третьи тяготеют к «партии власти», но всех их объединяет нечто общее: они не хотят развала России; в массе своей они – антизападники, патриоты-государственники, мечтают о «сильной руке» и твердой власти, при сохранении элементов демократии и рыночных отношений. Они выступают в качестве сознательных или стихийных сторонников «особого» пути развития России.

Если в составе российского населения возобладают граждане с подобного рода ценностными ориентациями, то, возможно, что в России сформируется гражданская идеология, которая, говоря словами А.А. Зиновьева, будет опираться «на научное понимание опыта реального советского коммунизма, реального западнизма и реальной глобализации» [15]. Но армия долго ждать не может. Воспитание будущих офицеров уже сегодня должно осуществляться на основе корпоративной идеологии государственного патриотизма.

Библиографический список

1. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник для вузов. – М.: Аспект-пресс, 2010. – С. 290-305.
2. Политическая социология: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Юрайт, 2012. – С. 282-288.
3. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. – М.: Академический проект, 2002. – С. 160-164.
4. Кузнецов В.Н. Российская идеология. – М.: Книга-бизнес, 2004. – 551 с.
5. Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Прометей, 2001.
6. Крыштановская О. Вертикальная страна (беседа с Виталием Ярошевским) // Новая газета. – 2004. – 7 октября.
7. Ильичев Г. Родина-мать зовет // Известия. – 2005. – 19 июля.
8. Петровская И. Телевидение вечных ценностей // Известия. – 2005. – 15 июля.
9. Управляемый патриотизм. Мнение редакции // Известия. – 2005. – 19 июля.
10. Мегре В.Н. Новая цивилизация. Ч. 1. – СПб.: Изд-во «Диля», 2005.
11. Россия в глобальном контексте // НГ-сценарии. 2001 – 11 апреля.
12. Володин А.Г. Россия: трудности межстадиального перехода или кризис цивилизации? // Политические исследования. – 2003. – № 5.
13. Мухаев Р.Т. Политология: Учебник для студентов юрид. и гуманитар. фак-тов. – М.: Приор, 1997. – С. 338-339.
14. Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. – 2002. – Т 7. – № 3 – С. 23.
15. Действующие лица (с А.А. Зиновьевым беседовала Елена Липатова) // Литературная газета. – 2003. – 29 октября.

T.L. Lopoukha

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

lopoukha@yandex.ru

IDEOLOGICAL BASIS OF POLITICAL CULTURE OF RUSSIAN ARMY OFFICERS

The article analyzes the problems of ideology and its ideological influence on the culture of society and its social groups. Discusses the possibility of the formation of the uniting Russians ideology and implementation of ideologeme state-Patriotic education. Especially noted the necessity of overcoming the resistance of the liberal community in this task. Liberal ideological discourse must be changed in the education of future officers of the Russian army civil-Patriotic.

Keywords: ideology, ideological culture, patriotic education, political culture, ideology of consolidation the Russians, modern ideological discourse: the liberals and centrists-statists.

А.И. Пальцев

Сибирский институт международных отношений и регионоведения

г. Новосибирск

Palzew@mail.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЕВРАЗИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В статье утверждается, что существующий кризис гражданской идентичности может быть преодолен посредством формирования российской нации на евразийской цивилизационной основе. Евразийский национализм рассматривается как способ активизации гражданского патриотизма этнических сообществ России.

Ключевые слова: кризис гражданской идентичности, евразийский национализм, гражданский патриотизм.

Прошло празднование 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, мы с горечью вынуждены констатировать, что народы некогда единой страны отметили этот праздник каждый в своем отечестве. Причем на волне поражения в «холодной» войне в ряде стран постсоветского пространства к власти пришли реваншистские силы, идеологической основой которых является нацизм и фашизм. В России тоже есть те, для кого предатель генерал Власов является патриотом. Актуальным становится вопрос о том, на какой концептуальной основе могут быть объединены народы России и постсоветского пространства.

Как отмечается в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» в постсоветской России «проявился кризис гражданской идентичности», «произошла замена единой советской идентичности различными, часто конкурирующими формами региональной, этнической и религиозной идентичности» [11].

Анализируя ведущиеся в научном сообществе дискуссии, член-корреспондент РАН, профессор, доктор исторических наук, директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин ставит вопрос о том, является ли извечный спор сторонников разных моделей развития России (неопочвенники – неозападники) свидетельством так и не изжитого ею конфликта идентичности или неотъемлемой чертой ее цивилизационной двуликости («евразийскости»? [6]

Причиной кризиса гражданской идентичности, как мы полагаем, является отсутствие идеологического концепта, разделяемого большинством общества. Сложность формирования общего идеологического концепта, по мнению экспертов, заключается в том, что «Идеи либерализма, социализма, консерватизма... происходят от общего «западного» наследия и потому не могут быть привлекательными для представителей иного культурного происхождения, которые отвергают провозглашенную всеобщность идеалов «левых» и «правых» и ищут признания и уважения... Политика идентичности, связанная с идеями достоинства, признания и аутентичности, заменила или, по крайней мере, уменьшила значимость политики идеологии» [12, 16].

Для России ситуация обостряется тем, что значительная, если не большая часть, российской интеллигенции, занимающей ключевые позиции в средствах массовой информации, идентифицирует себя как европейцев, транслируя свои установки в общественное сознание масс, в то время как население России, особенно за пределами столиц, вполне осознает свою евразийскую основу.

Для полиэтнической, поликонфессиональной страны необходим интегративный проект, снимающий этот кризис на новом уровне. Таким проектом должна стать нация, сформированная на естественных для народов России основаниях. Возникает вопрос о том, каковы эти основания?

Аргументированный ответ на этот вопрос еще в 1927 г. дал Н. Трубецкой.

Рассматривая ситуацию, сложившуюся в России после революции, Н. Трубецкой отмечал: «Нерусские народы бывшей Российской империи приобрели положение, которого они не имели ранее. Русский народ оказался не единственным господствующим, а одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию.

Превосходя все прочие народы своей численностью и имея за собой многовековую традицию государственности, русский народ, естественно, играет и должен играть первую роль среди всех народов государственной территории. Но, это все же уже не хозяин среди домочадцев, а только первый между равными» [10].

Исходя из этого, Н. Трубецкой формулирует следующие выводы:

1. В настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником – совершенно таким же, как всякие украинские, грузинские, азербайджанские и т. д. националисты-сепаратисты.

2. Национальным субстратом образовавшегося государства... может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской.

3. Национализм каждого отдельного народа... должен комбинироваться с национализмом обще-евразийским. Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании. Сообразно с этим должен строиться национализм каждого из этих народов: общеевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино.

Как показывает анализ происходящих дискуссий по обсуждаемым вопросам, выработку единого подхода к российской идентичности затрудняет отсутствие понятийного аппарата одинаково трактуемого членами научного и политического сообщества. Так, например, заместитель руководителя Международного Евразийского Движения – В. Коровин в дискуссии с русским националистом А. Савельевым, председателем партии «Великая Россия», выстраивает следующий концептуальный ряд: великороссы – этнос; русские – культурно-цивилизационный тип народа; евразийцы – нация [4].

Мы полагаем, что это было справедливо для характеристики ситуации начала прошлого века. Сейчас, когда идет формирование украинской и белорусской наций, и они не хотят включать себя в понятие «русские», необходима корректировка категориального аппарата.

При определении категории «этнос» мы исходим из концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, считающего этнос не одним из этапов формирования нации, а дискретной категорией, отличной от понятия «нация», и определяем категорию «этнос» следующим образом: *этнос* – это социокультурная общность людей, объединенных сознанием своего сходства и отличия от других групп, проявляющих активность во взаимоотношениях с другими этносами, природой и социальной средой в соответствии с присущими ей культурными моделями и этническими константами [7, 214].

В свою очередь этнос, в соответствии с концепцией этногенеза Л.Н. Гумилева, входит в суперэтнос. Суперэтнос – это группа этносов, возникших одновременно в одном регионе, проявляющая себя в истории как мозаичная целостность [1]. Суперэтнос, так же как и этнос, отличает один от другого стереотип поведения. Суперэтноты существуют обычно в границах определенных этноландшафтных зон.

Русские дали название российскому суперэтносу, в который, начиная с XIII века, также вошли финно-угорские народы Восточной Европы (карелы, вепсы, зыряне (коми), мордва, удмурты, казанские татары), а также православные украинцы, чуваша [2, 55-56].

Под *нацией* нами понимается надэтническая общность граждан государства, имеющая общие интересы, отстаивающая и реализующая их во взаимоотношениях с международными акторами и локальными социальными общностями внутри государства [8, 42].

В контексте методологических положений Н.С. Трубецкого, определяя *российскую нацию*, мы исходим из того, что это полиэтничная общность граждан России, сформированная на евразийской цивилизационной основе, стержневым народом которой являются русские. Объясняя, почему русский народ является основным стержнем государства, В.В. Кожин утверждает, что «...русские в системе страны – единственный евразийский народ. Русский народ является евразийским народом в силу того, что с самого начала своего существования он серьезно, глубоко контактировал как с европейскими, так и с азиатскими народами. Лишь попав в магнитное поле России, другие народы тоже приобретают евразийские черты» [5, 214-215].

Созвучным такому определению является утверждение В.В. Путина о том, что «самоопределение русского народа – это полиэтничная цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» [9].

Данное определение нации позволяет утверждать, что евразийский национализм несет в себе интеграционный потенциал.

«Евразийский рецепт сводится к тому, – утверждает А. Дугин, – что всех нас спасет только национализм, но не национализм ненависти, не ксенофобия, а национализм любви. Любви к собственным этническим корням и разработка последовательной, гармоничной и стройной государственной этнической политики» [3].

В настоящее время стало использоваться понятие «европейский патриотизм». Так как Европейское сообщество формировалось, прежде всего, как проект экономический, хозяйственный, а не культурный, то понятие «европейский патриотизм» не получило широкого хождения.

Но так как в европейском понимании политическая нация – это общество, состоящее из граждан, индивидуумов, которые объединились на основе политического договора, то понятие «европейский патриотизм» может быть принято. Тем более что в европейском национальном государстве в результате смешения произошла унификация гражданина.

Евразийская концепция нации никакого смешения наций не подразумевает. Вне зависимости от общественной формации соборный способ связи был той основой, которая позволяла сохранять свою самобытность всем народам России.

События последних лет плохо согласуются с идеей «общечеловеческих ценностей». Ретроспективный анализ событий конца прошлого и начала этого века позволяет сказать, что декларация «общечелове-

ческих ценностей» для победителей в «холодной войне» была способом утверждения своей системы ценностей в качестве общечеловеческой. В качестве реакции на это на повестку дня стал вопрос патриотизма. Евразийский национализм есть способ активизации гражданского патриотизма российских этнических обществ.

Библиографический список

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
2. Гумилев Л.Н., Иванов Н.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // СОЦИС. – 1992. – № 1. – С. 50–57.
3. Дугин А. Нас спасет только национализм любви <http://evrazia.org/print.php?id=12> 01.02.2014.
4. Евразийская империя или Республика Русь? / День ТВ. Аналитический онлайн-телеканал <http://www.dentv.ru/content/view/evrazijskaya-imperiya-ili-respublika-rus/>.
5. Кожин В.В. Коренные различия России и Запада: идея против закона. – М.: Алгоритм, 2014. – 304с.
6. Наумкин В. Цивилизации и кризис наций-государств <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Tcivilizatcii-i-krizis-nacii-gosudarstv-16393> 19.02.2014
7. Пальцев А.И. Национальная безопасность: проблемы адекватности категорий как инструмента познания // Гуманитарные науки и образование в Сибири. – 2011. – № 7. – С. 212-216.
8. Пальцев А.И. Системообразующие ценности евразийской (русской) цивилизации // Власть. – 2011. – № 4. – С. 42-46.
9. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января. http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html?print=Y
10. Трубецкой Н. Общевразийский национализм / Николай Трубецкой «Евразийская Хроника», вып. IV. – Прага, 1927. http://eurasia.org/2013/02/24/trubezkoj_eurasian_nationalism/.
11. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)». Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718.
12. Шварцмантель Д. Идеология и политика / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 312 с.

A.I. Paltsev

*The Siberian Institute of International Relations and Regional Studies
Novosibirsk*

Palzew@mail.ru

INTEGRATION POTENTIAL OF EURASIAN NATIONALISM

This article argues that the current crisis of civic identity can be overcome through the formation of the Russian nation on the Eurasian civilizational basis. Eurasian nationalism is viewed as a way to intensify civic patriotism of ethnic communities in Russia.

Keywords: crisis of civic identity, Eurasian nationalism, civic patriotism.

УДК 321

А.И. Пальцев

*Сибирский институт международных отношений и регионоведения
г. Новосибирск*

Palzew@mail.ru

ПОСТГЕНДЕРНЫЙ ПРИНЦИП ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В статье утверждается, что для решения задачи социальной «утилизации лишнего населения планеты», принятой глобальным управляющим классом, необходим особый психологический тип людей. Постгендерный принцип формирования элиты глобальной власти позволяет преодолеть существующий морально-этический порог и сформировать необходимую социально-политическую страту элиты глобальной власти.

Ключевые слова: постгендерный принцип формирования глобальной власти, социальная «утилизация лишнего населения планеты», глобальный управляющий класс.

В 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро человечество попыталось найти солидарный ответ на проблему его дальнейшего существования в условиях критического сокращения невозобновляемых ресурсов планеты. Конференция сделала вывод о том, что путь, которым пришли к своему благополучию развитые страны, невозможен для развивающихся стран. Человечество должно найти другой путь. К выводу о том, что люди должны взять на себя ответственность за условия своего будущего развития, академик В.И. Вернадский пришел еще в начале прошлого столетия.

Руководители стран евро-атлантической цивилизации, полагая, что победа в «холодной войне» позволяет им принимать в расчет только свои геополитические интересы, отняли у человечества перспективу солидарного решения проблемы «устойчивого развития», под которым понимается такая модель, когда удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения достигается без лишения такой возможности будущих поколений [6, 191].

Логика геополитического подхода к решению глобальных проблем современности подвинула победителей в «холодной войне» к искушению пролонгировать существование евро-атлантической цивилизации за счет ресурсов стран, проигравших «холодную войну».

Отказ глобального управляющего класса от перспективы поиска пути выживания всего человечества в условиях сокращения традиционных невозобновляемых ресурсов и принятие в качестве тренда регулирования мировых процессов сокращение численности значительной (большей) части населения планеты лежит в основе установки на решение проблемы в пользу стран, составляющих т. н. «золотой миллиард», и запуск программы социальной «утилизации лишнего населения планеты».

Под глобальным управляющим классом понимается глобальная устойчивая сетевая структура, состоящая из собственников и управленцев, члены которой объединены на основе общности личных интересов и образа жизни, не замкнутых на национально-культурные основы, координирующих свои интересы посредством согласовательных механизмов глобального управления в рамках таких структур как Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия. Термин «золотой миллиард» приобрел широкое хождение на Западе и стал означать население стран «первого мира», входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития – ОЭСР (Organisation for Economic Cooperation and Development – OECD). Сейчас в ней 24 страны Европы и мира [8].

Всем этим изменениям предшествовала трансформация этической системы координат. Смена этической парадигмы, основанной на сакральных ценностях, на систему ценностей, основой которых является выгода, стала возможна в результате перехода доминирующей роли на международной арене от национальных государств к транснациональным корпорациям (ТНК). Из 100 наиболее крупных экономических субъектов на планете 51 является ТНК и лишь 49 – странами. Если государство создается для обеспечения интересов нации, то транснациональные корпорации – для получения прибыли. Мотив выгоды становится доминирующим. Вытеснение индустриальных технологий информационными, политическим следствием которого стала «контрреволюция элит», делает большую часть человечества лишней. Эффективное, с коммерческой точки зрения, развитие общества объективно требует ее эффективной же утилизации – если и не физической, то хотя бы социальной, снижающей до возможного минимума затраты на поддержание их биологического существования.

«Утилизация лишнего населения» осуществляется различными способами. Этому служат программы снижения рождаемости («нулевого роста»), распространение наркотиков, продуктов с генно-модифицированными ингредиентами (ГМИ), заболеваний, к которым человечество не готово, использование экологического оружия, ментального терроризма. Перечень можно продолжить, тем более что средства уничтожения постоянно пополняются.

Принятие решения об «утилизации лишнего населения планеты» определило социальный заказ на постгендерный принцип формирования представителей глобального управляющего класса, способных решить поставленную задачу.

Отделение властной элиты от остального общества происходило различными способами: на основе образа жизни; на этнической и языковой основе; на воспитании своих детей специфическим образом.

В настоящее время осуществляется замена этих социальных цензов более простым и надежным способом – физиологическим.

Гомосексуализм стал одним из инструментов формирования новой элиты, идущей на смену традиционным [4, 105].

Причиной этого стала необходимость особого психологического типа людей, способных преодолеть морально-этический порог. Криминалисты знают, что исключительная жестокость часто связана с гомосексуальностью. Гомосексуалист (имеется в виду социальная, а не биологическая гомосексуальность) – это своего рода предатель. Он предает фундаментальную основу своего естества. И как всякий предатель он ненавидит тех, кто остался верен своему традиционному типу. Для этого типа людей характерен принципиально иной тип мышления, иная, «альтернативная», система ценностей, иная сумма психофизических реакций, иное отношение к природе, обществу и нормальным людям.

Людям, у которых нет детей, внуков, проще принимать решения об утилизации основной массы человечества. Их отношение к детям и внукам иллюстрирует проблема лоббирования интересов педофилов в органах власти, которая была обозначена в выступлении Председателя Следственного комитета России А. Бастрыкина на заседании координационного совета при президенте Российской Федерации по реализации национальной стратегии действий в интересах детей на период с 2012 по 2017 гг. В своем выступлении он заявил: «Складывается такое чувство, что в некоторых органах власти у нас существует такое сильное

противодействие – какое-то лобби или мафия, что позволяет многим насильникам детей не просто получать минимальные сроки, но и уходить от ответственности» [1].

Комитет ООН по правам ребенка призвал российские власти отменить принятый в стране федеральный закон о запрете т. н. «гей-пропаганды» среди несовершеннолетних, отметив, что данный закон провоцирует дискриминацию и даже насилие [9].

Будучи сплоченным сообществом, имеющим опыт конспиративного общения, гомосексуалисты стали достаточно влиятельной силой в России после либеральной революции 1991-1992 гг. Прессслужба президента Ельцина в период, когда ее возглавлял В. Костиков, так и называлась «голубой командой» [10].

Представители российского гей-сообщества входят в систему мирового ЛГБТ (англ. *LGBT*) - сообщества и получают от него мощную поддержку. В июне 2000 г. ПАСЕ после доклада «Положение лесбиянок и геев в государствах – членах Совета Европы» направила в Россию рекомендации узаконить «партнерские связи» гомосексуалистов [7, 73]. Не будучи способными пополнять свою численность биологическим путем, они стремятся размножиться посредством «культурной экспансии» по механизму раковой опухоли, вовлекая в свои ряды новые слои населения.

Принятие гендерных законов странами, входящими в Евросоюз, является своеобразным маркером европейской полноценности. Суть этих законов в отказе от понятия биологического пола, в представлении пола как социального явления, конструируемого самим человеком [3].

Давление идет даже на Президента России. Во время визита В.В. Путина в Нидерланды ему был задан вопрос о защите прав гомосексуалистов в России. На что В.В. Путин ответил, что в Российской Федерации нет никакого ущемления прав сексуальных меньшинств. «Они продвигаются по служебным лестницам, растут по службе. Если они того заслуживают, им вручаются ордена и государственные награды, почетные звания и почетные грамоты. Все это является практикой нашей политической жизни» [5].

Позиция Русской православной церкви определяется следующим положением: «Она считает гомосексуализм греховным повреждением человеческой природы, которое преодолевается в духовном усилии, ведущем к исцелению и личностному возрастанию человека. Гомосексуальные устремления, как и другие страсти, терзающие падшего человека, врачуются Таинствами, молитвой, постом, покаянием, чтением Священного Писания и святоотеческих творений, а также христианским общением с верующими людьми, готовыми оказать духовную поддержку». Позицию Русской Православной Церкви по данному вопросу разделяют все традиционные религиозные общины России [12].

Для внедрения в массовое сознание гомосексуализма в качестве нормы используется методология толерантности и техника под названием «окна Овертона».

С помощью нее любой человеческий порок путем манипуляций общественного сознания узаконивается и становится морально потребным.

Толерантность служит пусковой кнопкой программы «Окна Овертона» и, как следствие, самоликвидации общества. Суть технологии заключается в прохождении пяти стадий: от немыслимого до узаконенного [2].

Шаг № 1. От немыслимого к радикальному. В начале XIX века за однополую любовь можно было заработать смертную казнь или отсидеть полжизни в тюрьме. В середине XIX столетия за близкие отношения с мужчиной известный писатель Оскар Уайльд ограничился несколькими годами тюрьмы и презрением французского общества.

В СССР закон, согласно которому мужеложство квалифицировалось как уголовное преступление, вступил в силу 7 марта 1934 г. Статья за мужеложство предусматривала наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет. В 70-х годах прошлого столетия вслед за американскими психиатрами некоторые ученые в СССР впервые предположили, что гомосексуализм как общественное явление не опасен. Тогда руководство страны никак не отреагировало на предложение научных кругов. Изменение началось во времена Горбачева, а в 1993 г. из УК РФ исключили статьи за мужеложство. Была реализована первая стадия технологии «окна Овертона». Однополая любовь получает право на существование, но сохраняет при этом статус «радикального» феномена.

Шаг № 2. От радикального к приемлемому. На этой стадии путем создания эвфемизма презрительному слову «педераст» (от др.-греч. παις – «дитя», «мальчик», и ραστής – «любящий», т. е. «любящий мальчиков») приходит более нейтральное слово «гей». А фразы «мой знакомый гей» и «мой знакомый педераст» имеют совершенно разную эмоциональную нагрузку.

Шаг № 3. От приемлемого к разумному. В СМИ начали открыто говорить о гомосексуализме: упоминания, курьезы, анекдоты. И говорить так, чтобы в любой, даже самой просвещенной голове, явление прочно закрепилось как вполне разумное и оправданное. Все чаще на страницах газет появляются заметки о гомосексуализме, оценивающие половую инверсию с другой, вполне положительной, стороны.

Шаг № 4. От разумного к популярному. Для легализации гомосексуализма его закрепляют в социальной мысли с помощью поп-контента. В бесконечный поток информации вставляются исторические фак-

ты существования гомосексуализма, начинается процесс его мифологизации, появляются гротескные истории звезд (Фредди Меркури – гей-идол), слагаются стихи и поются песни («Тату»).

Шаг № 5. От популярного к законному. В 1988 г. в среде активистов гей-движения было принято решение 11 октября ежегодно проводить «Национальный день каминг-аута», т. е. гей-парада. После распада СССР в законодательстве России была принята норма, устанавливающая приоритет международного права над национальным. В соответствии с логикой этой нормы сегодня и в нашей стране нужно быть толерантным к секс-меньшинствам.

Произошедший переворот, в результате которого аномалия, взяв на Западе верх, становится новой парадигмой, одобрен Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном. Примечательна в этом отношении его позиция в отношении Кончиты Вурст (псевдоним победителя музыкального конкурса «Евровидение-2014», австрийского певца-травести и гомосексуалиста Томаса Нойвирта). Во время своего официального визита в Австрию в ноябре 2014 г. Пан Ги Мун назвал бородатую певицу «символом прав человека» и даже пошутил, что не прочь познакомиться с ней поближе [11], тем самым признав в качестве нормы то, что было раньше аномалией.

Приведенные факты показывают, что *заказная антикультура в общих чертах уже сформировалась, а ее корректировка будет осуществляться сетью в автоматическом режиме.*

Библиографический список

1. Бастрыкин заявил, что во власти есть педофильское лобби // РБК daily <http://rbcdaily.ru/society/562949987118253> 28.05.2013.
2. Веселова А. Толерантность, Окно Овертона и гомосексуализм // <http://pandoraopen.ru/2015-04-30/tolerantnost-okno-overtona-i-gomoseksualizm/> 30 апреля 2015 г.
3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на круглом столе «Духовность. Нравственность. Закон» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru>.
4. Делягин М. Россия перед лицом истории: конец эпохи национального предательства? – М.: Книжный мир, 2015. – 382 с.
5. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-нидерландских переговоров // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/17850> 8 апреля 2013 года, Амстердам.
6. Итоги конференции ООН по окружающей среде и развитию // Коптюг В.А. Наука спасет человечество. – Новосибирск: Изд. СО РАН НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 191-199.
7. Капицын В.М. Космополитизм – компонент «мягкой силы» и глобального управления // *Обозреватель – Observer*. 2009. № 10. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rau/su/observer/N10_2009/070_078.pdf Дата доступа: 8 февраля 2011 г.
8. Кара-Мурза С. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок // http://patriotica.ru/actual/skara_milliard.html.
9. Комитет ООН по правам ребенка рекомендовал России отменить закон о запрете гей-пропаганды // <http://www.gayrussia.eu/world/8709/> 5 февраля 2014 г.
10. Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие. – М.: Детектив-Пресс, 2004 // http://rusk.com.ru/lib/rf/korzakov-eltsyn.html#ТОС_id2590491
11. Кончита Вурст спела для Пан Ги Муна [Электронный ресурс]. URL: <http://5-tv.ru/news>.
12. Разъяснения председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества относительно позиции Церкви по вопросам пропаганды гомосексуализма и деятельности ЛГБТ-организаций // <http://www.patriarchia.ru/db/print/1619521.html> 10 сентября 2011 г.

A.I. Paltsev

*The Siberian Institute of International Relations and Regional Studies
Novosibirsk*

Palzew@mail.ru

THE POST-GENDER PRINCIPLE OF THE GLOBAL POWER ELITE'S CREATION

The article presents that global ruling class needs a specific psychological type of people to resolve its problem of social «utilization of outsider people of planet». The post-gender principle of the global power elite's creation provides an opportunity to overcome the existing moral ethical barrier and to create a required socio-political stratum of the global power elite.

Keywords: post-gender principle of the global power elite's creation, social «utilization of outsider people of planet», global ruling class.

Масатика Сиотани

Университет Тохоку, Япония

shiotani@cneas.tohoku.ac.jp

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ РОССИИ И КИТАЯ И БУДУЩЕЕ ГЕГЕМОНИИ АМЕРИКИ И ЕВРОПЫ

В статье рассматривается деформация мирового порядка, установленного после Второй мировой войны и закрепившего господство США и Европа. Автором Выявляются факторы, которые определяют изменение этой системы в пользу Китая и России в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Ключевые слова: Бреттон-Вудская система, страны БРИКС, мировая финансовая система, мировая система обеспечения безопасности.

Крах системы управления миром после 1945 г.

В 2015 г. исполнилось 70 лет со времени окончания Второй мировой войны. Державами-победителями в 1944-1945 гг. была выстроена новая система управления миром (применительно к финансово-экономическому сектору ее часто называют Бреттон-Вудской системой). Главными чертами послевоенного мироустройства являются: 1) функционирование Организации Объединенных Наций (ООН), основателями которой явились Великобритания, США, Франция, Китай, СССР; 2) развертывание армии США по всему миру; 3) господствующее положение американского доллара с опорой на Федеральную резервную систему (ФРС), Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк. Эта система управления миром функционировала вполне исправно, хотя и не удалось избежать острых конфликтных ситуаций в мире. После отмены жесткой привязки доллара к золоту в 1973 г. администрацией президента США Р. Никсона, Бреттон-Вудская система, по мнению исследователей, прекратила свое существование. Однако господствующее положение доллара с опорой на Федеральную резервную систему, Международный валютный фонд и Всемирный банк сохранилось. Финансовая политика США фактически продолжает определять основные параметры мировой экономики. Однако, следует отметить следующее: 1) экономика Америки и Европы, хотя и медленно, но растет; 2) рост экономики стран БРИКС превышает рост западных экономик. Это свидетельствует о перемещении центра тяжести мировой экономики.

Временем поворота к новой системе можно считать начало 2000-х гг. В начале XXI в. ускорилась глобализация экономики. Промышленные компании ведущих западных стран переносят свое производство в страны с дешевой рабочей силой, что позволило удерживать низкие цены на товары и гарантировать стабильно высокие прибыли. Причем это относится не только к Китаю, но и к другим странам Юго-Восточной Азии. Аналогичный процесс наблюдается не только в высокотехнологичной промышленности, но и в сфере интеллектуального труда. В Индии наблюдается быстрый рост в сфере информатизации и развитии коммуникаций [1]. Американские компании «Интел» и «Боинг» переместили часть процесса проектирования в Россию. Таким образом, развивающиеся страны получили дополнительные ресурсы для своего развития. Более того, это приводит к сокращению экономического разрыва между передовыми и развивающимися странами. Приведем характерный пример. В 2007 г. разразился экономический кризис, который не смогли преодолеть страны «большой семерки», используя только внутренние ресурсы. Справиться с кризисом они смогли, только расширив формат сотрудничества с другими странами, образовав так называемую «большую двадцатку» (G20).

После Второй мировой войны США стали экономическим локомотивом для многих стран мира. Но после 2000 г. они перестали заботиться о развитии других стран, сосредоточившись на увеличении прибылей собственной страны. Это стало очевидно после событий сентября 2001 г., когда США, воспользовавшись акцией террористов, стали систематически и открыто игнорировать международное право. Если раньше они хотя бы старались заручиться согласием ООН, то теперь они делают это, не соблюдая даже внешних приличий. Поскольку в Совете Безопасности ООН не все страны согласны с политикой США, то они ограничиваются тем, что заручаются поддержкой только тех стран, которые и так поддерживают их, и совершенно игнорируют несогласных. Это приводит к тому, что первый компонент послевоенного мирового порядка подвергается существенной эрозии. К этому следует добавить то, что в сфере международного бизнеса США часто игнорируют таможенные барьеры и протекционистскую политику других стран в интересах собственных компаний. Россия и Китай категорически не соглашаются с этим, что вынуждает США стремиться к созданию нового экономического порядка. Собственно говоря, деятельность АСЕАН и АТЭС как региональных союзов, должна способствовать повышению прибыли стран-участников. Однако Китай и США борются за монопольное право в руководстве этими союзами. Поэтому в последнее время мы наблюдаем как эти страны ведут активную политику в этом направлении.

Контуры нового порядка мира стали обозначаться в 2014 г. Так, БРИКС провел заседание в Бразилии в июле 2014 г. Страны – участники этого союза решили основать Банк БРИКС в Шанхае по аналогии с

Международным валютным фондом и Всемирным Банком для взаимного финансирования стран-участников и других стран. При этом предполагается, что этот Банк будет проводить финансовую политику, независимую от американского доллара, что становится серьезной угрозой для этой международной валюты. На фоне основания этого Банка все теснее становятся отношения между Россией и Китаем. Это закладывает основы нового мирового порядка, который идет на смену существующему.

В ноябре 2014 г. перед заседанием АТЭС в Пекине Россия заключила с Китаем договор об экспорте газа в Китай на срок до 30 лет. При этом страны договорились осуществлять взаимные расчеты без использования доллара. Это вызвало негативную реакцию США, отчетливо понимающих к каким последствиям это может привести.

Следующим ростком нового мирового порядка является основание Китаем в марте 2015 г. Азиатского инфраструктурного инвестиционного банка. США призвали бойкотировать действия созданного банка, но к их призыву присоединились только Япония и Канада. Хотя специалистами высказывается опасение относительного успешности функционирования Азиатского инфраструктурного инвестиционного банка, но сам факт попыток создания финансовой системы без участия США весьма показателен. Это явственно свидетельствует об ослаблении роли США.

Система управления миром включает не только финансовую систему, но и систему обеспечения военной безопасности (система военных союзов). Та система обеспечения безопасности, которой руководят США, по-прежнему остается самой могущественной военной системой. Но параллельно создается система обеспечения безопасности на базе Шанхайской организации сотрудничества при руководящей роли России и Китая. Если они продолжают развивать эту организацию и усилят ее военную составляющую, то Шанхайская организация сотрудничества вполне сможет соперничать с НАТО, т. е. той системой безопасности, которой руководят США. Таким образом, в начале XXI в. мы отчетливо наблюдаем, что США и Европа ведут борьбу с Россией и Китаем за ведущую роль в установлении нового мирового порядка.

Однако, все отмеченное нами относится пока к краткосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе можно предполагать, что центр тяжести мировой экономики переместится от США и Европы к «Внутренней Евразии». Почти полвека назад японский ученый Тадао Умесао написал статью «Экологическое понимание истории цивилизации». В ней он разделил Евразию на первый (Европа и Япония) и второй (Китай, Россия, Индия и исламский мир) регионы [2]. Теперь мы фиксируем то обстоятельство, что происходит ослабление первого региона и усиление роли и значения второго. Это означает, что «Эпоха Моря» (доминирование Европы и США), которая началась с XVI в., заканчивается и восстанавливается «Эпоха Суши» (доминирование Евразии) [3]. В заключение хотелось бы отметить, что процветание «Эпохи Моря» базировалось на эффективном использовании достижений европейской науки и технологий.

Отношение между Сушей (Евразия) и Морем (Европа и Америка) в прошлом и настоящем

Недавно я опубликовал книгу «Развитие хлопчатобумажной промышленности в России» [4]. В ней указывается, что континентальная Европа не обладала богатыми природными ресурсами по сравнению со старыми очагами цивилизации. Например, выращивание хлопка возможно в Западной Азии, Индии и Китае, но проблематично в Европе. Выращивание специй тоже возможно в Индии и Юго-Восточной Азии, но затруднено в Европе. Поэтому Европа всегда стремилась к азиатским товарам. Сперва Европа получала товары из Азии при помощи морской торговли. Типичный пример – Восточно-Индийская компания, занимавшаяся импортом товаров со Среднего Востока. Затем Европа стала развивать науку, технологии и преодолела природные ограничения. Если взять в качестве примера хлопчатобумажную промышленность, то мы увидим, что Европа активно использовала паровую машину как движущую силу, достижения химии для производства красок, чем и повысила производительность труда и качество хлопчатобумажной продукции. Позднее Европа и вовсе перешла к искусственным красителям и искусственным волокнам.

В Китае и странах ислама наука также развивалась, но свое практическое применение достижения этой науки находили в Европе. Можно выделить следующие причины этого явления: 1) единообразие мышления на всем земном шаре; 2) уважительное отношение к эксперименту; 3) свобода мышления в сфере науки. Для того чтобы установить факт, что закон тяготения и другие законы физики одинаковы на всем земном шаре, необходимо абстрагироваться от конкретных явлений природы и искать определенное соотношение между некоторыми факторами. Европейское богословие тоже оказало влияние на развитие научного мышления [5]. Так, Уатт при изобретении паровой машины работал в той среде, в которой инженеры свободно обсуждали с учеными научные проблемы на равном уровне, что способствовало развитию и тех и других, а подтверждение научных абстракций конкретными технологиями стало важнейшим в развитии науки и техники. Посредством науки, техники и морской торговли Европа смогла получать тот продукт, который изначально в самой Европе отсутствовал.

После того, как в Европе началась индустриализация, производительность труда резко повысилась. Применение нефтепродуктов усилило производительные силы Европы. Это в свою очередь увеличило экономическое богатство европейских стран. Но в то же время усилило их военное преимущество за счет

изобретения ядовитых газов и ракет. Изобретение средств передачи информации и коммуникаций (например, телеграфа) усилило эффективность управления отдаленными регионами (колониями) [6]. Европейские страны импортировали энергетические ресурсы из других стран, но получали большую прибыль за счет того, что экспортировали в эти же страны промышленные товары с высокой добавочной стоимостью. Характерно, что этот механизм работает, когда Европа получает выгоду. Это ведет к тому, что производительность труда в европейских странах непрерывно повышается, при сохранении сравнительно низкой цены на энергоресурсы. Если разрушить это соотношение, то процветание развитых стран закончится.

Именно это мы и наблюдаем с начала XXI в. Капиталы стало выгоднее инвестировать в развивающиеся страны. Это происходит в совокупности с развертыванием мирового разделения труда в пользу тех же развивающихся стран. Поэтому многие передовые страны стали организовывать новое производство в развивающихся странах. Экпортируя товары из развивающихся стран на мировой рынок, они продают их на рынках развитых стран. Одновременно стала расти цена энергетических ресурсов. Раньше передовые страны импортировали дешевые энергоресурсы для развития собственной экономики. Но с начала XXI в. цена ресурсов растет быстрее цены других товаров. Это изменение ценообразования негативным образом сказалось на экономике развитых стран [7]. В итоге передовые страны были вынуждены пересмотреть структуру занятости, сокращая постоянную занятость. Но и это уже не помогает снижать издержки производства в развитых странах.

Преимущество торговли готовыми изделиями при экспорте энергетических ресурсов уже во многом утрачено развитыми странами Запада. Одновременно усиливается преимущество развивающихся стран, в которые переносится производство высокотехнологических товаров. Это свидетельствует о перемещении центра экономического развития из США и Европы в развивающиеся страны. Во второй половине 2014 г. цена нефти на мировом рынке непрерывно снижалась, что привело к падению доходов России от ее продажи. Но данная тенденция может оказаться краткосрочной, поскольку Саудовская Аравия не сможет сдерживать снабжение нефтью развитых стран. Сейчас она, игнорируя баланс производства и спроса, добывает нефть опережающими темпами. Саудовская Аравия старается «придержать» цену на нефть на мировом рынке, ударив конкурентов, в т. ч. добывающие сланцевую нефть США и другие нефтедобывающие страны, кроме государств-членов ОПЕК.

Россия и Китай создают новый мировой порядок

В настоящее время Россия и Китай создают новый мировой порядок, при котором лидерство США и Европы будет поставлено под сомнение. Шагом в этом направлении стало учреждение Банка БРИКС в Шанхае и Азиатского инфраструктурного инвестиционного банка в Пекине [8]. Новые международные финансовые организации, которыми будут руководить Китай и Россия, неизбежно будут ослаблять существующую в современном мире финансовую систему и господство американского доллара. Новая международная финансовая система не будет сознательно отказываться от американского доллара, но она будет использовать корзину валют развивающихся стран, в том числе китайского юаня и российского рубля. Если безраздельному господству доллара придет конец, то это ударит не только по США, но и по Европе и Японии. Поэтому США будут препятствовать становлению новой финансовой системы всеми доступными им методами, вплоть до развязывания войны с Россией и Китаем (в союзе с Европой и Японией).

Система управления миром состоит из международной финансовой системы и системы обеспечения безопасности. Развивающиеся страны, в т. ч. Россия и Китай, уже приступили к созданию новой финансовой системы вместо существующей сегодня. Логично предположить, что они начнут выстраивать и новую систему обеспечения безопасности. Однако, с точки зрения долгосрочных перспектив, изменение мирового порядка зависит от степени развития наук и технологий в Китае и России. Исторически доминирование Запада в этих областях являлось базой господства США и Европы. Наукоемкие технологии имеют значение не только для развития экономики, но и для развития военной сферы жизни общества. Россия владеет технологиями расщепления атомного ядра и космическими технологиями еще со времен существования СССР. Китай тоже имеет подобные технологии. Это свидетельствует о том, что Китай и Россия в будущем способны создать широкий диапазон передовых технологий гражданского, двойного и военного назначения (система управления машинами со спутника, беспилотные летательные аппараты, автомобиль с искусственным интеллектом, искусственное выращивание органов человеческого тела, робототехника, производство эффективных лекарств и пр.). Пока еще США и Европа сохраняют научное и технологическое лидерство, многие западные технологии не имеют китайских и российских аналогов. Поэтому России и Китаю необходимо продвигать фундаментальные исследования и коммерциализацию технологий значительно интенсивнее, чем это было ранее, чтобы сравняться с США и ведущими странами Европы. Если этого не произойдет, то намечившаяся тенденция формирования нового мирового порядка может прерваться, и мир снова вернется к привычной системе управления во главе с США и Европой.

Следует отметить, что складывающийся союз Китая и России вовсе не такой крепкий, как может показаться на первый взгляд. Исторически многие конфликты имели место именно в отношениях между

Россией и Китаем. Нельзя сказать и об укреплении взаимного доверия между этими странами. И лишь в случае появления общего врага союз России и Китая будет более прочным. В настоящее время такой враг есть – это США. Военный конфликт между Россией, Китаем и США пока не начался, но между ними идет острое соперничество в политической, финансовой, информационной и других сферах [9]. Можно сказать, что между Россией, Китаем и США идет своего рода «холодная война». Но одновременно наблюдается такая же «холодная война» между США и Европой. Если противостояние США с Китаем и Россией продолжится, то союз между Китаем и Россией только укрепится. Но окончание «холодной войны» может привести к распаду союза Китая и России.

Сейчас Китай и Россия создают новый мировой порядок. Он активно поддерживается многими развивающимися странами. И даже если союз между Китаем и Россией ослабнет, то новая система уже установится и сможет функционировать в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Friedman T.L. The World is Flat: a brief history of the twenty-first century, Farrar, Straus and Giroux, 2005.
2. Tadao, Umesao, Bunmei no seitai sikan, Tokyo, 1967.
3. Frank A.G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age, University California Press, 1998.
4. Masachika SHIOTANI, The Development of the Cotton Industry in Russia: Russian Printed Cotton and Asian Merchants (in Japanese), Tokyo, 2014.
5. Henry J. The Scientific Revolution and the Origins of Modern Science, Palgrave Macmillan, 1997.
6. Headrick D.R. The Invisible Weapon: Telecommunications and International Politics 1851-1945, Oxford University Press, 1991.
7. Kazuo MIZUNO, Owarinaki kiki kimiha Globalization no sinjitsu wo mitaka, Tokyo, 2011.
8. Rickards J. The Death of Money: The Coming Collapse of the International Monetary System, Penguin Random House Company, 2014.
9. Katsusa M. The Colder War: How the Global Energy Trade slipped from America's Grasp, John Wiley & Sons, 2015.

Masachika Shiotani

Tohoku university, Tokio, Japan

shiotani@cneas.tohoku.ac.jp

ECONOMIC RECOVERY OF RUSSIA AND CHINA AND THE FUTURE OF HEGEMONY OF AMERICA AND EUROPE

The article deals with the deformation of the world order established after World War II and established the dominance of the US and Europe. The author reveals the factors that determine the change of the system in favor of China and Russia in the short and long term.

Keywords: Bretton Woods system, BRICS countries, global financial system, global security system.

УДК 316

В.В. Собольников

*Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск*

vsobolnikovis@gmail.com

МЕСТО И РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СТРАТЕГИИ ВЕДЕНИЯ «ГИБРИДНЫХ» ВОЙН НАТО

В статье обосновывается место и роль психологического воздействия в стратегии Северо-Атлантического альянса в современных гибридных войнах. Определены сущность и содержание психологического инструментария, а также средств по трансформации менталитета противника и формированию поведенческих изменений, связанных с порождением деструктивных социальных явлений. Показано влияние психологических операций на деформацию массового сознания. На основе анализа целей и задач ведения «гибридных войн» установлен переход НАТО на более высокий уровень воздействия и перенесение ими деятельности на ментальный и поведенческий уровни. Определены тенденции парадигмы совершенствования психологической составляющей в современном гибридном мире и обоснована необходимость организации системы противодействия.

Ключевые слова: психологическое воздействие, «гибридная война», менталитет, поведение, смыслы, «невоенные операции», манипулирование.

Глобальные процессы, стремительно изменяющие мир, настоятельно требуют разработки новых методологических подходов, концепций выживания и обретения устойчивого развития [17]. Процесс исчерпа-

ния жизненно важных ресурсов не остановить, а переход на новые энергетические источники остается весьма проблематичным. Фактор стабильности и обеспечения «прав человека» повсеместно трансформируется в эпоху неуправляемого хаоса, катаклизмов, масштабных потрясений и т. д. В результате, именно война с ее составляющими (экономическая, психологическая, информационная и др.) становится средством решения геополитических проблем. Не случайно за последние 50 лет зафиксировано более 30 средних и около 400 малых войн, которыми было охвачено не меньше стран, чем за время Второй мировой войны. При этом потери составили свыше 40 млн. человек. Ресурсный дефицит подталкивает в этих условиях ведущие страны к проведению нового типа войн – «гибридных войн», системообразующей составляющей которых становится психологическая (ментальная, поведенческая, смысловая и т. д.) компонента. Вместе с тем, несмотря на наличие имеющихся разработок, сохраняется дефицит комплексных системных исследований в этой области, что актуализирует проблему исследования гибридных войн через призму психологии.

Анализ зарубежной литературы [1; 2; 6-7; 12; 21-28 и др.] убеждает, что военными экспертами армии США начиная с 2006 г. используются понятие «гибридные угрозы» (hybrid threats) и близкое к нему понятие «гибридная война» (hybrid war) для обозначения форм ведения боевых действий отличных от ранее имевших место войн. Одним из вариантов их реализации является, например, технология «оранжевых революций». Использование массовых манипулятивных психотехнологий, применение направленного информационного воздействия на массовое сознание людей с учетом их этнопсихологических, гендерных, психолого-возрастных и других особенностей, а также этнокультурного кода [6; 18 и др.] позволили породить хаос на Украине. Одновременно достаточно эффективно удалось интегрировать деструктивные образы (С. Бандера, Р. Шухевич и др.), героизируя их, сформировать состояние когнитивного диссонанса и обеспечить подмену когнитивной карты сознания определенной части населения. В результате, у жителей Украины стали фиксироваться факты проявления фрагментов архаичного сознания, порождающие массовое деструктивное поведение. Следует признать, что запрограммированность организаторами процесса формирования архаичных форм общественного сознания и массового деструктивного поведения в условиях хаоса очевидна, и, по сути, эффективна. По этой причине возникает потребность теоретического осмысления зарубежного опыта использования психологического воздействия в условиях ведения «гибридных войн».

В работах [1-5; 10-11; 20-27 и др.] по проблемам ведения «гибридных войн» не обнаруживается четкой дефиниции этого феномена, поскольку авторами дается разное толкование, а сущность раскрывается в так называемом «размывании» очертаний военного конфликта и вовлечении в него невоенных средств [25]. К числу признаков проявления «гибридных войн» большинство исследователей относят то, что они не объявляются, поскольку являются продолжением политики иными средствами в определенных целях, где в борьбе участвуют армия и гражданское население во всех сферах деятельности (информационной, пропагандистской, Интернете и т. д.). Видимо теоретической основой ведения «гибридных войн» является «сетевая концепция» (англ. Network-centric warfare) концепция, разработчиками которой являются США. Американскими специалистами при ее разработке не отрицается факт использования идей военного теоретика и практика Н.В. Огаркова, начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР (1977-1984) [6]. Сетевизм, по образному выражению В.А. Рыжова, представляет собой «управление сложностью», что и составляет сущность данного феномена [13].

Концепция «гибридных войн», по мнению американских экспертов [1; 5-6; 22-25 и др.], выражается в одновременном и комбинированном применении разнородных средств, что позволяет достичь асимметричного превосходства по всем направлениям. Так, например, нейтрализация гибридных угроз, по их мнению, возможна как при противодействии регулярным формированиям противника, так и с целью нейтрализации партизанского движения. Именно в последнем случае осуществляются так называемые «невоенные операции» («operations other than war»). Основная проблема при отражении «гибридных угроз» состоит, полагают они, в организации процесса эффективного планирования распределения ресурсов. Очевидно проявление «гибридной» угрозы должно стать объединяющим для групп, отстаивающих и обосновывающих отличные варианты [21]. В целом такое поведение экспертов совпадает с существующими оценками дальнейшего развития военно-политической обстановки в мире, согласно которым воздействие глобального финансово-экономического кризиса повлечет за собой и эскалацию целого ряда конфликтов, а также зарождение потенциально новых.

История военного искусства открывает нам основные положения, имеющие вероятностную связь с принципами ведения и психологической природой «гибридных войн». Так, в китайской книге «Тридцать шесть стратагем» раскрываются секреты победы над любым противником и в любых обстоятельствах, поскольку стратагемы представляют собой стратегию войны, манипуляций и обмана [19]. Наиболее общую характеристику войн можно обнаружить у известного немецкого военного стратега К. Клаузевица. В частности, война им трактуется как «столкновение значительных интересов», «кровавое разрешение кризиса», «продолжение политики иными средствами» (иными – не только военными), «актом насилия, имеющим целью заставить противника выполнить нашу волю», «делом опасным, непредсказуемым», «настоящим хамелеоном» [8]. Исторический контекст убеждает в том, что война представляет сложное, комплексное и интегральное явление.

ние. Постепенно широкомасштабные межгосударственные конфликты, ставшие самоубийственными и слишком дорогостоящими, отходят на задний план, а их место занимают малые войны и конфликты низкой интенсивности. Современная война все чаще маскируется под мир, с неявными формами, но, как и прежде, остается опасной, слабо предвиденной и скрытой, а главное – все более провокационной, грязной с использованием специальных технологий.

Очевидно, что многие «новые» тенденции «гибридных войн» просматриваются в далеком прошлом (средневековье, начало и середина прошлого столетия и т. д.). Например, отечественный военный теоретик А.Н. Свечин обосновал цельную и гибкую систему организации и ведения будущих конфликтов, проведя при этом определенную классификацию многочисленных «фронтов ведения войны». Так, подготовку и организацию «вооруженной» борьбы предлагалось вести на политическом, дипломатическом, экономическом (вплоть до создания «генштаба по экономике»), внутреннем (безопасность тыла) фронтах, в целях подрыва духа противника [14, 49-67]. Другим военным теоретиком А.Н. Снесаревым высказывалась мысль о необходимости заполнения промежутков между боевыми действиями «невоенными специальными операциями». При выполнении последних предполагалась «стратегия работы не мечом, а другими средствами, хотя бы и чужими: агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т. п.» [15].

Особый интерес представляют теоретические воззрения русского военного теоретика Е.Э. Месснера, которым будущая «гибридная война» воспринималась как «психологическая, низменная, ожесточенная, апокалиптическая, когда воюют явно и тайно, непрерывно или при удобном случае». По своему характеру война, утверждал он, «универсальна, по причине использования всеми оружия разрушения». Воюют регулярным войском, лишившимся военной монополии, и иррегулярной силой, ставшей мощным фактором войны с использованием партизан, диверсантов, террористов, пропагандистов и саботеров. При этом считал необходимым применять необычное оружие, такое, как «агрессо-дипломатия, нефте-оружие, оружие-порнография, оружие-наркотики, оружие – промывание мозгов. Террор и партизанское движение становятся главным оружием в этой войне. Террор – это война, это военная стратегия... Террор становится безграничным» [16]. Им была выдвинута идея подготовки и реализации «мятежевойны», выбор которой, полагал он, весьма труден вследствие обилия целей и различия удельного веса (психологических, материальных и т. д.) используемых средств. Разработанная им иерархия целей такой войны: а) развал морали вражеского народа; б) разгром его активной части (воинства, партизанства, борющихся народных движений); в) захват или уничтожение объектов психологической ценности; г) захват или уничтожение объектов материальной ценности; д) эффекты внешнего порядка ради приобретения новых союзников, потрясения духа союзников врага дает нам более полное представление о будущей войне.

Одновременно Е.Э. Месснер ратовал за: а) сохранение морали своего народа; б) сбережение активной, воюющей силы; в) сохранение психологически или жизненно необходимых объектов и г) избегание всего, что даст неблагоприятный отклик в государствах нейтральных, но для нас интересных [16]. Такого рода стратегия, справедливо полагал он, не позволит психологически «сбить его [т. е. народ – прим. авт.] с идейных позиций, внести в его душу смущение и смятение, одновременно уверит в непобедимости наших идей. Средством для достижения этого служит пропаганда».

Таким образом, теоретическая проработка ведения такого рода войн получила развитие в первую четверть 20 века, а в последующем имела и свое практическое применение. Наиболее яркими из общего числа стали проведение ряда операций по введению войск и оккупации территорий Судет, Австрии и др. стран Германией, а Тешинской области Польшей. Вместе с тем большинство западных исследователей утверждает, что «нетрадиционные войны» получили распространение только после Второй мировой войны [25]. Анализ имеющейся литературы позволяет из числа современных исследователей «гибридных войн» выделить Фрэнка Хоффмана (США). Так, в опубликованной им в апреле 2009 г. в издании «Strategic Forum» № 240 Института национальных стратегических исследований Национального университета обороны США статье «Гибридные угрозы» были изложены некоторые подходы к пониманию данного феномена. Будущие конфликты, полагает он, будут мультимодальными и многовариантными и проведение их будет различным, что в целом отвечает концепции «гибридной войны» [20]. При этом «гибридную угрозу» можно рассматривать как значимый ключевой пункт по развитию военной операции. При столкновении противник будет инициировать уникальную комбинацию угроз, использовать одновременно все формы войны посредством «включения» различных режимов их ведения (стандартное вооружение, нерегулярные тактики и формирования, террористические акты и криминальный беспредел). При затяжном характере конфликта, уточняет Ф. Хоффман, противник будет, имея доступ к современному военному потенциалу, включать секретные командные системы, использовать переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) и другие современные системы, а также координировать свои действия с партизанским движением по организации засад, взрывов и терактов. Возможно также использование высокотехнологических средств, например, противоспутниковых средств защиты от терроризма, финансовые кибервойны [21] и т. д. Очевидно, заключает Хоффман, будущие гибридные противники могут использовать различные комбинации методов и глубоко асимметричных средств по причине доказанной их эффективности.

Следует заметить, что концепция «размывания способов ведения войны» составляет подтекст Национальной стратегии обороны США, где будущие угрозы могут быть охарактеризованы как «гибридное» сочетание традиционных и нерегулярных тактик, участие негосударственных акторов, с использованием одновременно простых и сложных технологий в инновационных направлениях [26]. «Концепция гибридной войны» США использовали в ряде стран (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Украина и др.), где зафиксировано участие при проведении специальных операций ряда частных военных компаний, например, «Хе Services LLC (Blackwater)». Следовательно, концептуальная модель «гибридных войн» фактически не только внедрена в военную доктрину США и их партнеров по НАТО, но и реализуется на практике.

Ранее указывалось, что понятие «гибридные войны» в имеющейся литературе концептуального освещения не получило. Так, одни авторы считают, что «гибридная война» – это смешение классического типа войны с использованием нерегулярных военных формирований. «Государство, которое ведет «гибридную войну», реализует договор с негосударственными исполнителями – боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми полностью отрицается. Эти исполнители могут делать такие вещи, которые само государство делать не может... Вся грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований» [5]. Другие – как лучшее решение современных конфликтов, включающих в себя комбинацию партизанской и гражданской войн, а также мятежа и терроризма [24]. Третьи воспринимают, как «современный вид партизанской войны», который «объединяет современные технологии и современные методы мобилизации», а также использование «гибридных военнослужащих», находящихся на конспиративной основе среди гражданского населения [6]. Некоторые исследователи, раскрывая природу гибридной войны, отмечают отсутствие различий между чисто конвенциональной и типично нерегулярной войной [22], а другие – выделяют гибридную угрозу, формируемую противником одновременно в сочетании обычного вооружения, нерегулярной тактики, актов терроризма и т. д., для достижения политических целей [20].

В специальной литературе обнаруживается ряд и других дефиниций, которые, по существу, также представлены в абстрактном виде, функционирующих в общественном сознании и страдающих односторонностью. Не случайно, 19 февраля 2015 г. на экспертном круглом столе: «Гибридная война: проблемы и перспективы постконфликтного урегулирования» Ю. Балувеский, начальник Генерального штаба ВС РФ (2004-2008), подтвердил наличие разных трактовок данного понятия. При этом подчеркнул, что, по причине деградации военного искусства, наукой данный феномен не проработан и поэтому в научном обороте присутствуют различные названия, например, «сетевая» и «кибервойна», а теперь и «гибридная война». Последняя, полагает он, с помощью различных средств и современных информационных, коммуникационных и социально-психологических технологий направлена на переформатирование населения стран неугодных Северо-Атлантическому блоку через процесс хаотизации [4; 18; 27 и др.]. При этом новым специфическим и значительно усложняющим процесс фактором становится тесное переплетение (вплоть до слияния) в зоне конфликта интересов государственных субъектов, сетевых повстанческих и террористических организаций и транснациональной организованной и миграционной преступности [26]. Геноцид, организованная преступность, терроризм, торговля оружием, людьми, наркотиками, средствами массового поражения, межнациональная и межконфессиональная напряженность становятся причиной затягивания по времени вооруженных конфликтов. Новые информационные и технологические возможности позволяют делать это более эффективно, глубже поражая ментальную основу противника, населения страны и международной общественности [10].

Раскрывая разные аспекты «гибридных войн», Ю. Балувеский выделил значимую составляющую – психологическую и проблемы, связанные с психологическим воздействием и возможностью глубокого поражения ментальной основы населения и его переформатирования. Системно интегрированная в различные ее компоненты (экономическую, политическую, дипломатическую, информационную, кибернетическую, террористическую, симуляционную и т. д.) психологическая компонента способствует достижению различных целей. Поэтому на методологическом уровне теория психологического воздействия выступает в качестве стержневой и одновременно системообразующей категории, которая во многом определяет целевую перспективу «гибридных войн». При этом прикладной потенциал возможностей наполняется выявленными в психологии дееспособными парадигмами, методами и психотехнологиями, эффективно применяемыми в социальной практике. Именно на основе теории психологического воздействия, формируется фундамент подлинного воссоединения научной мысли и «живой» практики. Применительно к конкретным условиям можно воспринимать психологическое воздействие как психологическую войну и самостоятельный инструмент. В.Г. Крысько предлагает специальный термин «психологическая война» как «совокупность различных форм, методов и средств воздействия на людей с целью изменения в желаемом направлении их психологических характеристик (взглядов, мнений, ценностных ориентаций, настроений, мотивов, установок, стереотипов поведения), а также групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом» [9, 8].

Термин «психологическая война», а следовательно, и психологическое воздействие применительно к «гибридности» может иметь отношение: а) к боевой обстановке и условиям; б) к стратегии и тактике противника; в) к типу сил, которые создают и поддерживают проведение психологических операций. Именно в рам-

ках этого процесса раскрывается операциональное его определение и системообразующая природа психологического воздействия как системного явления. Здесь структурно-функциональная модель процесса психологического воздействия, воспринимаемая в пространственно-временной упорядоченности элементов определенного множества, составляет структурный уровень определенного психологического содержания, обеспечивающий процесс воздействия [18, 15-17]. При этом в рамках общей стратегии психологического воздействия просматривается возможность реализации ряда следующих парадигм: «императивная» парадигма, «манипулятивная» парадигма и «развивающая» парадигма. Поэтому в «гибридном» понимании психологическое воздействие предстает как многомерное и сложное системное явление. Системный анализ психологического воздействия как явления раскрывает его как многоуровневый и многокачественный процесс детерминации и регуляции (саморегуляции) функциональных систем и состояний организма на всех уровнях целостной психической организации человека. При воздействии специальных органов на человека, группу лиц оказывается целенаправленное влияние специально-психологическими, экологическими, социальными, культурологическими и др. средствами. Данный процесс запускает межуровневые и внутриуровневые механизмы настройки различных контуров внутренней системы психического регулирования, которые составляют функциональную архитектуру (от неосознаваемых форм сенсорно-перцептивных и эмоциональных процессов до высших форм сознательной регуляции деятельности и поведения субъекта). В этой связи каждый из условно выделенных классов влияний на человека определяет особенности конкретной формы психической трансформации сознания и поведения человека.

В настоящее время у западных государств имеются специальные органы по ведению психологической войны, которые носят наименования подразделений «психологических операций» (США, Великобритания, Южная Корея), «информационных операций» (Канада), «оперативной информации» (ФРГ), «психологического обеспечения» (Израиль), «психологической обороны» (Швеция), «психологических действий» (Польша), «психологической войны» (Турция) и т. д. Более того, в 2014 г. в Латвии начал функционировать Центр стратегических коммуникаций НАТО (NATO Strategic Communications Centre of Excellence), среди задач которого наиболее значимыми являются вопросы ведения «гибридных войн». Глобальные масштабы современного кризиса высветили актуальность психологического измерения «гибридного» противодействия. Анализ опыта применения несиловых средств решения политических и военных конфликтов в течение последних десятилетий показал высокую эффективность целенаправленного психологического воздействия (психологическое давление, незаметное проникновение в сознание, массивное распространение слухов и сплетен, скрытое нарушение и искажение законов логики и т. д.) на их участников. По оценке западных экспертов, стало возможным управление общественным мнением вплоть до изменения системы ценностей населения [3; 7; 12 и др.]. Так, например, манипуляции информацией могут в значительной степени трансформировать психологический комплекс человека – самый уязвимый, и привести к кардинальному изменению восприятия и поведения избранных (целевых) аудиторий [27, 15]. В результате достижение информационного превосходства над противником стало рассматриваться зарубежными экспертами в качестве важнейшего фактора достижения победы в «гибридной войне».

В новых условиях руководство НАТО коренным образом пересмотрело взгляды на традиционные способы, методы и формы информационно-психологической борьбы [26]. Вместо традиционных терминов «информационная война» и «психологическая борьба» были введены в оборот более точные интегрированные понятия «информационно-психологическое воздействие», «информационно-психологические операции», «ментальные» и «поведенческие» средства. Так, ментальные средства, обеспечивая борьбу за умы, ценности, установки и т.п., приводят к изменению массового, группового и индивидуального сознания или психики. Возможности поведенческих средств разрабатываются на стыке психологических и поведенческих наук и жизненных ситуаций. Однако, в основе лежит манипулирование социумом, с учетом биографий, этнокультурной среды, с алгоритмами поведения, привычками, стереотипами деятельности и т. п. Это связано с повышением роли психологической компоненты в «гибридных войнах» и значительным расширением использования психологических операций на основе технологий психологического воздействия. Это нашло отражение в новой концепции стратегической пропаганды (Strategic Communications) [28], разработанной на основе «всеобъемлющего (комплексного) подхода».

В целях достижения глобальных целей альянс в «гибридной» деятельности использует психологические операции, проводимые политическими и военными органами НАТО. Их проведение связано с решением главных взаимосвязанных задач: трансформация сознания и формирование требуемой линии поведения целевых аудиторий (Influence Activity); защита собственной информации (Information Protection Activity); дезорганизация системы управления противника (Counter Command Activity). Особое внимание при их решении уделяется доведению специально подготовленной информации до военнослужащих противника и находящегося под их контролем гражданского населения. Поэтому внедрение современных социально-психологических и информационных технологий, а также расширение взаимодействия военных и гражданских информационно-пропагандистских структур выводит НАТО на качественно новый уровень массивного дезинтеграционного воздействия. Их решение реализуется в различных формах информационно-психологического воздей-

ствия: а) проведение психологических операций (Psychological Operations); б) ведение контрпропаганды (Counter-Propaganda); в) оперативная маскировка (Operations Security); г) введение противника в заблуждение / дезинформация (Deception); д) организация радиоэлектронной борьбы – РЭБ (Electronic Warfare); е) обеспечение безопасности своей информации (Information Security); ж) проведение кибер-операций (Computer Network Operations); з) содействие выводу из строя объектов информационной инфраструктуры противника (Physical Destruction).

Для понимания важности вышеприведенных форм рассмотрим ряд представляющих наибольший интерес. Так, введение альянсом противника в заблуждение предполагает оказание управляемого информационно-психологического воздействия на командно-штабные структуры и спецслужбы. Такие операции проводятся на основе сбора, анализа и распределения информации и разработки дезинформационных материалов. Мероприятия по ним проводятся под непосредственным руководством командующего группировкой войск (сил), позволяют, по мнению зарубежных специалистов, упредить противника в принятии решений и поведении. Другой, не менее значимой формой, является оперативная маскировка как вариант введения противника в заблуждение. Она включает комплекс информационных и организационно-технических мероприятий по дезориентации его разведывательных органов с целью обеспечения скрытности действий своих войск (сил). При этом применяются такие способы воздействия на целевую аудиторию, как дезинформация, имитация реальных действий специально выделенных формирований, демонстрация ложных разведпризнаков деятельности войск (объектов), обеспечение скрытности проводимых оперативных мероприятий и т. д. В числе эффективных форм значится и контрпропаганда, где реализуются комплексные усилия информационных и психологических операций по снижению влияния и нейтрализации информационно-психологических мероприятий противника. Контрпропаганда достигается путем вскрытия планов противостоящей стороны по воздействию на вооруженные силы и население стран НАТО и их партнеров, организации противодействия враждебным пропагандистским акциям и согласования коалиционной деятельности в данном направлении. Классификация такого рода акций осуществляется в зависимости от степени закрытости источников распространяемой информации. Так, например, «черная» контрпропаганда содержит ссылки на вымышленные или неустановленные источники, «серая» контрпропаганда умышленно скрывает происхождение информации, а в «белой» контрпропаганде используются сообщения известных, признанных или принадлежащих к аккредитованным агентствам авторов. В результате комплексного подхода при использовании форм информационно-психологического воздействия гибридные войны обеспечивают синергический эффект.

Большинство военных аналитиков и западных экспертов достаточно высоко оценивают эффективность психологического воздействия, полагая, что сторона, совершившая прорыв в этой сфере, получит преимущество над своим противником, сравнимое с монопольным обладанием ядерным оружием. Вместе с тем, в рамках обеспечения национальной безопасности России, наряду с организацией широкомасштабной научно-исследовательской работы, следует определить объекты (молодежь, мигранты, этнические анклавы, сети и др.) воздействия, уязвимые в плане «гибридных» угроз. Элита, не осознающая смысла ведущихся против нее «гибридных войн» обречена на поражение.

Библиографический список

1. Ван Кревельд Мартин. Трансформация войны. – М.: Издательство: Альпина Бизнес Букс; 2006. – 82 с.; Эпштейн А.Д. Антитеррористический террор. «Точечные ликвидации» Израилем палестинских лидеров: политические, правовые и моральные аспекты. – М.: ИБВ, 2009. – 164 с.; Hoffman F. «The conflict in the XXI century. The emergence of a hybrid war» – Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.; Johnson D.E. Hard Fighting: Israel in Lebanon and Gaza. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2011. – 227 p. и др.
2. Винокуров И., Гуртовой Г. Психотронная война: от мифов к реалиям. – М.: «Мистерия», 1993. – 368 с.
3. Волкогонов Д.А. Психологическая война. – М.: Воениздат, 1983. – 288 с.
4. Герасимов В.В. Основные тенденции развития форм и способов применения Вооруженных Сил, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию // Вестник Академии военных наук. – 2013. – № 1.
5. Гибридная война: из интервью генерала-майор в отставке Франка ван Каппена // <http://avmalgin.livejournal.com/4542066.html>.
6. Информационная война и цензура как методы гибридной войны: понятие, трактование, пути выхода. 14 мая 2014 // Urinform. <http://www.diary.ru/~Urinform/?tag=5107249>.
7. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.
8. Клаузевиц К. О войне. – (М.: Госвоениздат, 1934); переиздание 2007 г.: – М.: Эксмо, СПб: Мидгард, 2007. – 864с.
9. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 1999. – 448 с.
10. Круглый стол (15 марта 2015 г.) в «Независимом военном обозрении» / <http://afpreports.info/>
11. Лайнбарджер П.М.Э. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания / Пер. с англ. Е.В. Ламановой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. – 445 с.
12. Панкратов В.Н. Психотехнология управления людьми. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 336 с.

13. Рыжов В.А., Курдюмов В.С. Умные сети, мобильный интеллект и стратегическое предвидение // Журнал Экономические Стратегии. – 2013. – № 3. – 2013. // <http://spkurdyumov.ru/networks/umnye-seti-mobilnyj-intellekt/>.
14. Свечин А.Н. Стратегия XX века на первом этапе: Планирование войны и операций на суше и на море в 1904-1905 гг. – М.: Акад. Генер. штаба РККА, 1937. – 140 с.
15. Снесарева А.Н. Гримасы стратегии // http://www.a-e-snesarev.ru/trudi/grimasi_strategii.html
16. Месснер Е.Э. «Мятежевойна» белого полковника // <http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=186>.
17. Соболевников В.В. Системное управление процессом противодействия глобальному влиянию миграционной преступности и обеспечения криминологической безопасности (на примере Сибири и Дальнего Востока): монография. – Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2012. – 374 с.
18. Соболевников В.В. Информационное воздействие в современном мире: социально-психологический аспект: монография. – Новосибирск: НГУ, СибАГС, 1999. – 166 с.
19. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование Н.И. Конрада. – М.-Л.: Изд-во АН, 1950. – 404 с.
20. Хоффман Ф.Г. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов // Геополитика. – Вып. XXI. Война. – 2013. – С. 45-62.
21. Хоффман Фрэнк. Гибридные угрозы // <http://www.geopolitica.ru>.
22. Isherwood M. Air-power for the hybrid war.: Mitchell Institute of Association of BBC the USA, 2009. – 120 p.
23. Klinger Dr. Janeen. «Hybrid: A new paradigm for stability operations in failing states» // Сайт Defense Technical Information Center. March 30, 2007.
24. Kilcullen David. «The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One». – Oxford University Press, 2009. – P. 39-114.
25. Martin van Creveld. Guest Article: Why we lose so many wars, and how we can win // <http://www.martin-van-creveld.com/?p295>
26. NATO Guide, Chapter 39. Public Diplomacy Division NATO. – Brussels, Belgium, 2011. – P. 303-307.
27. Psychological Warfare. – Sasebook. Baltivore, 1982. – 210 p.
28. The OASD-NII Command and Control Research Program (CCRP) // <http://www.dodccrp.org>.

V.V. Sobolnikov

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk*

vsobolnikovis@gmail.com

PLACE AND ROLE OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE IN STRATEGIES OF CONDUCT OF «HYBRID» WARS NATO

In the article a place and role of psychological influence are grounded in strategy of North – Atlantic alliance in modern hybrid wars. Essence and maintenance of psychological tool are certain, and also facilities on transformation of mentality of opponent and forming of the поведенческих changes related to the generation of the destructive social phenomena. Influence of psychological operations is shown on deformation of mass consciousness. On the basis of analysis of aims and tasks of conduct of «hybrid wars» passing of NATO is set to the higher level of influence and transference by them to activity on mental and поведенческий levels.

Keywords: psychological influence, «hybrid war», mentality, behavior, senses, «nonmilitary operations», manipulation.

УДК 37.013

Е.Ю. Суховецкая

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

suhoveckaya74@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Статья посвящена противодействию коррупции во внутренних войсках МВД России. Автором проведен анализ коррупционной преступности во внутренних войсках МВД России, предложены меры по совершенствованию правового воспитания с целью формирования антикоррупционной политики в системе профессиональной подготовки будущих офицеров.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовое сознание, коррупция, антикоррупционная политика, внутренние войска МВД России.

По оценкам экспертов, коррупция в России в настоящее время стала уже не столько криминальной проблемой, сколько общегосударственным негативным фактором, не только подрывающим авторитет власти, но и разрушающим государственность и способствующим все более глубокому подрыву экономической безопасности. С этой точки зрения коррупцию можно рассматривать как симптом того, что в системе государственного управления что-то не так.

В Национальной стратегии противодействия коррупции констатируется, что коррупция серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований, вызывает в обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности страны.

Коррупция остается одной из самых острых проблем современной России и таит в себе угрозу национальной безопасности. Именно о коррупции в последнее время все чаще говорится на самом высоком уровне представителями исполнительной и законодательной власти, общественных организаций.

В.В. Путин отмечал: «Коррупция в нашей стране приобрела не просто масштабные формы. Она стала привычным, обыденным явлением, которое характеризует саму жизнь нашего общества» [1].

Внутренние войска Российской Федерации являются неотъемлемой и составной частью государственного механизма. В силу этого обстоятельства коррупционные процессы, происходящие в Российском государстве, к сожалению, находят отражение в его военной организации. В условиях строительства нового облика внутренних войск вопросы борьбы с коррупцией приобретают особую актуальность.

Серьезную опасность вызывает состояние преступности коррупционной направленности среди военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, прежде всего офицеров.

По данным Главной военной прокуратуры, создание «серых» коррупционно-финансовых схем явилось причиной привлечения к ответственности 3 генералов и 210 офицеров в чине от майора до полковника. Прокуроров особенно беспокоит, что в их числе оказались 64 командира воинских частей и начальника ведомственных учреждений [2].

Наиболее опасным и чрезвычайно тревожным обстоятельством являются факты коррупционной преступности среди лиц высшего офицерского состава.

Так, начальник военного медицинского управления Главного командования внутренних войск МВД России генерал-майор Юрий Сабанин был задержан летом 2012 г. по обвинению в вымогательстве трех с половиной миллионов рублей у коммерсантов за то, что якобы гарантировал выигрыш в аукционе по заключению госконтрактов на закупку дорогостоящего медицинского оборудования. Эта сумма составляла три с половиной процента от суммы предполагаемого контракта.

Военный суд, на основании собранных следствием улик, доказал виновность генерала. Было установлено, что Сабанин в 2010 г. обещал руководству одного из подмосковных «ООО», которое занималось производством и реализацией медицинской продукции военного и мирного назначения, за крупное вознаграждение оказать содействие в выигрыше тендера, а в последующем оформить госконтракт на поставку девяти медицинских подвижных комплексов. Он получил от коммерсантов аванс – один миллион рублей. Позже, при получении оставшихся двух с половиной миллионов рублей, Сабанин был задержан в терапевтическом корпусе Главного клинического госпиталя Министерства внутренних дел в городе Балашихе сотрудниками подразделения по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией МВД и оперативниками ФСБ [4].

Принимаемые Главным командованием и органами военного управления объединений, соединений и воинских частей внутренних войск МВД России меры по профилактике преступлений коррупционной направленности не позволили добиться положительных результатов. В 2013 г. количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности увеличилось на 46 процентов (с 90 до 131). Рост данного вида преступности отмечался в войсках Северо-Кавказского (с 44 до 73), Северо-Западного (с 3 до 13), Приволжского (с 2 до 5) региональных командований [3].

На уровне 2012 г. осталось число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в Центральном региональном командовании (7). Сократилось количество коррупционных преступлений в войсках Уральского (с 3 до 1), Восточного (с 12 до 11) региональных командований.

Существующая во внутренних войсках МВД России система противодействия нарушениям коррупционного характера не в полной мере обеспечивает предупреждение и пресечение таких преступлений. Согласно данным, полученным в результате проведенного мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих внутренних войск МВД России, в 2013 г. четырем процентам от числа опрошенных военнослужащих приходилось сталкиваться с коррупцией на службе. Наиболее часто военнослужащим приходилось сталкиваться с проявлениями коррупции при медицинском и курортно-оздоровительном обеспечении, при постановке на жилищный учет и получении жилья, при приеме на военную службу и назначении на воинские должности, при распределении служебной нагрузки.

Большинство коррупционных правонарушений связано со служебной деятельностью виновных и совершено ими с использованием должностных полномочий.

Таким образом, каждое четвертое совершенное преступление коррупционной направленности связано с превышением и злоупотреблением должностными полномочиями. Зачастую такие деяния совершаются на основе преступного сговора должностных лиц и представителей коммерческих структур, заинтересованных в незаконном извлечении прибыли за счет бюджетных средств, а также связаны с хищениями и растратами материальных и денежных средств, выделением личного состава для работы в сторонних организациях.

На сегодня главным в проводимой антикоррупционной политике во внутренних войсках МВД России, как и в целом в обществе, является, безусловно, правовое воспитание.

Как отмечают Н.В. Даничев, А.Н. Кононов, И.А. Нестеренко, правовое воспитание военнослужащих – это целенаправленное, систематическое воздействие на личность военнослужащего в интересах формирования прочных правовых знаний, осознанных правовых убеждений и устойчивых навыков законопослушного поведения. Целью такого воздействия является формирование у военнослужащих высокого правосознания и правовой культуры [5, 3].

Правовое воспитание призвано формировать у курсантов высокую гражданственность, глубокое уважение к законам и установленному в войсках правопорядку, чувство личной ответственности за боеготовность и боеспособность вверенного офицеру подразделения, готовность и привычку в служебной деятельности и личной жизни руководствоваться нормами права, требованиями Военной присяги и воинских уставов, быть непримиримым к любым нарушениям законности, готовность активно участвовать в охране правопорядка.

Наиболее важными направлениями формирования у курсантов правовой воспитанности с учетом интеграции, личностной ориентации, целостности и деятельности в обучении и воспитании в военно-учебных заведениях внутренних войск МВД России являются:

- 1) правовое образование, воспитывающее уважение к праву, сознательное, добросовестное исполнение законов, стремление активно бороться за укрепление воинской дисциплины и правопорядка;
- 2) формирование правового сознания в комплексном процессе правового, воинского и нравственного воспитания;
- 3) четкая организация службы войск, поддержание в курсантских подразделениях уставного порядка, воспитывающего дисциплинированность и организованность;
- 4) личная примерность офицеров вузов в исполнении законов;
- 5) вскрытие и устранение причин и условий, способствующих совершению проступков и преступлений;
- 6) правовая пропаганда;
- 7) создание в коллективе атмосферы, исключающей возможность совершения правонарушений;
- 8) использование соревнования в интересах правового воспитания;
- 9) организация индивидуальной воспитательной работы с личным составом на основе глубокого изучения и учета особенностей каждого военнослужащего, его настроения, привычек, нужд и запросов, а также анализа складывающихся в воинском коллективе взаимоотношений.

Как известно, от качества организации и проведения профессиональной подготовки по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» напрямую зависит формирование правовой воспитанности курсантов. Подготовка мероприятий по правовому воспитанию курсантов должна планироваться на весь период пребывания курсантов в учебном заведении с учетом особенностей их будущей служебной деятельности и предусматривать целенаправленное, последовательное и систематическое формирование антикоррупционного правосознания.

Для курсантов целесообразно организовывать факультативные занятия по педагогике, философии, теории государства и права, уголовному праву, включающие аспекты по антикоррупционному воспитанию. Мероприятия по антикоррупционному воспитанию целесообразно включать в комплексный план морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности военного института. Это позволит привлечь к работе широкий круг преподавателей кафедр, обеспечить антикоррупционную направленность преподавания профессиональных дисциплин. Необходимым условием успеха этой работы является повышение уровня правовой подготовки командиров, а также повышение квалификации преподавателей юридических кафедр. Так, в 2013 г. большинство преподавателей кафедры уголовного процесса и криминалистики прошли повышение квалификации в Сибирском университете потребительской кооперации на юридическом факультете по направлению «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов».

Повышение качества правовой воспитанности курсантов является перманентной педагогической проблемой, для решения которой необходимо в первую очередь подготовить специальные кадры педагогов, работающих в системе высшего военного профессионального образования, и создать условия для непрерывного роста уровня правового образования.

В целях успешной реализации антикоррупционной политики во внутренних войсках необходима разработка системы мер правового воспитания и правовой подготовки для эффективного применения в практической деятельности органов военного управления. В рамках разработки системы мер по профилактике кор-

рупции заслуживают внимания следующие предложения:

1. Целесообразно ввести в вузах внутренних войск МВД России специальные антикоррупционные образовательные программы. На необходимость формирования и реализации антикоррупционного образования в системе МВД своевременно обратил внимание Президент Российской Федерации в специальном Указе № 1468 от 24 декабря 2009 г. «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел РФ». Например, при обучении курсантов и слушателей по дисциплинам криминалистического цикла в Академии экономической безопасности МВД России преподается специальный курс «Противодействие коррупционной преступности в государственной службе». Безусловно, если подобные спецкурсы будут реализовываться в вузах внутренних войск МВД России, это повысит эффективность антикоррупционной политики.

2. Антикоррупционное воспитание должно стать неотъемлемой составной частью патриотического воспитания будущих офицеров. Педагогические работники вузов внутренних войск должны разъяснять курсантам, в чем состоит их гражданский долг, воспитывать желание стать полезным членом военной организации государства и общества в целом.

Демонстрируя курсантам негативные стороны коррупции и объясняя ее природу, антикоррупционное воспитание лишает коррупцию социальной опоры, уничтожает благоприятную среду для ее распространения во внутренних войсках МВД России. В сочетании с совершенствованием системы социальных ценностей военной службы, повышением уровня духовности и стремлением военнослужащих к социально полезному поведению, эти меры по правовому воспитанию не только дополняют комплекс антикоррупционных мер, но и усиливают эффект других методов борьбы с коррупцией в военной организации государства.

3. Важнейшим средством антикоррупционного воспитания военнослужащих является соблюдение «Кодекса профессиональной этики военнослужащих внутренних войск», поскольку военнослужащие должны подчиняться не только дисциплинарным, но и жестко контролируемым этическим нормам. В связи с этим необходимо активизировать работу комиссий по профессиональной этике во внутренних войсках, в том числе и в системе военных институтов. К сожалению, во многих организациях этот орган существует лишь формально, хотя мог бы эффективно «работать» на практике.

4. Целесообразно проведение постоянного мониторинга состояния и динамики коррупции во внутренних войсках МВД России. Эту функцию мог бы взять на себя научно-исследовательский отдел по исследованию социально-психологических проблем внутренних войск МВД России при Санкт-Петербургском военном институте внутренних войск МВД России совместно с ЦОТИ, имеющие большой опыт проведения мониторинговых исследований социально-экономического и правового положения военнослужащих внутренних войск МВД России.

Вышеперечисленные предложения требуют тщательной всесторонней проработки и эффективной реализации в процессе деятельности органов военного управления.

Библиографический список

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // Российская газета. – 2012. – 13 декабря.
2. Гаврилов Ю. Хапуга с полномочиями // Российская газета. – 2013. – 7 марта.
3. Обзор о преступлениях, совершенных с использованием своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности должностными лицами внутренних войск МВД России в 2013 году. – М.: ГКВВ МВД РФ, 2013.
4. Федосенко С. Взятка ценою в пять лет // Российская газета. – 2013. – 15 мая.
5. Даничев Н.В., Кононов А.Н., Нестеренко И.А. Правовое воспитание военнослужащих внутренних войск МВД России. – Новосибирск: НВИ ВВ им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России, 2005.

E.J. Sukhovetskaya

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

suhoveckaya74@mail.ru

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF LEGAL EDUCATION OF STUDENTS AS A FACTOR OF PREVENTION OF CORRUPTION IN THE SPHERE OF MILITARY SERVICE

The Article is devoted to combating corruption in the internal troops of the MIA of Russia. The author analysis of corruption crime in the internal troops of the MIA of Russia, suggested measures to improve legal education for the purpose of forming anti-corruption policy in the system of professional training of future officers.

Keywords: legal education, legal consciousness, corruption, anti-corruption policy, internal troops of the MIA of Russia.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА

УДК 327.2:355.01

В.Ю. Балабушевич, А.И. Гурский

*Новосибирское высшее военное командное училище**г. Новосибирск**vbalab@yandex.ru**angur@ngs.ru*

ФЕНОМЕН МИРА: ВОЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Авторы предпринимают попытку изложить и интерпретировать некоторые базовые положения философского учения о мире. В статье выявляются основные подходы к рассмотрению феномена мира, обосновывается необходимость реализации принципа историзма в процессе исследования феномена мира, раскрываются проблемы сущности, содержания и типологии мира.

Ключевые слова: внешний (международный) мир, внутренний (гражданский) мир, война, гуманизм, историзм, мир, милитаризм, пацифизм, содержание мира, сущность мира, типология мира.

Мир и война – основные состояния общества, общественных систем. Многие тысячелетия мирные отношения между народами, государствами, классами, социальными группами и слоями прерывались войнами и вооруженными конфликтами. Над проблемами мира и войны задумывались лучшие умы человечества, пытались найти рецепты жизни «без войн и насилия».

Однако большинство мыслителей прошлого были весьма скептически настроены относительно мирного будущего человечества: «Идея вечного мира, вследствие которого несогласия между частными людьми и между государствами были бы решаемы законами правосудия, принадлежит к числу несбыточных мечтаний. Часто в самих условиях заключающегося мира скрывается зародыш новой войны» [3, 701].

Упрочение мира и предотвращение войн, а в перспективе их полное устранение из жизни общества – важнейшая проблема, стоящая сегодня перед человечеством. Для ее решения требуется понимание того, что представляют из себя мир и война.

Исследование феноменов мира и войны – проблема междисциплинарная, требующая совместных усилий представителей различных областей и сфер знания. Философское учение о мире (философия мира) и философское учение о войне (философия войны) составляют своего рода методологическую основу теоретической и практической деятельности в военной сфере.

В предлагаемой вниманию читателей статье предпринята попытка изложить некоторые базовые положения философского учения о мире.

Основные подходы к рассмотрению феномена мира

История философской мысли демонстрирует множественность трактовок мира как социального феномена, противоположного войне. Однако при всем многообразии подходов к рассмотрению такого сложнейшего социального явления, как мир, его истолкование можно свести к трем основным позициям: *консервативно-милитаристской, пацифистской и гуманистической*.

Сторонники *консервативно-милитаристского понимания мира* полагают, что мир не имеет самостоятельного значения для человечества, представляет собой лишь состояние временной передышки между различными войнами и возможен лишь с «позиции силы», а его основным гарантом выступает военная мощь государства. Учитывая современное стремление народов планеты к миру, они обосновывают свою ориентацию на военную силу стремлением стабилизировать и упрочить мир.

Пацифисты в целом признают возможность и необходимость мира. Однако они не раскрывают четко его политической сущности, выступая за «мир вообще», утверждая, что любая война, во имя чего бы она ни велась, есть абсолютное зло. Последователи пацифистского подхода исходят из того, что мир наступит в результате «религиозной революции», путь к миру лежит через развитие человечности, добровольный отказ от любых форм вооруженного насилия. Мир может быть достигнут через «моральное самосовершенствование человечества» или через деятельность носителей антивоенных идей – политиков, религиозных деятелей, ученых, деятелей искусства.

Гуманистическая позиция предполагает рассмотрение мира как особого состояния общества, когда политика, развитие общественных отношений осуществляются невооруженными средствами. Сторонники гуманистического подхода видят в мире важное условие и средство развития человека и его способностей, понимают те негативные последствия, которые несут с собой войны. Но они настаивают на том, что нельзя оперировать абстрактными понятиями «мир» и «война», не учитывая их политического содержания, связи с определенными условиями функционирования общества. Заметим, что авторы настоящей статьи ориентируются именно на методологию гуманистического подхода.

Соглашаясь с точкой зрения о том, что мир и война являются противоположными состояниями общества, тесно взаимосвязанными друг с другом, исследователи продолжают спорить относительно того, какое состояние является для человека «естественным», «начальным».

Ответ на этот вопрос связан с определенным пониманием сущности человека. Если мы полагаем, что человек изначально добр, могуч, мудр, доброжелателен, то мир следует признать естественным состоянием человека. Если же мы исходим из идеи о том, что человек зол, эгоистичен, аморален, даже антисоциален, то естественным для него является состояние «войны всех против всех» (Т. Гоббс). Наконец, если принять марксистскую идею о социальной сущности человека, то придется согласиться с тем, что мир – это исторически обусловленное состояние общества. Соотношение между миром и войной зависит от уровня социально-экономического, политического и духовного развития общества. И мир, и война укоренены в определенной системе общественных отношений, они порождаются не столько «добром» или «злом», «любовью» или «эгоизмом» в сознании индивида, сколько объективными социальными обстоятельствами. Причем эти социальные обстоятельства: а) не однозначны; б) историчны, т.е. изменчивы в социальном времени; в) «рукотворны», ибо сам человек или сами индивиды создают свои собственные социальные обстоятельства; г) широко вариативны.

В любом случае приходится согласиться с выводом К. Маркса о том, что «война раньше достигла развитых форм, чем мир» [5, 46]. Война была преобладающим состоянием общества, по существу, постоянным и неизбежным явлением практически на всем протяжении истории цивилизации, а мир – кратковременной передышкой и подготовкой к новой войне.

Таким образом, черты мира, его характеристики во многом зависят от характера переживаемой эпохи.

Сущность мира

Что же такое мир? Первое, что приходит на ум: «мир – это отсутствие войны». Именно так часто определяется мир на уровне обыденного сознания. Но такая дефиниция мало что дает с сущностной точки зрения. Отсутствие войны – это лишь одна из характеристик мира, не исчерпывающая ни его сущности, ни тем более его содержания.

Более глубокий анализ позволяет сформулировать идею о связи мира и политики в условиях современного социума. Мир является продолжением политики при помощи набора определенных средств, исключая массированное использование вооруженного насилия для достижения поставленных политических и иных целей. Для выявления сущности мира важен системный взгляд на политику как целостное образование, имея в виду то обстоятельство, что не только мир, но и война самым тесным образом связана с политикой. Специфика мира может быть осознана лишь в сравнении со спецификой войны.

МИР	ВОЙНА
мир – это продолжение политики преимущественно невооруженными средствами	война – это продолжение политики преимущественно средствами вооруженного насилия

Война и мир выступают в политическом обществе как диалектические противоположности, взаимно полагая и взаимно отрицая друг друга.

Что общего между миром и войной? Во-первых, и война, и мир являются особыми состояниями общества. Во-вторых, и война, и мир выступают как порождение и продолжение политики.

В чем заключается сущностное различие между миром и войной? Состояния мира и войны предполагают продолжение политики различными средствами.

Категория «мир» долгое время разрабатывалась исследователями в основном применительно к международным отношениям (внешний мир). Однако со временем политиками и учеными была осознана необходимость понимания внутреннего гражданского мира.

Рассматривая мир с точки зрения его внешнего (международного) аспекта, приведем лишь два определения понятия «мир» из огромного их числа, рассеянного на страницах научной и популярной литературы.

Мир – состояние общества, характеризующееся отсутствием войны, вооруженной борьбы между государствами, народами

Мир – продолжение политики субъектов международной жизни в формах, исключающих применение различных средств и способов вооруженного насилия для достижения баланса интересов различных государств и способствующих устранению причин войны на договорно-правовой основе [1, 148-149].

Мир – категория, определяющая жизненные условия сосуществования государств, характер отношений между народами и государствами (коалициями государств), основывающихся на взаимном учете национальных интересов, проведении внешней политики ненасильственными средствами, отсутствии открытых военных столкновений (вооруженной борьбы) и соблюдении взаимных договорных обязательств. В силу ряда объективных и субъективных политических, экономических и других причин мир нередко прерывается войнами [4].

На основании приведенных выше и иных определений мира выделим особенности внешнего (международного) мира как особого социального явления:

- 1) мир как социальное явление характеризуется отсутствием войны;
- 2) мир – это не только отсутствие открытого вооруженного насилия, но и такое состояние отношений между государствами и их группировками, которое полностью исключает применение военной силы во всех ее формах из практики межгосударственных отношений;
- 3) мир – это определенное состояние в отношениях между государствами, которое не содержит в себе противоречий такой остроты, что способны стать причиной следующей войны;
- 4) мир как состояние мирового сообщества может быть достигнут не путем ущемления или подавления интересов одного из субъектов системы межгосударственных отношений, а путем достижения баланса интересов, исключающего наличие таких противоречий, которые могут явиться источником новой войны;
- 5) мир является результатом и продолжением политики государств и других субъектов международных отношений;
- 6) мир предполагает наличие договорной базы (основы) политических отношений на международной арене [1, 148-149].

Далее попытаемся взглянуть на мир с точки зрения его внутреннего (гражданского) аспекта.

Гражданский мир – это господство внутри общества таких отношений между властью и народом, социальными группами и слоями, политическими партиями и движениями, гражданами, которые обеспечивают разрешение возникающих противоречий и конфликтов без применения средств военного насилия, в максимальной мере служат решению созидательных задач, стоящих перед обществом [6, 165].

Не всякое отсутствие гражданской войны равнозначно гражданскому миру. Последнему присущ ряд свойств:

- 1) гражданский мир создается преимущественно, а в идеале – исключительно ненасильственными средствами: обеспечением свободы и демократии, социальной справедливости, равенством всех перед законом, гуманной политикой, признанием приоритетной ценности в государстве права человека на жизнь и свободу;
- 2) гражданский мир – это не просто отсутствие деструктивной борьбы между гражданами, а такой уклад жизни и труда людей, который одобряется и поддерживается подавляющим большинством населения, представляет собой его исторический выбор;
- 3) гражданский мир возможен в гражданском обществе, т. е. в обществе, где граждане имеют возможности определять программы общественного развития, выбирать ответственное перед ними руководство, добиваться отстранения от власти законным путем несостоятельных или преступных деятелей [6, 165-166].

Прочный гражданский мир означает отсутствие потенциальных внутренних военных угроз, «зародышей» внутренних вооруженных конфликтов, деструктивной политической борьбы и держится на доброй воле граждан.

Заметим, что мир представляет собой целостное системное явление в единстве его внутренней и внешней сторон. Это означает тесную диалектическую взаимосвязь между внутренним (гражданским) миром и внешним (международным) миром.

Исходя из всего сказанного выше, попытаемся дать интегральное определение мира. Мир – состояние общества, характеризующееся отсутствием войны, вооруженной борьбы между государствами, народами,

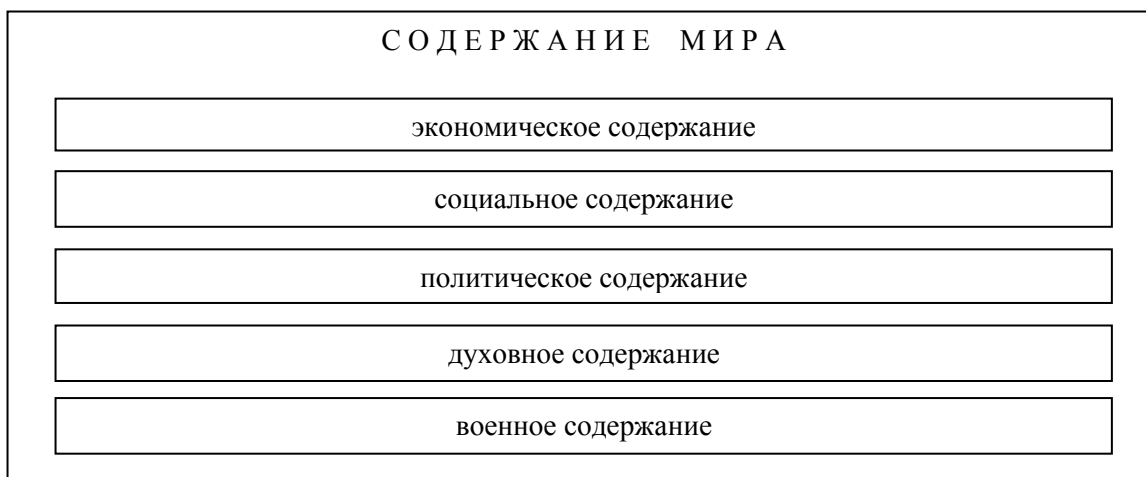
социальными группами внутри отдельных стран и основанное на проведении политики без прямого вооруженного насилия [2, 427].

Содержание мира

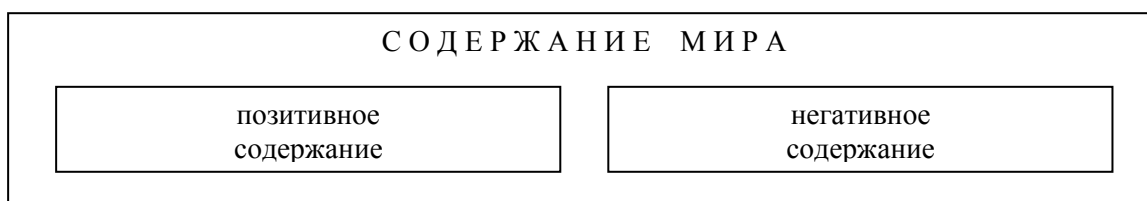
Выявление сущности мира позволяет решить вопрос и относительно его содержания. Мир – многоплановое, многофакторное и многофункциональное явление.

Возможны различные подходы к структурированию содержания мира, рассмотрим лишь три из них.

Первый подход. Учитывая то обстоятельство, что мир выступает в качестве особого состояния общества как определенной целостности, в его содержании можно выявить экономические, социальные, политические, духовные и военные компоненты, соответствующие основным сферам жизни общества.

Второй подход предполагает выделение позитивного и негативного компонентов в содержании мира.

Позитивное содержание мира связано с отношениями сотрудничества, соревнования, взаимопомощи, взаимообогащения, баланса интересов и т. п., а *негативное содержание мира* – с отношениями насилия, диктата, подавления, баланса силы и т. д.

Признание подобного рода «дуализма» содержания мира, наличия в нем позитивной и негативной сторон приводит к очень важному выводу методологического характера: «мир – миру рознь». Говоря о мире, необходимо принимать в расчет его содержательную сторону, выявлять соотношение в нем позитивного и негативного компонентов, улавливать тенденции изменения этого соотношения.

Третий подход предполагает интеграцию первых двух и позволяет выявить компоненты содержания мира с использованием элементов структурно-функционального подхода.

СО Д Е Р Ж А Н И Е М И Р А	
<i>позитивное</i>	<i>негативное</i>
взаимовыгодное экономическое сотрудничество и соревнование	экономическое насилие
социальное партнерство, взаимопомощь, баланс интересов	социальный диктат, баланс сил
политическое сотрудничество	политическое невооруженное насилие
научно-техническое сотрудничество	научно-техническое насилие
идеологическая борьба в форме соревнования идей	идеологическое насилие («психологическая война», «информационная война» и т. п.)
снижение уровней военного противостояния, создание и функционирование систем коллективной безопасности и др.	«гонка вооружений», «блоковая политика», угрозы применения военной силы и др.

Мир: проблема классификации

Мир – явление сложное, многогранное, многоуровневое. Его проявления крайне разнообразны. И если сущностные черты (родовые характеристики) мира остаются неизменными, то его специфические (особенные) и тем более единичные характеристики весьма разнятся. Поэтому мы можем говорить о мире не только как о состоянии общества, но и о различных разновидностях самого мира.

Подобный подход требует решения вопроса о классификации состояний (разновидностей) мира. Исследователями могут быть выбраны различные основания для подобной классификации.

Типология внешнего (международного) мира может быть представлена в следующем виде:

- 1) в зависимости от соответствия жизненным интересам народов различают два типа мира: *справедливый, демократический мир* и *несправедливый, грабительский мир*;
- 2) оценка степени устойчивости позволяет выделить *устойчивый* и *неустойчивый мир*;
- 3) по территориальному охвату (масштабу) можно выявить *пограничный, региональный* и *глобальный мир*;
- 4) с учетом конфигурации международных отношений исследователи говорят о *мире однополюсном, мире двухполюсном* и *мире многополюсном*.

Проблема выживания человечества требует сегодня создания справедливого, демократического, устойчивого, глобального, многополюсного мира.

Обратимся далее к проблеме типологии внутреннего (гражданского мира). Гражданский мир типологически может быть разным. С точки зрения отечественного исследователя В.В. Серебрянникова, объективный критерий для выявления различных типов гражданского мира включает оценку: а) его социального характера; б) правовых основ; в) нравственных основ; г) способов и средств обеспечения; д) степени прочности [6, 166].

Типология внутреннего (гражданского) мира может быть представлена следующим образом:

- 1) по своему социальному характеру мир может быть *плутократическим, демократическим, диктаторским*;
- 2) рассмотрение правовых оснований гражданского мира позволяет выявить такие его разновидности, как *мир правовой* и *мир, основанный на произволе*;
- 3) анализ нравственных оснований гражданского мира дает возможность указать на существование *справедливого* и *несправедливого мира*;
- 4) по способам и средствам поддержания гражданский мир *насильственный* и *ненасильственный*;
- 5) по степени прочности гражданский мир дифференцируется на *весьма прочный, прочный, неустойчивый* и *взрывоопасный* [6, 166].

Интересы человечества требуют движения именно к демократическому, правовому, справедливому, ненасильственному, прочному гражданскому миру.

Диалектика мира и войны

Проблема диалектики мира и войны отличается сложностью, многогранностью и в целом выходит за рамки содержания настоящей статьи. Отметим лишь два принципиальных момента, важных для понимания поднятых нами проблем:

- 1) мир, предшествующий войне, содержит открытые и скрытые элементы подготовки к будущему военному столкновению;
- 2) мир, наступающий после войны, является продолжением политики, проводившейся в ходе войны, с учетом существенных изменений, которые происходят в жизни хотя бы одной из воюющих сторон в результате военных действий.

Завершая статью, отметим, что для военного профессионала представляется чрезвычайно важным знакомство с базовыми идеями философского учения о мире, ведь это в значительной степени облегчает задачу выработки правильных подходов к осмыслению военно-политических проблем современности, понимания приоритетов военной политики Российской Федерации.

Библиографический список

1. Военная политология: учебное пособие в двух частях / под ред. В.С. Пусько. Часть II. – М.: ВУ, 1996.
2. Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. кол. А.Э. Сердюков. – М.: Воениздат, 2007.
3. Военный энциклопедический лексикон. – С.-Петербург, 1855.
4. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. Рогозина. – М.: Изд. «Вече», 2011.
5. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. – 2-е изд. – М.: Изд. пол. лит, 1968. – Т. 46. – Ч. 1.
6. Серебрянников В.В. Социология войны. – М.: «Ось – 89», 1998.
7. Философия / под общ. ред. Б.И. Каверина. – М.: Мегалит, 2004.

V.Y. Balabushevich, A.I. Gurskiy

Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk

vbalab@yandex.ru
angur@ngs.ru

THE PHENOMENON OF THE PEACE: MILITARY-PHILOSOPHICAL ASPECTS

The author attempts to explain and interpret some of the basic provisions of the philosophical teachings of the peace. The authors identify the main approaches to the consideration of the phenomenon of the peace, the necessity of the principle of historicism in the process of studying the phenomenon of the peace, reveals the essence of the problem, content and typology of the peace.

Keywords: external (international) peace, internal (civil) world war, humanism, historicism, peace, militarism, pacifism, content of the peace, essence of the peace, typology of the peace.

УДК 355.01

С.Н. Коротун

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»
г. Воронеж

korotun83n@mail.ru

СИСТЕМА ВЗГЛЯДОВ НА ВОЙНУ В ФИЛОСОФИИ А.Е. СНЕСАРЕВА

В статье рассматривается система взглядов русского военного теоретика А.Е. Снесарева на философию войны. Рассматривается роль войны в прогрессе человечества, анализируются факторы, влияющие на ход войны.

Ключевые слова: Снесарев А.Е., война, философия войны.

Генерал-лейтенант А.Е. Снесарев (1865-1937) – полководец, военный теоретик и философ. Человек блестяще эрудированный, принимавший участие в Первой мировой и Гражданской войнах. Его взгляды особенно интересны именно с той точки зрения, что речь идет о позиции человека, имевшего представление о теории войны как философском явлении, освещавшемся в трудах ученых, и в то же время человека, принимавшего в войне самое непосредственное участие.

Андрей Евгеньевич Снесарев родился 13 декабря 1865 г. в семье священника в селе Старая Калитва Воронежской губернии. В 1888 г. он окончил физико-математический факультет Московского университета. После окончания обучения, вместо того чтобы продолжить работы в сфере математики, А.Е. Снесарев поступил в юнкерское училище и связал свою жизнь с армией. Во время службы А.Е. Снесарев не прекратил своего самообразования: его привлекали не только прикладные науки, но и фундаментальные проблемы теории войны как общественного явления. В 1896-1899 гг. он продолжил образование уже в Николаевской Академии Генерального штаба. В процессе учебы А.Е. Снесарев подробнейшим образом изучил и переосмыслил философские взгляды на войну таких ученых, как К. Клаузевиц и Г.А. Леер. На рубеже XIX-XX вв. А.Е. Снесарев проходил службу в Средней Азии, где воочию наблюдал противостояние Британской и Российской империй в борьбе за сферы влияния, именно здесь складываются его представления о востоковедении и геополитике. Уже в чине генерала А.Е. Снесарев командовал дивизией в Первую мировую войну, и Северо-Кавказским округом Красной Армии в Гражданскую. В августе 1919 г. А.Е. Снесарев был назначен начальником Академии Генерального Штаба РККА. Фактически он осуществлял ее создание. Вступив в эту должность, А.Е. Снесарев взялся за написание программы по курсу философии войны. В 1919-1921 гг. он создает «Философию войны», а в 1924 г. «Жизнь и труды Клаузевица», именно в двух данных трудах наиболее отчетливо представлена система философских взглядов А.Е. Снесарева на войну. К сожалению, при жизни автора эти труды так и не вышли в свет [1].

Философия войны у А.Е. Снесарева как и философия в целом имеет свои основные вопросы. Речь идет о двух следующих вопросах: положительности (или отрицательности) войны и ее конечности (или бесконечности). Ответы именно на эти два вопроса, как правило, заботят философов, обращающихся к такому явлению, как война. Ответить на эти вопросы попытался и сам А.Е. Снесарев на страницах «Философии войны» [6].

Поскольку «Философия войны» – это своего рода учебное пособие, А.Е. Снесарев не ставит перед собой целенаправленной задачи однозначного ответа на эти вопросы. Он оперирует множеством мнений и позиций, стремится дать их комплексный анализ. Однако и в стороне от мнений он не остается, позиция его по прочтении работы становится вполне очевидной.

При рассмотрении вопроса конечности войн основное внимание А.Е. Снесарев уделяет идее ухода от войн посредством экономического развития. Еще Адам Смит указывает, что экономическое развитие со временем приведет к уменьшению воинственности народов. Эту линию продолжают О. Конт и, конечно, Г. Спенсер с его идеей «индустриальных обществ» как обществ менее агрессивных. Г. Бокль, развивая данные идеи, вводит понятие «интеллектуальный класс», указывает на то, что война свойственна варварам. Современные войны Г. Бокль не отрицает, но считает «что война начинается из-за варварских стран».

К подобным теоретическим построениям А.Е. Снесарев относится скептически, он саркастически отмечает, что всем этим философам повезло не дожить до мировой войны, в противном случае их ждало бы жестокое разочарование. А.Е. Снесарев выводит следующую формулу: индустриализация лишь до определенного предела снижает агрессию стран, находящихся на этот момент множество внутренних источников для развития. Но в последствии индустриальные страны могут оказаться куда более агрессивными. Отвергает А.Е. Снесарев и взгляды марксистов (в «Философии войны» он называет их «новыми социалистами»), связанные с отношением к войне как к явлению, порождаемому классовым государством, с исчезновением которого исчезнут и войны. Государство не является для А.Е. Снесарева механизмом подавления одного класса другим, оно существует для общего блага, а значит и идея конечности войн вместе с конечностью существования государства не является для него состоятельной. В целом в отношении вопроса конечности войн А.Е. Снесарев придерживается мнения Г. Лейбница, что вечный мир возможен лишь на кладбище.

Приступая к оценке роли войны, А.Е. Снесарев следующим образом обозначает проблему. С его точки зрения минусы войн конкретны и сиюминутны, в то время как плюсы масштабны и далеки. В силу способности философии к масштабным обобщениям, на нее ложится задача разрешения данной проблемы. Именно конкретность и сиюминутность негативных результатов войны не дают рассмотреть ее объективно. Но, по мнению А.Е. Снесарева, защитники позиции исключительной негативности войны не видят того, что война позволяет разрешать другие, куда более негативные, чем она сама явления. Об этой проблеме А.Е. Снесарев аллегорично высказывается следующим образом: «дети боятся тараканов, но беззаботно смотрят на пожар».

А.Е. Снесарев соглашается с идеей войны как логическим продолжением естественного отбора в животном мире. Именно «война с животными сделала его (человека) наиболее сильным, борьба между людьми продолжила совершенствование... именно война подняла человека от той пропасти, в которой он находился до организации союзов, до семьи и вместе с ними до одухотворенного образа». Именно война порождает рабство, способствуя первоначальному развитию экономики. Впоследствии же война позволяет сменять менее совершенные государственные и культурные системы, дряхлые и ставшие бесполезными более совершенными.

Удивительно, что А.Е. Снесарев при этом никак не ссылается на своего единомышленника в этом вопросе, К. Маркса. Тем более, что для времени публикации его работы это было вполне актуальным. Ведь как образно указывал последний «подобно тому, как мумии мгновенно распадаются, когда подвергаются воздействию атмосферы, так и война выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность».

В духе Гегеля, А.Е. Снесарев высказывается за то, что война это единственный путь в развитии человечества к расширению свободы: «у людей не было иного способа раскрепощения, как обращение к прогрессивному мечу».

В оценке роли войны А.Е. Снесарев выступает как очевидный европоцентрист: «она (Европа) пошла вперед по дороге развития, увлекая за собой весь остальной мир», в то время как, например, «арабский мир потух ... и поет унылую песнь своих предков». Запад, по мнению А.Е. Снесарева, отвел России роль аванпоста в борьбе с Востоком и «миссия эта, несомненно, положительная».

А.Е. Снесарев верит в прогрессивную роль войн, именно через них произошел переход от язычества к христианству, от католичества к протестантизму. Именно благодаря им мир превращается в глобальную, живущую по европейским стандартам, систему. В том, что все это хорошо А.Е. Снесарев не сомневается. Указывает он и на то, что даже в проигранной войне есть плюсы. Так А.Е. Снесарев приводит в пример Франко-Прусскую войну 1870 г., по его мнению, положительно повлиявшую на развитие Франции. Будь войны религиозные или ради централизации государства, социальные или национальные они совершенствуют жизнь человека.

В заключение своего исторического обзора он останавливается на мировой войне, которая, по его мнению, «выдвигает на арену борьбы десятки миллионов воюющего люда и миллиарды теряемых рублей; а параллельно с этой войной весь мир трепещет в волнении и нет на нем ни одного уголка, который бы не участвовал бы в этом диком шоке народов». Но даже такая характеристика не меняет его общей оценки войны: «войны всегда и несомненно играли огромную роль поступательного хода истории». Некоторые тезисы А.Е. Снесарева, в которых явно читается стремление автора построить определенную схему, очевидно спорны. Анализируя закон снижения воинских потерь от массы участвующих в войне людей,

А.Е. Снесарев с «неоспоримой ясностью» видит его действие. Это особенно удивительно с той точки зрения, что он не мог не знать о масштабах потерь Первой мировой и Русско-японской войн.

Другим противоречием становится негативное отношение к колониальным войнам Испании: он ужасается исчезновению целых цивилизаций под ударами этой страны, и отчего-то считает их исключениями в ряду прогрессивных войн Европы. Но вскоре, анализируя творчество В.С. Соловьева, он резонно соглашается с тезисом последнего, что более развитые цивилизации вполне закономерно уничтожают менее развитые.

Интересно рассуждение А.Е. Снесарева о нравственности войн. Анализируя взгляды В.С. Соловьева, он приводит тезис об уменьшении нравственной ответственности солдата. Раньше, когда солдат убивал в кровавом рукопашном бою, его ответственность была очевидна. Теперь же, когда убийство осуществляется посредством дальнобойных орудий, оно превращается в случайность, а ответственность за него минимизируется. С данным тезисом А.Е. Снесарев соглашается. В «Философии войны» война предстает как явление неизбежное, болезненное, но прогрессивное, и постоянно гуманизирующееся и, как нам видится, эта идея заставила самого автора не обращать внимания на то, что ей противоречило.

Подобная специфика взглядов А.Е. Снесарева интересно отражена в его письме с полей Первой мировой войны от 21 августа 1916 г.: «Я сам очень много страдаю с моей жалостливостью от многих картин, но остаюсь при вере, что война и великое дело, и дело неизбежное. Ибо иначе пришлось бы решительно осудить мыслительный аппарат человечества, не сумевший вычеркнуть войну из своего мирового обихода. В том-то и дело, что война влита в существо нашего мира как один из величайших факторов юридического, экономического и нравственного характера» [4].

Такая, философская во многом, проблема, как выделение факторов, определяющих течение войны, получила рассмотрение в работе А.Е. Снесарева «Жизнь и труды Клаузевица» [5]. Анализируя взгляды Клаузевица на проблему факторов войны, А.Е. Снесарев сразу же расставляет приоритеты, указывая на то, какие взгляды немецкого теоретика отражали реальность, а какие оказались устаревшими.

В XVIII веке основными факторами войны считали естественные или географические и материальные факторы. Такая рационализация войны приводила к идее о возможности ее измерения как суммы конкретных величин. По мнению А.Е. Снесарева, вершиной подобной философии стал Г. Ллойд, который ввел в анализ военного дела две части «творческую и механическую только для того чтобы отбросить первую». XVIII веку в его духовных течениях была глубоко присуща основная тенденция рационализации: сложный мир человеческой жизни свести к ясным и общим понятиям и положениям. Сведение войны к сумме конкретных переменных предполагало возможность вывести столь же простые и законосообразные правила для практических действий. Аналитическая мысль являлась лишь средством все понять и затем все регулировать. Подобная гордая мысль духовного упорядочения всех сторон жизни не могла миновать и войны. «Упорядочение военных явлений, сведение их к формулам было тем легче, что многие их области были технико-математическими дисциплинами. Тактические явления являлись измеримыми по данным места и времени. Стратегия также была проникнута элементами, надлежащими точному учету: объем и природа военного театра, число и состав войск с той и другой стороны; их вооружение и организация – все это были прочие данные для учета; в тонкости их сочетаний, в богатстве комбинаций спекулирующий рассудок XVIII века склонен был видеть главный залог успеха». Подобное рационалистическое восприятие войны, по мнению А.Е. Снесарева, приводит к особому виду пацифизма, появившегося в Европе XVIII века, логика которого заключалась в следующем. Если оценка результатов войны поддается логическому анализу, значит одна из стран, «сторона, терпящая поражение, вступает в войну просто по неведению, в силу ложной оценки шансов на успех. Поэтому, если налицо будут правильные предпосылки, а их дает развитие военной теории, то не станут воевать сначала не имеющие шансов на успех, а затем настанет и общий мир».

Однако А.Е. Снесарев не соглашается с подобной оценкой, считает ее догматической. Он с горечью указывает на то, что благодаря другому военному теоретику, А. Жомини, подобные подходы надолго закрепились в российской военной науке. Обобщение материальных факторов «сделалось любимым детищем военной науки, куда примешались самые фантастические представления, темные образы, явный пересол».

Вслед за Клаузевицем, А.Е. Снесарев соглашается с тем, что неучтенными оказались факторы войны, лежащие в совсем другой плоскости. Среди них особо выделяются факторы социальный и духовный.

Первый фактор скорее выделен самим А.Е. Снесаревым и рассмотрен в работе на примере Европы XVIII века. Эпоха абсолютизма породила свои армии и войны, закономерности которых лежали в плоскости специфики данного государства. Страной управлял неограниченный монарх, теоретически он мог воспользоваться армией так, как ему заблагорассудится, но практически оказывалось, что данная армия весьма ограничена в своем применении. Это определялось принципом её комплектования. Армия эпохи абсолютизма была рекрутской. Солдаты в этой системе рекрутировались из сельской местности, в подавляющем большинстве случаев из угнетенных элементов, порою из военнопленных и преступников. По выражению Р. Осборна, «многие смотрели на массовую армию как на хороший способ очистить общество от нежелательных элементов, подданные радовались рекрутским наборам, с их помощью удавалось сбить бродяг и

правонарушителей» [3]. Только путем бесконечно долгой муштры и суровой дисциплины из такого «материала» удавалось создать армию. Но такой пожизненный образованный солдат становился очень драгоценным оружием, требующим большой осторожности в его применении. Именно поэтому тактика в военном деле XVIII века представляет собой бесконечные маневры.

Но еще больше нежели «дороговизна» солдата на войну этого времени влиял другой момент: постоянная опасность дезертирства, вытекавшая из социального состава армии. Вот как описывает А.Е. Снесарев эту характерную особенность армии позднефеодальной Европы: «Это был отвратительный пережиток времени, собиравший всякий сброд. Это были наихудшие солдаты, ленивые и вороватые, готовые удрать каждую минуту. Для предупреждения побега у них иногда отбиралась на ночь обувь, практиковались целые облавы на дезертиров, с открытием по убежавшим огня, в больших городах имелись «пушки тревоги», по выстрелу которых граждане захватывали дороги и ловили беглецов, получая за голову премию».

Этот фактор сильно ограничивал возможности инструментария стратегии и тактики. «Только на открытом поле, в строго замкнутых тактических формах, под постоянным надзором и единичным командованием могла армия драться...». Для обеспечения армии продовольствием реквизиции не годились по той же причине постоянной опасности дезертирства. Поэтому армии вынужденно прибегали к системе магазинов.

Все это налагало на собственные движения сильнейшие ограничения в смысле пространства, быстроты и направления, а с другой стороны, противник действовал в таких же ограничениях, их учет и использование позволяли одержать победу без «кровавого кризиса». Все это, по мнению А.Е. Снесарева, и предreshало облик войны XVIII века. Она представляла собой бесконечное маневрирование, марши и контрмарши, движения взад-вперед.

Ввиду относительной слабости политического напряжения и ограниченности военных средств, стратегические цели редко выступали за пределы завоевания той или другой из соседних провинций. При этом А.Е. Снесарев подчеркивает, что социальные условия оказались сильнее гения полководцев.

Те, кто пытался выйти за рамки данной системы и перейти к агрессивным действиям (стратегии сокрушения), либо терпели катастрофические поражения, как Карл XII, либо, под влиянием «горьких испытаний», пересматривали свои взгляды, как Фридрих II.

Духовный фактор войны, как указывает А.Е. Снесарев, особенно ярко проявился в Отечественной войне 1812 г., когда распад и разложение внешне боеспособной армии Наполеона произошел с поразительной скоростью.

В соотношении факторов, влияющих на ход войны, интересен и такой термин, введенный Клаузевицем и положительно воспринятый А.Е. Снесаревым, как «трение». Под «трением» подразумевается некая иррациональная погрешность, которая не учитывается в идеальных моделях или системах, но оказывает воздействие в реальной жизни. Термин имеет физическое происхождение и вполне отражается русской пословицей «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Данный фактор случайности, человеческой иррациональности, по Клаузевицу, заранее точно предугадан быть не может.

В целом в вопросе определения факторов войны А.Е. Снесарев воздерживается от выделения факторов главенствующих, а также от возможности заранее просчитать и вывести некую совокупность факторов. Так уже во время Февральской революции в России он пишет: «Воюют не в момент только войны, а воюют много раньше, чем раздались первые звуки выстрелов: женщины рожают и воспитывают воинов, ученые изучают войну и ее новые формы, заводы льют пушки и готовят снаряды... Да еще вопрос – насколько 2-е и 3-е существенное дело, может быть, зерно победы в том, кто кого перерождает, какой страны женщина более окажется сильной в выполнении своей государственной задачи» [4].

А.Е. Снесарев во всех своих произведениях далек от идеи создания некой завершенной системы взглядов на войну. Война для него «это что-то особенное, она все меняет, все расставляет под своим углом, все расценивает и складывает по-своему. О ней книги написаны, а ничего ясного не сказано». И вместе с тем в его трудах создан совершенно уникальный, емкий, многогранный, пусть и не лишенный противоречий образ войны как философского явления, идущего рука об руку с человечеством с момента его рождения.

Библиографический список

1. Будаков В.В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. – М.: Вече, 2014. – 512 с.
2. Война и армия. Философско-социологический очерк. – М.: Воениздат, 1977. – 415 с.
3. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. – М.: АСТ, 2010. – 764 с.
4. Снесарев А.Е. Дневник 1916-1917. – М.: Кучково поле, 2014. – 672 с.
5. Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица. – М.: Кучково поле, 2007. – 384 с.
6. Снесарев А.Е. Философия войны. – М.: «Ломоносов», 2013. – 288 с.

S.N. Korotun

*Air Force Military Educational and Scientific Center
«Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin»
Voronezh*

korotun83n@mail.ru

A SYSTEM OF THE VIEWS ON WAR IN THE PHILOSOPHY OF A.E. SNESAREV

System of the views of Russian military theorist A.E. Snesev on the philosophy of war is reviewed. A role of war in progress of humanity is considerate, and the factors impacting on the course of war are analyzed.

Keywords: A.E. Snesev, the philosophy of war.

УДК 355.02(476)

В.А. Ксенофонов

*Военная академия Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск*

nksena@rambler.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКО-ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются во многом дискуссионные, еще не до конца изученные методологические аспекты исследования теории гражданско-военных отношений. Осуществляется социально-философский анализ гражданско-военных отношений, обоснованы перспективы развития теории в контексте обеспечения национальной безопасности государства.

Ключевые слова: методологические аспекты, гражданско-военные отношения, национальная безопасность, научная теория, социальное познание, гражданское общество, военная организация государства, гражданский контроль, война.

Разработка теории гражданско-военных отношений (далее – ГВО) для современного этапа развития Республики Беларусь является не только важнейшей научной проблемой, но и носит практически-политический характер.

Накоплен определенный научно-теоретический потенциал, среди авторов работ можно выделить таких российских специалистов, как С.Н. Вагин, А.И. Владимиров, В.А. Греджев, Ю.В. Гуськов, Н.Ю. Данилова, В.С. Емец, К.Ю. Колесниченко, Л.В. Певень, Е.А. Трикило и др. [2; 4; 6; 7; 8; 10; 11; 16; 17]. Данные исследования выступают теоретической базой для понимания диалектики армии и общества. Вместе с тем, комплексного исследования теории ГВО пока не проведено.

Стоит отметить, что применяемая в Беларуси методология исследования проблем национальной безопасности позволяет государственно-политическому руководству обеспечивать мир, стабильность и безопасность [14], но противоречивость и динамика развития социально-политической практики делают жизненно важным необходимость концептуального рассмотрения и обоснования теории ГВО в диалектической связи с теорией национальной безопасности и исходя из национальных интересов республики.

Определяя методологию науки как систему принципов и методов организации и осуществления теоретической и практической научной деятельности, под *методологическими аспектами* исследования теории ГВО будем понимать теоретические принципы, определяющие рациональную интеллектуальную и практическую деятельность людей, адекватно отражающие закономерные связи и отношения реальной действительности в обозначенной предметной области.

Как отмечает российский ученый В.П. Кохановский, «в современной методологии науки выделяют следующие *основные элементы теории*: 1. Исходные основания – фундаментальные понятия, принципы, законы, уравнения, аксиомы и т. п. 2. Идеализированный объект – абстрактная модель существенных свойств и связей изучаемых предметов... 3. Логика теории – совокупность определенных правил и способов доказательства, нацеленных на прояснение структуры и изменения знания. 4. Философские установки и ценностные факторы. 5. Совокупность законов и утверждений, выведенных в качестве следствий из основоположений данной теории в соответствии с конкретными принципами» [12, 142].

Характеризуя научное познание, уточним, что его главной задачей и основной функцией является открытие законов изучаемой области действительности. Следовательно, *закон* – «ключевой элемент теории, которая есть не что иное, как система законов, выражающих сущность, глубинные связи изучаемого объекта ... во всей его целостности и конкретности, как единство многообразного» [12, 147]. Дело в том, что объективные законы «регулируют» весь мировой процесс и военно-политические отношения в том числе, обеспечивают в мире определенный порядок, действуют с необходимостью, обеспечивают самодви-

жение и могут и должны быть познаваемы. Их несоблюдение в различных областях свидетельствует, как правило, либо о некомпетентности людей, занятых данным видом деятельности, либо об умышленном искажении реальности с целью извлечения личных (групповых) выгод.

Поскольку исследование ГВО относится к проблеме социального познания, следует учитывать два важнейших аспекта: оно социально, так как возникает и функционирует в конкретном обществе и детерминировано социально-культурными причинами.

Делая попытку раскрытия сущности *социально-философского познания*, обратим внимание на его наиболее важные специфические *характеристики*:

1. В широком смысле предмет социального познания – сфера человеческой деятельности в многообразных формах. Безусловно, эта сфера сочетает в себе единство объективного (социальные законы) и субъективного (индивидуальные интересы, цели, намерения и т. п.).

2. Социальное познание ориентировано прежде всего на процессы, т. е. на развитие общественных явлений, определение законов, причин и источников общественного развития. Главное здесь динамика, а не статика социальных явлений. Важно соблюдать принцип историзма – рассмотрение явлений как процессов, в их возникновении, развитии и преобразовании.

3. Акцент познания устремлен на единичное, индивидуальное, уникальное на основе общего, закономерного. Уточним следующее: а) в гуманитарной сфере выявляем «неточные» «законы-тенденции», которые очень сложно открыть ввиду их исключительной сложности; возникают трудности обобщения, генерализации в данной сфере; б) уникальность социально-исторических явлений не исключает выявления общего, закономерного; мы исследуем явления в определенной системе взаимодействия; в) гуманитарный материал сильно индивидуализирован и его сложно структурировать и осуществить типологизацию и унификацию.

4. В предмет социального познания постоянно включен активный субъект (человек). Здесь проявляются не только субъект-объектные, но субъект-субъектные отношения (коммуникации). Актуализируется задача понять чужое «Я» в качестве субъективно-деятельного начала.

5. Социальное познание – это ценностно-смысловое освоение и воспроизведение человеческого бытия. Оно выявляет и обосновывает смысл существующего.

6. Неразрывна и постоянна связь социального познания с ценностями, с мировоззренческими и смысложизненными компонентами. Ценностные ориентации регулируют поведение людей и исследовательскую деятельность ученых, поступки политиков.

7. Важное значение в социальном познании имеет процедура понимания. Понимание есть постижение смысла того или иного явления, его места в мире, его функций в системе целого.

8. Сложный, очень опосредованный характер взаимосвязи объекта и субъекта социально-гуманитарного познания. Если в естественных науках познание нацелено на вещи, их свойства и отношения, то в гуманитарных – на тексты, которым присущи значение, смысл, ценность. «Текстовая природа» одна из особенностей гуманитарного познания, это вторичное отражение социальной действительности, так как процесс опосредован текстами. Важная роль отводится диалектике объекта и субъекта.

9. Ввиду текстовой природы социального познания особое место в гуманитарных науках занимает семиотическая проблематика. Семиотика – наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем. Без понятий «текст», «знак», «символ», «язык» не может быть и речи о социальном познании.

10. Определяющая роль в социальном познании принадлежит диалогу, который еще с античных времен стал известен как литературная форма, употребляемая для изложения проблем с помощью диалектики.

11. Особо важное значение для социального познания имеет философия и ее диалектический метод. Необходимо увидеть противоречия общественного развития и адекватно выразить диалектику бытия в теории.

12. Социальное познание ориентировано преимущественно на качественную сторону изучаемой им действительности: явления и процессы исследуются главным образом со стороны качества и единичного (индивидуального), а не со стороны количества и всеобщего.

13. В социальном познании осуществляется своеобразное сочетание эмпирического и теоретического компонентов. Возможности эмпирических методов в социальном познании ограничены, роль теоретического базиса гуманитарного познания более значительна.

14. Для социального познания характерно отсутствие общепризнанных парадигм. Происходит своеобразный «теоретический анархизм» и нет «единственно истинной теории». Возможность выбора концептуально-теоретической схемы социальной реальности не аномалия, а норма.

Чрезвычайная сложность общества и ГВО как предмета исследования социальных наук объективно требует сложных и разнообразных методов его анализа [12, 451-477].

Проблема ГВО имеет давнюю историю. Еще мыслители древности отводили много внимания взаимодействию гражданских и военных людей. Изменялось сущностное содержание отношений, но их роль как фактора устойчивого развития общества, его стабильности и безопасности, никогда не теряла своего значения.

Закономерно, что в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве одного из основных национальных интересов в политической сфере определено «развитие гражданского общества с учетом национальных традиций и особенностей» [14, 13], а к внутренним источникам угроз национальной безопасности отнесен «недостаточный уровень развития гражданского общества» [14, 21].

ГВО представляют собой сложную систему взаимосвязей и взаимовлияний гражданского общества (ГО) и военной организации государства (ВОГ), выступают в форме социального феномена, имеющего характер целостного явления и свою специфику. Таков подход к пониманию данного феномена в широком смысле. В узком плане их сторонами принято называть гражданских и военных как носителей определенного социального представительства. Такое понимание демонстрируют зарубежные исследователи проблемы. Категории «гражданские» и «военные» они доводят до абсолютного противопоставления, полагая, что они отражают различные миры – «мир гражданских» и «мир военных», сферы гражданской и военной жизни [5, 101].

Нельзя не учитывать исторической тенденции: военные возникают из гражданских и затем возвращаются в их структуру. Взаимодействие гражданских и военных начал общественной жизни должно быть подчинено интересам развития общества, государства и личности, их безопасности. Стоит учесть и вывод белорусского ученого-экономиста В.Г. Ольшевского: «применение принципов системности к анализу военной сферы позволяет сделать вывод о том, что она органично вплетена во все сферы общественной жизни» [15].

Сегодня ряд специалистов в области ГВО сводят всю проблематику к вопросам гражданского контроля (ГК). Это достаточно ограниченная позиция, что убедительно показано в исследовании Н. Даниловой «Армия и общество: принципы взаимодействия». Она представила классические и современные подходы в данной области, раскрыла проблемы формирования сбалансированных ГВО, осуществления ГК, реформирования военного профессионализма и реагирования институтов ГО на изменения в политике безопасности и обороны [8].

Термин «гражданско-военные отношения» впервые был употреблен в англоязычной литературе в 1950-х гг. Проблематика взаимоотношений общества, армии и государства только начинает комплексную проработку в нашей социально-политической науке и практике.

ГВО являются результатом длительной эволюции процесса проникновения гражданского качества в военную сферу. Без этого качества военная сфера действительности (и все ее основные компоненты) лишена социальных мотивов и интересов, посредством которых ВОГ функционирует в соответствии со своим предназначением.

В.В. Серебрянников считает, что ГВО распадаются на два больших блока: отношение гражданских к военным и отношения военных к гражданским. Каждый из них подразделяется на когнитивные, чувственно-эмоциональные, поведенческие действия относительно друг друга [8, 46]. Они могут быть спокойно-гармоничными, стабилизирующими, взаимодоверительными, напряженно-противоречивыми, враждебно-конфликтными [8, 47].

А.И. Владимиров определяет ГВО как «области отношений между Армией и Обществом, а также внутри Армии, где служат граждане этого Общества, отношения в Обществе по поводу Армии, между Армией и другими государственными структурами государственной власти, между Армией и территориями ее дислокации» [4, 32].

Исходя из различных подходов определим, что *ГВО – это диалектическое единство общества и армии, или гражданской и военной сферы, подчиненное интересам стабильного функционирования системы национальной безопасности государства.*

ГВО в современной философско-политической науке классифицируются по ряду оснований, определяющим среди которых является их социальное содержание, то есть интересы и цели в отношении к обществу, а также общества к армии. По этому основанию они делятся на *модели: ГВО – согласия (совпадающие); разделения (различающиеся); конфликта (противоположные)* [5, 103-105].

ГВО как результат взаимодействия и взаимовлияния выступают в качестве социального феномена, имеющего свою специфику.

К факторам, определяющим специфику ГВО, их своеобразие можно отнести: форму государственного устройства и сложившийся характер взаимосвязи государства и гражданского общества; характер политического режима и зависящий от него господствующий в обществе тип принятия политических решений; исторически сложившиеся ценностно-культурные (ментальные) основы взаимодействия гражданского и военного компонентов общественной жизни; состояние государственно-политического развития того или иного государства [5, 107].

ГВО находятся в тесной противоречивой взаимосвязи с *военно-политическими отношениями*, под которыми понимается «совокупность идеологически мотивированных взаимодействий между субъектами политики, складывающихся в процессе специфической деятельности по реализации экономических, поли-

тических и иных интересов с применением или возможностью применения вооруженного насилия» [5, 343].

В любом обществе функционирование ГВО по сферам их проявления (экономическая, социальная, политическая, учебно-боевая, духовная) предполагает наличие конкретной системы воздействия, посредством которой они возникают, поддерживаются и осуществляются.

«Гражданское качество» ВОГ не возникает само по себе, без элементов, регулирующих этот процесс. Но воздействие ГО на ВОГ с точки зрения механизма этого воздействия имеет вполне определенную специфику.

Построение такого механизма впервые осуществил ученый В.С. Емец [10].

Исследование воздействия ГО на ВОГ свидетельствует о том, что оно осуществляется комплексно и составляет определенную систему, основными структурными компонентами которой являются *национальные интересы Беларуси, ценности гражданской культуры, нормативные правовые акты и процедуры, массовые общественные организации граждан и самих военнослужащих, средства массовой информации* [13, 33].

Национальные интересы Беларуси – ключевой элемент общей системы национальной безопасности и основной элемент в системе влияния ГО на ВОГ, так как обеспечивают избирательное отношение к политической и военно-политической деятельности государства в системе общей безопасности страны.

В исследовании под национальными интересами Республики Беларусь понимается сложное и многоаспектное явление, представляющее собой осознанные, объективно существующие, вытекающие из самого факта существования в мире наций и государств многообразные потребности, которые несут на себе отпечаток национальных духовных ценностей и конкретизируются на государственном уровне в виде официально провозглашенных целей и политико-правовых установок.

Специфика влияния ГО на ВОГ детерминируется степенью зрелости, сформированностью самого ГО и современным этапом общественного развития Республики Беларусь.

Сегодня наше государство обеспечивает свою военную безопасность исходя из принципов оборонной достаточности и стратегического сдерживания потенциальной агрессии, отдавая приоритет невоенным средствам [14, 35].

Формирование в нашей стране ГО является одним из важных факторов обеспечения военной безопасности. Беларусь находится на этапе совершенствования формирования развитого ГО и соответствующей ему ВОГ.

Наиболее очевидным выражением зрелости ГО является его эффективный ГК над ВОГ и системой национальной безопасности страны, формы и методы которого совершенствуются [9].

Подчеркнем, что основными критериями при функционировании ГВО и реализации системы ГК в области военной политики должны быть национальные интересы Республики Беларусь и стабильное функционирование военной сферы, всей системы национальной безопасности государства.

Принимая во внимание основные сферы системы национальной безопасности белорусского государства (политическая, экономическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная, экологическая), можно предположить, что основные потенциалы, обеспечивающие функционирование и развитие общества, являются базовыми для функционирования другой подсистемы – ГВО. Подсистема ГВО диалектически зависит от совокупности потенциалов общества, влияющих на обороноспособность и национальную безопасность страны. На наш взгляд, определяя место *подсистемы ГВО*, можно утверждать, что, находясь во взаимосвязи с национальными интересами, она *составляет ядро (стержень) системы национальной безопасности* и характеризует наиболее существенные связи и отношения между указанными выше компонентами национальной безопасности. Было бы упрощением делать обобщения по функционированию ГВО без анализа каждого входящего в них элемента.

Система ГВО базируется на совокупных возможностях государства, которыми оно располагает в различных сферах жизни для решения стоящих перед ним задач как внутри страны, так и за ее пределами.

Важнейшей проблемой и определяющим условием для формирования в государстве и обществе системы ГВО, по нашему убеждению, является осмысление теории войны. Сложно возразить известному генералу и ученому Александру Ивановичу Владимирову в том, что «анализ истории человечества доказывает, что сам процесс возникновения и строительства государств в истории человечества прямо и непосредственно связан с войной как важнейшей частью бытия самого социума. ...государство исторически формировалось для целей выживания социума, а значит, для нужд войны, строилось и развивалось как ее инструмент» [3, 157]. «Война не альтернативна миру, она есть процесс реализации его потенциала» [3, 256]. Поэтому, стоит понимать, что выстраивать систему безопасности и ее элементы, а также развивать теорию ГВО невозможно, не уяснив законов современной и перспективной войны. Можно утверждать, что в причинно-следственной цепи ГВО теория войны становится определяющей, а проблемы государственного и военного строительства и управления зависят именно от сущностного содержания войны.

В современном глобализирующемся мире все структуры (социально-экономическая, политическая, военная, культурная) пронизываются информационными каналами, которые являются основой интегрирующих сетей. Как отмечают авторы учебника под общей редакцией профессора В.И. Анненкова «сеть из чисто технического средства превратилась в главную системообразующую основу современного общества... Теория «сетевой войны» в рамках международных отношений, разработанная в США, исходит из необходимости контролировать мировую ситуацию так, чтобы основные глобальные процессы развертывались в интересах США или хотя бы им не противоречили... Это новая мировоззренческая философия противоборства, основанная на приоритете ведения противоборства в информационно-когнитивной сфере над физической средой ведения противоборства (борьбы)» [1, 11].

Возможности статьи, сложность и фундаментальность исследуемого предмета ГВО не позволили до конца раскрыть все методологические аспекты исследования, во многом они были просто обозначены. По нашему мнению, это только начало разрабатываемой тематики. Целью дальнейшего исследования является: анализ методологических основ ГВО как относительно самостоятельной социальной системы в контексте обеспечения национальной безопасности, в изучении специфики их функционирования в Республике Беларусь и Союзном государстве.

Библиографический список

1. Анненков В.И., Баранов С.Н., Моисеев В.Ф., Хархалуп С.С. Сетецентризм: геополитические и военно-политические аспекты современности / Под общ. ред. проф. В.И. Анненкова В.И. Учебник. – М.: РУСАВИА, 2013. – 496.
2. Вагин С.Н. Социальный институт армии в системе институциональных взаимодействий современного российского общества: Дис.... канд. социол. наук: 22.00.04 – Новочеркасск, 2009. – 184 с.
3. Владимиров А.И. Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. Часть 1: Основы теории войны. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. – 832 с.
4. Владимиров А.И. Некоторые аспекты военно-гражданских отношений в России // Военно-гражданские отношения в демократическом обществе: Сборник докладов МОНФ. – М., 1998. – С. 31-48.
5. Военная политология. – М.: ИД «Красная звезда», 2006. – 400 с.
6. Греджев В.А. Взаимодействие военной организации государства и гражданского общества в современной России: соц.-филос. анализ: Дис.... канд. филос. наук: 09.00.11 / Воен. ун-т. – Москва, 2003. – 150 с.
7. Гуськов Ю.В. Армия в системе отношений государства и гражданского общества: Дис.... докт. полит. наук: 23.00.02 / Воен. ун-т. – Москва, 2005. – 249 с.
8. Данилова Н.Ю. Армия и общество: принципы взаимодействия. – СПб: Норма, 2007. – 344 с.
9. Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ / Под ред. А.И. Никитина. – М: Изд-во «Эслан», 2002. – 248 с.
10. Емец В.С. Влияние гражданского общества на военную организацию государства: Дис.... канд. филос. наук: 09.00.10 / Воен. ун-т. – Москва, 1998. – 188 с.
11. Колесниченко К.Ю. Армия и политика: теория и практика прикладного политического анализа: монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 144 с.
12. Кохановский В.П. Философия и методология науки: учебник для высших учебных заведений. – Ростов н / Д.: «Феникс», 1999. – 576 с.
13. Ксенофонов В.А. Военная политика и гражданское общество: аспекты взаимодействия // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2014. – № 1. – С. 32-34.
14. Национальная безопасность Республики Беларусь / С.В. Зась [и др.]; под ред. М.В. Мясниковича и Л.С. Мальцева. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 557 с.
15. Ольшевский В.Г. Военная сфера в социальной структуре общества: методологические предпосылки анализа // Вестн. Воен. ун-та. – 2010. – № 2 (22). – С. 116-122.
16. Певень Л.В. Гражданско-военные отношения в России и национальная безопасность // Власть. – 2009. – № 2. – С. 38-42.
17. Трикило Е.А. Военно-гражданские отношения в условиях демократии: соц.-филос. анализ: Дис.... канд. филос. наук: 09.00.11 – Москва, 2002. – 144 с.

V.A. Ksenofontov

*Military Academy of the Republic of Belarus
Byelarus Republic, Minsk*

nksena@rambler.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH OF CIVIL-MILITARY RELATIONS THEORY

In many respects disputable not fully studied methodological aspects of research of civil-military relations are analyzed. Social-philosophical analysis of civil-military relations is realized. Perspectives of theory development in the context of providing state national security are proved.

Keywords: methodological aspects, civil-military relations, national security, scientific theory, social cognition, civil society, military state structure, civil control, war.

И.В. Лихоманов*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

graingar@yandex.ru

**ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА «ВОСТОЧНИЧЕСТВА»
В КАНУН РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг.**

В статье автор рисует общую картину политики восточничества, осуществляемой российским правительством в 1890-1905 гг., а также реконструирует идеологию восточничества, которая служила оправданием данной политики в российской печати. Идеология восточничества рассматривается также в контексте философского дискурса о российской идентичности в дихотомии «Восток – Запад».

Ключевые слова: восточничество, идеология, Российская империя, философский дискурс, политический дискурс, евразийство.

Пятнадцатилетие с 1890 по 1905 гг. характеризовалось доминированием *восточного направления* во внешней политике Российской империи, нашедшем свое идеологическое выражение в публицистике князя Э.Э. Ухтомского. Термин «восточничество» обозначает комплекс разнородных явлений: а) политику государства в отношении своих дальневосточных территорий, а также в отношении сопредельных дальневосточных государств, б) частную инициативу предприимчивых авантюристов, направленную на извлечение выгоды от коммерческих и военных предприятий на Дальнем Востоке, и наконец, в) *идеологическое оправдание* этой государственной политики и этих частных инициатив.

Из сказанного ясно, что термин «восточничество» – «зонтичный». Он лишь *формально* объединяет определенный круг людей и идей, имеющих непосредственное или же опосредованное отношение к политике Российской империи в 1890-1905 гг. на Дальнем Востоке. В этом смысле восточниками были императоры Александр III и Николай II, министр финансов С.Ю. Витте, министры иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский, В.Н. Ламздорф, Н.М. Муравьев, военный министр А.Н. Куропаткин, наместник царя на Дальнем Востоке, адмирал Е.И. Алексеев, дельцы-авантюристы А.М. Безобразов и П.А. Бадмаев, военный географ, путешественник, писатель Н.М. Пржевальский, консервативный мыслитель К.Н. Леонтьев, писатель и журналист Э.Э. Ухтомский.

Восточничество как *политический курс* начинается в 1890-1891 гг., в связи с подготовкой и началом строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. Идея связать запад и восток империи железной дорогой впервые возникла после присоединения в 1860 г. новых территорий вдоль рек Амур и Уссури, переданных России Китаем. В 80-е годы, во время обострений российско-китайских отношений эта идея вновь обсуждалась в контексте чисто-военном. Речь шла о необходимости скорейшей переброски войск в Сибирь, если Китай пожелает вернуть утраченные территории. И, хотя по экономическим соображениям реализация проекта была признана невозможной, император Александр III, что называется, «заболел» этой идеей.

Важно отметить, что Трансиб для Александра III был только оборонительным, а не наступательным военно-стратегическим объектом. Царь не стремился к военным авантюрам на Дальнем Востоке. Когда в 1885 г. Н.М. Пржевальский, находившийся в очередном путешествии по Китаю, прислал телеграмму, в которой сообщал, что в Китайском Туркестане вот-вот начнется народное восстание, и предложил, воспользовавшись моментом, присоединить его к России, Александр наложил характерную для него краткую резолюцию: «сомневаюсь в пользе этого присоединения» [8, 56]. Позднее, в 1893 г., он отклонил еще более фантастический план военного захвата всего Китая и Тибета, предложенный П.А. Бадмаевым.

Желание во что бы то ни стало реализовать идею строительства Транссибирской магистрали, видимо, сыграло определенную роль при выборе Александром III маршрута первой зарубежной поездки его двух старших сыновей. Вопреки сложившейся традиции отправлять наследников российского престола, достигших совершеннолетия, в «туристические» поездки с познавательными целями по Европе, царь направил великого князя Николая Александровича и его младшего брата Георгия в длительное морское путешествие по странам Востока.

Надо, впрочем, заметить, что юный Николай и сам был в какой-то мере увлечен Востоком и «заражен восточничеством». Его мать, императрица Мария Федоровна, иногда приглашала в царскую резиденцию Н.М. Пржевальского, чтобы он рассказывал наследнику о своих путешествиях по Китаю и Внутренней Азии. Кроме того, Пржевальский регулярно присылал ему письма из своих странствий, в которых рассказывал о приключениях и подвигах. В одном из этих писем, к примеру, он уверял наследника, что «население Внутренней Азии мечтает только о том, чтобы стать подданными Романовых» [8, 58].

Пржевальского можно назвать первым восточником, то есть первым идеологом колониальной экспансии Российской империи на Дальнем Востоке. В 1886 г. он даже разработал военно-стратегический план войны с Китаем, предполагавший вторжение русских армий на двух направлениях: из Туркестана в западные провинции Китая, и через Монголию – в северные. Военное министерство не пошло на эту авантюру и положило его план под сукно.

В своих книгах, а также в публичных лекциях, которые были весьма популярными, Пржевальский открыто призывал к завоеванию Азии, чьи народы он считал отсталыми и не способными победить в войне с Россией. Не говоря уже о том, что многие из этих народов, по его мнению, только и мечтали, сбросив «иго» маньчжурской династии, перейти в подданство «белого царя». Вряд ли можно сомневаться в том, что он в какой-то мере заразил этими авантюрными идеями малолетнего наследника престола и сформировал у него, во-первых, ориенталистский интерес к «сказочному» Востоку, вперемешку с высокомерно-презрительным отношением к «отсталым азиатам», а во-вторых, стремление к военным завоеваниям на Дальнем Востоке. Таким образом, желание Александра III укрепить позиции России на Дальнем Востоке, отправив наследника в «туристическую поездку» по странам Азии, совпало с желаниями самого Николая Александровича, грезившего восточной экзотикой.

Путешествие началось в октябре 1890 г. и продлилось почти год. На фрегате «Память Азова» Николай посетил Египет, Индию, Цейлон, Голландскую Ост-Индию (Батаву), Сиам, Китай и Японию. В японском городе Оцу произошел знаменитый инцидент: один из полицейских, стоявших в оцеплении, неожиданно выхватил меч и ударил им по голове наследника российского престола. И хотя сам Николай впоследствии гордился «боевым» шрамом, оставшимся от удара мечом, этот инцидент лишь усилил его неприязнь к «азиатам» вообще и к японцам в особенности. В годы русско-японской войны чиновники различных министерств с удивлением разглядывали на официальных докладах собственноручные резолюции, наложенные царем, в которых японцы именовались «макашками» (т. е. макаками) [2, 288].

Из Японии фрегат «Память Азова» отплыл во Владивосток, где 19 мая 1891 г. Николай Александрович символически начал строительство Транссибирской железной дороги, высыпав первую тачку земли.

В воспоминаниях С.Ю. Витте морскому путешествию Николая по странам Востока придается мистическое, роковое значение. Рационалист и прагматик, не склонный, вообще говоря, к мистицизму, Витте писал в мемуарах: «Дальний Восток как будто бы был судьбой связан с личностью цесаревича, а затем и императора Николая. Здесь какой-то фатум» [2, 286]. Обходя мистический аспект, можно разделить мнение о том, что юношеские впечатления от путешествия по странам Востока и Сибири (не говоря о детских впечатлениях, навеянных рассказами и письмами Пржевальского, о которых Витте ничего не знал) сыграли важную роль в формировании внешнеполитического курса Николая после его восшествия на престол. В первое десятилетие царствования, как писал Витте, Николай II «гораздо более склонял голову, свой ум, свои чувства в направлении к Востоку и притом к Востоку Дальнему, нежели к Востоку Ближнему и Западу» [2, 289].

Немаловажным следствием ознакомительно-развлекательного тура по восточным странам была завязка личных отношений Николая с князем Э.Э. Ухтомским, который попал в свиту наследника и в дальнейшем описал его путешествие в трех томах (1893, 1895, 1897). Первоначально тома печатались в роскошном и дорогом формате в Лейпциге, а затем появились и в более дешевом издании, доступном для широкой публики, сыграв заметную роль в идеологическом обосновании восточной политики Николая II. Но еще важнее, чем издание этого официозного труда (редактуру которого лично осуществлял наследник, а затем император Николай II) была журналистская деятельность Ухтомского. До поражения России в войне с Японией он был, можно сказать, официальным идеологом и пропагандистом восточничества – вначале как журналист влиятельной газеты «Гражданин» князя В.П. Мещерского, а затем как редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

Искренняя и глубокая увлеченность Э.Э. Ухтомского Востоком возникла, вероятно, в детстве, под влиянием рассказов отца, военного моряка, участвовавшего в обороне Севастополя, а затем работавшего в торговом пароходстве, которое связывало Санкт-Петербург с Индией и Китаем. Эта увлеченность окрепла и превратилась в осознанную позицию после того, как, окончив Петербургский университет, где он изучал философию и литературу (1884), Ухтомский поступил работать в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Министерства внутренних дел.

В 1886 г. он был командирован в Сибирь для изучения конфликтной ситуации, возникшей между православными миссионерами и бурятскими ламами. Около года Ухтомский провел в Иркутской губернии, посещая православных миссионеров и буддистские дацаны. В разгоревшемся конфликте он сразу встал на сторону лам, полагая миссионерскую деятельность среди бурят бесперспективной, о чем и не преминул сообщить руководству Департамента и Министерства в служебной записке (1887). Двумя годами позднее, в связи с возникшей озабоченностью Министерства внутренних дел политическими настроениями среди российских мусульман, Ухтомский подготовил еще одну записку – «Мекка в политическом и религиозном от-

ношениях» (1889), где он призывал к религиозной терпимости в отношении мусульман и уверял, что они являются верными подданными русского царя.

Участие в длительном восточном круизе наследника престола (1890-1891) вознесло Ухтомского к самым верхам российской государственной машины. В последующее десятилетие он принимал участие во многих закулисных и во многих официальных переговорах и мероприятиях, касающихся восточного направления российской внешней политики, выполняя разные деликатные дипломатические поручения царя и С.Ю. Витте. В 1893 г. именно он ввел в придворные круги П.А. Бадмаева, крещеного бурята и ловкого авантюриста по складу характера, неоднократно пытавшегося втянуть Россию в опасные мероприятия на Дальнем Востоке. В том же 1893 г. Бадмаев направил императору записку, в которой предлагал послать 400-тысячную русскую армию из Туркестана в Китай, а затем в Тибет с целью их присоединения к России. Резолюция Александра III гласила: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха» [5, 98].

В 1895 г. Ухтомский был назначен редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В это время Япония одержала победу в войне с Китаем (1894-1895). Японо-китайская война широко освещалась в мировой и российской печати. Если до нее большинство российских газет симпатизировали Японии, то теперь их симпатии переместились к Китаю. Отечественная пресса шла в фарватере имперской государственной политики, которую в значительной мере определял в то время С.Ю. Витте, министр финансов. Именно Витте горячо отстаивал принцип территориальной целостности Китая, поскольку считал, что главной стратегической целью Японии уже в то время было противостояние дальневосточной политике России. По его инициативе Россия вместе с Францией и Германией в ультимативной форме потребовала от Японии отказаться от плана аннексии Ляодунского полуострова. В случае неприятия ультиматума Витте считал необходимым начать военные действия бомбардировкой японских городов. Ведущие российские консервативные издания, такие как «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Гражданин», поддержали политику правительства, включая военное противодействие Японии в случае ее отказа принять ультиматум [5, 152].

Вообще, как отметил И.С. Рыбаченок, «со времени японо-китайской войны и последовавших за ней событий дальневосточная проблематика прочно входит в круг тем, привлекавших самое пристальное внимание правой печати» [6, 133]. Лидером по объему информации о Дальнем Востоке и о политике России в дальневосточном направлении становятся «Санкт-Петербургские ведомости» Э.Э. Ухтомского [6, 133]. В период с 1896 по 1900 гг. он публикует в газете массу материалов не только о текущих событиях, но также материалов культурно-исторического и идеологического характера, в которых дальневосточная политика царского правительства оправдывалась и «научно» обосновывалась.

Необычайный уровень информированности «Санкт-Петербургских ведомостей» о текущей политике объяснялся тем, что Ухтомский в эти годы был непосредственно и глубоко в нее вовлечен. В 1896 г. его направили в Суэц – встретить на русском судне китайского посланника Ли Хун-чжана, с которым Ухтомский познакомился во время восточного турне наследника престола. Цель поездки состояла в том, чтобы «перехватить» китайского дипломата и не дать ему возможности встретиться с европейскими лидерами. Ли Хун-чжан представлял Китай на коронации Николая II и одновременно вел переговоры с Витте о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) от Читы до Владивостока по территории Северной Маньчжурии (Китай). За обещанную взятку в 3 млн. руб. Ли Хун-чжан брал на себя обязательства ратифицировать достигнутые договоренности в Пекине. Одновременно в Москве были подписаны секретный оборонительный договор России с Китаем и договор с Японией о разделе сфер влияния в Корее.

Для финансирования строительства КВЖД, в соответствии с московскими договоренностями, был создан Русско-Китайский банк с участием французских капиталов. Директором банка назначили Э.Э. Ухтомского (исполняющего, впрочем, только представительные функции). В следующем 1897 г. Ухтомского направили в Пекин для решения ряда стратегически важных вопросов, связанных с дальневосточными планами России, а заодно и для передачи первого транша взятки Ли Хун-чжану. Ухтомскому предстояло договориться с Китаем о том, по какому маршруту (северному или южному) пройдет КВЖД, о возможности строительства русской ветки, которая бы соединила КВЖД с проектируемой китайской железной дорогой от Тяньцзиня до Цзиньчжоу, а также о согласии Китая на проведение железнодорожной ветки от КВЖД до одного из портов Кореи.

Тот факт, что ведение таких сложных и ответственных переговоров доверили человеку, не занимавшему никаких официальных государственных постов и не являвшемуся профессиональным дипломатом, объяснялся достаточно легко. Во всем российском правительстве, как писал Витте, не было людей, знакомых с Дальним Востоком, включая и министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского [2, 328]. Возможно, Витте преувеличил неведение российских дипломатов, но, в любом случае, Ухтомский, как человек исключительно близкий в то время к царю и знакомый со всей «закулисой» российской дальневосточной политики, мог казаться наиболее приемлемым человеком для ведения таких переговоров. Однако вскоре выяснилось, что, не обладая дипломатическими талантами, Ухтомский провалил данные ему поручения. Между прочим, русские дипломаты в Пекине были поражены его якобы восточным красноречием, выдававшим полное не-

знание китайской культуры и китайских обычаев. На одном из официальных банкетов русский переводчик не решился даже адекватно перевести его спич, боясь уронить престиж России в глазах китайцев [5, 97].

Неудача заметно пошатнула позиции Ухтомского в столичных верхах. Через два года, в разгар дальневосточного кризиса, вызванного восстанием ихэтуаней (более известным как «боксерское восстание»), он был вновь, по просьбе Ли Хун-чжана, направлен в Китай, но уже как совершенно частное лицо. От его дипломатических услуг и царь, и Витте на этот раз предпочли отказаться.

Восстание ихэтуаней (1898-1900) и по своему размаху, и по вовлеченности в китайские события ведущих мировых держав, и по тому общественному резонансу, который оно получило в мире, явилось крупнейшим политическим событием рубежа XIX-XX веков. Направленное против иностранцев-колонизаторов, оно было «последней вспышкой агонии старого Китая», как пишет российский востоковед Л.С. Васильев, и одновременно предвестником грядущего скорого «пробуждения Азии» [1, 285].

Российское общество, не меньше европейского, было возбуждено и взбудоражено телеграфными сообщениями из Китая. «Китайские события очень тревожат меня, больше, чем мое болезненное, дохлое состояние» – записал 15 июня 1900 г. в личном дневнике редактор газеты «Новое время» А.С. Суворин [7, 291]. Официальная российская печать пристально следила за драматическими событиями, которые разворачивались на Дальнем Востоке. Царское правительство направило четырехтысячный военный корпус, присоединившийся к интернациональной японо-европейской армии, которая в августе 1900 г. из Тяньцзиня двинулась на Пекин. Российское правительство заявляло (а официальная печать это тиражировала), что не имеет «свокорыстных планов» и движимо «исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников» [4, 380]. Нелегальная революционная печать, напротив, критиковала дальневосточную политику царизма как типичное проявление колониальной экспансии в интересах дворянско-чиновной правящей верхушки и национальной буржуазии. Европейские державы (и Россия в их числе), писал В.И. Ленин в первом номере «Искры» (1900), «принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, – они бросились на него, как дикие звери...» [4, 380].

В действительности в правительственных верхах не было единства мнений по вопросу о целях и задачах политики России в Китае. До того момента, пока восстание не перекинулось в район КВЖД, С.Ю. Витте настаивал на военном невмешательстве России во внутренние дела Китая против мнения военных, жаждавших броситься в бой. Затем, когда возникла реальная угроза КВЖД, Витте согласился с необходимостью военного участия, но по-прежнему настаивал на том, что задача интервенции – восстановить статус-кво, а не делить Китай на зоны влияния. Однако, его осторожную позицию разделял только В.Н. Ламздорф, министр иностранных дел. И хотя формально позиция Витте – Ламздорфа была принята, фактически и военное руководство, и Николай II с этого момента все больше склонялись к мнению о возможности присоединения всей Северной Манчжурии к Российской империи. Дух авантюризма овладел правящими кругами. Как записал в дневнике, характеризуя политику царя в 1900 г. А.С. Суворин: «Александр III русского коня все осаживал. Николай II запряг клячу. Он движется и не знает куда» [7, 264].

Вскоре после подавления восстания ихэтуаней царь заметно отдаляет от себя князя Э.Э. Ухтомского. Произошло это, видимо, как раз потому, что официальная идеология восточничества, которую Ухтомский на протяжении десяти предшествующих лет активно пропагандировал в газетах, больше не соответствовала авантюристической политике России на Дальнем Востоке. Между тем, именно в 1900 г., откликаясь на текущие события в Китае, Ухтомский изложил основные принципы «восточничества» в двух небольших публицистических работах, являющихся, так сказать, квинтэссенцией всей его журналистской и политической деятельности 90-х годов.

Но, прежде чем перейти к изложению его взглядов, необходимо подчеркнуть одно важное обстоятельство. Ухтомский не был ученым-востоковедом и, как уже говорилось выше, его знания о Востоке носили довольно поверхностный характер. Будучи молодым человеком (29 лет) он вошел в ближайшее окружение наследника престола, а затем императора Николая II и на протяжении последующих 10 лет был вхож к царю, как мало кто из высшего петербургского дворянско-чиновного круга. Не случайно ревнивый к его журналистским успехам Суворин сочинил в 1899 г. злую эпиграмму, где были такие строки:

«Опричник царский, что ты мелешь?»

Что шепчешь ты царю наедине,

Глаз на глаз?..»

Вовлеченный в сложные перипетии придворной жизни, закулисной дальневосточной политики, где сталкивались меркантильные интересы различных влиятельных персон, да и сам отнюдь не бескорыстный человек (Суворин обвинял его во взятках, намекал на «выгодные» гомосексуальные отношения с кн. Мещерским), Ухтомский, как идеолог и публицист, ориентировался на тот политический дискурс, в который был включен. В известной мере он и сам формировал этот дискурс. Но лишь в роли *интерпретатора*, а не генератора идей. Точно так же, как и в роли дипломата, он был только *слугой*, выполнявшим чужие поручения, но не генератором продуктивных идей.

Собственные взгляды Ухтомского, сложившиеся отчасти в детстве и до знакомства с наследником, представляли, видимо, неупорядоченную смесь, где немалую роль играл мистический элемент, о котором тоже необходимо сказать. Ухтомский был увлечен *мистикой* Востока. Его привлекал буддизм. Не чужд он был и теософии. Во время восточного путешествия с наследником Ухтомский посетил центр теософского общества в Мадрасе, а затем на острове Цейлон познакомился с помощником Елены Блаватской полковником Г. Олкоттом [8, 96-97]. Некоторые исследователи высказывали предположение, что Ухтомский был знаком с Георгием Гурджиевым и даже стал прототипом одного из персонажей его «Встреч с замечательными людьми» [8, 97]. Николай II тоже, как известно, был не чужд мистическим исканиям, и его сближение с Ухтомским объяснялось, вероятно, в том числе их общей тягой к восточной мистике.

Склонность к мистическому восточничеству и политическую ангажированность Ухтомского необходимо учитывать при анализе той идеологии восточничества, которую он исповедовал и пропагандировал в течение всей жизни. Сама эта идеология у него возникла и сложилась в некую не очень стройную систему (вдобавок довольно фантазмагорическую) только потому, что восточничество *уже существовало как политический курс и нуждалось* в идеологическом подкреплении. Восточничество Ухтомского возникло в ответ на соответствующий *запрос* правящих кругов, к которым он сам принадлежал, и которые осуществляли политику восточничества. Ее базовой идеологемой, разделяемой большинством восточников, исключая лишь таких закоренелых прагматиков, как Александр III и Витте, следует признать утверждение о *политическом лидерстве* России в Азии, а также о ее *праве* расширять свои государственные границы на востоке, юго-востоке и юге вплоть до естественных океанских рубежей. В качестве идеологемы это утверждение, так сказать, «покрывало» (оправдывало) все мыслимые пути и формы имперской экспансии на Дальнем Востоке. Однако сам Ухтомский, будучи в некотором роде идеалистом и романтиком, проповедовал *мирное* расширение границ России на Востоке, что сближало его с умеренными восточниками (Александр III, Витте, Ламздорф) и отдаляло от авантюристов, среди которых, в конечном счете, оказался и сам царь, Николай II.

Претензию России на политическое лидерство в Азии, а также ее «право» на расширение государственных границ Ухтомский пытался обосновать тем, что Россия в культурно-историческом отношении – часть Азии, а не Европы. Но эту идею он подавал таким фантастическим образом, что сам же и обнулял во многом ее весомость. По мнению Ухтомского, в культурно-историческом отношении Россия наиболее близка Индии. Он *отождествлял* древних славян с древними ариями, которые в незапамятные времена вторглись на полуостров Индостан и начали смешиваться с автохтонным дравидийским населением. Эта племенная общность «славян-ариев» и определила в дальнейшем параллелизм, который он усматривал в развитии полуострова Индостан и России. Так, в частности, Индия и Россия в одинаковой мере подвергались набегам и завоеваниям степного «Турана», и в одинаковой мере частично были им культурно ассимилированы: «Индостан и Московское царство... сильно поддались басурманским обычаям, слегка потеряли арийский облик, отчасти приняли совершенно туранскую окраску» [9, 4]. В дальнейшем почти одновременно они освободились от «туранского» владычества и получили возможность развиваться самостоятельно. Вернее сказать, это произошло только в России, потому что Индия, освободившись от власти великих моголов, тут же попала в колониальную зависимость от Запада и ее развитие вновь затормозилось.

Антиисторизм и фантастичность нарисованной Ухтомским картины были очевидными для специалистов даже в конце XIX в., так как история индоариев (II-I тыс. до н. э.), не говоря уже о праариях (III-II тыс. до н. э.), никак не могла быть связана с историей древних славян, появившихся гораздо позднее. Надо заметить, что Ухтомский это в какой-то мере осознавал. «Сближение туземцев Индии с русским простонародьем, – писал он, – многими должно быть сочтено тенденциозным, почти невероятным или же просто-напросто фантастическим» [9, 2]. И, однако же, он не отказывался от своей «теории», полагая, что в будущем ее обоснуют более надежно. Сам же автор ограничился только разрозненными фактами, которые могли, как ему казалось, частично подтвердить эту «теорию», сделать ее менее абсурдной для восприятия.

Между тем, одновременно и параллельно с этой фантастической «арийской» линией (но вне связи с нею!), Ухтомский выдвигал и пропагандировал идею о *всеазиатском* культурно-историческом единстве. В его представлении Азия – от России до Индийского и Тихого океанов – как бы сливается в почти однородный социокультурный «коллоидный раствор», где значимость дифференцирующих антропологических и культурных признаков между народами и расами нивелируется более фундаментальным чувством культурного и «братского» единства. Эту мысль он повторяет на разные лады:

«Там, за Алтаем и Памиром, та же неоглядная, неисследованная, никакими мыслителями не созданная допетровская Русь с ее непочатой ширью предания и неиссякаемой любовью к чудесному...» [9, 20];

«Азия... строго говоря, в полном объеме есть та же Россия» [9, 43];

«Оттенки перехода, особенно от русских владений к китайским, столь неуловимы, что и выразить нельзя» [9, 48];

«В Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ кроме необузданного, как и дух Российского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря» [9, 84].

Ухтомский поразительным образом игнорирует здесь всю *христианскую проблематику*, традиционно связывающую Русь, южных славян, Византию и Запад. Можно прямо сказать, что христианство в его представлении о всеазиатском единстве как будто выпадает из поля зрения, исчезает, нивелируется до нуля. Японец, китаец, индус, монгол, турок, русский – сливаются для него в одну «всеазиатскую личность», резко отличающуюся от «человека Запада», европейца. Точно также в этом ракурсе видения как будто пропадает «славянский вектор» культурно-исторической специфики России. Тут и речи нет о племенном и культурном единстве славянских народов. Россия в целом как будто «отрезается» им от Европы и «зачисляется» в Азию без каких-либо умствований, с непринужденностью человека, узревшего *очевидную истину*, не требующую никаких доказательств.

Надо сказать, что Ухтомский не отрицал влияния Запада на социокультурное развитие России, а также других азиатских народов и, более того, он признавал это влияние *положительным*. Но лишь в том плане, что культурное влияние Запада играло роль толчка, «пробудившего» «дремлющий Восток» и запустившего механизм его саморазвития. По мнению Ухтомского, этот процесс уже повсеместно начался в Азии, а восстание ихэтуаней (напомним, что цитируемые нами работы написаны в 1900 г.) открывает новую страницу мировой истории, характеризующуюся «пробуждением» Востока и стремительным нарастанием «желтой опасности» для Запада. «Кровавая и упорная борьба желтой расы с белой... только началась» – говорит он [10, 16].

И вот, в этой *уже начавшейся* глобальной войне Востока против Запада, Россия не должна, по мнению Ухтомского, упустить шанс выполнить свою историческую миссию – объединить и возглавить Азию. В противном случае она попадет в клещи между намного опередившим ее Западом и пробужденным Востоком, который, овладев техническими и культурными завоеваниями европейцев, станет для России даже намного опаснее Запада. Если это произойдет, полагал Ухтомский, Запад и Восток раздавят Россию с двух сторон.

Правда, что касается практических советов, как именно Россия должна действовать в сложившейся ситуации, чтобы не упустить шанс, то здесь Ухтомский был откровенно слаб и шел в фарватере авантюристического курса царя. Он призвал, хоть и в довольно завуалированной форме, использовать благоприятный момент для аннексии Северной Манчжурии, то есть призвал к тому, чего хотела и сама правящая военно-бюрократическая верхушка, оттеснившая более осторожных Витте и Ламздорфа. Именно этот курс привел в ближайшие годы Россию к дипломатической изоляции на Дальнем Востоке и, в конечном счете, спровоцировал Японию на войну с Россией [3, 336].

Что же касается более общей идеи – о политическом главенстве России во всей Азии, то ее реализация Ухтомскому виделась как-то совсем уж наивно-романтически. Он грезил о мирном и добровольном стремлении азиатских народов стать под крыло императорского двуглавого орла. Настойчивые призывы Ухтомского не *завоевывать* Азию, а, так сказать, *привлечь ее к себе*, резкая критика колониализма как несправедливой политики угнетения и эксплуатации азиатских народов – совершенно очевидно, были не по вкусу царю и представителям военно-компрадорского восточничества, только вошедшим в колониальный раж. Этим, по всей видимости, и было вызвано отдаление Ухтомского от двора в период с 1900 по 1905 гг. Ну, а после поражения России в войне с Японией восточничество и как политический курс, и как идеология, по меткому выражению Ван дер Ойре, затонули в Цусимском проливе вместе с российским флотом.

Выше мы стремились показать, что идеологию «восточничества» следует интерпретировать в контексте *политического дискурса*, который был порожден довольно кратким, но выразительным периодом во внешней политике России, длившемся около пятнадцати лет (1890-1905). И лишь принимая во внимание близость творца этой идеологии к императору, к императорскому двору и правительству, а также его личное участие в закулисной и официальной реализации одноименного политического курса, можно понять феномен восточничества как идеологии, которая этот курс *оправдывала*. Стремление имперского руководства укрепить позиции России на Дальнем Востоке, увлеченность Ухтомского восточной мистикой и буддизмом, его почти случайное знакомство с наследником престола – образовали *когнитивную ситуацию*, в границах которой возникло специфическое *видение* России как неотъемлемой части Востока, послужившее феноменологической основой восточничества.

Идеология восточничества строилась, как антипод западничества. И хотя она не получила сколько-нибудь заметного распространения, а также сколько-нибудь убедительного рационального обоснования (оставшись в глазах образованных россиян каким-то курьезным вывертом сознания), эта идеология, как недостающее звено в трехчастной структуре философского дискурса о России, нашла свое законное, *логически необходимое* место. Западничество рисовало Россию как часть Европы, но «обремененную» восточным наследием, которое необходимо подавить, изжить в себе, чтобы стать подлинной Европой. Таким образом, Россия, в глазах типичного западника XIX в., будучи, несомненно, частью Европы, в то же время сохраняла, благодаря наличию азиатской «второй души», специфику, не позволяющую ей *слиться* с Европой в одно целое. Россия, с точки зрения западников, одновременно и была, и не была частью Европы, что не позволяло региону «Россия» вполне слиться в философском дискурсе с регионом «Запад».

Восточничество в том виде, в каком его развивал Ухтомский, «растворяло» Россию в Азии, лишало ее собственного культурно-исторического своеобразия. С формально-логической точки зрения, восточничество

превращало трехчастную структуру философского дискурса о России в двухчастную. То есть «Россия» как центральный дискурсивный регион, сливалась теперь с регионом «Восток». И вместо развернутой трехчастной структуры («Восток – Россия – Запад») философский дискурс редуцировался до простой оппозиции «Восток – Запад», в котором Россия как бы исчезала вовсе. Не выручала даже идея о «естественном» политическом лидерстве России в Азии, поскольку это лидерство лишь декларировалось и некоторым образом «зависало» в общей идеологической конструкции. Ничто не мешало в рамках этой же конструкции наделять лидерством, например, Китай. Тем более, что именно Китай, по мнению Ухтомского, мог в будущем претендовать на роль главного врага и Запада, и России («желтая опасность»).

«Исчезновение» России в идеологической конструкции восточничества находит свое объяснение в породившем ее политическом дискурсе. Восточничество было всецело связано с *внешнеполитическими* событиями и политикой России на Дальнем Востоке. Иначе говоря, когнитивная ситуация объективно фокусировала взгляд *за пределами* государственных границ России. Неудивительно, что в таком *ракурсе видения* Россия как будто бы «исчезала», «растворялась» в просторах Азии, теряя собственную культурно-историческую идентичность.

Восточничество внесло дополнительный и немаловажный вклад (наряду со славянофильством и панславизмом) в разрушение господствующих европоцентристских представлений о человеческой истории. Оно не только пробуждало интерес и привлекало внимание к Востоку, но совершенно иначе его репрезентировало в политическом и философском дискурсах. Во-первых, теперь Восток виделся как *растущая сила*, которая, овладевая достижениями Запада, сравнивается с ним в плане государственного, военного и культурного могущества. А, во-вторых, такое позиционирование Востока впервые по-настоящему выводило Россию в срединное положение *между* Западом и Востоком, то есть создавало ситуацию реального культурно-исторического выбора, которого до этого, в XIX в., не существовало. Восток и Запад – взятые как два потенциально *равновеликих* геополитических социокультурных полюса по-новому ставили проблему русской (российской) идентичности. Ответ, который на этот вызов дало восточничество – «вливание» России в Азию – был, очевидно, слабым, неубедительным, и о нем быстро забыли. Однако последующие грандиозные события: первая русская революция, «пробуждение Востока», мировая война 1914-1918 гг. и, наконец, революция 1917-1921 гг. привели к рождению *евразийского мифа*, давшего принципиально иной ответ, несоизмеримо больший по силе эмоционального воздействия, идеологической стройности и рациональной обоснованности культурно-историческим материалом, чем восточничество.

Библиографический список

1. Васильев Л.С. История Востока: учебник для магистров: в 2 т. Т. II / Л.С. Васильев. – 6-е изд, перераб. и доп. – М.: Изд. Юрайт, 2011. – 788 с. – (Серия «Магистр»).
2. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. – М.: Мысль, 1991. – 708, [11] с.
3. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – М.: Межд. отношения, 1989. – 336 с. – (Из истории дипломатии).
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 4. – М.: Издательство Политическая литература, 1976. – 576 с.
5. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках / А.В. Лукин – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 468 с.
6. Рыбаченок И.С. Дальневосточная политика России 90-х годов XIX в. на страницах русских газет консервативного направления // Внешняя политика России и общественное мнение. – М.: Институт истории СССР, 1988. – С. 125-146.
7. Суворин А.С. Дневник. – М.: Изд-во «Новости», 1992. – 496 с. с ил. – (Серия «Голоса истории»).
8. Ван дер Ойре Схиммельпенник Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Авторизованный пер. с англ. Н. Мишаковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 421 с.
9. Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае: об отношении Запада и России к Востоку. Рубеж XIX-XX веков. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 96 с. – (Из наследия мировой политологии).
10. Ухтомский Э. Из китайских писем. – СПб., 1901. – 31 с.

I.V. Likhomanov

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

graingar@yandex.ru

IDEOLOGY AND POLITICS OF “ORIENTALISM” ON THE EVE OF RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904-1905

The author paints a general picture of orientalism policy implemented by the Russian government in 1890-1905, and re-constructs the ideology of orientalism, which served as a justification for this policy in the Russian press. The ideology of orientalism is also considered in the context of philosophical discourse about Russian identity in the dichotomy of “East – West”.

Keywords: orientalism, the ideology, Russian Empire, philosophical discourse, political discourse, Eurasianism.

И.В. Лихоманов, Д.Е. Десятов

Новосибирское высшее военное командное училище

г. Новосибирск

graingar@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КАРЛА ФОН КЛАУЗЕВИЦА

Авторы статьи выделяют в военно-теоретическом наследии К. Клаузевица актуальное ядро, представленное учением о природе войны, о военном сознании, а также о взаимосвязи военного дела и политики. При этом наиболее важное значение для современной военно-теоретической мысли представляет всестороннее изучение системных противоречий между военным и политическим сознанием, которые нередко приобретают конфликтный характер. Авторы полагают, что смягчить или снять эти противоречия можно путем утверждения императива ответственности политиков перед армией.

Ключевые слова: военная политология, философия военного дела, военное сознание, цели войны, цели военных действий, локальная война, тотальная война.

Из всех военных мыслителей прошлого в современной научной литературе и в публицистике едва ли не чаще всего упоминают и цитируют прусского военного теоретика начала XIX века, Карла фон Клаузевица. И это не удивительно, поскольку характер современной войны, где военный и политические аспекты тесно переплетены друг с другом, выявляет актуальность научно-теоретических разработок, выполненных им двести лет назад. Наверное поэтому основной труд Клаузевица «О войне» до сих пор находится в списке обязательной литературы для обучающихся в военно-учебных заведениях некоторых стран Запада. Интерес к теоретическому наследию Клаузевица возродился и в России, где вновь достаточно большими тиражами переиздана монография о нем известного советского военного философа и историка А.Е. Снесарева, написанная в 30-х гг. прошлого века, а также сокращенный вариант основного труда Клаузевица «О войне».

Карл фон Клаузевиц родился 1 июня 1780 г. в Бурге близ Магдебурга. Большая часть его сознательной, профессиональной жизни (26 лет) пришлось на эпоху войн с революционной Францией и с Наполеоном, в которых он принимал непосредственное участие.

Отец будущего знаменитого военного мыслителя был прусским офицером в армии Фридриха Великого и участвовал в Семилетней войне (1756-1763). В ходе этой войны русская армия разбила войска Фридриха II и захватила Берлин. Возможно, рассказы отца об этой войне отложились в памяти Клаузевица и пробудили в нем желание стать кадровым офицером. В 12 лет Карл Клаузевиц пошел на военную службу в звании юнкера и уже через год принял участие в войне 1-й коалиции против революционной Франции в 1793-1794 гг. Во время боевых действий в силу его малолетнего возраста Клаузевицу поручали нести знамя полка. В 1801 г. он поступил во Всеобщее военное училище (Кригсшуле) в Берлине, готовившее кадровых офицеров. Здесь способного молодого курсанта заметил будущий военный реформатор Герхард фон Шарнхорст. По его рекомендации в 1803 г. Клаузевиц был назначен адъютантом принца Августа Прусского и принял активное участие в кампании 1806 г. против Наполеона. В ходе череды военных неудач Клаузевиц вместе со своим начальником попал в плен. Позор пленения навсегда запомнился молодому капитану и пробудил в нем интерес к военной теории, желание разобраться в причинах поражений прусской армии, которая до этого считалась одной из лучших в Европе.

Вернувшись из плена, в феврале 1809 г. Клаузевиц к своему большому удовольствию был освобожден от обязанностей адъютанта при принце Августе. В декабре 1809 г. королевский двор переехал в Берлин, где Клаузевиц помогал Шарнхорсту завершить реорганизацию военного министерства. В июле 1810 г. он был назначен профессором в Офицерское военное училище и произведен в майоры. В течение двух лет Клаузевиц читал стратегию и тактику. Но стремящегося к активной практической деятельности офицера педагогическая работа не вполне удовлетворяла.

Унизительное положение Пруссии после поражения в войне с Наполеоном возбуждало в нем патриотическое стремление к борьбе против императорской Франции. Не желая мириться с этим поражением, за несколько дней до нападения Наполеона на Россию Клаузевиц как и многие прусские офицеры перешел на службу в русскую армию. Военно-стратегический талант Клаузевица проявился уже в первые дни начала войны. Назначенный адъютантом к генералу Фулю, Клаузевиц раскритиковал его оборонительный план, состоявший в строительстве укрепленного лагеря в местечке Дриссе на реке Двине. В данном случае он не поступился принципами, даже несмотря на то, что Фуль был его соотечественником и непосредственным начальником. Таким образом Клаузевиц проявил то самое мужество (мужество перед высшей властью), о котором впоследствии писал в своих теоретических работах. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что критическое отношение к проекту Фуля Клаузевиц разделял практически со всем генералитетом русской армии. Как писал в своей монографии Е.В. Тарле, русские генералы в один голос твердили: «армии грозит

окружение и позорная капитуляция. Дрисский лагерь со своими мнимыми укреплениями не продержится и несколько дней» [1].

Не зная русского языка и не имея серьезной протекции, Клаузевиц не мог претендовать на высокие штабные и командные должности. Он служил квартирмейстером в кавалерийском корпусе П. Палена, а затем Ф. Уварова и участвовал в сражениях при Островно и Смоленске. В грандиозном Бородинском сражении Клаузевиц принял участие в не слишком удачном обходном рейде конницы Уварова. На завершающем этапе войны Клаузевиц участвовал в переговорах с генералом Йорком, который командовал прусским корпусом в составе наполеоновской армии. Результатом переговоров стал фактический переход корпуса на сторону русской армии, а впоследствии была заключена Тауроогенская конвенция, вернувшая Пруссию в состав антинаполеоновской коалиции.

В 1813-1814 гг. Клаузевиц принимал участие в заграничных походах русской армии и после их окончания вернулся на прусскую службу. В 1815 г. в качестве начальника штаба III Прусского корпуса под началом генерала Тильмана Клаузевиц принял участие в битве при Ватерлоо. Последний наиболее плодотворный в творческом отношении период в жизни Клаузевица начался в 1818 г., когда он вернулся в Берлин, где получил должность начальника Прусского всеобщего военного училища (впоследствии Прусская военная академия). Эту должность Клаузевиц занимал до 1830 г., почти до своей смерти в 1831 г.

Переходя к рассмотрению теоретического наследия Клаузевица необходимо отметить то, что сохраняет актуальность и сегодня, от того, что ее уже утратило. На наш взгляд, утратило актуальность его учение о стратегии и тактике, в котором главной целью являлся разгром противника в генеральном сражении, уничтожение его физической силы, благодаря чему достигалась победа в войне. «Уничтожение неприятельских вооруженных сил – писал Клаузевиц, – всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные» [2].

Между тем, современный бой представляет собой вооруженную борьбу, в первую очередь и даже главным образом, с использованием технических средств, где человек выступает в качестве управляющего всеми сторонами процесса. На смену столкновению живой силы противников приходит война машин, нередко управляемых дистанционно. Кроме того, сама идея генерального сражения в современной военной стратегии уже не используется.

Непреходящую актуальность, по нашему мнению, имеют военно-исторические работы Карла фон Клаузевица, среди которых для российской военной истории наиболее важна книга «1812 год». В ней отражены живые впечатления, полученные автором от участия в Отечественной войне против Наполеона в составе русской армии.

Особый интерес представляют его характеристики русских военачальников – Баркляя-де-Толли, Ермолова, Кутузова, Витгенштейна, Дибича, – с которыми автору довелось лично общаться. Клаузевиц был одним из первых, кто оценил талант Алексея Ермолова. «Он был, безусловно, лучше всех своих предшественников, – писал Клаузевиц о Ермолове, – так как от него можно было ожидать, что он заставит слушаться приказов по армии и сумеет придать известную энергию мероприятиям командования, что при мягкости и недостатке живости в характере главнокомандующего [Баркляя-де-Толли – прим. авторов] воспринималось как необходимое дополнение» [3].

Крайне любопытна оценка действий и поведения М.И. Кутузова во время Бородинского сражения, данная Клаузевицем на основе живых непосредственных впечатлений. На начальной стадии боя Клаузевиц находился в составе штаба Ф. Уварова рядом с Верховным Главнокомандующим. Впечатления Клаузевица оказались крайне противоречивыми. Он с удивлением отмечал пассивность Кутузова, который «предоставлял полную свободу частным начальникам и отдельным боевым действиям», а с другой стороны, признавал, что благодаря «хитрости и рассудительности» русский полководец «значительно лучше охватывал как ту обстановку, в которой сам находился, так и положение своего противника, чем то мог сделать Барклай с его ограниченным умственным кругозором» [4]. Вполне вероятно, что именно эти наблюдения Клаузевица, наряду с другой мемуарной литературой, легли в основу интерпретации образа Кутузова, представленной в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

Следует подчеркнуть, что впечатления, наблюдения и боевой опыт, которые получил Клаузевиц в России, стали своего рода практическим фундаментом его теории войны и военного дела.

Из собственно-теоретического наследия Карла фон Клаузевица актуальность вплоть до сегодняшнего дня сохранили три существенных компонента:

- а) учение о природе войны;
- б) учение о взаимосвязи войны и политики;
- в) учение о военном сознании.

Таким образом, Клаузевица можно считать одним из родоначальников философии военного дела, военной политологии и военной психологии.

У Клаузевица есть несколько различных определений войны. Наиболее часто цитируемые из них два:

«война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [5];

«война есть продолжение политики, только иными средствами» [6].

Эти два определения акцентируют внимание на двух разных источниках войны: природно-биологическом свойстве человека испытывать негативные эмоции в отношении других представителей своего вида, выливающимся в агрессию, и социально-психологической природе человека, как существа, наделенного разумом и способного к целерациональной деятельности. «Борьба между людьми, – писал Клаузевиц, – происходит в общем счете из двух совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного намерения» [7].

Человечество, по мнению Клаузевица, все меньше руководствуется эмоциями, т. е. «враждебными чувствами», и все больше – рациональными стратегиями, т. е. «враждебными намерениями». Тем не менее, сам характер войны как «акта насилия» предполагает наличие особых состояний и качеств психики людей, вовлеченных в военное противоборство. Реальную борьбу нельзя подменить решением алгебраической формулы, указывал военный теоретик, в противном случае «достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе отношения между ними» [8].

В конечном счете, война, по Клаузевицу, есть противоборство не только военной техники и физической мощи, но также противоборство «сознаний» и «воли» солдат, офицеров и военачальников сражающихся армий. Окончательная победа возможна только тогда, когда у противника сломлена воля к сопротивлению. Неслучайно «сила сопротивления» противника определялась Клаузевицем как двуединство средств, которыми он располагает, и его воли к победе. Сокрушить противника – что и является целью военных действий, – значит не только обезоружить его, т. е. лишить возможности продолжать борьбу, но и сломить его волю к победе, волю к сопротивлению.

Однако воля к победе (она же «сила духа») есть интегральная характеристика «военного сознания» как сложного социально-психологического феномена, обладающего внутренней структурой и единством. Раскрытию этого феномена посвящены многие страницы книги «О войне». Сам Клаузевиц не использует термин «военное сознание», вместо него он вводит понятие «военный гений», которое характеризует «вообще духовные силы, направленные на военную деятельность». Он рассматривает здесь «духовные силы» в их системном единстве, поскольку дальше разъясняет, что «военный гений не является какой-либо одной способностью (например, мужеством), при отсутствии других умственных и духовных способностей... напротив, он представляет гармоническое сочетание способностей, из которых та или другая преобладает, но ни одна не становится поперек другой» [9].

Хотя учение о природе войны и военном сознании составляют значительную часть непреходящего идейного наследия Карла фон Клаузевица, подлинную славу ему принесли теоретические изыскания в области взаимодействия войны и политики. Определение войны как продолжения политики иными средствами, данное Клаузевицем, лежит в основе всей современной военной политологии. Правда, в истории военной мысли был недолгий период времени, когда известные военные теоретики отвергали этот тезис. Накануне Второй мировой войны немецкий генерал Эрх Лютендорф, автор теории «тотальной войны», полагал, что теперь, когда война становится общим делом всей нации, руководить ее подготовкой и ведением могут только профессиональные военные, а не политики. И на этом основании он утверждал, что труд Клаузевица «принадлежит прошедшему всемирно-историческому периоду и на сегодня изжил себя» [10].

Однако во второй половине XX в. период тотальных войн сменился периодом локальных и региональных войн. Сама идея тотальной войны в век ядерного оружия была поставлена под сомнение, как и идея отсутствия какого-либо предела в использовании военных средств сокрушения противника. Наличие ядерного оружия – и есть такой предел, переступив за который равноценные враждующие стороны окажутся в ситуации, когда победа принципиально невозможна.

В результате изменения подходов к пониманию и ведению войны во второй половине XX века идеи Клаузевица о взаимодействии военной и политической сфер вновь оказались востребованными и актуальными, причем даже больше, чем когда-либо. Развитие военно-технических средств и видов оружия (в том числе беспилотников и военных роботов), а также систем коммуникации, привело к тому, что прямое столкновение живой силы противников становится все более эпизодическим. Целью боевых действий все больше становится уничтожение техники, систем коммуникации, а не живой силы. Сам же бой приобретает характер «культиминации» военного противостояния, значительная или даже основная часть которого протекает с использованием так называемой «мягкой силы», то есть дипломатического, экономического, информационного, кибернетического и психологического воздействия. Поэтому сегодня никто не выражает сомнения в главном тезисе Клаузевица: война есть продолжение политики иными способами.

Из этого основного тезиса Клаузевиц выводит два важнейших следствия.

Во-первых, он четко разграничивает «цели войны» и «цели военных действий». Цель военных действий (в общем виде) есть сокрушение военной мощью силы сопротивления противника. Политические же цели могут быть самыми разнообразными, начиная от захвата и присоединения другого государства и заканчивая получением каких-нибудь незначительных уступок в сфере торговли. В силу этого, как пишет Клаузе-

виц, «политическая задача является целью, война же только средство, и никогда нельзя помыслить средство без цели» [11].

Другое важное следствие из основного тезиса Клаузевица заключается в том, что характер военных действий должен быть эквивалентен политической цели. Если цель войны состоит в том, чтобы добиться от соседнего государства уступок в торговой сфере, то для этого, скорее всего, не потребуется разрушать его военно-промышленный потенциал бомбардировками с воздуха. Будет вполне достаточно яркой демонстрации военного превосходства в серии локальных столкновений.

Опыт войн второй половины XX – начала XXI вв. заставляет нас двигаться дальше по пути, проложенному Клаузевицем, и взглянуть на соотношение войны и политики с точки зрения военного сознания, с точки зрения корпоративных интересов армии. То, что для политиков есть средство (армия, война и военные действия), для военного профессионала есть цель. В этом различии коренится конфликт между сознанием политическим и сознанием военным. Политическая целесообразность сплошь и рядом вступает в противоречие с военной целесообразностью. Но, поскольку доминирование политической сферы над военной никем не оспаривается, жертвой политической рациональности становится чаще всего армия.

В частности, поэтому натовское военное руководство, осмысливая результаты войны в Ираке в 2003 г., пришло к выводу, что эту операцию можно считать дурным примером того, к чему приводит неясность в определении политической цели войны. Генерал-майор бундесвера Е.О. Миллотат заявил, в связи с этим: «ни один немецкий солдат не может быть направлен для участия в операции, конечное политическое и военное состояние которой с политико-стратегической точки зрения не сформулировано с самого начала применения бундесвера – при условии учета консультаций на военно-стратегическом уровне» [12].

Очевидно, что в этом заявлении проявилось недоверие армии к политикам. Поэтому ставшая классической формула Клаузевица о войне как продолжении политики, с точки зрения корпоративных интересов армии, требует существенного дополнения, а именно, требования «ответственности политиков перед армией». Армия, конечно же, есть средство для решения политических задач. Но армия не должна быть разменной монетой для политиков даже в тех случаях, когда политическая рациональность вступает в противоречие с военной рациональностью. Этот вывод следует из всей логики рассуждений Карла фон Клаузевица и, наверное, мог быть сделан им самим, если бы в его время существовала такая проблема.

Библиографический список

1. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. – М.: Воениздат, 1992. – С. 54.
2. Клаузевиц Карл фон. О войне // <http://www.museum.ru/The-war/library> (дата обращения 5.10.2015).
3. Клаузевиц Карл фон. 1812 год // <http://www.museum.ru/1812/library> (дата обращения 12.10.2015).
4. Там же.
5. Клаузевиц Карл фон. О войне // <http://www.museum.ru/The-war/library> (дата обращения 5.10.2015).
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Хойзер Б. Книга Клаузевица «О войне» как шедевр XXI века // Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица / Предисл. Ю.Н. Балуевского; Вступ. ст. И.С. Даниленко; статьи В.К. Белозерова и Д. Хойзер. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2007. – С. 263.
11. Клаузевиц Карл фон. О войне // <http://www.museum.ru/The-war/library> (дата обращения 5.10.2015).
12. Белозеров В.К. Судьба учения Клаузевица на его родине // Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица / Предисл. Ю.Н. Балуевского; Вступ. ст. И.С. Даниленко; статьи В.К. Белозерова и Д. Хойзер. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2007. – С. 246.

I.V. Likhomanov, D.E. Desyatov

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

graingar@yandex.ru

CURRENT ISSUES OF MILITARY-THEORETICAL HERITAGE OF KARL VON KLAUSEWITZ

The authors differ actual problems in military-theoretical heritage of Clausewitz represented by the doctrine of the nature of war, the military consciousness as well as the relationship of military affairs and politics. The most important for modern military theory presents a comprehensive study of systemic contradictions between the military and political consciousness, which often acquire the nature of the conflict. The authors suggest that mitigate or remove these contradictions is possible by adopting the imperative responsibility of politicians to the army.

Keywords: military political science, philosophy, military affairs, military mind, goals of the war, local war, total war.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

УДК а94(47+57)“1917/1991”

В.В. Авдеев, В.Г. Кокоулин

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

*vadim-avdeev@mail.ru
kwladislaw@yandex.ru*

**РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ АБВЕРА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

В статье рассматривается история формирования и подготовки национальных подразделений абвера, их участие в разведывательно-диверсионной деятельности на территории СССР, причины их расформирования. Обобщается опыт формирования и применения подобных подразделений в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, абвер, коллаборационизм, «Нахтигаль», «Роланд».

Причины и последствия коллаборационизма в настоящее время стали предметом пристального внимания исследователей [3; 7]. Также следует отметить и появляющиеся публикации относительно разведывательно-диверсионной деятельности специальных подразделений вермахта [1]. Современные события на Украине также привлекают внимание исследователей к этой проблеме [4].

Развитие современных систем вооружения и специальной техники убедительно доказало, что человечеству вряд ли придется воевать так, как это было принято в войны первой половины XX в.: со сплошными линиями фронтов, танковыми армадами, развернутыми цепями пехоты. Однако опыт боевого применения разведывательных подразделений в годы Великой Отечественной войны и сегодня является актуальным. В кругах нацистской Германии бытовал такой афоризм: «Россию можно победить только Россией». Относился он к характеристике разных сторон жизни советского государства: 1) к возможности использования в своих интересах таких явлений, как многонациональный характер населения нашей страны; 2) к тяжёлым последствиям сталинского разгрома армейских кадров; 3) к недовольству людей разными непопулярными административными мерами органов Советской власти. Применительно к деятельности разведки этот афоризм означал необходимость привлечь представителей многих национальностей для нанесения ущерба их же собственной стране.

Наибольшую активность в подрывной работе против Советского Союза проявляла «Организация украинских националистов» (ОУН). Обобщая разрозненные материалы, можно восстановить их историю. В 1938 г. были созданы тренировочные центры для украинских эмигрантов под Берлином и Бранденбургом для подготовки кадров «пятой колонны» на случай начала боевых действий против Польши и СССР. Зимой 1940–1941 гг. второй отдел абвера сформировал в лагере Нейхаммер под Лигницем батальон из украинцев, служивших в польской армии и имевших хорошую боевую выучку. Этот батальон получил кодовое наименование «Нахтигаль» (Соловей). В 1939 г. 250 украинских добровольцев проходили специальную подготовку в учебно-тренировочном лагере под Дахштайном. С созданием дружин украинских националистов «Роланд» и «Нахтигаль» общая численность легионеров достигла 700 человек [5].

Диверсанты изучали уставы, наставления и вооружение Красной армии, инженерное дело, строевую подготовку, топографию, радиодело, шифры, коды и тактику. Кроме того, их обучали способам подрыва поездов (прежде всего воинских эшелонов с живой силой, боевой техникой и боеприпасами), разрушения мостов, линий высоковольтной передачи и других сооружений стратегического значения. Теоретические знания подкреплялись практическими прикладными занятиями в полевых условиях, приближённых к реальной обстановке. Много времени уделялось пользованию оружием, методам бесшумного захвата и умерщвления жертв нацистской разведки. Офицеры абвера постоянно внушали мысль будущим диверсантам о том, что «они украинские патриоты, ведущие борьбу за лучшее будущее своей страны и своего народа». Не случайно в некоторых разведывательно-диверсионных школах имела хождение памятка под любопытным названием «Размышления разведчика». В ней содержались напутствия и советы, о которых разведчик не должен забывать, отправляясь на задание. После подготовки в учебно-тренировочных лагерях основной состав «Нахтигалья» был переправлен в Бранденбург, где он начал проходить боевое слаживание и обучение совместным действиям с 1-м батальоном полка «Бранденбург 800», под руководством которого ему предстояло действовать на территории СССР.

К началу лета 1941 г. «Нахтигаль» был обучен и укомплектован командным составом, который практически целиком был представлен немцами. Обмундирование было стандартным для частей вермахта. Окончившие обучение к концу мая диверсионные отряды «Украинского легиона» были переброшены на территорию СССР к середине июня 1941 г. Перед ними ставились задачи по минированию военных объек-

тов, организации диверсий на транспорте, повреждению средств и линий связи. Основной состав батальона, находившийся в подчинении 1-го батальона полка «Бранденбург-800», был переброшен к линии наступления в район Перемышля. К 21 июня 1941 г. ему предстояло осуществлять диверсионно-боевые операции в передовом эшелоне 1-й горной дивизии 44-го армейского корпуса 6-й армии группы армий «Юг».

22 июня 1941 г. в 3 часа утра 1-й батальон и «Нахтигаль» перешли границу на р. Сан и приступили к действиям по преодолению приграничного укрепрайона. После прорыва линии советской обороны подразделения продвигались в направлении Львова. Во Львов батальон «Нахтигаль» вступил 30 июля вместе с 1-м батальоном «Бранденбург-800». Были взяты под охрану стратегические объекты и транспортные узлы города. К тому времени в городе закончились основные бои между местными оуновцами и отступающими советскими частями. Население Львова радостно встречало «освободителей от жидо-большевистского ига». У собора Святого Юра их благословил глава греко-католической церкви митрополит Андрей Шептицкий. В то же время во Львове оказывается передовая походная группа ОУН(б) во главе с Ярославом Стецько, которая 30 июня провозглашает создание «Украинского государства союзного Великой Германии во главе с вождем С. Бандерой». При содействии бойцов батальона, которые несли охрану львовского радио, дважды в эфире был зачитан текст «Акта провозглашения Украинского государства». Затем весь личный состав батальона «Нахтигаль» под руководством офицеров абвера по специальным спискам, составленным агентами краковского отделения абвера, осуществлял массовые казни еврейского населения, а потом и польской интеллигенции.

7 июля 1941 г. «Нахтигаль» передислоцирован из Львова в Тернополь, где его также радостно встретило местное украинское население. 13 августа батальон возвратился в Жмеринку и далее в Краков и Германию. В начале сентября 1941 г. Шухевич вел переговоры о засылке «Нахтигаль» в тыл советских войск. Однако немцы не согласились с подобным предложением. Осенью батальон направляется обратно во Львов, а затем в Германию на 7-месячные курсы. В ноябре украинский личный состав «Нахтигаль» был объединен с батальоном «Роланд» и направлен на обучение для дальнейшего использования в качестве батальона вспомогательной полиции – 201-го батальона охранной полиции.

Аналогичным образом были сформированы и обучены белорусские и грузинские подразделения. В 1940 г. один из лидеров «правой белорусской эмиграции» предложил немецкому руководству проект организации деятельности белорусских национал-социалистов, который включал в себя переподготовку военнопленных белорусов и переправку обученных кадров на территорию СССР для ведения диверсионной работы. Формирование 1-го белорусского подразделения началось весной 1941 г. 1-й штурмовой взвод (50 человек) был подготовлен в составе полка «Бранденбург-800». Точно так же немцами готовились парашютисты Варшавского Белорусского комитета. В их число включали добровольцев-белорусов из лагерей военнопленных польской армии. Два подразделения вошли в оперативное подчинение штаба «Валли».

Первые парашютисты из состава 1-го штурмового белорусского взвода (41 человек в форме РККА) были сброшены на советскую территорию 18 июня 1941 г. в районе г. Сувалки для совершения диверсии на железнодорожной ветке Столбцы – Барановичи партиями по 5–11 человек. Большая часть группы была ликвидирована органами госбезопасности. Вторая группа была десантирована в ночь с 21 на 22 июня западнее Минска, где провела диверсию на железной дороге и выступила навстречу немецким передовым частям. Парашютисты Варшавского комитета были заброшены на советскую территорию близ р. Буг. После выброски вся группа была замечена и атакована пограничниками. В ходе боя диверсантов взяли в плен. 1-й штурмовой взвод после расформирования был включен в Минскую городскую полицию порядка.

Диверсантам поручалось проведение диверсий в ближнем советском тылу, истребление командного состава РККА, передача военных сведений по радио. Уже перед началом военных действий против СССР абвер привлек к сотрудничеству грузинских эмигрантов (5-я рота полка «Бранденбург-800»). Согласно секретному распоряжению № 53/41 отдела иностранной контрразведки немцы готовили силами грузин восстание на территории Грузии. Эта организация разделилась на две агентурные группы: первая – «Тамара-1» (16 грузин для саботажа) и вторая – «Тамара-2» (80 грузин – оперативная группа). Группы были сформированы во Франции при активном участии руководителя грузинского военного комитета Михаила Кедия.

Формирование второго украинского батальона «Роланд» началось в середине апреля 1941 г. на территории Австрии. В отличие от «Нахтигаль», его личный состав в большей степени был представлен эмигрантами первой волны и их потомками. Кроме того, до 15 % от общей численности составляли украинские студенты из Вены и Граца. Командиром батальона был назначен бывший офицер польской армии майор Е. Побигущий. Все остальные офицеры и даже инструкторы были украинцами, в то время как германское командование представляла группа связи в составе 3 офицеров и 8 унтер-офицеров. Обучение батальона проходило в замке Зауберсдорф в 9 км от г. Винер-Нойштадт. В первых числах июня 1941 г. батальон отбыл в Южную Буковину, где еще около месяца проходил интенсивное обучение, по завершении которого походным маршем двинулся в район Ясс. Там он был присоединен к 11-й немецкой армии (группа армий «Юг»).

27 июня 1941 г. штаб 11-й армии приказал батальону принять участие в боях на реке Прут, занять и зачистить территорию вдоль путей продвижения немецких войск, организовать украинскую самооборону в оккупированных городах, охранять пути поставок продовольствия, помогать в эвакуации военнопленных, охранять промышленные и транспортные объекты. 30 июня батальону было приказано прибыть в Батюшаны. Но 30 июня 1941 г., в день, когда созванное Я. Стецько национальное собрание во Львове провозгласило восстановление независимости Украинской Державы, командование армии запретило вводить батальон в действие. Ему было приказано вернуться в окрестности Кимполунга, где «Роланд» пробыл до конца июля. В дальнейшем (июль 1941 г.) батальон «Роланд» перешел под командование 54-го армейского корпуса и принимал участие в прочесывании территории и охране дорог у р. Днестр. Батальон насчитывал 269 человек (4 роты). На занятых территориях его предполагалось пополнить 150 добровольцами-украинцами. 29 июля батальон «Роланд» переправился через Днестр в Дубоссарах и дошел до Унтиловки, где простоял три недели. 14 августа 1941 г. командование 11-й армии приказало «Роланду» вернуться в Фокшаны (Румыния), поскольку Альфред Розенберг считал, что батальон необходимо отстранить от участия в походе по политическим причинам. Люди, набранные «Роландом» на Украине для организации местной самообороны, были отпущены по домам, а все украинцы, прибывшие сюда в составе батальона, должны были вернуться вместе с ним.

В Фокшанах «Роланд» окружили и разоружили части вермахта, после чего батальон был отправлен в окрестности Вены и там расформирован. 16 сентября 1941 г. гестапо арестовало в Вене руководство бюро ОУН вместе с офицерами-украинцами «Роланда». Всех их обвинили в деятельности против рейха и заключили в концлагерь [2].

Кроме украинцев, белорусов и грузин абвер использовал и эстонцев. После присоединения Прибалтики к Советскому Союзу многие эстонские военнослужащие оказались в Финляндии. В 1940 г. 2-й отдел абвера направил туда нескольких офицеров эстонцев с целью формирования боевых групп из их соотечественников, наиболее подходящих для работы в разведке. Руководству абвера требовалась точная информация о советских войсках в Прибалтике. Подготовка велась на базах в Стаффани и Мунккинеми (Хельсинки) под руководством германских инструкторов из учебного батальона полка специального назначения «Бранденбург-800» обер-лейтенанта К. Рейнхардта и зондерфюрера В. Шварце. Вооружение, обмундирование и снаряжение было финским.

С началом войны Германии против Советского Союза на основе этих боевых групп был создан батальон особого назначения – около 70-80 обученных диверсантов, включая 15 окончивших разведшколу в Рованиеми радистов (начальник – бывший военный атташе Эстонской Республики в Париже полковник Антс-Хейно Кург). После переброски в Эстонию батальон предполагалось передать в подчинение одной из регулярных частей вермахта. 24 июня 1941 г. личный состав подразделения в составе 68 человек, в том числе 4-х эстонских офицеров, был приведен к присяге Германскому Рейху и его фюреру А. Гитлеру. Однако в связи с якобы имевшим место отказом эстонцев ее приносить, было принято компромиссное решение о формальной присяге финляндскому государству, что, однако, никак не повлияло на статус «Эрны» как спецподразделения немецкого абвера. Командиром отряда был назначен К. Рейнхардт (считается, что ему принадлежит и авторство наименования отряда). В. Шварце исполнял функции офицера для связи со штабом 18-й армии вермахта группы армий «Север».

10 июля первая группа из 37 человек, которой командовал полковник Антс-Хейно Кург (впоследствии командир полка в пресловутой 20-й эстонской дивизии СС), десантировалась с рыбацких шхун в тылу Красной армии. Позднее на парашютах сбросили еще 17 человек во главе с обер-лейтенантом Рейнхардом, которые присоединились к первой группе. Вскоре через линию фронта был переброшен и отряд зондерфюрера Шварце. Диверсанты поддерживали постоянную радиосвязь с командованием 18-й армии вермахта, входившей в группу армий «Север». Перед группой «Эрна» были поставлены задачи: дезорганизовать железнодорожное сообщение, вести разведку, сеять панику в тылу Красной армии. Ни о каком «спасении от НКВД мирных жителей» речи не шло, и идти не могло. Еще в начале войны Генрих Гиммлер заявил: «Эстонцы, латыши и литовцы – низшие, едва состоявшиеся расы, поэтому наше отношение к ним будет соответствующим». По утвержденному Гитлером плану «Ост», после разгрома СССР предполагалось выселить в Сибирь до 85 % литовцев и до 60 % латышей и эстонцев, а на их место заселить представителей арийской расы.

Прославилась группа не столько своими героическими подвигами против частей Красной армии и истребительных батальонов (ей, в частности, не удалось решить главную задачу – дезорганизовать железнодорожное сообщение на линии Таллин – Нарва), сколько своими расправами с местным партийно-советским активом и пленными красноармейцами. Большая часть группы была уничтожена уже 31 июля. Лишь нескольким десяткам диверсантов во главе с Кургом удалось уйти болотами через линию фронта в расположение германских войск. По оценке немецких экспертов, использование эстонских добровольцев в этой операции оказалось весьма эффективным.

А вот что написал в своих воспоминаниях личный помощник Канариса Оскар Райле: «Возможность боевого применения эстонских добровольцев в деле, получившем кодовое обозначение «Операция Эрн», в Эстонии была крайне полезной для Германии. Среди населения распространилась весть, что соотечественники, участвовавшие в войне Германии против Советского Союза, первыми ступив на родную землю, боролись за освобождение своей страны» [6, 34-39].

Доступный фактический материал не позволяет утверждать, что добровольцы из эстонцев, в чьи обязанности входила защита мирного населения и поддержание правопорядка, занимались «этническими чистками» и целенаправленным уничтожением своих же населенных пунктов.

На базе остатков группы был сформирован из добровольцев батальон «Эрна 2». В составе 217-й пехотной дивизии вермахта он участвовал в операции по захвату архипелага Моонзундских островов. Однако в октябре 1941 г. эстонский батальон был расформирован, личный состав частично переведен в созданные оккупационными властями подразделения местной «самозащиты», а некоторые его члены вошли в состав 20-й дивизии СС.

В целом следует отметить, что при подготовке к вторжению на территорию СССР абвер ориентировался, прежде всего, на ведение диверсионных операций в ближайшем тылу и на выполнение заданий по тактической разведке. П.А. Судоплатов в книге: «Разные дни тайной войны и дипломатии 1941 г.» писал: «В своей работе противник вынужден был опираться на эмигрантские формирования. А они-то как раз были нам известны по оперативным учетам. Таким образом, мы обладали большими возможностями им противодействовать».

Непосредственным планированием разведывательных операций противника и их руководством занимались люди, некомпетентные в русских делах. В результате интриг из немецкой разведки были изгнаны специалисты по России, а ее руководство было фактически «ослеплено» первыми успехами «молниеносной войны». Надежды на то, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опоры на недовольных советской властью в тылу нашей страны удастся создать «пятую колонну», как в странах Западной Европы, не оправдались.

Массовая вербовка, при хроническом недоверии к эмиграции, исключалась, что существенно ограничивало сферы разведывательно-диверсионной деятельности абвера на Восточном фронте. Тем более что диверсий в глубоком тылу, за исключением бакинских нефтепромыслов, немецкое командование не планировало.

После выполнения конкретных задач личный состав национальных частей и подразделений разоружался самими немцами и перебрасывался либо далеко за пределы Восточного фронта, или же включался в полицию и оккупационную администрацию. Это объяснялось недоверием по отношению к национальным формированиям украинцев, белорусов и др.

Террор двух десятилетий советской власти и сталинская политика безжалостной расправы с любыми врагами «отбили охоту» бороться с режимом даже у недовольных. Те, кто заменял репрессированных, становились более преданными режиму, так как своим возвышением были обязаны власти. Социальная инерция насилия порождала доноительство, ложь, клевету, беспринципность. Все это в совокупности лишь увеличивало преданность государству, Родине, вождю – Сталину. Когда в зоне оккупации оказалось более 20 миллионов советских людей, невероятные страдания нашего народа раскрыли глаза на истинное лицо фашизма. Даже обиженные на советскую власть становились на ее защиту. В результате «пятую колонну» внутри Советского Союза немцам создать не удалось.

Библиографический список

1. Военная разведка нацистской Германии в боевых действиях против Советского Союза в первые годы Великой Отечественной войны / В.В. Авдеев, В.Г. Бояренко, Л.В. Глемба // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2014. – № 1. – С. 99–104.
2. Восточные легионы и казачьи части в вермахте / С. Дробязко, А. Карашук. – М., 2000.
3. Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. – 2001. – № 6.
4. Пальцев А.И. Гуманитарные аспекты войны в контексте событий на Украине // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2014. – № 1. – С. 43–45.
5. Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки, 1933-1945. – М., 1991.
6. Уильямсон Г. Элитные части вермахта. – М., 2003.
7. *Martin Dean*. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941-1944. – London: Macmillan, 1999.

V.V. Avdeev, V.G. Kokoulin

Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk

vadim-avdeev@mail.ru

kwladislaw@yandex.ru

PROSPECTING AND DIVERSIONARY ACTIVITY OF NATIONAL FORMATIONS OF ABVER ON THE EAST FRONT

The article is devoted to the history of formation and training of national divisions of Abver, their participation in prospecting and diversionary activity in the territory of the USSR, the reasons of their disbandment. There is generalized the experience of formation and application of similar formations during the Great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war, Abver, collaboration, “Nahtigal”, “Roland”.

УДК 94 (571. 15) «1941 / 1945»

М.П. Аргунова

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул

argunovafst@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЕМА И РАЗМЕЩЕНИЯ РАНЕННЫХ И БОЛЬНЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЭВАКОГОСПИТАЛЯХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе широкого круга источников рассматривается процесс организации приема и размещения раненых и больных военнослужащих в эвакогоспиталях Алтайского края в годы Великой Отечественной войны. Большое внимание уделено разгрузке военно-санитарных поездов, работе санпропускников и приемных отделений и соблюдению военнослужащими правил внутригоспитального порядка.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Алтайский край, эвакогоспиталь, военнослужащие.

В годы Великой Отечественной войны для лечения раненых и больных военнослужащих на территории Алтайского края были развернуты эвакогоспитали, которые подчинялись Наркомату обороны (НКО), Наркомату здравоохранения (НКЗ) и Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов (ВЦСПС). Количество эвакогоспиталей, их специализация и коечная ёмкость зависели от обстановки на фронте. Если в августе 1941 г. в крае дислоцировалось 12 эвакогоспиталей, то к началу 1942 г. их количество превысило 90¹. В эвакогоспиталях проходили лечение рядовой и начальствующий состав действующей армии. Раненых с фронта в тыловые эвакогоспитали доставляли военно-санитарные поезда (ВСП). К началу 1942 г. действовали 431 постоянных и временных военно-санитарных поездов, кроме того, с начала февраля 1942 г. было сформировано 286 военно-санитарных летучек [2]. Для удобства транспортировки раненых военнослужащих госпитали располагались вблизи железной дороги и на железнодорожных станциях не дальше 5 км.

Погрузка раненых и больных в ВСП предполагала решение широкого круга задач, наиболее важными из которых являлись: сортировка военнослужащих по характеру ранения и тяжести заболевания, прием личных дел и оформление путевой документации. Первые ВСП с ранеными стали прибывать в Алтайский край в сентябре 1941 г. преимущественно в города Бийск и Барнаул. Пунктами разгрузки ВСП являлись железнодорожные станции (вокзалы) городов Барнаул, Бийск, Славгород, Рубцовск, Алейск, других населенных пунктов вдоль железной дороги, в которых были развернуты эвакогоспитали. Объем и перечень работ, проводимых в пунктах разгрузки представителями эвакогоспиталей до прибытия ВСП, определялись инструкцией Главного военно-санитарного управления Красной Армии (ГВСУ РККА) № 301 от 6 сентября 1941 г. по погрузке и разгрузке постоянных военно-санитарных поездов². Согласно распоряжению Санитарного отдела Сибирского военного округа (СибВО) № Э / 997 от 22 апреля 1942 г. при разгрузке ВСП было запрещено выдавать истории болезней на руки раненым и больным военнослужащим. Документы передавали медсестрам или санитаркам, сопровождающим последних в госпиталь³.

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. П–1. Оп. 18. Д. 678. Л. 3; Филиал Центрально архива Министерства обороны Российской Федерации (Военно-медицинских документов) г. Санкт-Петербург (ФЦАМО РФ) Ф. 5754. Оп. 63088. Д. 7. Л. 292, 379 – 382.

² ФЦАМО РФ Ф. 7405. Оп. 62996. Д. 16. Л. 48.

³ ФЦАМО РФ Ф. 7405. Оп. 62996. Д. 16. Л. 57.

Для разгрузки ВСП и перевозки раненых военнослужащих командование эвакогоспиталей выделяло людей и транспорт. Учитывая ограниченный штат и большую загруженность персонала эвакогоспиталей, для разгрузки на безвозмездной основе привлекались общественные организации Красного Креста и Красного Полумесяца, комсомольские и шефские организации. В 1942 г. в качестве санитаров использовались курсанты Лепельского минометно-артиллерийского училища, дислоцированного в г. Барнауле. Командование само предложило свои услуги, т. к. считало, что умение обращаться с ранеными необходимо будущим офицерам в боевой обстановке⁴. Для получения практического опыта для разгрузки привлекались учащиеся фельдшерско-акушерских школ и курсов медсестер и санитарок.

В приемные отделения эвакогоспиталей с пунктов разгрузки ВСП раненые и больные военнослужащие поступали после обязательного прохождения санпропускника, имеющегося при каждом эвакогоспитале. В специальном отделении санпропускника поступивших больных раздевали, отправляя вещи в дезокамеру, а затем все без исключения шли в моечное отделение с санитарной обработкой дезинфицирующими средствами. Обязательной для всех, кроме офицерского состава, являлась стрижка волос под машинку. После этого военнослужащие направлялись в перевязочный кабинет. Здесь менялись все повязки, в том числе и гипсовые, для предотвращения занесения инфекции и педикулеза в госпиталь [1]. Только после полной санитарной обработки раненые получали госпитальный халат, нательное белье, полотенце и обувь. В приемном отделении дежурный врач совместно с представителями медицинской канцелярии и вещевых складов госпиталя оформляли раненых и больных и размещали на 2 недели в карантинные изоляторы отдельно от ранее поступивших для соблюдения карантина. Лихорадящие больные помещались в изолятор до уточнения диагноза⁵. В период большого поступления раненых и больных дополнительные койки размещались в коридорах, клубах, медицинских кабинетах, бывших столовых, без соблюдения отдельного содержания вновь поступивших, но с созданием инфекционного отделения.

Личные вещи раненых и больных военнослужащих после обработки и починки поступали на хранение в склады госпиталя. Заведующий складом вещевого снабжения госпиталя изымал у поступающих все колющие и режущие предметы под ответственность начальников отделений по актам. В перечне предметов, разрешенных к хранению в палатах, были конверты, бумага, карандаши, курительные принадлежности, предметы личной гигиены и небольшая сумма денег.

Все раненые и больные военнослужащие, поступившие в эвакогоспиталь, приказом начальника госпиталя ставились на вещевое, продовольственное и денежное довольствие по нормам НКО. На котловое довольствие пациенты зачислялись по предъявлении продовольственного аттестата. В случае отсутствия денежного аттестата (для офицеров – расчетной книжки с мая 1942 г.) денежным довольствием военнослужащие обеспечивались по минимальному окладу [3]. Основанием для расчетов в этом случае являлись удостоверение личности командира РККА для офицеров и красноармейская книжка для рядового состава и младших командиров РККА (с 7 октября 1941 г.). История болезни и результаты анализов с предыдущих этапов эвакуации отображали диагноз, оказанное лечение и состояние поступившего военнослужащего. Диагноз проверялся и уточнялся на каждом этапе эвакогоспиталей. Члены семей военнослужащих, в т. ч. эвакуированные, а также военнослужащие частей и соединений, дислоцированных на территории Алтайского края, проходили лечение только в гарнизонных госпиталях НКО. На 1 апреля 1942 г. в СибВО было расположено 14 госпиталей НКО в городах Анжеро-Судженске, Барнауле, Бийске, Канске, Кемерово, Красноярске, Новосибирске, Омске и Томске⁶.

Согласно правилам внутригоспитального порядка все раненые и больные были обязаны соблюдать порядок, установленный в госпитале, и выполнять распоряжения (указания) лечащего врача, медсестер, старшего по отделению (в палате). Для поддержания дисциплины среди раненых начальником медицинского отделения выделялись старший по отделению и старший по палате из числа находящихся на лечении воинов. Старший по отделению каждое утро докладывал начальнику медицинского отделения о нарушениях режима, о качестве и организации питания, недостатках ухода за больными и поведении больных. Ходячие больные после утреннего измерения температуры тела, обязывались заправлять кровати – лежать или сидеть на кровати в одежде было запрещено⁷. Физическая зарядка с ранеными и больными проводилась обязательно согласно назначению лечащего врача. Старший по отделению следил, чтобы все, кому положено, в назначенное время были на месте проведения зарядки. Прогулки больных в зимнее и летнее время происходили в зависимости от погодных условий, в установленное командованием время по разрешению лечащего врача. Лечебные процедуры и прием лекарств происходили в строго назначенное время и в присутствии медсестер. Ходячие принимали пищу в столовой, лежачих няни кормили в палатах. Посещение больных родственниками и товарищами разрешалось в установленное начальником госпиталя время. Де-

⁴ ФЦАМО РФ Ф. 247. Оп. 6093. Д. 1. Л. 9 об.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р – 9493. Оп. 2. Д. 249. Л. 2. Л. 23.

⁶ ФЦАМО РФ Ф. 5754. Оп. 63088. Д. 7. Л. 201.

⁷ ГАРФ Ф. Р–9493. Оп. 2. Д. 249. Л. 10, 10 об.

журство у тяжелобольных разрешалось с ведома начальника медицинского отделения и санкции начальника госпиталя. Увольнение раненых и больных в город запрещалось. Военнослужащий, недовольный лечением, обследованием или уходом, мог подать жалобу начальнику медицинского отделения. Кроме ежедневных обходов лечащего врача, один раз в неделю совершался обход всех раненых и больных госпитальной врачебной комиссией во главе с начальником госпиталя⁸.

По окончании сроков лечения каждый военнослужащий проходил военно-врачебную комиссию, в состав которой входили начальник эвакогоспиталя, лечащий врач, медицинские специалисты эвакогоспиталя или других эвакогоспиталей. В состав комиссии могли входить и приглашенные научные консультанты, представители государственных, партийных органов, крайгоррайздравов, Алтайского краевого комитета помощи раненым. По результатам комиссии годные к строевой и нестроевой службе военнослужащие получали документы, обмундирование, личные вещи и направлялись на военно-пересыльный пункт Алтайского крайвоенкомата (г. Барнаул, ул. Партизанская, 191) для дальнейшего направления в часть или на укомплектование новых воинских формирований и запасных частей СибВО. Часть освидетельствованных военнослужащих направлялись в батальон выздоравливающих 26-й Алтайской запасной стрелковой дивизии в г. Бийск. Сводные сведения о возвращенных в строй военнослужащих эвакогоспиталями направлялись УРЭП № 62 начальнику отдела мобилизационно-организационного и укомплектования штаба СибВО. Военнослужащие, признанные негодными к военной службе, дополнительно проходили врачебно-трудовую экспертную комиссию (ВТЭК) с участием органов социального обеспечения, по результатам которой военнослужащим предоставлялся отпуск по болезни с переосвидетельствованием через 6 месяцев или год или подлежали увольнению из рядов РККА по состоянию здоровья. Полностью комиссованные воины получали степень инвалидности и вставали на учет в органы соцобеспечения для получения пенсии и льгот по инвалидности. Инвалиды по получении пакета документов направлялись по месту призыва (жительства) часто в сопровождении медсестры. Военными комиссариатами взамен красноармейской книжки им выдавались военные билеты. Не имеющие возможности уехать домой (в оккупированные районы СССР) инвалиды Отечественной войны оставались в Алтайском крае, получая жилье по месту трудоустройства или поступали в интернаты для инвалидов Отечественной войны. Истории болезни больных, выписываемых из эвакогоспиталей, хранились наряду с секретными документами⁹.

Таким образом, организация приема и размещения раненых и больных военнослужащих в годы Великой Отечественной войны представляла собой стройную систему взаимодействия всех отделений эвакогоспиталя. Система характеризовалась четким распределением обязанностей, ответственности и высокой адаптивностью. В решении отдельных задач командование эвакогоспиталей взаимодействовало с местными государственными, партийными органами и общественными организациями.

Библиографический список

1. Денисова К. В тыловом госпитале // На всю оставшуюся жизнь. Воспоминания воинов – бийчан, ветеранов тыла. – Бийск, 1994. – С. 221.
2. Мушкин С.Г. Всенародная помощь раненым воинам в годы Великой Отечественной войны. – Тбилиси: Изд. «Сабчота Сакартвело», 1971. – С. 27.
3. Финансовое обеспечение в годы Великой Отечественной войны. – [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Загл. с экр. – Режим доступа: URL: <http://www.oboznik.ru/?p=11567> (дата обращения: 19. 06. 2015).

M. Argunova

*Polzunov Altai State Technical University
Barnaul*

argunovafst@gmail.com

ORGANIZING THE RECEPTION AND ACCOMMODATION OF THE SICK AND WOUNDED SOLDIERS IN THE EVACUATION HOSPITALS IN ALTAI DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

On the basis of a wide range of sources is considered the process of organizing the reception and accommodation of wounded and sick soldiers in the evacuation hospitals of the Altai Kray in the Great Patriotic War. Much attention is paid to unloading of military-hospital trains, works of the bathing and delousing establishment and reception offices and observance of the rules of military-hospital order.

Keywords: Great Patriotic War, Altai Kray, The Evacuation Hospital, military.

⁸ ГАРФ Ф. Р-9493. Оп. 2. Д. 249. Л. 10, 10 об.

⁹ ФЦАМОРФ Ф. 7405. Оп. 62996. Д. 16. Л. 37.

А.Н. Баранов, Е.А. Чугунов

*Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова
Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко
г. Кострома*

*baranow70@mail.ru
E.A.Chugunov@yandex.ru*

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье анализируется характеристика сфер гражданского провинциального общества и социотехнической системы Костромской губернии в Первую мировую войну, а также освещение в костромской печати проблем Первой мировой войны и отношения населения губернии к происходящим событиям.

Ключевые слова: Первая мировая война, отношение населения к войне, костромская печать.

Костромские статистики 1914 год отнесли к числу неблагоприятных для экономики края. Вследствие холодной весны и засушливого лета не уродились хлеба и травы [2, 1]. Это прибавило хлопот крестьянскому большинству губернии, но в целом не изменило привычный ритм жизни. Как и прежде часть мужского населения ушла в летний период на заработки в столицы, а горожане уехали отдыхать на дачи. О войне, если и говорили, то как о событии, которое вряд ли произойдет. Убийство в Сараеве наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда сербским студентом Гаврилой Принципом, ставшее известным из газет 19 июня [3], мало кто воспринял как первый выстрел в грядущем мировом побоище. Поэтому объявление всеобщей мобилизации и войны полтора месяца спустя явилось полной неожиданностью для простых обывателей.

Только за первые три месяца войны количество мобилизованных по Костромской губернии составило около 40 тыс. человек. В июле 1914 г. костромичи торжественно проводили на фронт Юрьевецкий и Пултусский полки. Многие ушли добровольцами.

Развернули свою работу государственные и общественные организации. 26 августа 1914 г. из Костромы отправился на фронт госпиталь на 200 коек в составе 5 врачей, провизора, зав. хозяйством, 16 сестер милосердия и 35 санитаров. Плодотворная деятельность персонала госпиталя вскоре была высоко оценена главноуполномоченным Красного Креста генерал-лейтенантом Е.Н. Волковым, отметившим в одном из докладов «выдающуюся деятельность персонала Костромского госпиталя». Федоровской общиной сестер милосердия были открыты курсы, которые с 16 августа 1914 г. по 22 января 1916 г. закончили 62 сестры милосердия. Часть из них была отправлена на фронт, часть – в Москву в военно-лечебные заведения, остальные работали в костромских лазаретах.

В середине марта 1915 г. на фронт отправился «9-й передовой врачебно-питательный отряд Всероссийского Земского Союза имени Костромского губернского земства». В состав отряда входили 4 врача, 2 фельдшера, 12 сестер милосердия, 4 брата милосердия, 75 санитаров-солдат, 50 человек прислуги и священник. Отряд был прикомандирован к 1 стрелковой Сибирской дивизии.

8 июня 1915 г. был образован губернский комитет по снабжению армии. В Костромской губернии началось изготовление различных предметов снаряжения для армии и сбор металлолома для военной промышленности [1, 43-44].

В связи с мобилизацией промышленности для нужд обороны страны внутренний рынок России к началу 1917 г. окончательно расстроился. Спрос на предметы первой необходимости превышал предложение, как тогда писали в газетах и в различного рода отчетах, в «невероятно огромных размерах». Стоимость рубля составляла 20-27 копеек, а война поглощала в день 50-60 млн. рублей.

Все труднее приходилось и семьям жителей Костромской губернии, кормильцы которых погибли или были в окопах. В очередной раз возросли цены на все предметы и продукты первой необходимости. Так, 11 декабря 1916 г. на очередном собрании Нерехтской городской думы рассматривалось присланное Костромским губернатором прошение проживающих в Нерехте 50 солдаток, которые жаловались на «свое печальное по недостатку средств к жизни положение». В прошении они указывают, что управа не выдала им ни копейки из назначенного им по смете 1916 г. пособия в 1800 рублей. В заключение они просят оказать им помощь, если не деньгами, то хотя бы дровами. В большинстве уездов губернии земства перешли к продовольственным карточкам. Как было отмечено рядом газет, к осени 1916 г. среди игр детей прочно заняла свое место «злободневная игра в дороговизну».

Тяжело жилось и костромской деревне. В 1916 г. беспосевные хозяйства составили 17,76 % от общего числа всех хозяйств, а число бескоровных хозяйств – 22,47 %.

В январе 1917 г. положение с продовольствием еще более усугубилось. 4 января председатель Чухломского чрезвычайного уездного земского собрания констатировал, что «в настоящее время и создано критическое положение, которое угрожает вскоре голодом местному населению ... население уезда, как известно ему, председателю ... считает уездное земство виновником создавшегося положения» [1, 28-32]. 12 января состоялось экстренное собрание гласных Костромского уездного земства, на котором был заслушан доклад горуправы по вопросу снабжения уезда мукой и продуктами первой необходимости. Положение было признано критическим. Далее огласили письмо гласного Кинешемского земства, члена Государственной Думы Грибунина, обрисовывающее тяжелое положение продовольственного дела и указывающее на необходимость «каждого заботиться о самом себе». Собрание постановило поручить управе закупать продукты везде, где это возможно.

27 января 1917 г. в самом начале губернского земского собрания Б.Н. Зузин заявил, что продовольственных запасов в Костромской губернии нет. После объяснения причин сложившегося положения он заключил, что «все затруднения не от нас. Перспективы будущего не отрадны, но земство здесь не повинно ...». Далее последовало еще несколько выступлений, имевших явную политическую окраску. Так, член Государственной Думы Грибунин заявил, что «в этой продовольственной разрухе мы надеемся на Государственную Думу, которая должна доводить борьбу до конца. Мы должны уверить Государственную Думу, что за нею вся земская Россия, вся страна ...». Последним выступил член губернской управы Г.П. Ротаст, утверждая, что «... недалеко время, когда положение будет еще более тяжелым ... Мы должны заявить, что только Государственная Дума может спасти нас от надвигающегося кровавого зверья...» [1, 28-32].

В дополнение ко всем бедам, как отмечал корреспондент газеты «Курьер», жителям много приходится страдать от краж съестных припасов из их погребов. И еще одно «новшество». В Костроме появились фальшивые десятирублевки.

Продолжала оставаться острой проблема помощи беженцам, которых в начале 1917 г. только в Костроме было официально зарегистрировано 5992 человека.

Население губернии повсеместно стремилось оказать помощь действующей армии. Люди всех возрастов несли табак, папиросы, кисеты, чай, сахар, спички, мыло, теплую одежду и многое другое. Земскими комитетами, духовенством, частными лицами было организовано изготовление белья, одежды и обуви. 150 ящиков продуктов и вещей отвез в ноябре в подарок от жителей городов, сел и деревень воинам Юрьевоцкого и Пултусского полков член Государственной Думы от Костромской губернии П.В. Герасимов.

Ряд крестьян добровольно поставили отличных лошадей на нужды армии, отказавшись от любого вознаграждения, Костромской губернатор П.П. Стремоухов особыми приказами вынес им искреннюю благодарность.

Общие для фронтовиков чувства выразил унтер-офицер Ф.С. Антипин в своем письме супруге и детям: «Когда мы получили эти подарки, мы со слезами на глазах принимали их, от радости, что о нас в Костроме заботятся, точно мы побывали дома, за что мы, все солдаты, очень благодарны жертвователям».

Повсеместно: в городах и деревнях проводились сборы в пользу раненых и больных воинов. Отчисляли определенный процент от жалованья, собирали продукты, шили белье и теплую одежду.

28 июля 1914 г. под руководством С.А. Стремоуховой (супруги губернатора) был создан Дамский комитет, который организовал сбор пожертвований для нужд войны и 23 августа открыл лазарет для раненых на 150 коек. По этому поводу в сентябре в Кострому поступили телеграммы от Государыни Императрицы Александры Федоровны и от вдовствующей Императрицы Марии Федоровны с выражением благодарности всем жертвователям за «усердие в великом святом деле помощи нашим раненым и больным воинам». В ноябре при Ипатьевском монастыре был открыт лазарет для раненых. Государь Император разрешил присвоить ему имя Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича.

Газеты постоянно информировали о прибытии раненых и открытии все новых и новых лазаретов. Вот только некоторые данные на начало сентября 1914 г.: в Костромском уезде оборудована 131 койка, в Плесе – 30, в Макарьево – 40, в Юрьевне – 20, в Пучеже – 11. К началу мая 1915 г. в губернии находилось в разного рода лечебных заведениях 3984 воина.

В городские и в уездные земские управы непрерывным потоком поступают заявления от частных лиц о их желании принять на свое содержание раненых воинов до их полного выздоровления.

В местные газеты поступает множество писем с искренней благодарностью от раненых в адрес губернатора, администрации, врачей, сестер милосердия, сиделок и многих костромичей. Продолжались сборы на подарки воинам и их семьям. Жители губернии продолжали оказывать помощь армии, особенно воинам Юрьевоцкого и Пултусского полков. Много подарков посылалось обычно на Рождество и на Пасху. Ежегодно для раненых в лазаретах в декабре-январе устраивались красивые елки с раздачей подарков. В декабре 1915 г. только местным комитетом «Зеленого Креста» в Пултусский полк было отправлено 200 перчаток, 40 иголок, 4 фунта ниток, 1 пуд 10 фунтов мыла, 500 конвертов, 5 пачек почтовой бумаги, 144 чернильных карандаша, 14 стоп курительной бумаги, 100 зажигалок, 144 кремня, 12 аршин фитиля, 4 гармони, 4 бубна, 3 пуда пряников, 1 пуд монпасье.

Повсеместно продолжали проводить сборы в пользу больных и раненых воинов. В начале 1915 г. воспитанники Костромской духовной семинарии собрали 43 рубля 30 копеек, которые послали на нужды лазарета духовно-учебных заведений имени преподобного Серафима Саровского. В июне 1915 г. в Кологриве был проведен день продажи цветов, значков и флагов. В ноябре учащиеся 2-й мужской гимназии в Костроме подготовили концерт, сбор от которого передали в пользу раненых гимназического лазарета. В начале 1916 г. учащиеся 1-й мужской гимназии получили сердечную благодарность от начальника штаба русской армии генерала М.В. Алексева и непосредственно от солдат, которым были розданы подарки. Сбор от вечера-концерта, устроенного 23 ноября 1916 г. костромскими студентами на приобретение подарков военным Юрьевского и Пултусского полков, составил 762 рубля 63 копейки. А через три дня 26 ноября 1916 г. учащаяся молодежь провела кружечный сбор в пользу семейств георгиевских кавалеров.

Но не только воинам-землякам помогали костромичи. Их посильная помощь направлялась и в другие воинские части. Об этом свидетельствует письмо командира 4 Сибирского стрелкового полка: «Глубоко тронутые вашим теплым вниманием и трогательной заботой Костромского комитета, стрелки вверенного мне полка и я приносим душевную благодарность за щедрый дар нам присланный» [1, 43-44].

К концу 1916 г. в Костромской губернии насчитывалось около 10 тысяч инвалидов. Остро стоял вопрос об оказании им материальной помощи, устройстве на работу, о переквалификации. Коллективы многих учреждений и отдельные лица перечисляли деньги на устраиваемую комитетом «Зеленого Креста» учебную мастерскую для воинов-инвалидов. Выделялась земля и денежные средства на строительство домов и устройство мастерских для воинов-инвалидов.

В январе 1917 г. губернское земское собрание ассигновало 1000 рублей в распоряжение комитета по устройству в Костроме храма Воскресения для увековечивания памяти воинов-костромичей, павших на поле брани.

Собирали пожертвования и проводили различного рода мероприятия в пользу русских военнопленных. Собирались пожертвования и в пользу военнопленных костромичей. 5 февраля 1917 г. в местной прессе появилось воззвание комитета костромских горожанок о сборе средств в пользу воинов, томящихся в плену. 8 февраля было собрано 1488 рублей 58 копеек. Кроме того было пожертвовано 308 пудов 8 фунтов различных продуктов, которые были отправлены для пересылки за границу пленным костромичам.

Как справедливо отмечает Г.Ю. Волков, в экстремальной ситуации Первой мировой войны в деятельности костромичей в помощь фронту, больным и раненым воинам, нашим военнопленным проявились лучшие черты русского человека: патриотизм, сплоченность, сострадание, милосердие, готовность поделиться последним.

На момент начала Первой мировой войны Главным начальствующим Костромской губернии, Губернатором, Егермейстером Двора Его Императорского Величества являлся Стремоухов. 29 июля 1914 г. Костромские губернские ведомости [4] печатают Обязательное постановление Главного начальствующего Костромской губернии от 28 июля 1914 г., которое предупреждает население губернии о том, как не следует себя вести и какие последствия могут быть в результате нарушения данных правил. Согласно данному постановлению населению воспрещается:

- 1) Распространение ложных слухов, вызывающих тревогу в обществе.
- 2) Произнесение речей, чтение докладов и сообщений или напечатания статей, подрывающих доверие к Правительству и его органам.
- 3) Устройство всяких собраний без разрешения подлежащей власти, кроме тех, кои созываются на основании существующих положений и утвержденных уставов.
- 4) Повышение цен на съестные припасы и предметы первой необходимости.
- 5) Приведение путем очистки, смешения и т.п. мер в пригодный для употребления вид различных веществ, содержащих в себе спирт, как то: политуры и т.д.
- 6) Продажа всякого рода опьяняющих веществ.
- 7) Иметь всякого рода множительные аппараты, а равно и пользоваться ими без должного разрешения.

Виновные в нарушении вышеприведенных правил, а равно и лица, виновные в неисполнении законных требований полиции и других органов Правительства, на основании п. 3 ст. 26 Прил. I к ст. 1 (примеч. 2) т. XIV Св. Зак., подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме на три месяца или аресту на тот же срок, или денежному взысканию до 3 000 руб.

Таким образом, данное Постановление Костромского губернатора было направлено на стабилизацию политической, духовной и экономической сфер общества, инструментом такой стабилизации служило административное наказание в виде штрафа либо лишения свободы на три месяца.

Чуть позже Костромские губернские ведомости печатают очередное Обязательное Постановление Главного начальствующего Костромской губернии от 31 июля 1914 г., изданное на основании п. 1 ст. 15, 23 и п. 5 ст. 26 Положения о мерах охранения государственного порядка и общественного спокойствия [5].

Согласно указанному постановлению все без исключения проживающие в пределах Костромской губернии германские и австрийские подданные мужского пола свыше 16-ти летнего возраста обязаны явиться: «проживающие в Костроме, в течение одних суток со времени опубликования сего Постановления – в канцелярию полицеймейстера, а проживающие в уездах – в течение 2-х суток со дня получения Постановления на местах – в канцелярию Уездных Исправников, со всеми документами о личности и об отношении к отбыванию воинской повинности. Германские и австрийские подданные мужского пола в возрасте от 17 до 45 лет считаются военнопленными. Те из сих лиц, которых признано будет возможным оставить на местах жительства, состоят под наблюдением полиции и обязуются подпискою о невыезде».

Постановлением предусмотрено и наказание для германских и австрийских подданных мужского пола за его неисполнение: «Виновные в неисполнении или нарушении сего постановления, а равно и требований помощи по осуществлению надзора или подписки о невыезде подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме или крепости на 3 месяца, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до 3 000 руб.».

Таким образом, данное постановление Костромского губернатора было направлено на мобилизацию германских и австрийских подданных мужского пола в возрасте от 17 до 45 лет.

Спустя 3 недели после начала войны Костромские губернские ведомости публикуют Высочайший манифест, в котором содержится моральная поддержка и духовный призыв к населению, называемому «Наши верные подданные». В манифесте объявляется о том, что Австро-Венгрия так же, как и Германия, объявила войну России: «Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей её России». Двор Его Императорского Величества сообщает о том, что «Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенною силою растёт навстречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимою твердостью встает пред врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого». Правительство подчеркивает, что «не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов Мы не одни: вместе с Нами встали доблестные союзники Наши» [5].

Данным манифестом Двор Его Императорского Величества стремится не только оповестить своих подданных о происходящих военных событиях, но и объяснить суть этих событий, а также поддержать дух населения, подчеркивая правоту борьбы русского народа против захватчиков, а также уведомляя, что у России есть союзники. Таким образом, правительство с помощью местной печатной прессы не только сообщало о военных событиях, но и подбадривало русский народ.

Спустя 7 месяцев после начала войны Костромские ведомости 18 февраля 1915 г. публикуют сообщение о благотворительной лотерее, начатой ещё в декабре 1914 г. Как сообщается в газете: «Комитет Высочайше разрешенной благотворительной лотереи открыл 18 минувшего декабря продажу билетов. Вырученные суммы предназначены на помощь раненым и больным воинам, семьям лиц, призванных на войну, и лицам, пострадавшим от военных бедствий. Потребности эти беспредельны. Помощь необходима безотлагательная и непрестанная, а для этого нужны средства. Между тем казна обременена огромными расходами на войну и на выдачу пайка семьям запасных; приношения же жертвователей обильны, но далеко не достаточны. Лотерея задумана для того, чтобы облегчить самую острую нужду. Т. е. 20 000 000 руб., на которые выпущены билеты, а за вычетом 3 000 000 руб., уже отчисленных на выдачу выигрышей, только 17 000 000 руб. пойдут для этой цели. Это поняли многие русские люди: широкою рекою на всем огромном пространстве России устремились они в учреждения, где продаются билеты. Розыгрыш лотереи будет произведен в Петрограде публично в конце марта этого года, а потому времени осталось немного и надо спешить приобрести билеты и вносить лепту на святое дело помощи пострадавшим героям войны и их семьям» [6].

В июне 1915 г. газеты информировали своих читателей, что Государыня Императрица образовала под своим покровительством комитет помощи русским военнопленным. Даже сообщалось, что пожертвования деньгами, одеждой, продуктами принимаются в Костроме ежедневно в канцелярии губернатора, а в уездных городах в канцеляриях уездных исправников. В дальнейшем газеты печатали письма костромичей из плена и о помощи им со стороны населения губернии.

Таким образом, костромская печать способствует пропаганде милосердия и сострадания среди населения губернии, а также стимулирования нашего народа на оказание благотворительной помощи нуждающимся: раненым и больным воинам, семьям лиц, призванных на войну, а также лицам, пострадавшим от военных бедствий.

В начале 1916 г. Костромские губернские ведомости [7] сообщают о том, что «Военное ведомство с Высочайшего Его Императорского величества соизволения с 1 января 1916 г. будет издавать Листок для войск и народа под названием «Военная летопись», в котором будут помещены:

- 1) все сведения, как русские, так и иностранные, о военных действиях на всех театрах войны;
- 2) описание хода отдельных военных операций по донесениям корреспондентов;

- 3) объяснение значения различных военных операций в общем ходе войны;
- 4) описание выдающихся подвигов нижних чинов, награжденных георгиевскими крестами;
- 5) разъяснения главной цели, преследуемой в этой войне каждой из воюющих держав;
- 6) рассказы о жизни наших воинов на передовых позициях и
- 7) описания различных событий внутри России, имеющих отношение к войне».

Также в сообщении отмечается, что «Обзоры военных действий будут снабжаться пояснительными чертежами и рисунками. Листок этот будет составляться в формате больших газет служащими в Главном Штабе офицерами, под руководством генерал-майора Заусцинского и под наблюдением Начальника Отдела Главного Штаба, генерал-лейтенанта Бонч-Осмоловского, и будет выходить 3 раза в неделю. Чтобы сделать его доступным и для малосостоятельных людей, подписная цена на него назначена в 2 руб. 50 коп. за годовой экземпляр».

Таким образом, подробности военных действий становятся доступными для широких масс только спустя почти полтора года после начала войны. Вероятно, такой листок необходимо было начать выпускать Военному ведомству гораздо раньше, что способствовало бы лучшей информированности населения.

В 1916 г. костромским губернатором уже является Хозиков.

Весной 1916 г., а именно 18 мая, Костромские губернские ведомости публикуют Объявление от 17 мая 1916 г. от Костромского Губернатора, направленное на акцентирование внимания населения на экономической, в частности, сельскохозяйственной сфере. В Объявлении сообщается, что «Для продовольствия наших армий в настоящее время требуются огромные запасы мяса и всякого рода овощей. Удовлетворение продовольственной нужды армий вызовет усиленный вывоз из губернии мяса и овощей, вследствие чего местное население может оказаться в весьма затруднительном положении при удовлетворении своих продовольственных потребностей» [8].

Губернатор не только сообщает о продовольственной проблеме, но и предлагает ряд мер для костромского населения, направленных на частичное решение этой проблемы: «Ввиду сего приглашаю население теперь же принять следующие меры: 1) Принять все меры к возможно большему разведению свиней, продавая их лишь по достижении полного веса. Необходимо иметь в виду, что свинина и свиное сало особенно нужны для армии. 2) Разводить в самом большом количестве всех пород домашнюю птицу, ни под каким видом не производя торговли цыплятами, т. к. уничтожение цыплят сокращает количество мясных запасов и запасов яиц, которые могут заменить также мясо».

Таким образом, костромской губернатор с помощью местной печати не только сообщает об имеющейся проблеме с обеспечением продовольствием, в частности, мясом и овощами, но и предлагает населению костромской губернии пути решения данной проблемы.

Проанализированные выше материалы костромской печати показывают, что Двор Его Императорского Величества стремится с помощью местной прессы не только оповестить своих «верных подданных» о происходящих военных событиях, но и объяснить суть этих событий, тем самым поддержать дух населения. Но подробности военных действий становятся доступными для широких масс только спустя почти полтора года после начала войны, благодаря Листку для войск и народа, выпускаемому Военным ведомством.

Постановления костромских губернаторов направлены на стабилизацию политической, духовной и экономической сфер общества, мобилизацию населения, инструментом при этом выступают административные наказания в виде штрафа либо лишения свободы на определенный период. С помощью местной печати костромские губернаторы не только пытаются урегулировать поведение местного населения, но и общаются об имеющихся проблемах, в частности, с обеспечением продовольствием, а также предлагают населению костромской губернии пути решения данной проблемы.

Костромская печать в рассматриваемый период способствует сообщению о военных событиях, моральной поддержке русского народа, пропаганде милосердия и сострадания среди населения губернии, а также стимулированию нашего народа на оказание благотворительной и иной помощи нуждающимся.

Библиографический список

1. Волков Г.Ю. Помощь костромичей фронту (в период Первой мировой войны) // Журнал Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 1997. – № 2. – С. 28-44.
2. Костромская деревня в первое время войны. – Кострома, 1916.
3. Костромская жизнь. – 1914. – № 131. – 19 июля.
4. Костромские губернские ведомости. – 1914. – 29 июля.
5. Костромские губернские ведомости. – 1914. – Июль-август.
6. Костромские губернские ведомости. – 1915. – Февраль.
7. Костромские губернские ведомости. – 1916. – Январь.
8. Костромские губернские ведомости. – 1916. – Май.

A.N. Baranov, E.A. Chugunov

*Nekrasov Kostroma State University
Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defense
named by Marshal of the Soviet Union S.K. Tymoshenko
Kostroma*

*baranow70@mail.ru
E.A.Chugunov@yandex.ru*

**THE FIRST WORLD WAR AND THE RUSSIAN PROVINCE IN THE PRESS
(ON MATERIALS OF KOSTROMA PROVINCE)**

This article analyzes the characteristics of the sphere of civil society and socio-technical systems of Kostroma province in the First World War, as well as highlighting of the problems of the First World War in a Kostroma printing and the attitude of province population's towards the events.

Keywords: The First World War, the population's attitude to the war, the Kostroma printing.

УДК 94(470)

В.Г. Бояренко

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

nvvku@list.ru

**ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН**

В статье предпринимается попытка рассмотреть проблему пребывания пленных на территории Сибири и их положения в Сибирском крае в период с 1914 по 1920 гг. Автором раскрывается вспомогательная роль военнопленных в экономике Сибири, анализируются взаимоотношения между военнопленными и коренными жителями региона, прослеживаются судьбы иностранных военнопленных после Октябрьской революции.

Ключевые слова: брачность, военнопленные, демография, Первая мировая война, плен, рождаемость, смертность.

В последние годы появилось стремление российского общества к переосмыслению исторического опыта ушедшего столетия, уроков и итогов его этапных событий. На этом фоне закономерным представляется оживление интереса к изучению истории Первой мировой войны – глобального конфликта, резко изменившего ход развития многих государств. Начавшаяся в 1914 г. мировая война обострила общественное противостояние. Она ухудшила положение немалой части населения, вызвала массовую мобилизацию мужчин в армию, реквизицию лошадей. Затем стали сказываться продовольственные затруднения, связанные не столько с отсутствием продуктов, сколько с ухудшением работы транспорта. Решающее значение Первая мировая война имела для нашей страны. Вступление в нее России потребовало колоссального напряжения всех материальных и людских ресурсов, что стало одной из важнейших причин глубочайших социально-экономических и политических катаклизмов в 1917 г. Отголоски войны дошли в Сибирь наплывом беженцев из прифронтовой полосы, размещением здесь военнопленных, скоплением обездоленных, выбитых из привычной колеи людей.

Изучение народонаселения в период Первой мировой войны представляет особую трудность, т. к. в военное время происходили самые большие изменения в составе населения. Районы, удаленные от военных действий, пополнялись беженцами и выселенцами с территорий, захваченных неприятельскими войсками, повышенная смертность, снижение рождаемости, гибель мужского населения на войне, эпидемии и прочие неблагоприятные факторы изменяли общую численность населения. Период с 1914 по 1922 гг. в связи с резкими изменениями коэффициентов смертности и рождаемости и не менее резким ухудшением учета населения можно охарактеризовать как «темный и неизвестный».

Движение населения в исследуемом периоде строго разделяется на два вида: механическое и естественное. В период с 1914 по 1922 гг. к механическому движению приходится отнести не только безвозвратные потери, боевые и санитарные потери армий, но и результаты передвижения и потерь беженской массы, военнопленных наших армий, иностранных военнопленных, а также дополнительные безвозвратные потери. Механическое движение населения во время войны слагалось не только из отлива и безвозвратных потерь его, но и из прилива в границы России и СССР колоссальных масс беженцев и иностранных военнопленных.

Проблема плена весьма актуальна для всех войн. Динамика иностранных военнопленных за годы Первой мировой войны на территории России устанавливается из общей суммы их прибытия в эти годы. Согласно официальным подсчетам, на российской территории к концу 1917 г. находилось 2467,0 тыс. человек

военнопленных [3, 76]. Если распределить это количество по годам и по степени напряженности боевых действий, можно выявить динамику этого количества военнопленных по годам.

Годы	% к общей сумме	Тыс. душ
1914	8,4	207,2
1915	32,2	794,4
1916	33,9	836,3
1917	52,5	629,1
Итого	100,0	2467,0

Если же отбросить общие потери военнопленных за эти четыре года, в количестве около 199,0 тыс. человек, то окончательное наличие иностранных военнопленных в стране получится 2268,0 тыс. человек на территории России [3, 77].

Из числа иностранных военнопленных: немцев, австрийцев и румынов, неблагонадежными считались венгры, поэтому значительную часть этих пленных размещали за Уралом, в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке. Большая часть их была расквартирована в двух сибирских военных округах – Омском (на территориях Западной Сибири и Северного Казахстана) и Иркутском (Восточная Сибирь). К 1 января 1915 г. из 257 тыс. военнопленных в Сибири было размещено 186 тыс. человек [8, 16]. Летом 1915 г. количество пленных резко возросло и достигло только в Омском военном округе 152 тыс. человек. К 1917 г. число военнопленных еще более увеличилось и к январю 1917 г. на территории Омского военного округа находилось 199077 военнопленных [8, 16].

В города Западной Сибири военнопленные стали прибывать уже в первые месяцы войны. В начале сентября 1914 г. первая команда пленных немцев прибыла в Курган, Тобольск, Тюмень, Семипалатинск, в Омск – в начале октября. Если вначале пытались размещать пленных как можно дальше от больших городов, то позже большая численность и отсутствие казарм заставили изменить планы. Их пытались размещать на складах, в школьных зданиях, амбарах, частных домах, переоборудованных под казармы, на квартирах частных обывателей (подобным образом размещались только военнопленные славянского происхождения), но увеличивавшийся поток военнопленных не давал возможности обеспечить казармами всех прибывших, т.к. наряду с военнопленными шел большой поток беженцев.

Даже крупный город Омск, с количеством жителей около 100000 человек, не мог вместить 14 тыс. военнопленных¹⁰. Летом 1915 г. основную часть военнопленных разместили в сельской местности, деревнях и казачьих станицах. Но эшелоны с военнопленными продолжали прибывать, и выход был только в строительстве специальных барачков. Но и эти бараки сразу же оказывались переполненными. Места катастрофически не хватало. Обеспечение нормальных условий существования сотням тысяч вражеских солдат ложилось непосильным бременем на экономику каждой страны.

С 1915 г. военнопленные стали привлекаться к различным работам. Специальным циркуляром Главноуправляющего землеустройством и земледелием, разосланным в губернии, было приостановлено на время военных действий переселение в Сибирь. Встала проблема недостатка рабочих рук. В связи с этим, после осложнения продовольственного вопроса, было предложено использование на различных работах труда военнопленных и беженцев. Пленные привлекались к казенным, общественным и сельскохозяйственным работам. Нехватка рабочих рук в Сибири позволяла пленным даже выбирать место работы, за свой труд они получали заработную плату.

Согласно правилам, рассмотренным осенью 1915 г. Межведомственным совещанием при Главном управлении землеустройства и земледелия, военнопленные распределялись по губерниям из расчета 10 тыс. человек и направлялись в распоряжение земских управ [11, 233]. Так, на 1 января 1917 г. в Тобольской губернии насчитывалось 26,7 тыс. военнопленных, из которых на сельскохозяйственные работы было направлено 10,8 тыс. человек; в промышленность, торговлю и на транспорт – 5,2 тыс. человек; в городское хозяйство – 0,6 тыс., на лесные работы – 3,3 и на работы по военному ведомству – 0,1 тыс., остальные находились в лагерях [6, 97].

В конце 1915 г. зародился новый для Сибири кустарный промысел – лагерные мастерские, где работали военнопленные. На привлечении военнопленных к общественным работам настаивали и медики, которые пытались укрепить здоровье военнопленных и прекратить распространение инфекционных болезней.

Число работающих военнопленных постоянно менялось, количество германских и австрийских солдат, помогавших убирать хлеб русским крестьянам, исчислялось десятками тысяч. Из числившихся на учете к декабрю 1917 г. в Омском и Иркутском военных округах находилось 230,7 тыс. военнопленных, большая часть работала и за пределами Сибири: были задействованы в тыловых работах в районе Северо-Западного фронта [5, 161-162].

Заключенный в марте 1918 г. Брестский договор Советской республики с Германией предусматривал

¹⁰ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 248. Л. 134

освобождение всех пленных, но т. к. тех, кто возвращался из русского плена, германское правительство сразу отправляло на Западный фронт, то многие из военнопленных не спешили возвращаться на родину. Возникшие на территории Сибири в 1918 г. антисоветские правительства не признали заключенного большевиками мира, поэтому все военнопленные германцы и австрийцы вновь утратили шанс вернуться на родину. В итоге к лету 1920 г. в Сибири оставалось около 20 тыс. военнопленных немцев, часть из которых так и осталась жить в России [13, 26].

Чтобы определить число военнопленных и беженцев, необходимы данные Центрального статистического комитета (ЦСК) о численности населения в военные годы, но согласно данным С.И. Брука и В.М. Кабузана, они не отвечали действительному положению. Поэтому обращение исследователей к материалам переписей 1916 и 1917 гг. является настоящей необходимостью. В ходе переписи 1917 г., охватывалось как наличное, так и отсутствующее постоянное население. Отдельно учитывались мобилизованные в армию с начала империалистической войны, но убитые, умершие от ран, попавшие в плен из их числа не исключались. Крайне разрозненным и неполным был учет беженцев и военнопленных, т. к. специальная рубрика для них в переписном бланке отсутствовала, а потому эти данные разработке в статистическом управлении, заменившем после Октябрьской революции ЦСК, не подлежали. Во всех источниках переписи 1917 г. сведения об этом весьма неполные. Военнопленные лишь частично учитывались в Сибири и в 1916 г., как и беженцы.

Все наличное население Сибири в 1916 г. составляло 10,6 млн. человек, причем 10,2 % жителей проживало в городах и 89,8 % в сельской местности. Сибирь при общих огромных потерях нашей страны имела существенные демографические отличия. Население в 1914-1917 гг. непрерывно увеличивалось. В целом население края возросло на 852,1 тыс. человек. Более благоприятная демографическая ситуация в Сибири определялась совокупностью причин: во-первых, тыловое положение, во-вторых, предшествующий демографический бум. По данным Е.З. Волкова, «военный отход» в Сибирском крае составил 1111,1 тыс. человек; из сельской местности – 988,1 тыс., из городов – 123,0 тыс. человек, что составляло 7,24 % всех мобилизованных по стране [3, 179]. По примерным подсчетам Л.М. Горюшкина и В.И. Пронина, общее число прямых военных потерь в Сибири достигало 131,1 тыс. человек (около 1,2 % к составу населения), что находилось на среднем по стране уровне [6, 98]. Военные потери лишь частично восполняли беженцы и военнопленные. Численность беженцев не была постоянной, среди них наблюдалась большая текучесть: часть из них уже в ходе войны возвращалась на родину, многие перемещались в другие регионы.

Так как в годы Первой мировой войны в Западной Сибири, как и во всей империи, сильно сократилась доля мужчин, то женщины старались выйти замуж любой ценой. Сибирячки выходили замуж и за военнопленных. Такая тенденция стала проследиваться к концу 1916 г. Увеличились случаи рождения детей от военнопленных вне брака.

Главным распределительным центром губернии был Томск. Чтобы расселить беженцев и военнопленных, необходимо было точно знать, сколько их прибывает. С этой целью местные власти и благотворительные организации пытались наладить систему регистрации и учета всех проходящих через Томск беженцев и военнопленных. Позднее эта функция перешла к Новониколаевску как более выгодно расположенному с транспортной точки зрения городу. В связи с военным временем потребовались чрезвычайные расходы: на оборудование помещений для войск и снабжение их продовольствием, содержание военнопленных и беженцев. Зимой 1915-1916 г. в Новониколаевске скопилось 12 тыс. военнопленных, не считая тех, которые поступали для распределения в другие районы. Датская делегация представителей международного Красного Креста, знакомясь с условиями жизни военнопленных в Новониколаевске, Барнауле, Бийске и Семипалатинске, признала их удовлетворительными. И все же, санитарное состояние города резко ухудшилось, эшелоны призывников, массы пленных и беженцев способствовали распространению инфекционных болезней [4, 138-139].

Февральская революция сделала невозможным ведение дальнейшего надзора за военнопленными. Дезорганизация, ослабление надзора, свобода передвижения военнопленных по территории Западной Сибири объяснялись растерянностью новой власти и силовых структур в вопросах содержания пленных. С победой Февральской революции произошло приравнивание военнопленных к русским рабочим. Система организации труда пленных находилась в состоянии постоянного пересмотра, но никаких окончательных форм не принимала. С приходом Советской власти период с октября 1917 по май 1918 гг. можно назвать фактическим освобождением военнопленных.

В общей сложности отношение к иностранным военнопленным было доброжелательное, массовых эпидемий, как в европейской части России, не было, но с победой Октябрьской революции важным стал вопрос политический, интернационалисты и контрреволюционеры представляли два лагеря. Победа Октябрьской революции окончательно закрепила переход надзора за пленными и управления лагерями в руки самих, размещенных в Западной Сибири, пленных, точнее революционно настроенной их части. Некоторые военнопленные, независимо от их политических симпатий, остались жить в России, завели семьи, имущество, принимались в сельские общества и т. п. В Западной Сибири это происходило во многом благодаря их личным контактам с местными жителями, симпатизировавшими военнопленным.

Библиографический список

1. Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX – 1917 г.) // История СССР – 1980. – № 3.
2. Вегман В. Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. – Новосибирск, 1929. – С. 517-521.
3. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. – М.; Л., 1930. – 271 с.
4. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд, 1983. – 183 с.
5. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Сельское население Сибири в годы Первой мировой войны // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. – Таллин: АН СССР, 1986. – С. 235-247.
6. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1992. – С. 84-101.
7. Гушин Н.Я. Население Западной Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. – Новосибирск: Изд. СО РАН, 1995. – 81 с.
8. Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. – М., 1967.
9. Интернационалисты: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917 – 1920 гг. – М., 1987.
10. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 244с.
11. Китанина Т.М. Демографические процессы в России в период Первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревни // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.) Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. – Таллин: АН СССР, 1986. – С. 226-234.
12. Промышленность и рабочие Сибири в период империализма. Материалы к «Истории рабочего класса Сибири». – Новосибирск, 1980. – С. 161-162.
13. Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918 гг.): автореферат дис. ... канд. философ. наук / А.Н. Талапин. – Омск: ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 2005.
14. IV Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Сборник научных трудов. / Под ред. Ю.М. Гончарова. – Барнаул: АлтГУ, 2007. – 216 с.

V.G. Boyarenko

Novosibirsk Higher Military Command School

Novosibirsk

nvvku@list.ru

**FOREIGN PRISONERS OF WAR IN WESTERN SIBERIA
IN THE FIRST WORLD AND THE CIVIL WAR**

The author attempts to dissolve the problem of stay of prisoners of war in Siberia, and their position in the Siberian region in the period from 1914 to 1920. The author reveals its' supporting role in the economy of war in Siberia, analyzed the relationship between prisoners and indigenous people of the region, traced the fate of foreign prisoners of war after the October Revolution.

Keywords: Marriages, prisoners of war, demographics, First World War, captivity, fertility, mortality.

УДК 94(470)

И.Н. Гостев

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты

имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

г. Кострома

gin1970@mail.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МИЛИЦИОННЫХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

В статье на материалах Костромской и Ярославской губерний анализируется процесс становления и развития милиционных частей Красной армии в первые годы Гражданской войны. На основе анализа значительного числа источников и исторической литературы выявлены позитивные и негативные стороны организации всеобщего военного обучения трудящихся и отрядов особого назначения.

Ключевые слова: всеобщее военное обучение трудящихся (Всеобуч), отряды особого назначения, Красная Армия, провинция, территориальный принцип комплектования армии, партийно-советские органы.

Красная Армия, строившаяся вначале по принципу добровольчества, не располагала боевыми резервами и не имела какой-либо системы подготовки резерва. Армия пополнялась лишь добровольцами, которые поступали крайне неравномерно. В этих условиях руководством большевиков принято решение о вовлечении в дело вооруженной защиты республики всех трудящихся. С этой целью в стране было введено всеобщее военное обучение трудящихся (Всевобуч). 22 апреля 1918 г. ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) утвердил декрет об обязательном обучении военному делу. В декрете говорилось: «Рабочее и крестьянское правительство республики ставит своей непосредственной задачей привлечение всех граждан к всеобщей трудовой и воинской повинности» [6]. В декрете подчеркивался строго классовый характер новой армии и устанавливалось, что обязательному обучению военному делу подлежат только рабочие и трудящиеся крестьяне в возрасте: школьном, низшая ступень которого определяется Народным Комиссариатом просвещения; подготовительном – от 16 до 18 лет, когда осуществлялась допризывная подготовка; призывном – от 18 до 40 лет, когда устанавливалась всеобщая воинская обязанность. Женщины должны обучаться только по их согласию, на общих основаниях. Срок обязательного военного обучения составлял 8 недель, из расчета не менее 12 часов занятий в неделю. При этом обучаемые, по возможности, не должны были отрываться от своей производственной работы. Все граждане в возрасте от 18 до 40 лет, прошедшие курс Всевобуча, брались на учет как военнообязанные [12].

РКП (б) (Российская коммунистическая партия большевиков) придавала большое значение проведению в жизнь этого декрета. 18 мая 1918 г. на заседании Пленума ЦК (Центрального комитета) партии стоял вопрос о Всевобуче, по которому было принято решение, обязывающее всех членов большевистской партии представить свидетельство о прохождении курса обязательного военного обучения [11]. В помощь изучающим этот курс Военный отдел издательства ВЦИК выпустил программу, разработанную Наркомвоенном (Народным Комиссариатом по военным делам). Эта программа, рассчитанная на 96 часов занятий, была переиздана в военных округах. Но это не значит, что только по ней проводились занятия. В 1919 г. начальник отдела всеобщего воинского обучения запрашивал Ярославский губком (губернский комитет) о возможной форме обучения: или по 96-часовой программе (8-недельный курс обучения), или готовить только к параду (который должен был состояться 22 апреля в годовщину принятия декрета о Всевобуче) [15].

В июле 1918 г. Ярославский губернский отдел Всевобуча доводил до сведения исполкома информацию о созыве губернского съезда по всеобщему воинскому обучению и просил прислать на таковой своего представителя. Главным пунктом съезда стоял вопрос о «формировании милиционных рабоче-крестьянских частей» [1].

19 июня 1918 г. V Костромской губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов подавляющим большинством утвердил инструкцию по применению на местах декрета о всеобщем военном обучении. Согласно инструкции обучение военному делу предполагалось вести в течение 2 часов в день и не менее 6 дней в неделю. Население разбивалось на две категории: на фабрично-заводских рабочих и крестьян. На фабриках и заводах обучение велось в две смены: утренняя и дневная смена с 7 до 9 часов и вечерняя смена с 19 до 21 часа. Для крестьянства также было введено 12-часовое обучение в неделю. Время занятий устанавливалось уездным комиссариатом с непременным участием волостных военных комиссаров. Обучение не должно было идти в ущерб сельскохозяйственным работам [13].

Организация обучения подготовительного и призывного возрастов возлагалась на Народный Комиссариат по военным делам и на местные (окружные, губернские, уездные и волостные) военные комиссариаты. Наиболее серьезными препятствиями в деле немедленного осуществления Всевобуча являлись недостаток инструкторов, оружия и плохая работа местных органов военного управления.

В оружии органы Всевобуча ощущали острый недостаток на всем протяжении Гражданской войны. В 1918 г. очень часто на 20 человек обучающихся приходилась одна винтовка. Недостаток инструкторов Всевобуча был изжит уже к концу 1918 – началу 1919 гг. путем привлечения к делу Всевобуча офицеров старой армии и организации краткосрочных инструкторских курсов.

Задача Всевобуча состояла во всеобщем воинском обучении широких слоев населения, в развитии спорта и организации допризывной военной подготовки [7]. Основная цель Всевобуча – обеспечить полное руководство со стороны партии как в центре, так и на местах отрядами всеобщего военного обучения, создать в них «коммунистический дух», чтобы каждая партийная организация принимала самое активное участие в формировании милиционной армии [14]. И в Костромской, и в Ярославской губерниях формирование и деятельность Всевобуча осуществлялись примерно по одной программе.

В Костромской губернии организация Всевобуча началась с 26 августа 1918 г., когда на основании приказа Главного комиссара военно-учебных заведений Республики при Костромском губернском комиссариате по военным делам № 132 был создан отдел всеобщего воинского обучения. Первой и главной задачей губернского отдела Всевобуча было создание местных отделов, которые формировались при уездвоенкоматах по типу губернского отдела, только с меньшим штатом сотрудников. Всего было создано 11 уездных отделов Всевобуча. На губернский отдел всеобщего военного обучения было возложено обучение населения города и фабрично-заводских рабочих, для чего в г. Костроме было организовано 6 бюро:

два городских, три фабрично-заводских и одно железнодорожное (при железнодорожной станции Кострома) [2].

Начался учет всего мужского населения города от 16 до 40 лет. Их в Костромской губернии к этому времени оказалось 114 632 человека, которых вначале хотели всех привлечь к военному обучению. Однако на основании вышеуказанного декрета ВЦИК от 22 апреля 1918 г. и распоряжения главного комиссара военно-учебных заведений от 2 октября 1918 г. за № 250 обучению подлежали только рабочие, работающие на фабриках и заводах, и крестьяне, не эксплуатирующие чужого труда [10]. В Ярославле отделение Всевобуча Ярославского уездвоенкома просило губернский комитет РКП (б) командировать одного из членов комитета для участия в комиссии по разделению граждан на категории: эксплуатирующих чужой труд и подлежащих зачислению в тыловое ополчение и неэксплуатирующих чужой труд и подлежащих всеобщему военному обучению [9].

Таблица 1

Сводная ведомость о состоянии всеобщего военного обучения в Ярославской и Костромской губерниях к 1 декабря 1918 г.

Название губернии	Число взятых на учет от 18 до 40 лет	Число обучающихся	Число окончивших обучение по 96-ч. программе	Число выдержавших испытание	Число подлежащих обучению.	Число инстр. отделений	Число инстр. заводов	Число инстр. сотен	Сколько инстр. недостает	Число имеющихся. Бюро Всевобуч
Костромская	116182	17996	2685	3336	64555	483	394	178	392	200
Ярославская	110471	33112	6832	21457	76189	739	394	134	5	167

(Составлено автором по: ГАКО.-Ф.Р.-1151.-Оп.1.-Д.37.-Л.12; ГАНИКО.-Ф.1.-Оп.1.-Д. 77.-Л.7; Власть труда.-1918.-21 ноября; Голос революционной армии. (Издание Рыбинского комитета по военным делам); ГАЯО.-Ф.Р.-2468.-Оп.1.-Д.240.-Л.34)

Из таблицы видно, насколько лучше дело Всевобуча было поставлено в Ярославской губернии. При равенстве взятых на учет лиц, подлежащих всеобщему воинскому обучению, число обучающихся в Ярославской губернии было в 2 раза больше, число окончивших обучение – в 3 раза, а выдержавших испытание – в 8 раз больше, чем в Костромской губернии. Причина этого заключалась в том, что Ярославская губерния в промышленном отношении была более развитой. Количество рабочего класса и его сознательность превосходили костромские показатели.

После прохождения курса Всевобуча выдавалось удостоверение. Для лиц, ранее проходивших военную службу, производились испытания в знании ими военного дела и, если они их выдерживали, им тоже выдавались удостоверения, а не выдержавшим испытание предлагалось пройти курс обучения по программе Всевобуча [8].

В 1919 г. всеобщее воинское обучение в Костромской губернии проходило более быстрыми темпами, чем ранее. На 15 мая 1919 г. было обучено 25 994 человека. Не окончили обучение «ввиду приказа Центра» – 22 611 человек; оказались освобожденными по медицинским показателям – 14 190 человек [3].

В Костроме для обучения стрельбе было оборудовано стрельбище за городом. Для подготовки младшего командующего состава приказом Главного комиссара всех военно-учебных заведений Республики за № 342 от 27 ноября 1918 г. отделом Всевобуча были открыты инструкторские курсы. Первый выпуск курсантов, успешно окончивших 2-х месячные курсы, состоялся 20 марта 1919 г. Но этот выпуск оказался и последним, т. к. приказом № 486/уч. от 19 марта 1919 г. московского окружного инспектора курсы расформировывались.

Еще одним направлением деятельности Всевобуча была спортивная и допризывная подготовка. Благодаря всесторонней поддержке отдела Всевобуча в г. Костроме было создано общество «Спартак», в которое мог вступить любой, заплативший взнос 5 руб. На 1 января 1919 г. в нем уже насчитывалось более 500 человек, для которых был организован спортивный манеж. Создавались спортивные клубы, секции, ячейки, приобретались гимнастические снаряды и спортивная литература, зимой устраивались катки, горки, летом – футбольные матчи с иногородними командами. В октябре 1919 г. в г. Ярославле состоялось первенство Всевобуча, где костромичи заняли много первых мест. Для спортивной работы активно привлекались спортивные инструкторы, как из числа любителей-спортсменов, для которых создавались специальные пункты обучения, так и окончивших Московские курсы спорта. Допризывная военная подготовка велась с молодежью от 16 до 18 лет. С этой целью губотделом Всевобуча была разработана 156-часовая программа [4].

С середины мая 1919 г. в связи с наступлением Колчака руководством большевиков было принято решение закрыть Всевобуч, а всех инструкторов мобилизовать и отправить на фронт. Но это не значит, что милиционная армия прекратила свое существование. Просто Всевобуч объединили с так называемыми отрядами особого назначения (ООН). Согласно приказу Революционного Военного Совета Республики (РВСР) за № 212/41 милиционная армия стала формироваться на следующих принципах: всеобщее привлечение населения к военному делу; территориальный принцип комплектования, т. е. каждая часть формируется в пределах производственного района и пополняется трудящимися; трудовой принцип – милиционная армия является организованной трудовой силой [5].

В условиях Гражданской войны, в ее начальный период, работа по формированию Красной армии на принципах милиционной системы осуществлялась часто сложно и противоречиво: не хватало денег, инструкторов, помещений и т. п. Анализ изученных фактов и документов позволяет сделать вывод о том, что местные органы власти в основном справились с возложенными на них задачами. На примере Костромской и Ярославской губерний следует констатировать, что Всевобуч выполнил свое предназначение. В этих губерниях организация и развитие всеобщего военного обучения широких слоев населения, прежде всего рабочих и крестьян, развитие спорта и допризывной военной подготовки среди молодежи школьного и призывного возрастов достигли высокого уровня.

Библиографический список

1. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области) – Ф. р 1842. – Оп. 1. – Д. 141. – Л. 18.
2. ГАКО (Государственный архив Костромской области) – Ф. р. 1151. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 42.
3. ГАНИКО (Государственный архив новейшей истории Костромской области) – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 2.
4. ГАНИКО (Государственный архив новейшей истории Костромской области) – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 45.
5. Гражданская война в СССР. Т. 1. – М., 1980. – С. 54.
6. Известия ВЦИК № 83. – 1918. – № 83. – 26 апреля.
7. Кляцкин С.М. На защите Октября: организация регулярной армии и милиционного строительства в советской республике 1917-1920 гг. – М., 1965. – С. 45.
8. Кляцкин С.М. На защите Октября: организация регулярной армии и милиционного строительства в советской республике 1917-1920 гг. – М., 1965 – С. 51.
9. Набат (Орган агитационно-просветительного отдела Ярославского окружного комиссариата по военным делам). – 1918. – 21 ноября.
10. Очерки истории Костромской организации КПСС. – Ярославль, 1967. – С. 45.
11. Правда. – 1918. – 23 мая.
12. Советские вооруженные силы: история строительства. – М., 1978. – С. 34.
13. Советская газета. – 1918. – 22 июня.
14. Северный рабочий. – 1919. – 12 февраля.
15. ЦДНИ (Центр документации новейшей истории. Филиал Государственного архива Ярославской области) – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 35. – Л. 4.

I.N. Gostev

*Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defense
named by Marshal of the Soviet Union S.K. Tymoshenko
Kostroma*

gin1970@mail.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF MILITIA OF THE RED ARMY DURING THE CIVIL WAR (ON MATERIALS OF KOSTROMA AND YAROSLAVL REGIONS)

Based on the data of Kostroma and Yaroslavl regions, the article analyses the process of establishment and development of the militant squads of the Red Army in the beginning of the Civil War. Based on the analysis of documents, the positive and negative aspects of the arrangement of the obligatory military education and special squads are revealed.

Keywords: obligatory military education, special squads, the Red Army, province, territorial principle of recruiting, party – soviet organs (authorities).

В.В. Изонов

*Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
Научно-исследовательский институт (военной истории)
г. Москва*

vv8288@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ФОРМАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

В статье рассматривается история создания аппарата специальной пропаганды, показаны формы агитационно-пропагандистского воздействия на военнослужащих и население противника.

Ключевые слова: специальная пропаганда, листовка, газета, устная агитация, радиопропаганда, наглядная агитация, ультиматум, беседы, собрания.

В настоящее время интенсифицируется деятельность США по установлению «гарантированного» контроля над постсоветским пространством с опорой, в условиях «холодного мира», на наращиваемое информационно-управленческое превосходство.

Для достижения поставленных целей намечается активизация государственных СМИ США, расширение образовательных программ и программ обмена специалистами, помощь различным странам в сфере образования, здравоохранения и других областях. Все это именуется переходом к тактике «демократия в действии».

Основной целью данных мероприятий применительно к России является создание предпосылок для дальнейшей дезинтеграции страны с последующим разделом на ряд управляемых слабых в политическом, экономическом и военном отношениях территориальных образований.

В современных условиях вышеуказанные мероприятия осуществляются на многоплановой системной основе. Базовый способ их реализации – обеспечение дисфункций социальных и материальных основ государства – объекта воздействия, склоняющих его руководство к принятию требований, предъявляемых к нему США и их союзниками. При этом может быть выделена одна из основных форм данной деятельности – информационное противоборство.

Информационное противоборство – это соперничество социальных систем в информационно-психологической сфере с целью усиления влияния на те или иные сферы социальных отношений и установления контроля над источниками стратегических ресурсов, в результате которого одни участники соперничества получают преимущества, необходимые им для дальнейшего развития, а другие их утрачивают [2].

Спрашивается, как решались вопросы информационного противоборства в первый период Великой Отечественной войны? В Красной армии вопросами информационного противоборства занимался аппарат специальной пропаганды среди войск и населения противника. По оценкам военно-политического руководства СССР, пропаганда являлась специальным видом обеспечения боевых действий, главной задачей которого было средствами агитационно-пропагандистского воздействия облегчать и ускорять достижение победы Красной армии над армиями фашистского блока с наименьшими потерями. Специфическое свойство этого вида обеспечения: воздействие убеждением, словом правды, активное влияние на создание, морально-психологическое состояние войск и населения противника в сочетании с силой материального воздействия – применением вооружения, военной и специальной техники.

25 июня 1941 г. в целях «сосредоточения всей военно-политической пропаганды и контрпропаганды среди войск и населения противника» Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О создании Советского бюро военно-политической пропаганды». В него вошли армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис (председатель), Д.З. Мануильский, В.С. Кружков, Н.Г. Пальгунов, С.А. Лозовский, Е.С. Варга¹¹.

На бюро возлагалось: «а) составление листовок, обращений и лозунгов к войскам и населению противника; б) организация радиопередач к войскам и населению противника в районе действующих армий»¹². Вся работа бюро была сосредоточена только на организации специальной пропаганды, определении ее идейно-политического содержания (для каждой страны и армии в отдельности), рассмотрении и утверждении наиболее важных общественно-политических и агитационно-пропагандистских материалов

¹¹ 2 июля 1941 г. в состав бюро дополнительно был введен Н.Б. Митин.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 183.

для войск и население противника, координации деятельности советских органов внешнеполитической пропаганды. В конце 1941 г. вместо бюро был создан Совет военно-политической пропаганды, который осуществлял руководство «агитационно-пропагандистской работой среди войск и населения противника»¹³. Совету удалось установить тесный контакт командования Красной армии с германским антифашистским движением политических эмигрантов и военнопленных.

Важное место в решении задач специальной пропаганды отводилась Советскому информационному бюро (Совинформбюро), созданному 24 июня 1941 г. В него вошли А.С. Щербаков (начальник бюро), С.А. Лозовский, Я.С. Хавинсон, Д.А. Поликарпов, Ф.И. Голиков¹⁴. На Совинформбюро возлагалось: «а) руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио; б) организация контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды; в) освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Ставки Верховного командования»¹⁵.

Непосредственно организация специальной пропаганды возлагалась на Главное управление политической пропаганды (с 17 июля 1941 г. – Главное политическое управление РККА). Еще весной 1940 г. в Главном управлении было создано отделение политической работы среди войск и населения противника, реорганизованное 12 октября того же года в 7-й отдел (начальник – полковой комиссар М.И. Бурцев)¹⁶. На него возлагались задачи изучения морально-политического состояния личного состава и населения зарубежных армий, подготовки к ведению агитации и пропаганды в целях подрыва их морального состояния. Отдел был укомплектован высококвалифицированными специалистами, владевшими немецким, финским, румынским, английским, персидским, арабским, японским и другими языками. Аналогичные функции выполнял 4-й отдел Главного управления политической пропаганды Народного комиссариата Военно-морского флота (с 20 июля 1941 г. – Главное политическое управление НК ВМФ).

В первый день войны 7-й отдел был реорганизован. В нем были созданы два отделения: 1-е – пропагандистской работы на Германию и союзные ей государства (начальник – батальонный комиссар И.С. Брагинский), 2-е – по работе среди населения оккупированных нацистской Германией стран (начальник – батальонный комиссар С.А. Лесневский) [1]. Отдел состоял из 21 военнослужащего и 8 вольнонаемных. Кроме того, к отделу прикомандировывалась группа политических эмигрантов. Для оформления печатной продукции создали группу художников.

7-й отдел разрабатывал, издавал и организовывал распространение общеполитических пропагандистских материалов (листовок, газет, брошюр) среди армий и населения противника; руководил фронтовыми, армейскими органами специальной пропаганды; разрабатывал и осуществлял специальные агитационно-пропагандистские операции среди войск противника на фронте и среди населения в его тылу; проводил повседневное изучение морально-политического состояния личного состава армий и населения стран противника; подбирал, обучал и распределял кадры спецпропагандистов; в своих бюллетенях и сборниках обобщал и распространял передовой опыт информационного противоборства.

7-й отдел осуществлял подготовку кадров для армейского и дивизионного звеньев. Кадры спецпропагандистов готовились на 6-месячных курсах при Ленинградском военно-политическом училище и в ходе учебных сборов на фронтах и в армиях¹⁷. С 1942 г. при военно-политических училищах стали функционировать курсы подготовки политсостава для работы среди войск противника [5].

Военное издательство Народного комиссариата обороны СССР издавало листовки на иностранных языках. Непосредственно издательской деятельностью занимался отдел по выполнению спецзаказов 7-го отдела ГлавПУ РККА. Кроме того, в интересах 7-го отдела работала московская типография «Искра революции» Иностранного издательства СССР, способная издавать печатную продукцию на 60 иностранных языках. Наиболее важная и многотиражная пропагандистская продукция издавалась на полиграфическом комбинате издательства ЦК ВКП (б) «Правда».

При издании агитационно-пропагандистских материалов учитывались следующие особенности: они должны быть написаны простым и ясным для солдат, унтер-офицеров и младших офицеров противника языком, быть убедительными по содержанию, хорошо оформленными и краткими по объему.

Оперативным аппаратом специальной пропаганды являлись 7-е отделы политических управлений фронтов (округов), 7-е отделения политотделов армий, старшие инструкторы политотделов корпусов и дивизий. При 7-х отделах фронтов и приграничных округов функционировали редакции газет на иностранных языках и редакции радиовещания. Всего на фронтах действовало около 3 тыс. спецпропагандистов.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1343. Л. 95–96.

¹⁴ Позднее в состав бюро был введен Г.Ф. Саксин.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 165–166.

¹⁶ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11309. Д. 45. Л. 47–48.

¹⁷ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11474. Д. 334. Л. 144–146.

Основную работу по информационному противоборству проводили 7-е отделения политотделов армий в составе начальника отделения, старшего инструктора, инструктора по выпуску листовок, 2-3 офицеров-переводчиков. В штате отделения находилась мощная громкоговорящая установка (МГУ) на автомобиле, группа дикторов окопных громкоговорящих установок (ОГУ), группа распространения листовок и дикторов-рупористов. В политотделах дивизий работу среди войск и населения противника проводил старший инструктор по спецпропаганде, в помощь которому выделялись дикторы-рупористы и распространители листовок в частях и подразделениях.

Отделения специальной пропаганды флотов состояли из 2-3 офицеров и организовывали радиовещание на личный состав кораблей, военно-морских и авиационных баз через радиовещательные станции городов своего базирования, вхождение в радиосети противника с пропагандистскими целями.

Практика информационного противоборства свидетельствовала, что ее формы должны быть массовыми, охватывать своим влиянием миллионы людей, находившихся на фронте и в глубоком тылу противника. Они должны быть оперативными, учитывать изменения в военно-политической обстановке, доходить до солдат противника вовремя, согласно планам советского командования и динамике военных действий. Этим требованиям отвечали различные виды печатной, устной и радиопропаганды, наглядной агитации.

Ведущее место среди форм агитационно-пропагандистского воздействия на противника занимала печатная пропаганда – разработка, издание и распространение листовок, обращений, бюллетеней, писем, плакатов, газет, журналов, брошюр на иностранных языках.

Самым распространенным видом печатной продукции была листовка. Острота поставленной темы, броское название, красивое оформление и небольшой размер привлекали внимание солдат и офицеров армий противника. Одни читали листовки из любопытства, других побуждало желание узнать, о чем в ней пишется, разобраться в истинности происходящих на фронте и в тылу событий, найти ответы на волнующие вопросы [4]. Так, большим успехом в окруженных частях противника пользовались листовки-пропуска для сдачи в плен.

Важной формой печатной продукции являлись ежедневные и еженедельные газеты. С началом войны газеты издавались на немецком, румынском, польском и финском языках. В июле 1941 г. издавалось 18 газет, из них 10 – на немецком языке.

Одной из основных форм информационного противоборства была устная агитация (устное вещание и звуковещание). Она была оперативной, конкретной и персонифицированной и проводилась дикторами-переводчиками политотделов армий и дивизий с помощью МГУ и ОГУ, мегафонов, рупоров непосредственно на переднем крае противника, в последующем через звуковещательные средства, смонтированные на автомобилях, танках, бронемашинах и самолетах По-2. В устных передачах командование объединений и соединений Красной армии обращалось к ротам, батальонам и полкам, а зачастую к конкретным солдатам и офицерам войск противника с живым и убедительным словом. За время войны всего было проведено более миллиона устных передач для личного состава вермахта Германии и армий ее сателлитов.

Еще одной формой агитационно-пропагандистского воздействия на врага была радиопропаганда, которая часто восполняла недостатки печатной и устной пропаганды. Она обеспечивала оперативность, массовый охват слушателей и значительную дальность. Органы спецпропаганды использовали в этих целях войсковые и трофейные радиостанции, гражданские радиостанции прифронтовых городов.

На фронтах широко применялась наглядная агитация, предназначение которой состояло в воздействии на моральное состояние и психику солдат на передовой художественно-изобразительными средствами. В содержании наглядной агитации упор делался на показ успехов Красной армии и поражений врага, дискредитацию политических деятелей и военачальников противника, призыв к индивидуальной и коллективной сдаче в плен.

Действенной одной формой воздействия на личный состав противника стало привлечение на фронт групп немецких антифашистов. Устные обращения через громкоговорящие установки антифашистов придавали этой работе национальный колорит и эмоциональный характер. Органы госбезопасности СССР разрешали аппарату спецпропаганды организацию обратного отпуска военнопленных в свои воинские части с агитационными задачами. Несмотря на большую опасность для своей жизни многие военнопленные соглашались вернуться в свои части, довести до сослуживцев правду о советском плене и побудить их к сдаче в плен.

Во время войны возникла новая форма агитационно-пропагандистского воздействия – предъявление окруженным войскам ультиматума советского командования через парламентариев, через громкоговорящие установки или в листовках. Ультиматумы имели не только военное, но и большое морально-политическое значение. Сам факт объявления ультиматума с требованием капитуляции производил в войсках противника большой психологический эффект и служил поводом для дискуссий среди солдат о безнадежности и бессмысленности дальнейшего сопротивления.

Индивидуальные допросы пленных дополнялись другой, очень результативной формой работы: групповыми беседами, собраниями и митингами с только что взятыми военнопленными. В результате уже из первых групп военнопленных сотни солдат и офицеров поставили свои подписи под обращениями к сослуживцам на фронт с призывом кончать с войной и переходить в плен к русским.

Широко использовались различные виды печатной продукции. Так, листовки, издававшиеся для войск и населения противника, подразделялись на официальные заявления, выступления и документы; информационные сообщения; тематические листовки; письма и обращения военнопленных; листовки-лозунги. Особым вниманием у войск противника пользовались официальные заявления, выступления государственных деятелей СССР, а также приказы, ультиматумы и приказы военного командования.

Центральный аппарат спецпропаганды большое внимание уделял вопросам разработки и серийного выпуска технических средств специальной пропаганды, которые обеспечивали непрерывность, массовость и оперативность агитационно-пропагандистского воздействия на противника. В интересах Наркомата обороны СССР кроме собственных фронтовых подвижных типографий, которые размещались в специально оборудованных вагонах и на автомобильной технике, и армейских подвижных типографий работали государственные стационарные типографии и местные полиграфические базы городов.

Доставку и распространение печатных материалов среди войск и населения противника Ставка Верховного главнокомандования считала важной задачей частей и подразделений авиации, артиллерии и разведки. При этом уделялось внимание не только содержанию материалов, но и совершенствованию средств доставки до объектов противника.

Формы и методы агитационно-пропагандистского воздействия на войска и население противника анализировались и обобщались 7-м отделом ГлавПУ РККА, а затем Советом военно-политической пропаганды рассматривались и утверждались конкретные предложения по активизации этой работы. Накопленный органами спецпропаганды опыт работы публиковался в закрытых сборниках «Опыт работы», доводился до объединений и соединений в виде директив, указаний, информационных бюллетеней [3].

Таким образом, в первый период Великой Отечественной войны был создан аппарат информационного противоборства, разработаны формы агитационно-пропагандистского воздействия на войска и население противника, что безусловно способствовало победам Красной армии и поражению вермахта.

Библиографический список

1. Бурцев М.И. Прозрение. – М.: Воениздат, 1981. – 320 с.
2. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.
3. Опыт работы. Бюллетень № 4. – М.: ГлавПУ РККА, 1946.
4. Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами СА и ВМФ во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Воениздат, 1971. – 416 с.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Приказы Наркомата обороны СССР. 1942 г. – М.: Терра, 1997. – Т. 13. – С. 376.

V.V. Isonov

*Military Academy of the General staff of the armed forces of the Russian Federation,
Research Institute (military history)
Moscow*

vv8288@yandex.ru

TO THE QUESTION OF ORGANIZATION AND FORMS OF INFORMATION WARFARE IN THE FIRST PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945

Abstract: the article discusses the history of the office of the special propaganda, shows the form of awareness-raising of the impact on the troops and the population of the enemy.

Keywords: special promotion, leaflet, newspaper, verbal agitation, radiopropagation, visual propaganda, ultimatum, conversations, meetings.

И.П. Каменецкий*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск**Kameneckiilwan@mail.ru***«БЕЛОРУСЦЫ» АРШИНСКИЕ НА СЛУЖБЕ В СИБИРИ В XVII ВЕКЕ**

В статье рассмотрена служебная деятельность четырех поколений выходцев из белорусских земель тобольских детей боярских Аршинских. Основатель династии Павел Аршинский и его потомки с самого начала пребывания в Сибири занимали важное место в административном аппарате Тобольска, являвшегося фактически столицей Сибири. Сфера их деятельности была весьма разнообразной и наполненной различными управленческими функциями. Достижение и сохранение за собой высокого статуса на протяжении всего столетия может свидетельствовать об успешном опыте интеграции выходцев из белорусских земель в образующееся русское сибирское общество. Способствующими тому факторами являлись языковая и религиозная близость, ментальная общность с русским народом, наследственный характер замещения командных должностей, умение взаимодействовать с коренными народами, а также схожие природные условия сибирского и белорусского пограничья.

Ключевые слова: XVII век, Сибирь, «белорусцы», династия Аршинских, сыны боярские, служебная деятельность, опыт интеграции, сибирские дворяне.

Проблема участия представителей белорусского этноса в начальном этапе освоения Сибири уже получила освещение в исторической литературе [4, 3-9]. Однако изучение их численности, состава, территории прежнего проживания, социального статуса и некоторых других вопросов во многом сдерживается трудностями определения их этнической идентификации, поскольку в официальных документах этноним «белорусец» зачастую скрывается под терминами «литва», «литовские люди» и другими схожими обозначениями. В работах историков, за исключением исследований Д.Я. Резуна [11, 19-20; 12, 22-64], не всегда прослеживались семейно-династические связи, служебная деятельность, адаптационные возможности интеграции отдельных «белорусцев» в сибирское общество и другие моменты. В отдельных работах присутствует ошибочное мнение о том, что в Сибири «белорусы в составе литвы занимали невысокое социальное положение: они верстались в пешие казаки или зачислялись в крестьяне» и что «при зачислении в сыны боярские предпочтение отдавалось полякам» [7, 46]. В настоящей статье предпринята попытка на примере династии тобольских «начальных людей» белорусского происхождения Аршинских рассмотреть указанные вопросы и определить их роль в присоединении, системе управления и хозяйствования колонизируемого края.

Основателем указанной династии был «литвин», родом из Орши, сын боярский Павел Аршинский (Аршинский). Данные о его службе лаконичны, но весьма примечательны. В 1586 г. в составе отряда воевод В. Сукина и И. Мясного он принимал участие в возведении Тюмени – первого русского форпоста в Сибири. В 1598 г. участвовал в разгроме хана Кучума на р. Ирмени и сопровождал его плененную семью в Москву. Последнее упоминание о П. Аршинском содержится в дозорной книге Тобольска 1624 г., где его двор упоминается «в межах» наряду со строениями местных стрельцов [11, 19; 12, 29].

Его сын Богдан Павлов Аршинский прочно занял высокое положение в управленческой структуре Тобольска: был первым советником воеводы П.И. Пронского и других сибирских наместников, занимал разные командные должности, имел высокую репутацию в казачьей среде. В 1636 г. его назначили головой пеших казаков Тобольска после смерти сподвижника Ермака, весьма популярного атамана Гаврилы Ильина [3, 93, 116, 154-155]. В целом его служебная деятельность, отмеченная документами с 1618 по 1654 гг., свидетельствует как о быстром карьерном росте, так и материальном благополучии. В 1630 г. он получал 20 руб., без хлебного жалования, поскольку имел собственную пашню, в 1635 – 22 руб., в 1654 уже 25 руб., 22 чети ржи, 8 четей овса, 3 пуда соли, что являлось высшей ставкой служилого должностного оклада [12, 30]. Достижению такого высокого положения в служилой среде предшествовала многолетняя служба, в которой воинские дела тесно переплетались с административной и посольской практикой.

С начала 1620-х г. Б. Аршинский почти ежегодно возглавлял экспедиции, посольства, походы на «немирных людей», проводил различные дозоры и следствия, выполнял другие наиболее ответственные поручения.

Неоднократно под его началом осуществлялись большие экспедиции служилых и торговых людей за солью на озеро Ямыш (1621, 1636, 1638 гг.). Эти ежегодные поездки нередко сопровождалось столкновениями с местными воинственными кочевниками, отстаивавшими свои права на богатое соляное месторождение. Очевидно, Б. Аршинский умел заключать соглашения с кочевыми правителями и склонять их на свою сторону. Так, в сентябре 1638 г. он сообщил тобольским властям о перевозке соли ойратами к русским судам и присяге отдельных калмыцких тайшей на верность русскому царю. Помимо этого, одарив тайшей сукнами, он сумел договориться с ними о возвращении в Тобольск русских пленных, захваченных

калмыками во время набегов на деревни Тарского и Тюменского уездов, и дал провожатых калмыцким послам для поездки в Тобольск [8, 128-129, 527-528].

В 1625 г. Б. Аршинский был направлен с посольством к казахскому владельцу Ишиму с целью склонить его в русское подданство и добиться отказа от нападений на русские владения. Очевидно, его миссия была успешной, поскольку люди Ишима не участвовали в крупном антирусском восстании тарских и барабинских татар 1628-1631 гг., подстрекаемых к тому джунгарами [5, 116-122]. Наряду с мирными дипломатическими средствами Б. Аршинский использовал и силовые методы борьбы с восставшими. С целью подавления сопротивления остатков Кучумовичей летом 1629 г. вместе с тобольским сыном боярским Ф. Елагиным, тарскими служилыми людьми и юртовскими служилыми татарами он совершил поход вглубь Барабинской степи, на озеро Чаны, где разгромил восставших татар, отбил захваченный в деревнях Тарского уезда «русский полон» и захватил в плен немало «государевых изменников» [8, 114, 417-418, 705; 9, 681-683]. Весной 1631 г. вместе с отрядом смоленского дворянина Я. Тухачевского Б. Аршинский принял участие в сражении с телеутами за Чингизский городок, закончившимся их поражением, что привело к распаду антирусской коалиции Кучумовичей [19, 49]. В этом же году в ноябре был отправлен с начальными людьми Ф. Шараповым, И. Внуковым в Коурдацкую волость на помощь отряду Томилы Петрова против «воинских людей» указанного выше владельца Ишима. В 1632 г. вместе с татарским головой Иваном Внуковым вновь ходил в поход «на Кучумовых внучат» и на «государевых изменников» – тарских татар и «колмацких людей» [8, 445-446, 706].

Б. Аршинскому нередко приходилось выполнять и обязанности сыщика-дознателя в разрешении сложных конфликтных ситуаций. Летом 1626 г. он проводил в Енисейске сыск о злоупотреблениях воеводы А. Ошанина и бунте против него служилых людей под руководством казачьего атамана В. Алексева. Расследуя причины «отказа» населения воеводе, допускавшего «многие обиды и насильства», Б. Аршинский не только сместил Ошанина, но и арестовал атамана Алексева «за воровство» и других «пущих заводчиков», обеспечив тем самым необходимую стабильность во внутренней жизни самого отдаленного русского форпоста [3, 239, 272; 9, 449-450].

Летом 1628 г. ему также довелось расследовать причины военного противостояния, возникшего между влиятельным калмыцким ханом Урлюком и тарскими служилыми людьми из-за барабинских татар, являвшихся долгое время «двоеданцами» калмыков и русских. Тарский сын боярский Богдан Байкач, уступая требованиям ясачных людей, пострадавших от калмыков на р. Оми, самовольно совершил поход на них; в бою было убито 5 калмыков, взят ясырь (полон) 15 человек, а также 20 лошадей, 3 верблюда и другое имущество. «Погромный ясырь и рухлядь» по заведенному обычаю были поделены между служилыми людьми и воеводой. Все это осложнило отношения тобольских властей с сильным калмыцким правителем. При проведении сыска по этому делу Б. Аршинскому было приказано отобрать у тарских воевод весь ясырь и «рухлядь», вернуть их Урлюку или его детям, признав при этом правомерность претензий владельца. Вместе с тем он должен был «выговаривать» Урлюку по поводу грабежей его сыном государевых ясачных людей, что явилось причиной «задора» между калмыками и русскими. В отношении Б. Байкача предлагалось также выяснить, ходил ли он «собою» или по челобитью ясачных волостных людей [8, 118-119]. Установившееся временное затишье на границе со степью может свидетельствовать об успехе его миротворческой миссии.

Им неоднократно совершались поездки в Москву. Так, в 1624 г. он привез оттуда грамоту о разрешении торговым людям ездить с Руси в Мангазею и обратно, по установленным дорогам, и запрете совершать поездки морским путем. В 1649 г. он также привез из Москвы грамоту о порядке ведения сношений с калмыцкими послами в Тобольске [12, 29].

Богдан Аршинский был, несомненно, глубоко религиозным, православным человеком. Ему неоднократно поручал выполнять ответственные задания Тобольский Софийский двор: доставить из Москвы Знаменскому монастырю одеяния и церковные книги, произвести отвод рыболовных угодий на Иртыше, осуществить досмотр церковных земель и др. 7 января 1636 г. он вместе с сыном боярским Якубом Корвацким выполнял весьма деликатное поручение, состоявшее в переписывании имущества умершего в 1635 г. сибирского архиепископа Макария. Известно также, что в 1621 г. вместе с сыном боярским И. Шульгиным он пожертвовал какие-то средства на оклад образа Святой Софии в Соборной церкви Тобольска [3, 170; 13, 5, 7, 13; 17, 29, 41, 68].

Службу Б. Аршинского продолжили его сыновья – дети боярские Данила и Борис Богдановы и внуки Данила, Иван и Тихон Даниловы. Их административная, военная и другая деятельность, представленная в источниках отдельными эпизодами, также свидетельствует о сохранении преемственности поколений в служилой среде, представители которых своей нелегкой службой стремились продолжить и умножить достижения своих предков.

Данила Аршинский, как и его отец, занимал высокое положение в тобольском гарнизоне. Его жалование составляло в 1654 г. 15 руб., 15 четей ржи, 15 четей овса и 3 пуда соли, что в три раза превышало оклад конного казака и соответствовало чину атамана в разрядном городе. Служебная деятельность Д. Аршинского, как и его родственников, также была насыщенной и разнообразной. В 1641 г. он был

направлен в Москву с ясачной казной и воеводскими отчетами. При сдаче дел в Сибирском приказе за него «руку приложил» мангазейский подъячий И. Логинов, что может свидетельствовать об уровне его грамотности. Но это не помешало ему вместе с подъячим В. Романовым проводить перепись земельных угодий Тобольского архиерейского дома в Тюменском уезде [12, 31; 17, 251].

В последующем Д. Аршинский упоминается как приказчик Верхней Ницынской слободы, которого в 1647 г. предупреждал приказчик Нижней Ницынской слободы Ф. Воронов о соблюдении мер предосторожности в связи с предстоящим походом «колмацких воинских людей» на Тюмень и близлежащие слободы [8, 324, 607]. В 1659 г. он значится как «литовский ротмистр», который вместе с татарским головой Саввой Турским с отрядом в 200 казаков дважды (в декабре и апреле 1659 г.) приходили в Тару для оказания помощи в отражении нападений «Кучумовых царевичей» и калмыков на ясачные волости и участия их в походах против враждебных кочевников. В результате совместных действий тарских, тюменских и тобольских ратных людей на «неприятельских людей» в Барабинской степи, по словам Миллера, «наступило более спокойное и безопасное положение» [8, 36-38, 405-406, 413-414, 423, 426-427, 429, 431].

Наряду с воинской службой Д. Аршинский, как и его отец, выполнял важные дипломатические миссии. 3 февраля 1646 г. он был направлен вместе с калмыцкими послами во владения контайши с подробным наказом от тобольских воевод. Ему было предписано урегулировать сложные отношения с калмыками по вопросам сбора ясака с барабинских татар, являвшихся длительное время данниками калмыков и русских, обмена пленными, налаживания торговли и решить другие вопросы, способствующие упрочению мирных контактов и связей между сторонами [9, 24-27, 312-314].

Брат Данилы сын боярский Борис Богданов Аршинский занимал менее видное место в военно-административной структуре Тобольска. Об этом свидетельствует более скромный размер жалования – 10 руб. и выполняемые им функции: вместе с атаманом Выходцевым он отвечал за линию обороны Тобольска от Пермских до Базарных ворот. В их подчинении было 20 архиерейских служителей, 14 церковных, 78 казачьих детей, 44 служилых, всех 186 человек. При воротах имелась медная 2-х фунтовая пушка с пушкарем, у боевых окон верхних и нижних рядов несли постоянную службу 8 казачьих детей [16, 136]. Учитывая, что Тобольску в это время уже не угрожала опасность, его служба, очевидно, не была обременительной и позволяла ему успешно заниматься предпринимательством. В 1640 г. он продал сольвычегодскому торговому человеку «мягкой рухляди», которую «привез из калмаков» на 12 руб. [18, 141]. По данным Л.А. Гольденберга, вместе с отцом сибирского ученого С.У. Ремезова У.М. Ремезовым он собирал ссудные пошлины с жителей Тобольска в 1645-1647 гг. [6, 10].

Представителем третьего поколения Аршинских был сын Данилы Богданова Данила Данилов, поверстанный в дети боярские с окладом 11 руб. По данным Миллера, в августе 1641 г. его небольшой отряд подвергся нападению калмыков воинственного царевича Девлетгирея (до 700 чел.). Лишь 13 подчиненным вместе с Д. Даниловым с трудом удалось пробиться под защиту Тарханского острога и пережить там тяжелую осаду [9, 130, 556]. Как и своим предшественникам, ему пришлось выполнять различные административные, полицейские, посольские и другие функции. В 1643 г. Д. Данилову довелось сопровождать нарымского воеводу Скобельцына в Тобольск для проведения следствия о его злоупотреблениях во вверенном ему остроге [12, 32]. В феврале 1646 г. вместе с русскими посланниками Б. Трофимовым и Я. Бугалаковым он участвовал в составе важного посольства к основателю Джунгарского государства Эрдени Батуру-хунтайджи, целью которого было склонить его в русское подданство [15, 271-276]. После завершения работы посольства ему пришлось какое-то время выполнять обязанности приказчика Верхней Ницынской слободы. В 1659-1660 гг. вместе со своей сотней он дважды совершил походы в степь и разгромил Кучумовичей и калмыков на озере Чаны [9, 607; 1, 108-109]. По-видимому, административные способности и воинские доблести Д.Д. Аршинского стали причиной назначения его в 1676 г. приказчиком, а затем и воеводой отдаленного Нерчинского острога, являвшегося главным русским форпостом и основной базой распространения русского влияния на востоке страны – в Забайкалье и Приамурье.

Обстановка в Нерчинском уезде в конце 1660-х – начале 1670-х годов была тревожной, во многом обусловленной обострением отношений с Китаем, Джунгарией и Халхой (Северной Монголией), стремившимися предотвратить продвижение русских в Приамурье и ослабить позиции России в Забайкалье. Осенью 1669 г. шеститысячное китайское войско во главе с военачальником Нагай Тимуру отправилось к Нерчинску с целью демонстрации силы и оказания давления на русские власти [2 52-53, 69-70]. Воеводе Д. Аршинскому от имени китайского правительства был вручен «лист», в котором выражалось недовольство строительством русскими Албазина, появлением казаков на р. Сунгари и «погромом» там местного населения, которое китайцы считали своими подданными. Кроме того, китайские власти добивались выдачи тунгусского князца Гантимура, перешедшего в русское подданство со своими улусными людьми (172 чел.) Не дожидаясь ответа из Москвы в разрешении этих непростых межгосударственных вопросов, Д. Аршинский поспешил самостоятельно уладить их. По его указанию в апреле 1670 г. в Китай было направлено посольство, состоящее всего из четырех человек во главе с сыном боярским Игнатием Миловановым [2, 53; 14, 415, 503, 505].

В «наказной памяти», данной Милованову, Д. Аршинский, как представитель русской власти, пытался выразить позицию России по вопросам, являвшимся долгое время камнем преткновения между сторонами. Милованов должен был заявить пекинскому двору, что казаки Албазина такие же подданные русского царя, как и нерчинские казаки, а действия албазинцев против дючеров и дауров, которых китайские власти считали своими подданными, были вызваны их вероломным нападением на русскую крепость, убийством 12 казаков и угоном скота, и что Гантимура, перешедшего на сторону русских, Россия не выдаст, как и китайская сторона не выдает русским их ясачных перебежчиков [10, 124-129; 14, 270-271].

Чтобы сократить время нахождения в пути Милованов первым из русских проследовал в Китай новым маршрутом. Из Нерчинска он пересек Даурию, затем спустился по Амуру, Аргуни и притокам последней добрался степью к р. Науну. За ней уже находилась обжитая китайцами территория, через которую Милованов следовал до самой Китайской стены. В Пекине он сумел добиться аудиенции у самого императора Сюань Е, которого известный китаевед Н. Мясников назвал «одним из выдающихся представителей маньчжурской знати» [10, 117]. По словам уже официального посланника России Н. Спафария, направленного Москвой, чтобы сгладить остроту отношений с Китаем, Милованов не только изложил содержание выданной ему Аршинским памяти, но и допустил неслыханную дерзость: сделал предложение императору вступить в подданство московского царя! [14, 415, 503, 505]

После выполнения своей миссии, щедро одаренные подарками, он и его спутники благополучно возвратились в Нерчинск. Вместе с ним прибыл китайский сановник Мангатеи со свитой 65 человек, цель которого была уже не дипломатия, а сбор сведений о количестве и состоянии русских вооруженных сил в Забайкалье для организации будущего наступления на возникшие здесь остроги. И как показали последующие события, инициированное Аршинским посольство Милованова не только не разрядило обстановку, но привело к совершенно обратным результатам.

Очевидно, за проявленное самовольство и дерзость в отношении сильного восточного соседа, повлекшие за собой осаду Албазина и других русских дальневосточных форпостов, в 1673 г. Д. Аршинский был отозван в Тобольск. Решать сложные конфликтные вопросы с Китаем и его подневольным союзником – северными монголами пришлось уже новому воеводе П. Шульгину и опытному дипломату Спафарию. Их усилия привели к подписанию невыгодного для России Нерчинского договора.

Сын Д. Аршинского И. Данилов унаследовал также чин сына боярского. В 1668 г. он был приказчиком в Ялutorовской слободе. В 1673 г. упоминается как стрелецкий голова, направленный в погоню за бежавшими на «Русь» какими-то «ссылными людьми». В следующем году совершил неудачную поездку с посольством к калмыцкому тайше Дундуку, стоявшему в среднем течении р. Ишима, где едва не лишился жизни. Во время переговоров люди Дундука связали и ограбили русских послов «донага» и отправили их в Тобольск. В 1677-1678 гг. ему довелось временно исполнять обязанности воеводы в Тюмени. В разгар башкирского восстания 17 апреля 1678 г. он получил из Тобольска предписание: «чтоб ему на Тюмени содержать себя осторожно от нападения башкирцев» [20, 149]. В начале следующего года И. Данилов был направлен с воинской командой в скит раскольников для ареста старца Данилы, но последний с верными ему людьми «закрылся» в избе и сумел совершить самоожжение. Последнее упоминание о И. Д. Аршинском встречается в 1699 г., когда он возглавлял караван судов за солью на Ямыш-озеро и оставил в Таре для выдачи служилым людям в оклад два дощаника соли [12, 33].

Сын Ивана Данилова Иван Иванов также имел чин сына боярского и выполнял схожие обязанности в Тобольске. В 1680 г. он был направлен послом в «Киргизы», совершавшие набеги на русские поселения и ясачных людей порубежных волостей. В 1693 г. будучи стрелецким головой в Тобольске он обратился с челобитной к царю с просьбой возвести его в сибирское дворянство. В ней И. Иванов подробно перечислил заслуги своих предков и собственные достижения. Очевидно, его просьба была удовлетворена, в 1696 г. он упоминается в той же должности, но уже как тобольский дворянин с окладом 15 руб. [12, 33]. С 1703 по 1709 г. ему довелось замещать непопулярного командира Сибирского драгунского полка «иноземца» полковника А. Линга, сбежавшего со службы [6, 229; 21, 66-67]. Отметим, что Сибирский драгунский полк был первым формированием русской регулярной армии за Уралом и назначение И.И. Аршинского на этот пост являлось, несомненно, почетным и ответственным. Как и его близкие по родству предшественники, И. Иванов проявил себя опытным военачальником, в 1706 г. руководимые им драгуны совершили поход на черных калмыков в верховья р. Тобол, где разгромили их под Утяцкой и Ялutorовской слободами. В последующем он упоминается уже как приказчик первенцев уральской индустрии – Каменских железоделательных заводов и составитель их смет, что также свидетельствует об его административных способностях и уровне его подготовки [12, 33].

Таким образом, основатель династии «белорусец» Павел Аршинский и его потомки оставили заметный след в начальной истории русской Сибири. Все представители этого рода занимали важное место в военно-административном аппарате Тобольска, фактически осуществлявшем управление всей Сибирью. Сфера их деятельности была весьма разнообразной и насыщенной. Выполняя важные управленческие, военные, судебные, посольские и другие функции, Аршинские представляли собой нарождающийся слой

сибирской бюрократии, без которой была бы немыслима жизнь колонизируемой Сибири. Достижение и сохранение за собой высокого статуса на протяжении всего столетия может свидетельствовать об успешном опыте интеграции выходцев из белорусских земель в русское сибирское сообщество и вхождении отдельных его представителей в элитарную часть населения. Способствующими факторами тому являлись языковая, религиозная близость и ментальная общность с русским народом, наследственный характер замещения командных должностей, умение взаимодействовать с коренными народами, а также схожие природные условия сибирского и белорусского пограничья. Все это обеспечивало «белорусцам» высокое социальное положение, которое не отличалось от положения представителей Речи Посполитой и других привилегированных групп «иноземцев», оказавшихся в Сибири.

Библиографический список

1. Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 1. – СПб.: Тип. и литогр. В.В. Комарова, 1889 – 220 с.
2. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (Вторая половина XVII в.). – М.: Изд. «Наука», 1969. – 240 с.
3. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. – Новосибирск: Изд. «Наука». Сиб. отд., 1991. – 401 с.
4. Белорусы в Сибири. / В.А. Ламин, Н.С. Шашкевич, Д.Я. Резун и др. – Новосибирск: Изд. СО РАН, 2000. – 148 с.
5. Волкова К.Е. Восстание татар Тарского уезда 1628-1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Экономика, управление и культура Сибири XVI-XIX вв. – Новосибирск: Изд. СО АН СССР, 1965. – С. 112-127.
6. Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. – М., Изд. «Наука», 1965. – 268 с.
7. Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII-XX века). – Омск: Издат. дом «Наука», 2012. – 296 с.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Том II. – М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 796 с.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. Том III. – М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – 598 с.
10. Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Т. 1. Империя Цинн и Русское государство в XVII веке. – М: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 2015. – 620 с.
11. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 250 с.
12. Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири. – Новосибирск: Изд. СО РАН, 2000. – С. 22-64.
13. Ромодановская Е.К. Опись имущества сибирского архиепископа Макария (1636 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Сборник научных трудов. / Отв. ред. чл.- корр. АН СССР Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Изд. «Наука». Сиб. Отд., 1988.
14. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. – М: Наука, 1969. Т. 1. 1608-1683. – 510 с.
15. Русско-монгольские отношения. 1636-1654. Сборник документов – М: Изд. «Восточная литература», 1974. – 486 с.
16. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – Новосибирск: Изд. «Вен-Мер», 1995. – 462 с.
17. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. – Новосибирск: «Наука», 1985. – 264 с.
18. Томск в XVII в. Материалы для истории города. – б/м., 1902. – 260 с.
19. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII веках. – Новосибирск: Изд. «Наука», 1980. – 296 с.
20. Актные источники по истории России и Сибири XVI-XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг в двух томах. Том 1. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. – 250 с.
21. Акишин М.О. Сибирские служилые люди как источник комплектования воевод в начале XVIII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII-XX вв. Сборник науч. трудов. – Екатеринбург, 1993. – С. 66-67.

I.P. Kamenetsky

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

Kameneckilwan@mail.ru

“BELORUSTSY” FROM ARSHINSKY DYNASTY IN THE SERVE IN SIBERIA IN THE XVII CENTURY

The article describes the service activity of four generations of immigrants from Belarusian lands Tobolsk knights Arshinsky. Paul Arshinsky founder of the dynasty and his descendants from the beginning of their stay in Siberia, took an important place in the administrative apparatus of Tobolsk, the capital of Siberia. The scope of their activity was very diverse and filled with various serve functions. Achieving and sustaining of a high status throughout the century, can testify to the successful experience of integration of immigrants from the Belarusian lands in the Russian Siberian society. Contributing factors were that linguistic and religious affinity, mental communion with the Russian people, the hereditary nature of the substitution command positions, the ability to work with indigenous peoples, as well as similar natural conditions of the Siberian and Belarusian frontier.

Keywords: XVII century, Siberia, “belorustsy” Arshinsky dynasty, sons of knights, serve, integration experience, Siberian nobles.

А.М. Кураев, А.Н. Путинцев, Д.Д. Комаров

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

kam.mak2009@yandex.ru

СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОКИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕВОСХОДСТВА

В статье рассматриваются отдельные аспекты многогранной деятельности органов власти Новосибирской области и г. Новосибирска по организации военного производства в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Особое внимание авторы уделяют вопросам приема, размещения и организации производства на предприятиях, эвакуированных с западных территориях страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военное производство, Новосибирск, промышленность, эвакуация.

Победы на фронте были бы невозможны без успешной работы тыла, без обеспечения армии современным вооружением и техникой, всем необходимым. Вклад Новосибирской области в решение этих задач трудно переоценить.

Уже в первые 3-4 месяца войны на выпуск военной продукции были переведены все крупные заводы и фабрики, предприятия машиностроения, деревообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности.

Неизмеримо большие трудности заключались в приеме, размещении и организации производства заводов, демонтированных и переброшенных в тыл страны с территорий, которым угрожала оккупация. В течение первых пяти месяцев войны в Сибирь прибыло 322 промышленных предприятия, оборудование крупных электростанций (Каширской и Ленинградской ТЭЦ и др.) [1].

С июня по ноябрь 1941 г. Новосибирск принял 50 эвакуированных заводов и вместе с ними десятки тысяч рабочих и членов их семей, эвакуированное население прифронтовых краев и областей. В труднейших условиях суровой сибирской зимы, при наличии сложнейших материальных и организационных проблем была проделана совершенная невиданная работа по воссозданию в Новосибирске перемещенных заводов. Началось массовое движение за досрочное выполнение заказов фронта.

Еще строящийся завод «Сибметаллстрой» (ныне «Сибсельмаш») принял на свою территорию сразу несколько больших заводов. Комбинат сразу превратился в крупнейшее предприятие страны и стал получать правительственные заказы на изготовление оборонной продукции. Не хватало рабочих рук, инструментов, различных строительных материалов. Заводу была оказана помощь: сюда пришли 3 тыс. рабочих, поступили материалы, сырье, топливо. Многие завод сделал и сам, изготавливая оборудование, инструмент, различное оснащение. Уже через несколько месяцев на комбинате было установлено 5634 станка, а к концу 1941 г. на фронт было отправлено 580 вагонов с военным снаряжением [2].

Быстрота ввода в действие предприятий обеспечивалась одновременным строительством цехов, монтажом и отладкой оборудования заводов.

Фронту нужна была листовая сталь, и Государственный Комитет Обороны в сентябре 1941 г. принял решение на базе нескольких цехов «Сибметаллстроя» создать новый металлургический завод, который уже 2 мая 1942 г. дал тонкую стальную ленту в цехе холодного проката. В декабре 1942 г. вошел в строй цех горячего проката, а весной 1943 г. начал действовать еще один цех холодного проката. Так родился Новосибирский металлургический завод, которому в послевоенные годы было присвоено имя первого директора А.Н. Кузьмина. За образцовое выполнение правительственных заданий в годы войны Указом Президиума Верховного Совета СССР комбинат «Сибметаллстрой» был награжден орденом Ленина.

Строительство Оловозавода началось в конце 1940 г. Пуск его планировался на 1942 г., но завод был достроен и пущен в действие уже в декабре 1941 г.

Быстро, в течение менее чем двух месяцев, был запущен Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова: 8 августа 1941 г. прибыл эшелон с его оборудованием, а уже 15 сентября была выдана первая продукция. Завод разместился на строительном участке «Сибстройпути», где одновременно с монтажом оборудования и прокладкой силовых линий велось большое строительство. В строительных работах после занятий в вузе и в выходные дни участвовали студенты института железнодорожного транспорта [3].

В 1941 г. в Новосибирск из Московской области прибыл Кусковский химический завод. В канун нового 1942 г. завод уже выдал первую продукцию для фронта [4].

В годы войны в Новосибирске заново создается авиационная промышленность. На машиностроительный завод (бывший завод горного оборудования) были направлены тысячи рабочих, техников, инженеров, прибывало оборудование эвакуированных предприятий.

В октябре 1942 г. в Новосибирск эвакуируется краснодарский станкостроительный завод им. Седина. Он стал воссоздаваться на строительной площадке завода расточных станков. Еще в феврале

1942 г. СНК СССР принял решение об ускорении строительства завода тяжелых и расточных станков в Новосибирске с целью развития базы тяжелого станкостроения в стране. В августе нарком станкостроения А.И. Ефремов переименовал предприятие в завод тяжелых станков и гидропрессов – «Тяжстанкогидропресс» [5].

Всего за годы войны на заводах Новосибирска было смонтировано и установлено 16 тыс. различных станков. В 1942 г. валовая продукция всей промышленности Новосибирска увеличилась по сравнению с 1941 г. в 4 раза. В городе были созданы предприятия радиотехнической и химической промышленности, приборостроительные и инструментальные заводы.

Особенно возрос удельный вес Новосибирска как центра машиностроения. По объему промышленной продукции город значительно превосходил Алтайский край и Омскую область вместе взятые. Доля машиностроения и металлообработки в 1945 г. в общем промышленном производстве Новосибирска составляла уже около 80 % (против 23,3 % до войны).

Буквально с первых дней войны перед городом встала серьезнейшая проблема размещения прибывающего населения. О масштабах проблемы говорят цифры: по состоянию на 1 января 1941 г. в Новосибирске проживали 450 тыс. человек, в течение второй половины этого года население города возросло на 103 тыс., в 1942 г. – на 43,5 тыс., в 1943 г. – еще на 12 тыс. В 1943 г. население Новосибирска достигало примерно 600 тыс. человек.

Многих эвакуированных сразу подсаляли на квартиры, для других временным приютом становились корпуса будущих заводских цехов. При создании авиационного завода жильем рабочим и служащим служили школы, недостроенный театр. В зимнее время эвакуированные рабочие построили 200 барачков, где каждая семья получила комнату.

Нового каменного строительства со второй половины 1941 г. не велось, лишь завершалось возведение начатых еще до войны зданий. Даже в конце 1942 г. в городе оставались незавершенные стройки.

Требование быстрого расширения жилого фонда в сибирских городах привело к упрощенному строительству землянок, полуземлянок, барачков, мелких индивидуальных домов, приспособлению под жилье подвальных и хозяйственных помещений. Но уже в 1942 г. наметился переход к более «культурным» видам упрощенных некапитальных жилых построек. Землянок и полуземлянок уже не строили. Наибольший процент застройки в 1942 г. приходится на деревянно-брусчатое и рубленое двухэтажное (23 %), каркасно-засыпное барачное и квартирное одноэтажное (47 %) строительство. Из всей введенной в строй жилой площади 20 % было получено за счет приспособления для жилья чердачных пространств существующих жилых домов. Осенью 1941 г., в связи с критическим положением с расселением новых кадров рабочих, руководство остановилось на этом способе расширения жилой площади как самом эффективном и целесообразном. Широкое использование его в существующих и строящихся домах дало большую экономию времени и средств [6]. Все новые дома также начали строить с использованием чердачного пространства.

В результате резкого увеличения населения города был пересмотрен генеральный план застройки Новосибирска, определены новые территории для заселения, в том числе на левобережье. Так рождались крупнейшие районы нашего города – Ленинский и Кировский.

Поистине титаническим был труд новосибирцев по переводу промышленности на военные рельсы, по приему и размещению эвакуированных предприятий, населения с временно оккупированной территории. Сибиряки, промышленный Новосибирск жили по тому же лозунгу, что и вся страна: «Все для фронта, все для победы!».

Библиографический список

1. ГАНО Ф. П – 5а. Оп. 1. Д. 487. ЛЛ. 46-49.
2. ГАНО Ф. П – 4. Оп. 34. Д. 147. ЛЛ. 39-41.
3. ГАНО Ф. П – 4. Оп. 34. Д. 147. ЛЛ. 1-18.
4. Там же.
5. Там же.
6. История Сибири. Том V. – Л., 1969. – Гл. 1, 2.

M.A. Kuraev, A.N. Putintsev, D.D. Komarov

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

kam.mak2009@yandex.ru

SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE ORIGINS OF INDUSTRIAL EXCELLENCE

The article discusses some aspects of the multifaceted activities of the authorities of the Novosibirsk region and Novosibirsk on the organization of military production in the Great Patriotic War of 1941-1945. They focus on the reception, accommodation and organization of production enterprises were evacuated from the western area of the country.

Keywords: Great Patriotic War, military production, Novosibirsk, industry, evacuation.

А.М. Кураев, А.И. Усоский, А.А. Кураева

Новосибирское высшее военное командное училище

г. Новосибирск

Образовательный центр «Горностаи»

г. Новосибирск

kat.mak2009@yandex.ru

usoskijai@yandex.ru

СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО ОБРЕТЕНИЯ ДУХОВНОГО ПРЕВОСХОДСТВА НАД ВРАГОМ

В статье раскрывается роль культуры как средства достижения духовного превосходства над врагом в годы Великой Отечественной войны. В тяжелое военное время продолжалось культурное и научное развитие Новосибирска и Новосибирской области, строились новые здания, работали театры, развивалось движение агитбригад, художественной самодеятельности. Новосибирск в годы войны принял и сохранил многие ценности национальной культуры. Здесь жили и трудились видные деятели искусства и целые творческие коллективы, эвакуированные с оккупированной врагом территории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, искусство, культура, музеи, наука, Новосибирск, Новосибирская область, Русская Православная Церковь, театры.

Уходят все дальше в прошлое события XX столетия, какие-то из них тускнеют и постепенно исчезают из нашей памяти, другие же, наоборот, вырисовываются более ярко и отчетливо, людская память бережно сохраняет их. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в полной мере относится к событиям, которые еще не скоро будут забыты нашими соотечественниками [1].

Трагическим событиям этой войны посвящены солидные, фундаментальные исследования ученых, большими тиражами опубликованы мемуары участников боевых действий, изданы сборники документов военного времени. Но все же многим молодым людям эта война известна, прежде всего, из школьных и вузовских учебников истории Отечества, из художественных фильмов и произведений писателей, телевизионных и радиопередач, а также из рассказов учителя или преподавателя во время учебных занятий.

Не только педагогам и исследователям хорошо известно, какую значимую роль в изучении истории играли и будут играть источники – материальные свидетельства исторической эпохи, события, личности.

Источники свидетельствуют, что культура стала мощным фактором, обеспечившим победу советского народа над врагом.

В тяжелое военное время продолжалось культурное и научное развитие Новосибирской области, строились новые здания, работали театры, развивалось движение агитбригад, художественной самодеятельности.

22 июня были проведены массовые митинги в 23 трудовых и творческих коллективах, в кинотеатрах, клубах и садах. В них участвовало более 50 тыс. трудящихся города. Митинги продолжались в течение всего следующего дня перед началом работы, в обеденные перерывы и после работы. Только на предприятиях и в учреждениях Новосибирского железнодорожного узла состоялось 179 митингов, на которых выступило 893 человека. На митинге в Кировском районе 70 патриотов нашей Родины подали заявления с просьбой отправить их на фронт. Случаи массовой подачи заявлений о добровольном вступлении в ряды РККА имели место на многих других митингах [2].

Театр «Красный факел» оперативно перестроил свой репертуар: зритель желал видеть спектакли на волнующую его военную тему. Первым спектаклем военно-патриотической тематики стал «Парень из нашего города». Вскоре зрители тепло принимали пьесу «Ключи Берлина» (в ней рассказывалось о войне России с Фридрихом II и взятии русскими войсками Берлина). На 12 июля 1941 г. краснофакельцы дали 30 концертов на мобилизационных участках, в военном городке, военной комнате вокзала в которых принимали участие ведущие актеры театра [3].

Новосибирск в годы войны принял и сохранил много ценностей национальной культуры. Здесь жили и трудились видные деятели искусства, работали целые творческие коллективы.

30 августа 1941 г. Облисполкомом было принято решение о размещении театров в Новосибирской области:

«1. Утвердить следующую сеть размещения театров по Новосибирской области:

Сталинский городской драматический театр имени Серго Орджоникидзе перевести в г. Ленинск, в помещение Дворца культуры.

Областной Театр юного зрителя и Новосибирский колхозно-совхозный театры оставить в г. Новосибирске в занимаемом помещении.

1-й Белорусский драматический театр – в г. Томске. Театр имени А.В. Луначарского – в г. Кемерово. Трудовой передвижной коллектив – в г. Анжерск.

2. Обязать Облисполком (г. Гришина) к 30 августа 1941 года выделить необходимую жилищную площадь для работников театра имени Пушкина.

3. Обязать Сталинский горком ВКП(б), горисполком выделить отдельный дом для размещения работников театра» [4].

Ленинградский Академический театр им. А.С. Пушкина работал в Новосибирске с 3 сентября 1941 г. до 4 июля 1944 г. Документы свидетельствуют, что за указанный период постановки театра увидели 2 млн зрителей! Театр дал огромное число шефских, бесплатных представлений, выступал перед труженниками тыла и фронтовиками.

Город принял также Центральный детский театр, Московский театр оперетты, Минские драматический и еврейский театры, украинский театр им. Коцюбинского из Киева. Прибывшие театральные коллективы разместились в зданиях театра «Красный факел», Театра юного зрителя и Клуба советских служащих.

С первых дней войны недостроенное здание театра оперы и балета превратилось в хранилище ценностей Третьяковской галереи, ленинградских военно-артиллерийского и этнографического музеев, музеев-дворцов городов Пушкина и Павловска, Эрмитажа и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, музеев Новгорода, Калинина, Севастополя (панорама «Оборона Севастополя» худ. Ф.А. Рубо, которую восстанавливали в Новосибирске реставраторы Третьяковской галереи). Все было бережно сохранено, и в 1944 г. культурные ценности стали возвращаться в свои родные города.

Несмотря на тяжелое военное время, в городе реконструировались и строились новые здания. В 1944 г. закончилась реконструкция здания Театра юного зрителя по проекту архитектора В.М. Тейтеля (новосибирцам это здание известно также как «Дом Ленина», в настоящее время в нем располагается областная филармония).

В этом же году началось строительство зданий Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. 8 февраля 1944 г. Президиум Академии утвердил состав Президиума и руководство филиала и институтов. Местом размещения основных институтов и Президиума филиала был избран Новосибирск. Новосибирский областной комитет ВКП(б) и общественные организации оказали большую помощь в организации филиала. Ему были предоставлены земельные участки для построек, ботанический сад, областная химическая лаборатория и два трехэтажных здания в центральной части города. Научные и административные учреждения рождающегося филиала Академии наук СССР в период строительства должны были разместиться в одном из этих зданий.

Но самая известная стройка Новосибирска в годы войны – это, безусловно, Театр оперы и балета. Сооружение его началось еще в 1937 г., но начавшаяся война на время прервала эту работу.

В самые тяжелые дни военных действий, осенью 1942 г., во время боев на Волге и на Кавказе, правительство решает завершить сооружение Театра оперы и балета в Новосибирске, и Совнарком включает это строительство в число первоочередных. Поразительно, что в тяжелейшие военные годы нашлись необходимые ресурсы для строительства невоенного объекта – оперного театра.

К началу войны не была завершена постройка сценической части театра, левое крыло было выложено только в кирпиче. Предстояло установить опоры для пола сцены, площадь которого достигала 2-х тыс. квадратных метров, изготовить и смонтировать все энергетическое оборудование здания и механическое оборудование сцены. Не хватало строительных материалов, рабочих рук, специалистов, средств, но новосибирцы преодолели все трудности. В 1943 г. были завершены основные строительные, монтажные и отделочные работы. 5 февраля 1944 г. правительственная комиссия приняла главные помещения театра, признав их годными к эксплуатации, и передала здание дирекции Новосибирского государственного театра оперы и балета.

Перед новосибирцами предстал театр со зрительным залом-ротондой, имеющим диаметр 55,5 м (превосходящий размером знаменитую римскую античную ротонду – Пантеон, диаметр которой равнялся 43 м), высотой до подвесного потолка в 21 м, с числом кресел в зале 2200. Живопись плафона, большая люстра, сверкавшая бесчисленными огнями, темное дерево ограждений ярусов, красный бархат обивки кресел и драпировок, на фоне которых красиво смотрелись белые античные скульптуры, производили большое впечатление и создавали праздничное, приподнятое настроение. Здание не имело дорогой отделки, сверкающей бронзы и зеркал, густой лепнины, мраморов и другой богатой облицовки, какие можно найти в столичных и европейских театрах, но профессиональный вкус, строгость и простота архитектурных форм, присущие его интерьеру, просторы многих фойе, лестниц, вестибюлей придают ему своеобразие и яркую индивидуальность. Театр стал любимым зданием новосибирцев, их гордостью и символом города.

В годы войны в Новосибирской области широко развернулась работа коллективов художественной самодеятельности. Органы власти обращали самое пристальное внимание на выступления как профессиональных актеров, так и самодеятельных артистов. Новосибирский совет ставил перед ними главную задачу

«создание высококачественного оборонно-патриотического и антифашистского репертуара». Новосибирская культура вносила свой ощутимый вклад в борьбу с врагом.

Изучая архивные документы, нельзя не обратить внимания на то, как развивалось физкультурное движение в городе и области в 1941-1945 гг. В них зафиксированы многочисленные спортивные достижения представителей спортивной школы «Динамо», ежегодное празднование в Новосибирске Дня физкультурника, проведение Всесоюзного кросса летом 1942 г. [5].

Хотелось бы отметить плодотворную деятельность в годы войны Новосибирской епархии Русской Православной Церкви, ее патриотическую работу по сбору средств для армии и флота. На эти средства, в частности, была построена танковая колонна «Дмитрий Донской», которая участвовала в боевых действиях. Вместе с тем архивные документы показывают, в каких непростых условиях действовали в годы Великой Отечественной войны немногие сохранившиеся православные приходы Новосибирской епархии [6].

Библиографический список

1. ГАНО Ф. П – 4. Оп. 25. Д. 762. ЛЛ. 93-121.
2. Там же.
3. Из протокола № 208 заседания бюро Новосибирского обкома ВКП(б) от 29-31 августа 1941 г. // ГАНО Ф. П – 4. Оп. 33. Д. 412.
4. ГАНО Ф. П – 4. Оп. 7. Д. 685. ЛЛ. 175 -178.
5. Из информационного доклада Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Новосибирском облисполкоме о деятельности церкви в период с апреля по июль 1944 г. // ГАНО Ф. Р – 1418. Оп. 1. Д. 11. ЛЛ. 4-об. 5.

A.M. Kuraev, A.I. Usosky, A.A. Kuraeva

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk
Educational center "Gornostay"
Novosibirsk*

*kam.mak2009@yandex.ru
usoskijai@yandex.ru*

SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: CULTURE AS A MEANS OF GAINING SPIRITUAL SUPERIORITY OVER THE ENEMY

The article shows the role of culture as a means of achieving spiritual superiority over the enemy during World War II. In the difficult time of war continued cultural and scientific development of Novosibirsk and Novosibirsk region, build new buildings, a theater, developed propaganda teams, amateur performances. Novosibirsk during the war has taken and preserved many of the values of national culture. Here lived and worked outstanding artists and the whole creative teams evacuated from the occupied territory.

Keywords: Great Patriotic War, art, culture, museums, science, Novosibirsk, Novosibirsk region, Russian Orthodox Church, theaters.

УДК 371

Т.Л. Пашкевич, Д.С. Ежов, Д.Д. Стариков

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск
nvvku@list.ru*

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

В статье раскрываются место и роль книги в процессе становления будущего военного профессионала. В современном информационном обществе поиск информации, ее обработка и преобразование, интерпретация, использование и сохранение выступают в качестве неотъемлемой стороны военно-профессиональной деятельности. Способность эффективно работать с книгой – одна из важнейших компетенций, формируемых в военном вузе. Высшие военные учебные заведения сегодня формируют новый тип личности, адекватный происходящим в стране и армии социально-экономическим преобразованиям, что повышает роль вузовских библиотек, которые активно участвуют в этом процессе.

Ключевые слова: библиотека, информационные ресурсы, книга, культура, курсант, литература, читатель.

Быть в XXI в. образованным человеком – это значит быть информированным. Для свободной ориентации в информационных потоках современный специалист любого профиля должен уметь получать, обрабатывать и использовать информацию.

В информационном обществе акцент значимости смещается на информационный ресурс, представляющий собой знания, накопленные в обществе. Эти знания зафиксированы и материализованы в виде документов, баз данных, компьютерных программ, произведений литературы, науки и искусства. Информационные ресурсы сегодня рассматриваются как стратегические ресурсы страны [1].

Высшие учебные заведения сегодня формируют новый тип личности, адекватный происходящим в стране социально-экономическим преобразованиям, и это повышает роль вузовских библиотек, которые активно участвуют в этом процессе [2].

Невозможно представить процесс образования, обучения в высшем учебном заведении без такого источника информации как библиотека, основной функцией которой является сохранение информации с целью передачи ее читателю (пользователю), т. е. организации доступа к ней. Библиотека является хранилищем книг, где читатель может получить информацию о книге, саму книгу, работать с ней в читальном зале или дома.

Вузовские библиотеки являются документно-информационной составляющей образовательного, научного и педагогического процессов вуза. Основные функции вузовской библиотеки – удовлетворение образовательных запросов, сохранение и предоставление информации. Основной задачей работы библиотеки высшего учебного заведения является обеспечение учебного, научного и воспитательного процессов.

Каждый курсант имеет свои, четко выраженные информационные потребности, которые зависят от его интеллектуального потенциала, степени заинтересованности в учебной деятельности, а также от личных интересов. Неудовлетворение информационных потребностей курсанта ведет к неосведомленности будущего военного специалиста по некоторым вопросам получаемой профессии.

На протяжении всего периода обучения в училище курсанты в той или иной форме прибегают к помощи библиотеки. Чтобы курсант мог свободно ориентироваться в продуктах и услугах, предоставляемых библиотекой училища, он должен иметь определенные навыки и умения работы с библиотечной продукцией и справочно-библиографическим аппаратом.

Курсант должен быть способен извлекать информацию, обрабатывать ее, преобразовывать в удобный для себя вид, делать выводы и принимать решения в условиях неопределенности, в том числе на основе применения новых информационных технологий. Особую группу наших читателей составляют курсанты-первокурсники, которые не имеют достаточного опыта и навыков самостоятельной работы с книгой. Адаптироваться в информационном пространстве им помогают индивидуальные консультации. Успешность такой работы зависит от умения библиотекаря учитывать возрастные, психологические особенности читателей, оставлять читателю право на его личное мнение, проявлять инициативу в общении [5].

Сотрудники библиотеки прилагают большие усилия для развития навыков работы курсантов с каталогами, базами данных, культуры поиска информации в общем массиве документов.

Курсанты испытывают потребность прежде всего в информации, содержащей учебный материал (учебники, учебные и методические пособия). На втором месте справочная литература (различные виды справочников, словарей, энциклопедий), некоторые отдают предпочтение электронным документам.

Помимо учебной литературы библиотека училища располагает богатым фондом художественной литературы, который насчитывает более 35 тыс. экземпляров на любой читательский вкус. Читатель найдет на полках и бессмертную классику, и современную литературу любого жанра от «фэнтези» до приключений. Для тех, кто затрудняется с выбором книги, есть аннотированный список рекомендованной для чтения литературы: «Это должен прочитать каждый», состоящий из 100 наименований. Роль книги и чтения бесспорны в нравственном, интеллектуальном и эстетическом развитии курсантов [3].

Популярной формой доведения информации до пользователей является выставочная деятельность библиотеки. Для ознакомления курсантов с библиотечным фондом ежемесячно оформляются тематические книжные выставки по истории русской армии, о героях Отечества, о творчестве писателей и поэтов, об исторических событиях, о выдающихся личностях, о новых книгах, к знаменательным датам. Проводятся обзоры учебной и художественной литературы (обзор-беседа, обзор у выставочного стенда, обзор-лекция). Для полного раскрытия книжного фонда созданы электронные библиографические пособия: «Воспитываем патриотов»; «Воины-сибиряки»; «Великие русские полководцы»; «Главные битвы Великой Отечественной войны»; «Новые книги»; «Научные журналы» и т. д. Постоянно пополняются тематические картотеки: «Военная наука и военное дело»; «О чем пишут современные писатели»; «Классики и современники» и т. д.

В читальном зале библиотеки читатели могут ознакомиться с научно-теоретическими, научно-практическими, научно-аналитическими, научно-информационными, общественно-политическими и культурно-просветительскими журналами.

Усилия работников библиотеки направлены на то, чтобы научить курсантов работать с информационными потоками и всеми информационными библиотечными ресурсами, дать знания и сформировать навыки, позволяющие эффективно искать, критически оценивать, самостоятельно интерпретировать и использовать информацию. Ведь навыки владения современными информационными технологиями – это залог успешной профессиональной деятельности будущего военного специалиста [6].

Формированием информационной культурой курсантов занимаются не только сотрудники библиотеки, но и преподаватели училища. Общие усилия способствуют формированию профессиональной компетентности, приучают будущих военных специалистов к самостоятельному изучению профессиональной литературы [7].

Библиографический список

1. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. – СПб.; М., 2000.
2. Борисова Е.М., Логинова Г.П. Индивидуальность и профессия. – М., 1991.
3. Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. – М., 1990.
4. Голубева Э.А. Способности и индивидуальность. – М., 1993.
5. Бугрименко Б.А., Цукерман Г.А. «Чтение без принуждения», М., 1993.
6. Педагогика высшей школы: учеб. пособ. / Р.С. Пионова. – Минск.: Университетское, 2002. – 256 с.

T.L. Pashkevich, D.S. Yezhov, D.D. Starikov

Novosibirsk Higher Military Command School

Novosibirsk

nvvku@list.ru

THE VALUE OF THE BOOK IN THE PROFESSIONAL FORMATION OF THE FUTURE SPECIALIST

The article reveals the place and role of the book in the process of formation of the future of the military professional. In today's information society, information retrieval, processing and conversion, interpretation, use and conservation act as an integral part of the military-professional work. Ability to work effectively with a book – one of the most important competencies, formed in military school. Higher military educational schools now form a new type of personality, an adequate place in the country and the army of social and economic transformation, which increases the role of the university libraries, which are actively involved in this process.

Keywords: library, information resources, book, culture, literature, reader.

УДК 94(470) «1941/1942»

Н.Д. Ростов

*Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул*

ndrostov@mail.ru

РАЗВЕРТЫВАНИЕ БОЕВЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА И ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА В 1941-1942 гг.

В статье на основе широкого круга источников, преимущественно архивных, анализируется процесс развертывания и отмотивирования новых воинских формирований на территории Сибирского военного округа и Забайкальского фронта в первый период Великой Отечественной войны. Показываются формы и методы взаимодействия местных партийных, государственных и военных органов по укомплектованию воинских частей и соединений личным составом, техникой, материальными ресурсами, организации боевой подготовки и воспитания воинов-сибиряков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сибирский военный округ, Забайкальский фронт, воины-сибиряки.

С началом Великой Отечественной войны командованию Сибирского и Забайкальского (с 11.03.1942 г. – Забфронт) военных округов пришлось решать сложнейшие вопросы подготовки резервов для действующей армии. На укомплектование новых воинских формирований, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., направлялись военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 г. включительно [8]. С 25 июня по 3 июля 1941 г. на Западный фронт убыли эшелоны соединений и частей 24-й армии¹⁸. 29 июня 1941 г. в г. Красноярске на базе 4-го дивизиона 542-го корпусного артиллерийского полка был сформирован 392-й гаубичный артиллерийский полк [3]. С 26 по 27 июня в г. Новосибирске был развернут 486-й гаубичный Кузбасский артиллерийский полк резерва Главного Командования РККА. 3 июля полк убыл на фронт [17]. В сентябре 1941 г. в г. Бийске началось формирование

¹⁸ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 1054. Оп. 1. Д. 2. Л. 14; ЦАМО РФ. Ф. 1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 6; ЦАМО РФ. Ф. 1426. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.9725. Оп.1. Д.2. Л.6.

288-го отдельного стрелкового полка [6]. В первые дни войны Иркутский 7-й кавалерийский полк НКВД был направлен на запад и вошел в состав 2-й Московской дивизии войск НКВД особого назначения [18]. В августе 1941 г. в Алтайском крае был сформирован 71-й дорожно-эксплуатационный полк [10; 26].

Тяжелые потери Красной Армии летом и осенью 1941 г. потребовали большего числа подготовленных резервов. 10 августа 1941 г. ГКО СССР принял Постановление «О мобилизации военнообязанных 1890-1904 гг. рождения и призывников 1922-1923 гг. рождения» [14]. В соответствии с Постановлением ГКО № 459сс от 10 августа 1941 г. в СибВО началось формирование 12 стрелковых и 4 кавалерийских дивизий. Сроки готовности соединений были определены Постановлением ГКО СССР, директивой Наркома обороны № Орг/2/539010 от 11 августа 1941 г. и составили: 380-я – 15 сентября; 364, 384, 382-я – 15 октября; 368, 372, 376 и 378-я – 15 ноября; 362, 366, 370, 374-я стрелковые дивизии – 15 декабря 1941 г. Сроки готовности кавалерийских дивизий были определены: 73 и 87-я – к 1 октября; 75 и 77-я – 15 ноября [25, 236].

В соответствии с указанием Наркома обороны укомплектование 380, 364, 382-й и 384-й стрелковых и 73, 87-й кавалерийских дивизий личным составом должно быть завершено к 1 сентября, остальных дивизий – к 25 сентября [25, 236]. В соответствии с Постановлением ГКО № 941сс от 5 июля 1941 г. в Забайкалье началось формирование 51-й кавалерийской дивизии [2, 118]. В ЗабВО в сентябре – октябре 1941 г. началось формирование 209-й и 210-й стрелковых дивизий, в декабре – 97-й (2-го формирования) и 116-й (2-го формирования) стрелковых дивизий, отдельной воздушно-десантной бригады и отдельных частей. В конце 1941 – начале 1942 гг. из Забайкалья в состав действующей армии были направлены 65, 93, 97-я (2-го формирования), 114, 116-я (2-го формирования) стрелковые, 82-я мотострелковая дивизии и др. [16].

По Постановлению ГКО № 810 и приказам Наркома обороны № 00110 от 18 октября 1941 г. и командующего СибВО № 0074 от 20 октября 1941 г. с 15 ноября началось формирование 41, 42, 43, 44 и 45-й отдельных стрелковых бригад¹⁹ [23]. По завершении формирования бригад в начале 1942 г. на территории округа началось формирование 69, 70, 71, 72, 73, 121, 137, 140, 144, 145, 146, 147, 148, 149-й отдельных стрелковых бригад 2-й очереди и 150-й стрелковой бригады в Забфронте. На основании Постановления ГКО № 935 от 22 ноября 1941 г., с декабря на территории СибВО началось формирование 16 стрелковых дивизий 2-го формирования: 112, 175, 228, 229, 232, 235, 237, 282, 284, 298, 301, 303, 308, 309, 312 и 315-й [20]. Приказом командующего войсками СибВО № 0124 от 28 февраля 1942 г. началось формирование 216, 217, 218, 219 и 220-й курсантских стрелковых бригад²⁰. Приказом командующего Забфронта в Забайкалье началось формирование 225, 226, 227, 228, 229, 232-й отдельных стрелковых бригад [22].

В марте – апреле 1942 г. в СибВО были сформированы 130-й и 131-й отдельные минометные полки Резерва Главного Командования²¹. На основании Приказа Наркома обороны и директивы управления Уральского военного округа (УрВО) № 02/1000 от 24 апреля 1942 г., в Тюмени началось формирование 6-й и 7-й отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских бригад. На укомплектование формируемых соединений поступали военнообязанные уральцы и сибиряки преимущественно 1923 – 1924 г. р., а также фронтовики, прибывшие из военных госпиталей [5]. К 28 мая 1942 г. в Омске был сформирован 88-й зенитно-артиллерийский полк [15].

В июле 1942 г. в СибВО началось формирование 6-го Сибирского добровольческого стрелкового корпуса в составе 150-й стрелковой дивизии, 74, 75, 78, 91-й (2-го формирования) отдельных стрелковых бригад. С февраля – марта 1942 г. в Забфронте началось формирование 96-й (2-го формирования), 321-й (1-го формирования), 399-й (2-го формирования) и 401-й (2-го формирования) стрелковых дивизий. В июне – августе на территории фронта началось формирование 103-й (3-го формирования) и 328-й (2-го формирования) и др. соединений и частей. В ноябре 1942 г. в Забфронте началось формирование 106-й (2-го формирования) стрелковой дивизии [20].

В своих воспоминаниях генерал-лейтенант С.А. Калинин, назначенный в августе 1941 г. представителем Ставки Верховного Командования в СибВО по формированию новых стрелковых дивизий, отметил определенную последовательность в формировании новых частей и соединений: «Командир будущей дивизии или бригады подбирал себе из резерва нескольких офицеров административно-хозяйственной службы, получал небольшое число автомашин, лагерные палатки, вместе с представителем штаба округа определял место дислокации соединения, обычно где-нибудь на опушке леса, реже – в населенном пункте. Через день-два в дивизию начинали прибывать командиры полков, батальонов, рот и взводов. Одновременно в формирующуюся часть поступал и рядовой состав» [7].

Сложившаяся к осени 1941 г. обстановка требовала жесткой экономии времени, отведенного на боевую подготовку. В августе 1941 г. в действие были введены программы ускоренной боевой подготовки стрелковых частей Красной Армии, согласно которым взвод, рота и батальон готовились в течение одного

¹⁹ ГАНО. Ф.П-4. Оп.5. Д.691. Л.222.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф.9781. Оп.1. Д.1. Л.64

²¹ ЦАМО РФ. Ф.9781. Оп.1. Д.1. Л.92.

месяца. Но, несмотря на столь сжатые сроки, на одиночную подготовку отводилось 2 недели обучения [4]. Боевая подготовка в частях начиналась до завершения полного их укомплектования. Для боевой учебы сибиряков из ресурсов округа выделялись оружие, учебные пособия и уставы [25, 238]. Боевая подготовка формируемых соединений включала в себя 2 этапа: первый – на месте формирования и второй – по прибытию дивизий и бригад в состав резервных армий фронтов. Парторг 936-го артиллерийского полка 362-й стрелковой дивизии С.Н. Мартынов о днях боевой учебы на сибирской земле вспоминал: «Занятия начались на следующий день... хотя... пока носили штатскую одежду. Занимались по 10-12 часов в сутки». 2 этап боевой подготовки частей 362-й стрелковой дивизии к грядущим боям начался с прибытием ее в состав 8-й резервной армии Ленинградского фронта. Особое внимание в боевой подготовке уделялось передвижению на лыжах, выработке у личного состава выносливости и закалки с целью предотвращения простудных заболеваний и умения выполнять боевую задачу в условиях снежной зимы. Орудийные расчеты продолжали совершенствовать навыки при стрельбе прямой наводкой по танкам, переноса и сосредоточения огня с закрытых огневых позиций [13]. Участник Великой Отечественной войны красноярец И.И. Бакшев вспоминал о боевой подготовке в 78-й отдельной стрелковой бригаде летом 1942 г.: «Обстановка на фронте в июле 1942 г. была очень тяжелой... Это понимали все, и с большим подъемом и желанием мы выполняли жесткие требования своего боевого командира. Занимались мы по 14-15 часов ежедневно, без выходных... Наша учеба проходила в условиях близких к боевой обстановке. Физическое и умственное напряжение, казалось, было на пределе, но никто не жаловался на усталость... Все отлично понимали, что для победы над врагом надо хорошо учиться воевать [24].

Наряду с организацией боевой учебы особое внимание уделялось патриотическому воспитанию воинов, формированию у них высоких моральных качеств. В решении этой задачи командование формирующихся частей взаимодействовало с местными партийными, государственными органами и трудовыми коллективами. Сибиряки брали шефство над формируемыми частями и соединениями, оказывали материальную помощь, участвовали в митингах – проходах на фронт. Формированию высокого морального духа воинов-сибиряков способствовало и вручение сформированным воинским частям Красных знамен. Красные знамена областных и краевых комитетов ВКП (б) и краевых и областных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся вручались воинам в торжественной обстановке в ходе проводимых митингов. В соответствии с решением бюро Новосибирского горкома ВКП (б) «О шефстве городской партийной организации над кавалерийской дивизией» от 28 октября 1941 г. в дни празднования 24-й годовщины Великой Октябрьской революции на торжественных совместных собраниях трудящихся и воинов полкам дивизии были вручены Красные знамена. 11 ноября в торжественной обстановке Красное знамя было вручено кавалерийскому соединению²². В 1942 г. широкое распространение в частях СибВО получила кукольная художественная самодеятельность, пользующаяся большим успехом у воинов. Во всех уходящих на фронт дивизиях сибиряков были созданы красноармейские кукольные группы. Они состояли из 3 кукольников и 1 баяниста. В репертуаре групп были сцены-миниатюры на антифашистские и бытовые темы: «Сон Гитлера», «Как Гитлер черту душу продавал», «Болтун», «Симулянкин» и др. Портативность и простота изобразительных средств давали возможность широкого использования этого вида искусства в новых условиях, в том числе и фронтовой жизни [21].

Стрелковые дивизии, формировавшиеся в СибВО и Забфронте в 1941 – 1942 гг., имели увеличенные штаты. Штатная численность 232-й стрелковой дивизии, формируемой с конца декабря 1941 г. – января 1942 г. в г. Бийске, составляла 12 500 чел. [19] Штатная численность стрелковых бригад, к формированию которых приступил штаб СибВО в октябре 1941 г., составляла 4,5 тыс. чел., впоследствии была увеличена на 392 чел.²³ Такая укомплектованность сибирских соединений имела большое значение для фронта. На 1 января 1942 г. более 50 % стрелковых дивизий действующей армии имели до 6 тыс. чел., или половину штатной численности [11]. С превышением штатной численности были направлены летом 1942 г. в состав действующей армии и стрелковые соединения 6-го добровольческого Сибирского стрелкового корпуса. 150-я Новосибирская стрелковая дивизия при штате 12 426 чел. убыла на фронт, имея в своем составе 13 141 чел.²⁴ 75-я Омская отдельная стрелковая бригада при штате 4 848 чел. убыла на фронт, имея в своем составе 6 002 чел.²⁵ 74-я Алтайская и 78-я Красноярская отдельные стрелковые бригады к началу боевых действий имели в своем составе 5 816 чел. и 5 010 чел. соответственно²⁶ [1].

О высоком патриотизме сибиряков свидетельствует большое число заявлений с просьбой о добровольном зачислении в формируемые воинские части. При формировании 150-й стрелковой дивизии по Новосибирской области было подано 42 307 заявлений о добровольном зачислении в соединение [27]. На

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 641. Л. 122, 123, 124.

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 691. Л. 222, 227.

²⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 630. Л. 6, 10.

²⁵ ИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3339. Л. 182; ИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3443. Л. 8.

²⁶ Красноярский центр хранения и изучения документов новейшей истории (КЦХИДНИ). Ф. 26. Оп. 3. Д. 550. Л. 53.

22 июля 1942 г. в Омской области было подано 16 035 заявлений о зачислении в 75-ю отдельную стрелковую бригаду, в том числе 6 497 – от женщин²⁷.

В сентябре 1942 г. на территории СибВО началось формирование 24, 25, 26, 27, 28, 29-й и 30-й лыжных стрелковых бригад. На укомплектование новых соединений поступали военнообязанные запаса и военнослужащие рядового и младшего начсостава, отобранные в запасных частях и военных училищах округа не моложе 20 и не старше 35 лет [9]. Штат формируемых лыжных бригад был установлен 3 000 чел. [12] В ноябре 1942 г. в СибВО была сформирована 140-я Сибирская стрелковая дивизия [20, 472].

Все воинские части и соединения, сформированные в 1941 – 1942 гг., были укомплектованы преимущественно военнообязанными запаса СибВО и Забфронта. Только военными комиссариатами Новосибирской области с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1942 г. на укомплектование новых воинских формирований и частей было направлено 184 423 чел., в том числе: для частей, формирующихся в СибВО, – 140 166 чел., для частей, формирующихся в других военных округах, – 44 257 чел. В 1943 г. эти показатели составили соответственно 5 868 чел. и 5 020 чел.²⁸

Подготовленные в Сибири резервы внесли большой вклад в повышение боеспособности действующей армии в самый тяжелый период войны. Воины-сибиряки проявили удивительную стойкость, мужество, любовь к Родине и замечательную волю к сопротивлению. Это во многом было обусловлено напряженной боевой учебой на сибирской земле.

Библиографический список

1. Алтайский государственный краеведческий музей. НВФ. 6198/2. Л. 1.
2. Воскобойников Г.Л. Кавалеристы в боях за Родину / Г.Л. Воскобойников, С.Б. Хандажапов. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1990. – С. 118, 122.
3. Все для фронта. Все для Победы. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1978. – С. 364.
4. Герасимов В. Уроки, забвению не подлежащие // Армейский сборник. – 2005. – № 11. – С.18.
5. Ермаков И. Тюмень тыловая. – Екатеринбург: Средне-Урал. кн. изд-во, 1995. – С. 62, 77, 78, 104.
6. Из истории земли Томской. 1941-1945. Я пишу тебе с войны. Сборник документов и материалов. – Томск: Томское кн. изд-во, 2001. – С. 81.
7. Калинин С.А. Размышляя о минувшем. – М.: Воениздат, 1963. – С. 196.
8. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917-1981 / Сост. Н.И. Савинкин, К.М. Боголюбов. – М.: Воениздат, 1981. – С. 294.
9. Краткий исторический справочник лыжных бригад. Л. 21, 21об, 22, 22об, 23, 23об, 24, 24об, 25, 25об. // Научно-справочная библиотека ЦАМО РФ.
10. Логачев В. Дорога в бессмертие // На всю оставшуюся жизнь... Воспоминания воинов-бийчан, ветеранов тыла. – Бийск: Науч.-изд. центр БиГПИ, 1994. – С. 61.
11. Мазуркевич Р.В. Планы и реальность (к 50-летию начала общего наступления Красной Армии зимой 1941/42 гг.) // Воен.-истор. журнал. – 1992. – № 12. – С. 25.
12. Маланьин К. Развитие организационных форм Сухопутных войск в Великой Отечественной войне. // Воен.-истор. журнал. – 1967. – № 8. – С. 32, 33.
13. Мартынов С.Н. Ведущие в бой. Записки парторга полка. – Омск: кн. изд-во, 1987. – С. 17,23.
14. Мохоров Г.А. Защищая Родину (Создание стратегических резервов на территории Российской Федерации в годы войны 1941-1945 гг.) – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. – С. 66.
15. Омская партийная организация в первый период Великой Отечественной войны. В 2 т. Т. 1: Июнь 1941 – ноябрь 1942 гг. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1960. – С. 217.
16. Ордена Ленина Забайкальский. История ордена Ленина Забайкальского военного округа. – М.: Воениздат, 1980. – С. 116.
17. Отдел военной истории Областного краеведческого музея Кемеровской области.
18. Парамонов Т. Незабываемые годы // На всю оставшуюся жизнь... Воспоминания воинов-бийчан, ветеранов тыла. – Бийск: Науч.-изд. центр БиГПИ, 1994. – С. 46.
19. Пронин Ф. На воронежской земле // На всю оставшуюся жизнь... Воспоминания воинов-бийчан, ветеранов тыла. – Бийск: Науч.-изд. центр БиГПИ, 1994. – С. 37.
20. Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны / Алт. гос. тех. ун-т им. И.И. Ползунова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. – С. 471-474.
21. Ростов Н.Д. Организация художественной самодеятельности в воинских коллективах Сибирского военного округа и Забайкальского фронта в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 9 (35), 2013. Ч. 1. – С. 147, 148.
22. Ростов Н.Д. Подготовка резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. (на материалах Сибирского военного округа и Забайкальского фронта): дисс. д.и.н. / Н.Д. Ростов. – Кемерово, 2009. – Л. 698-701.
23. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного Комиссара обороны СССР (1943-1945 гг.). – Т. 13 (2-3). – М.: Терра, 1997. – С. 117.

²⁷ ИАОО. Ф.17. Оп.1. Д.3339. Л.153.

²⁸ ГАНО. Ф.П-4. Оп.7. Д.640. Л.24 об.

24. Сибиряки-красноярцы в Великой Отечественной войне: материалы регион. науч. – практ. конф., посвященной 55-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. – С. 26.

25. Фабрика Ю.А. Сибирский щит. Становление сибирского воинства и военные деятели Сибири. – Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2001. – С. 236, 237, 238.

26. Царьков П. Огонь, вода и медные трубы // На всю оставшуюся жизнь... Воспоминания воинов-бийчан, ветеранов тыла. – Бийск: Науч.-изд. центр БигПИ, 1994. – С. 75,76.

27. Ширяев А.С. Сибирская добровольческая. 2-е изд., доп. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1967. – С. 19.

N.D. Rostov

*Polzunov Altai State Technical University
Barnaul*

ndrostov@mail.ru

DEPLOYMENT MILITARY AND SPECIAL UNITS AND FORMATIONS IN THE SIBERIAN MILITARY DISTRICT AND THE TRANS-BAIKAL FRONT IN 1941-1942

The article, based on a wide range of sources, mostly archival, analyzes the process of mobilization and deployment of new troops on the territory of the Siberian Military District and the Trans-Baikal Front in the first period of the Great Patriotic War. Showing the forms and methods of interaction of the local party, government and military officials on completion of military units and personnel, equipment, material resources, organization of training and education of Siberian soldiers.

Keywords: Great Patriotic War, the Siberian Military District, Zabaykalsky front, Siberian soldiers.

УДК 94 (47):084.8

Е.Ю. Суховецкая, И.А. Михеев

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

suhovetskaya74@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ ВОЙСК НКВД В БОРЬБЕ С НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ

В статье рассматривается проблема фальсификации истории участия войск НКВД в борьбе с националистическим подпольем в западных областях Украины в период Великой Отечественной войны и после ее завершения. Авторы раскрывают вклад войск НКВД в разгром вооруженных формирований националистов, специфику проводимых оперативные мероприятия и боевых действия войск, несостоятельность измышлений относительно «карательных» функций войск НКВД.

Ключевые слова: войска НКВД, националистические вооруженные формирования, националистическое подполье.

*«Мы должны противостоять фальсификациям,
подтасовкам, искажению исторических фактов»*

В.В. Путин

9 мая 2015 г. в Российской Федерации была отмечена 70-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне, ставшей тяжелейшим испытанием для наших соотечественников. Советский Союз, несмотря на огромные потери, не только смог разгромить агрессора, но и освободить от нацизма народы Европы, а в последующем сыграть важную роль в Победе над Японией, ускорив тем самым победоносное завершение Второй мировой войны.

Сегодня история Великой Отечественной войны является одной из самых изучаемых не только отечественными, но и зарубежными исследователями. Однако, несмотря на значительные достижения как отечественной, так и зарубежной историографии в изучении событий огненных лет для современных исследователей остается еще большое количество нерешенных вопросов.

Один из наиболее интересных и обсуждаемых вопросов – вклад войск НКВД Советского Союза в достижение Великой Победы. Следует отметить, что именно при рассмотрении деятельности как войсковых структур, так и органов НКВД в ряде исторических работ, периодической печати и кинематографе встречается большое количество различных домыслов, не имеющих под собой реальных оснований.

Происходившие в СССР с середины 1980-х годов процессы демократизации советского общества, некоторое смягчение режима партийно-бюрократической номенклатуры того времени с воодушевлением

были встречены большинством населения нашей страны. Рядовым гражданам приоткрыли «окно свободы», казалось даже шире, чем во времена хрущевской «оттепели». Отмена 6-й статьи Конституции СССР привела к возникновению массы разнородных политических партий и общественных движений. Среди них, как мы сейчас понимаем, были и движения, созданные специально или явившиеся базой для организации «цветных революций» спецслужбами враждебных нам западных государств.

Простому советскому обывателю из Подмосковья или с Урала, рабочему или крестьянину из Таджикистана, Армении, Казахстана было невдомек, почему вдруг в 1986 г. прошли массовые митинги и демонстрации против русификации в Алма-Ате, открытые формы приняло общественное недовольство в республиках Прибалтики, на Украине, в Белоруссии. Почему-то вдруг общественность, возглавляемая народными фронтами, потребовала обнародования советско-германских договоров 1939 г., публикации документов о депортации населения из Прибалтийских государств, западных районов Украины и Белоруссии в период коллективизации. Сейчас нам уже понятно, что это была подготовка тех самых пресловутых «цветных революций» путем ведения информационной войны против народов Советского Союза.

Именно по заказу западных спецслужб, под маской стремления «вскрыть и осудить язвы советского строя», оправдать антисоветский переворот и придать ему легитимность в 1990-е гг. и в печати и на телеэкранах поднялась волна фальсификаций страниц истории нашей Родины, в частности, истории Второй мировой войны.

В поле зрения фальсификаторов отечественной истории попала деятельность войск НКВД, как в период Великой Отечественной войны, так и в послевоенные годы. Отметим, что войск НКВД сыграли исключительно важную роль в борьбу с националистическим подпольем в западных областях Украины в период Великой Отечественной войны и после ее завершения. Эти события сегодня целенаправленно фальсифицируются официальной историографией современной Украины и различного рода духовными последователям Бандеры.

26 июля 1945 г. народный комиссар внутренних дел УССР Василий Рясный направил в Москву сообщение под грифом «Совершенно секретно», в котором докладывал о первых результатах оперативной деятельности так называемых «специальных групп». Прошло 50 лет, и в развернувшейся на Украине кампании по героизации «бандеровщины» эти «спецгруппы» НКВД будут объявлены главными виновниками террора над мирным населением Западной Украины, а донесение В. Рясного (в оборванном и искаженном виде) наряду с некоторыми другими документами представлено как основное доказательство того, что зверства над простыми людьми совершали не украинские националисты, а сотрудники НКВД.

Нынешние украинские «исследователи», да и сами бандеровские «ветераны» сегодня настойчиво внушают массам, что «сексоты НКВД» набирались исключительно из местного населения – председателей сельсоветов, колхозных активистов, комсомольцев и прочих «сталинских холуев» и «предателей украинского народа». За это их и убивали «повстанцы».

Насколько серьезна ситуация с распространением этой лжи свидетельствует тот факт, что миф о «переодетых энкавэдэшниках» закреплен в так называемом «Профессиональном выводе рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности организации украинского национализма, украинской повстанческой армии», изданном на Украине массовым тиражом в 120 тыс. экз. и централизованно распространяемом по всем библиотекам, средним и высшим учебным заведениям. 14 октября 2005 г. на заседании Правительственной комиссии этот «Вывод» был утвержден в качестве официальной оценки деятельности бандеровцев.

Разоблачение утверждений фальсификаторов о якобы «карательных» функциях войск НКВД в Великой Отечественной войне сейчас, как никогда ранее, становится актуальным, особенно для нас, военнослужащих внутренних войск, последователей героев-чекистов времен Гражданской и Великой Отечественной войн. Тем более, что офицер в своей работе с подчиненными должен уметь аргументировано, правдиво показывать роль внутренних войск в разгроме фашистской Германии, воспитывать солдат и сержантов на примерах героизма и мужества наших предков.

Немаловажную роль сыграли внутренние войска и после завершения Великой Отечественной войны, ведя борьбу с националистическим подпольем в западных областях Украины.

С особым ожесточением формирования украинской повстанческой армии действовали вблизи восстановленной государственной границы СССР. Главным содержанием первого периода борьбы с ними (1944-1945 гг.) была ликвидация крупных вооруженных националистических формирований. Борьба отличалась крайней напряженностью. Возглавляли ее органы госбезопасности и внутренних дел. Общее руководство борьбой с националистическим подпольем и вооруженными отрядами в западных областях Украины было поручено народному комиссару внутренних дел, народному комиссару госбезопасности УССР и начальнику войск Украинского пограничного округа. Непосредственное руководство оперативной работой возлагалось на УНКВД-УНКГБ Львовской, Станиславской, Дрогобычской и Черновицкой областей.

Борьба с националистическим подпольем и его бандформированиями включала оперативные мероприятия и боевые действия войск, а также пропагандистскую и разъяснительную работу среди местного

населения. Кроме того, в городах, населенных пунктах и в районах проведения операций предпринимались меры режимного характера. Оперативные мероприятия на границе и в прилегающих к ней районах пограничные, внутренние войска и органы госбезопасности осуществляли по единому плану, причем роль последних была определяющей.

Большое внимание уделялось разведке, благодаря чему зачастую удавалось добыть необходимые данные о вооруженных отрядах. Так, только на участке Украинского пограничного округа в августе – декабре 1944 г. было выявлено и взято на учет 32 закордонных отряда (8 287 человек) и 52 отряда (9 510 человек), действовавших в нашей пограничной полосе [1, 287].

Основной формой борьбы войск НКВД с националистическими бандами было проведение специальных операций по их поиску и ликвидации с привлечением сравнительно крупных сил и средств. В ряде случаев планы таких операций утверждались военными советами фронтов. Их руководителями обычно назначались начальники войск созданных к этому времени пограничных округов или начальники войск по охране тыла фронтов.

21-27 апреля во время операции в Кременецких лесах (Тернопольская область) в составе частей войск НКВД участвовало 15 легких танков, со стороны организации украинских националистов применялись минометы, пулеметы и ручное вооружение. В результате 26-ти боевых столкновений убито 2 018 бойцов украинской повстанческой армии, попало в плен 1 570. У бандитов захвачены один самолет У-2, 7 пушек, 5 станковых и 42 ручных пулемета, 15 минометов, 6 противотанковых ружей, 31 автомат, 298 винтовок, типография с бумагой, большое количество продовольствия и вещевого имущества [2, 161].

Опыт проведения мероприятий по обеспечению государственной безопасности СССР в приграничных районах, полученный в годы Великой Отечественной войны, свидетельствует об острой необходимости активного взаимодействия в этих вопросах с соответствующими спецслужбами сопредельных государств. Этот опыт крайне актуален и в настоящее время, особенно в вопросах борьбы с незаконными вооруженными формированиями в различных «горячих точках».

К концу 1944 г. основные крупные вооруженные формирования (курени, сотни) в районе границы были разгромлены. Формирования украинской повстанческой армии, понеся большие потери, по указанию «центрального провода» изменили тактику борьбы, больше стали заниматься диверсиями и террором, уклоняясь от прямых боевых столкновений с пограничными войсками.

Районы, где действовали формирования организации украинских националистов – украинской повстанческой армии, разбивались на оперативные участки (в административных границах области), а те, в свою очередь, на оперативные группы. В каждую группу в зависимости от оперативной обстановки включалось определенное количество подразделений и частей внутренних войск (как правило отделение – взвод, иногда рота) и оперативных работников НКВД. Старшим группы назначался опытный оперативник или начальник райотдела НКВД, его заместителем – старший офицер от внутренних войск. В отдельных случаях опергруппу возглавлял офицер республиканского НКВД. Создавались также межрайонные и межобластные группы. Главной задачей этих рейдирующих оперативно-войсковых (или чекистско-войсковых) групп являлась быстрая реализация оперативных данных от территориальных органов внутренних дел и госбезопасности путем поиска и нейтрализации участников националистических бандформирований.

В результате активной совместной работы войск и органов НКВД-НКГБ основные националистические организации и их вооруженные формирования были разгромлены. В течение 1944-45 гг. было проведено операций и засад – 39 773, уничтожено бандитов и их пособников – 103 312, задержано бандитов и их пособников – 225 339, явилось с повинной – 88 692, изъято оружия – 69 137 ед. Потери органов и войск НКВД при проведении операций (убитыми и пропавшими без вести) составили 747 человек [3, 315].

Потерпев поражение в 1944-1945 гг., националисты изменили тактику своих действий. Их остатки мелкими группами ушли в глубокое подполье. Борьба с ними продолжалась.

В новых условиях, с учетом ранее приобретенного опыта, основные усилия были направлены на агентурную работу, а также обеспечение надежной охраны государственной границы и пограничного режима.

В течение 1946 г. было ликвидировано 415 «антисоветских националистических организаций и групп, организующих бандитизм», 337 «бандгрупп, связанных с антисоветским подпольем», убито 10 834 участника подпольного антисоветского движения и бандитов [2, 142].

Всего за 1945-1953 гг. на территории западных областей Украины повстанцы совершили 14 422 диверсионно-террористических акта. За десять лет (1945-1955 гг.) ими было убито 17 тыс. советских граждан. Только в течение 1948-1955 гг. от рук украинских националистов погибли 329 председателей сельских советов, 231 председатель колхоза, 436 работников райкомов партии, служащих районных организаций и активистов, а также 50 священников. За все время существования украинской повстанческой армии, ее боевиками убито от 30 до 40 тыс. человек [4, 548].

Исходя из современных реалий, представляется, что опыт наработанный органами и войсками НКВД в рассматриваемом периоде может быть весьма востребован и сегодня.

Библиографический список

1. Боярский В.И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк. – М.: Издательский дом «Граница», 2003. – 448 с.
2. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956). Сборник документов / Составители: Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин – М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.
3. История внутренних войск. Том 3 (1941–1945 гг.). Издание 2-е, испр. и доп. – М.: Редакция журнала «На боевом посту» Внутренних войск МВД России, 2013. – 496 с.
4. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 608 с.

E.J. Sukhovetskaya, I.A. Mikheev

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

suhoveckaya74@mail.ru

**THE QUESTION OF PARTICIPATION FALSIFY HISTORY NKVD
IN COMBATING NATIONALIST UNDERGROUND**

The article is devoted to the problem of falsification of history of participation of the NKVD in the fight against the nationalist underground in the western regions of Ukraine during World War II and after its completion. The authors reveal the contribution of the NKVD to the defeat of the armed forces nationalists, the nature of its operational activities and combat operations, failure of fabrications about the “punitive” functions of the NKVD.

Keywords: troops of the NKVD, nationalist armed forces, nationalist underground.

УДК 94(47+57)"1941/45

В.Н. Шевченко

*Красноярский государственный аграрный университет
г. Красноярск*

kaf.history@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ СОБЫТИЙ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: О ДИВИЗИЯХ И КОРПУСАХ ИЗ «ЗЕКОВ»
И «ЧЕКИСТСКИХ» АРМИЯХ ВТОРЖЕНИЯ**

В статье, на примере книги В. Суворова «День «М»: Когда началась Вторая мировая война?», анализируются некоторые аспекты «ревизионистского» направления в изучении истории Великой Отечественной войны. Являясь одним из основателей данного направления, В. Суворов разработал концепцию равной ответственности за развязывание войны, согласно которой Гитлер опередил Сталина и первым напал СССР. В данной концепции, претендующая на объективность, наиболее ярко проявляется аксиологический фактор, когда одно и то же событие в разных ценностных системах неизбежно трактуется по-разному, что в конечном счете определяет методологию и методы исторического исследования.

Ключевые слова: стратегический эшелон, Красная Армия, войска НКВД, пограничный округ, западная граница, чекистская армия, армия вторжения, превентивная война.

В качестве примера нагромождения лжи возьмем одну из глав широко распропагандированной на западе и в постперестроечное время в нашей стране книгу В. Суворова «День «М». Когда началась Вторая мировая война»[5]. Уже первые строки главы «Про третий стратегический эшелон» вызывают некоторое недоумение: «Первый стратегический эшелон Красной Армии – 16 кадровых армий вторжения и несколько десятков отдельных корпусов и дивизий. Задача – нанести одновременно несколько ударов» – пишет автор. Далее В. Суворов продолжает: «Второй стратегический эшелон – 7 недавно сформированных армий. Задача – развить успех Первого стратегического эшелона». А позади Второго стратегического эшелона шло развертывание Третьего стратегического эшелона. Первоначально в его составе было три армии. У него были свои специфические задачи» [5, 276].

Здесь интересно отметить, что по «воле» В. Суворова «В составе Первого и Второго стратегических эшелонов находились десятки дивизий НКВД с танками, гаубичной артиллерией и всем необходимым для установления социальной справедливости» [5, 295]. Причем общее количество названных Суворовым дивизий значительно превышает количество фактически имевшихся в стране. Вызывает сомнение и наличие в их составе танков и крупной артиллерии (гаубиц), которых по штатам довоенного времени стрелковым дивизиям не полагалось иметь.

Уже сам выдуманный факт создания накануне войны мощной группировки войск Красной Армии для нанесения сокрушающего превентивного удара по немецкой армии является чудовищной ложью. Общеизвестно, что Красная Армия имела огромное превосходство в авиации и танках, но как по общей численности, так и по характеру дислокации войск приграничная советская группировка не могла быть использована как армия вторжения, так как ее войска были разбросаны вдоль границы и в глубину от 50 до 400 км от границы. Значительная часть из них была занята возведением оборонительных позиций. Кроме того, большинство войск находилось в движении, что не давало возможности постоянного наращивания боевой подготовки. Созданные группировки войск в пограничных округах не отвечали ни наступательным, ни оборонительным действиям, не соответствовали складывающейся обстановке.

Это подтверждают и немецкие данные. Разведка доносила в Генштаб сухопутных войск Германии 13 июня 1941 г.: «Со стороны русских, как и прежде, ожидаются оборонительные действия» [1, 32]. Такого же мнения были и многие немецкие генералы (Ф. Гальдер, Г. Гудериан, Э. Манштейн, Ф. Паулюс и др.), объективность воспоминаний которых не вызывают сомнения, так как, после отбытия положенного срока, над ними уже не довлел «домоклов меч» за совершенные преступления. Например, фельдмаршал Эрих фон Манштейн оценивал развертывание Красной Армии следующим образом: «К 22 июня 1941 г. советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они готовы были только для ведения обороны» [3, 191].

Однако бывшего чекиста это не сильно волнует. Наоборот, его творческая фантазия продолжает набирать неукротимый оборот. Оказывается, что «7 недавно сформированных армий были укомплектованы резервистами, в том числе «зеками». Причем «во Втором стратегическом эшелоне целые дивизии и даже корпуса сформированы из «зеков» [5, 276-277]. Правда, В. Суворов предусмотрительно не указывает, когда и сколько было выпущено на свободу и призвано в армию бывших заключенных. Не упоминает он также и о том, кому было доверено командовать этими огромными массами бывших уголовников.

Данное предположение автора не соответствует реальной действительности того времени по крайней мере по трем обстоятельствам. Во-первых, едва ли мог Сталин в преддверии войны решиться выпустить на свободу и вооружить многие десятки тысяч не обученных военному делу социально-опасных элементов да еще и мирное время. Хорошо известно, что вплоть до сентября 1939 г. в стране не было всеобщей воинской обязанности и на службу в армию призывалась только часть призывного контингента и уж ни в коем случае не из числа осужденных.

Никаких массовых амнистий осужденных по уголовным делам в предвоенные годы не проводилось, первые массовые амнистии заключенных, осужденных за мелкие бытовые и хозяйственные преступления, по постановлению Верховного Совета СССР, были проведены после начала войны (12 июля и 24 ноября 1941 г.). Всего за годы войны из тюрем и лагерей было освобождено и мобилизовано в армию свыше 975 тыс. заключенных, годных по здоровью и возрасту, что составляло менее 3% от общего числа всех призывников.

Во-вторых, почему эти огромные массы мобилизованных бывших заключенных были по «воле» В. Суворова сконцентрированы в крупных воинских формированиях, насчитывавших десятки тысяч людей? Автору, как бывшему военному и занимающемуся изучением военной истории, должно быть хорошо известно, что за весь период войны не было создано ни одного сколько-нибудь даже самого мелкого самостоятельного воинского подразделения, состоявшего только из заключенных. Как правило мобилизованных бывших заключенных после короткой военной подготовки отправляли для пополнения в действующую армию или в формирующиеся новые воинские части. Никаких штрафбатов, как любят сегодня много писать и показывать некоторые современные деятели искусства и культуры, из числа бывших заключенных в годы войны никогда не формировалось, а попадали туда, как правило, военнослужащие, нарушившие воинскую дисциплину, проявившие трусость и неустойчивость в бою, кровью искупавшие свою вину перед Родиной. Да и сами штрафные батальоны (роты) появились на фронте только в сентябре 1942 г.

В-третьих, с какой целью бывших заключенных отправляли служить в формирования Второго стратегического эшелона, где опасность быть убитым или искалеченным гораздо меньше, чем на передовых позициях? Неужели их берегли для установления нового, самого прогрессивного «коммунистического» порядка в предполагаемом освободительном походе в Европу? Можно себе представить, какой самый передовой и справедливый порядок, с грабежами и мародерством навели бы «орды» уголовников во главе с лагерными «паханами» и «ворами в законе» у «цивилизованных» европейцев. Однако идея о Красной Армии как сборище воров, бандитов и насильников и сегодня продолжает широко распространяться среди «цивилизованных» европейцев, невзирая на очевидные факты противоположного характера.

Наибольший интерес вызывают путанные рассуждения В. Суворова о Третьем стратегическом эшелоне, сформированном из «чекистских» армий. «В Третьем стратегическом эшелоне – пишет автор, – не только командующие армиями, командиры дивизий, полков, батальонов были чекистами из НКВД и НКГБ, но и все командиры рот, взводов и отделений из этих же самых ведомств. Исключений обнаружить не удалось». И далее продолжает: «...пограничники из западных округов – основа трех чекистских армий, и все командование – с западных округов. Чудеса» [5, 278].

Действительно, это новое чудесное изобретение в творчестве В. Суворова. В любом исследовании по истории войск НКВД можно прочесть, что они состояли из пограничных, оперативных, конвойных, железнодорожных и охранных формирований. Общая численность войск НКВД накануне войны составляла 341 500 человек, которые объединены были в 14 дивизий, 18 бригад и 21 полк различного назначения, в том числе в западных военных округах располагались 7 дивизий, 2 бригады и 11 полков. Пограничные войска страны, организационно входившие в НКВД, состояли из 18 пограничных округов и имели в своем составе 168 135 человек, включая морские части погранвойск и десять авиационных эскадрилий. Участок границы от Баренцева до Черного моря охраняли 87 459 человек, в том числе на советско-германской границе на 715 заставах имелось 40 963 пограничника. Однако уже к концу первой недели войны среди безвозвратных потерь пограничников более 90% составляли категорию «пропавших без вести». Из четырех пограничных округов на западной границе, принявших первый удар, вышло из окружения только около 2 000 пограничников. Имевшиеся формирования войск НКВД в западных округах, которые также подверглись уничтожающему удару в начале войны, понесли огромные людские и материальные потери и требовали значительного пополнения материальной частью и личным составом до уровня регулярных частей Красной Армии. Численность же формирований войск НКВД накануне войны, к примеру, варьировалась от 4 000 до 8 000 человек[6].

Понятно, что вышедшие живыми из кромешного ада первых дней войны пограничники и другие военнослужащие войск НКВД не могли численно составить основу для формирования трех полноценных чекистских армий, даже если бы они все без исключения принадлежали к командно-начальствующему и политическому составу. В конце июня 1941 г. началось формирование 15 стрелковых дивизий для Красной Армии. Из Закавказского и Среднеазиатского пограничных округов дополнительно прибыло 13 тыс. пограничников. Из кадровых частей оперативного назначения войск НКВД внутренних военных округов выделялось в среднем на каждую дивизию по 1 000 человек рядового и младшего командного состава и по 500 среднего и старшего командно-начальствующего состава. Всего на укомплектование 15 стрелковых дивизий выделялось 23 тыс. из оперативных и 15 тыс. человек из пограничных войск. Все эти дивизии были сформированы за 15-20 суток и включены в состав 29, 30, 31 и 34 армий [2, 541-545]. Понятно, что даже для сокращенного состава дивизий выделенных войск явно не хватало не только для формирования целого фронта из трех армий, но и даже 15 стрелковых дивизий.

Основной личный состав формирующихся воинских частей поступал из числа призванных из запаса резервистов, мобилизацией которых ведал Генеральный штаб Красной Армии. Подавляющее большинство войск фронта состояло именно из регулярных соединений и частей Красной Армии.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что формировавшиеся дивизии, а тем более армии и целый фронт вряд ли можно назвать чисто «чекистскими», хотя из шести командующих армиями созданным в июле 1941 г. Резервного фронта четверо являлись бывшими командующими пограничными округами.

Но и это автора не «смущает» и он идет на прямой подлог. Оказывается, что «для формирования трех чекистских армий все было подготовлено заранее, а личный состав от генерала до рядового, целые заставы, комендатуры, отряды и штабы пограничных округов отошли в тыл ДО ГЕРМАНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ... Сталин отдал приказ чекистам отойти в тыл, а частям Красной Армии выйти на границы». Следуя логике своего исследования, В. Суворов делает однозначный вывод: «ДО ГЕРМАНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ ГРАНИЦА БЫЛА ВО МНОГИХ МЕСТАХ ОТКРЫТА и многие тысячи пограничников отведены в тыл, где и были организованы в три карательные армии»[5, 281-293]. Отход пограничников в тыл начался за три дня (19 июня 1941 г.) до войны или за семнадцать дней (6 июля 1941 г.) до предполагаемого, по версии В. Суворова, нападения СССР на Германию.

Из всего вышесказанного В. Суворовым явно видна нестыковка: если все пограничники покинули границу, то почему она осталась открытой только во многих местах? Но и здесь автор находит «блестящий» выход. Оказывается, что «пограничники делились на две неравные группы: одни оставались на границе и использовались в качестве элитных диверсионных отрядов и групп, а другие отходили в тыл и вводились в бой на самом последнем этапе «освободительного похода», закрепляли успех армейских формирований и принимали под охрану новую границу».

Выдвигая эту версию, В. Суворов, как всегда, не приводит никаких доказательств. Кстати, таких документов не обнаружено и в немецких архивах. Не оставили таких свидетельств и непосредственные участники тех событий. Наоборот, начальник погранвойск Белорусского военного округа И.А. Богданов, который, по версии В. Суворова, должен был руководить отходом своих пограничников в глубокий тыл для формирования «чекистских» армий, отдает 20 июня 1941 г. приказ об усилении охраны границы: «До 30 июня отменить все плановые занятия, сборы пограничников, выходные дни для командного состава». В ночное время на границу высылались усиленные пограничные наряды, которые не должны были располагаться ближе 300 м от границы и т. п. [4, 402-403].

Чтобы как-то выйти из неловкого положения, бывший советский разведчик прибегает к испытанному приему использования мемуарной литературы, хотя бы косвенно подтверждающей его версию. Так,

он обращается к вышедшим в 1967 г. воспоминаниям бывшего командира 144 отдельного разведывательного батальона 164 стрелковой дивизии А.А. Свиридова, чье подразделение накануне войны было выдвинуто на советско-румынскую границу. Цитирование книги А.А. Свиридова начинается со слов: «На реке Прут наша дивизия сменила пограничников. Покидая государственный рубеж, они передали нам укрепленный берег...» Это произошло 19 июня 1941 г. И далее странно: «...дивизия приняла укрепленный берег, но не спешит воспользоваться – дивизия прячется в приграничном лесу» [5, 279-282].

Действительно, накануне войны проходило выдвижение ряда воинских соединений к границе. Отдельные подразделения (роты, батальоны) выдвигались к границам для непосредственной поддержки погранзастав на 3-5 км на случай каких-либо провокаций, ведения совместно с пограничниками наблюдения за поведением противника. Так, в докладной записке командующего пограничными войсками НКВД И.И. Масленникова на имя наркома НКВД Л.П. Берии, отправленной не ранее 16 июня 1941 г., говорилось о том, что «в селах пограничной полосы против Украинской ССР объявили распоряжение германского командования об отселении в тыл жителей из 20 км пограничной зоны» [4, 397]. Все это означало войну или по крайней мере подготовку к крупной вооруженной провокации.

Логика рассуждений В. Суворова как всегда носит двойственный и противоречивый характер, но подчинена одной цели – сделать СССР главным виновником в развязывании войны. Открывая границу, Сталин как бы провоцировал Гитлера на вторжение, тем самым ставя СССР в положение жертвы агрессивных действий Германии. Открытая же заранее граница давала Гитлеру шанс для нанесения упреждающего уничтожающего удара, что ставило под сомнение реализацию сталинского плана стать освободителем Европы. И в том и в другом случае основная вина ложилась бы на СССР, проводивший агрессивный и провокационный политический курс. По существу, В. Суворов воспроизводит аргументацию Гитлера, который в своем радиообращении к немецкому народу 22 июня 1941 г. убеждал своих слушателей, что он был вынужден начать превентивную войну с целью предотвращения готовившегося вторжения Красной Армии в Европу, то есть защитить уже завоеванных им европейцев от русских варваров.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что априорная убежденность В. Суворова в агрессивной природе советского строя определяет и применяемые методы фальсификации, неизбежно заставляя отбрасывать определяющие факторы исторических событий, отдавая предпочтение второстепенным, часто недостоверным, а порой и просто выдуманным фактам. Отсутствие же основательной документальной базы в совокупности с порочной практикой вольного обращения и искажения фактов в исследовательской работе превращает его концепцию превентивной войны нагромождением лжи. В. Суворов является типичным и последовательным представителем рыночной теории в публицистике, согласно которой исторические исследования представляют собой рыночный продукт, а потребности рынка являются способом существования исторического знания. Сказочки о дивизиях и корпусах из «зеков» и о «чекистских» армиях, якобы имевшихся в Красной Армии, извращают реальную действительность и очень плохо воздействуют на «мозгоимение» и «умопонимание» происходивших накануне войны процессов широким кругом читателей.

Библиографический список

1. Военно-исторический журнал. – 1989. – № 5.
2. Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941-1945. Сб. докум. – М., 1975.
3. Манштейн Э. Утерянные победы. Пер. с нем. – М: АСТ; СПб, 1999.
4. Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941 гг. Сб. докум. – М., 1970.
5. Суворов В. День «М»: Когда началась Вторая мировая война? – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 320 с.
6. <http://www.pogranec.ru/shouthead.php?t=1906>. <http://topwar.ru/5206-nkvd-sovetskogo-soyuza.html>

VN Shevchenko

Krasnoyarsk State Agrarian University
Krasnoyarsk

kaf.history@mail.ru

TO THE QUESTION OF FALSIFICATIONS OF EVENTS BEFORE THE GREAT PATRIOTIC WAR: DIVISIONS AND CORPS FROM THE “PRISONERS” AND “NKVD” ARMIES INVASION

In this article, the example of the book Suvorov «Day of M. When the Second World War», examines some aspects of the «revisionist» trend in the study of the history of the Great Patriotic War. As one of the founders of this direction, he developed the concept of equal responsibility for the war, according to which Hitler and Stalin outstripped first attacked the Soviet Union. Pretend to be objective in this concept is most evident axiological factor when the same event in different value systems inevitably treated differently, which ultimately determine the methodology and research methods.

Keywords: strategic echelon, the Red Army, the NKVD troops, Border District, the western border, Chekist army, the army of invasion, preventive war.

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 378

В.П. Бауэр

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

bauer_vladimir@mail.ru

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

В статье рассмотрены теоретические аспекты формирования информационной культуры курсантов в условиях образовательной среды внутренних войск МВД России, обоснованы организационно-педагогические условия совершенствования информационной культуры в образовательном процессе.

Ключевые слова: информационная культура, информационные технологии, образовательный процесс, курсанты.

Информационные технологии, активно внедряющиеся в систему военно-профессионального образования, способствуют повышению эффективности формирования информационной культуры будущих офицеров внутренних войск МВД Российской Федерации. Для определения места информационно-телекоммуникационной образовательной культуры курсантов в структуре военно-образовательных учреждений внутренних войск МВД России изучены содержание и специфика данного понятия.

Категория «информационная культура» получила свое развитие в социологических, педагогических, психологических исследованиях, активно применяется в образовательном процессе.

В настоящее время можно говорить о формировании культуры курсантов в познании информационно-телекоммуникационных образовательных ресурсов, которая может стать элементом общей культуры. Ее основой могут стать знания об информационной среде, законах ее функционирования, умение ориентироваться в информационных потоках. По мнению российских ученых, информационная культура пока еще является показателем не общей, а, скорее, профессиональной культуры, но со временем станет важным фактором развития каждой личности. Некоторые специалисты считают, что информационная культура стала составляющей общей культуры человека. В.А. Кравец и В.Н. Кухаренко под информационной культурой понимают совокупность принципов и механизмов, обеспечивающих взаимодействие этнических и национальных культур, их соединение в общий опыт человечества [1].

В настоящее время система военного образования, как и вся высшая школа России, переживает сложный и ответственный период своего реформирования. Одним из важнейших направлений преобразований выступает информатизация высшего военного образования, которая достигается и обеспечивается особой системой взаимоотношений участников образовательного процесса, направленных на формирование и совершенствование информационной культуры курсантов.

Одним из основополагающих средств формирования информационной культуры курсантов является информатизация образовательной среды вуза. Основными организационно-педагогическими условиями формирования информационной культуры курсантов вузов внутренних войск МВД России являются:

- информатизация процессов управления военным вузом;
- информатизация образовательного процесса;
- дальнейшее развитие современной телекоммуникационной и информационной среды;
- информатизация библиотечного обслуживания;
- информатизация научных исследований;
- развитие сотрудничества и взаимодействия с другими образовательными учреждениями города, области и страны.

При организации образовательного процесса в военном вузе в качестве концептуальных предлагаются следующие принципы:

1. Принцип системности. Процесс информатизации должен обеспечить целостное изменение системных свойств военного института как объекта информатизации с целью повышения его восприимчивости к инновациям, предоставления возможностей преподавателям и командирам, курсантам и слушателям курсов повышения квалификации офицерского состава активного целенаправленного использования мировой информационной магистрали, новых возможностей влиять на свою образовательную, научную, профессиональную траекторию.

2. Принцип инвариантности. Концепция информатизации является независимой относительно того или иного варианта реформы сферы национальной безопасности и образования, в том числе и военного, поскольку учитывает и отражает объективные тенденции развития мировой информационной сферы и использует конкретный научно-технический и организационный потенциал.

3. Принцип «точки опоры». Информатизация рассматривается как инфраструктура («точка опоры»), на которой можно выстраивать различные образовательные, научные и социальные проекты.

4. Принцип вариативности. Реализуются меры, направленные на рост разнообразия, увеличение числа альтернатив, возможностей, создание здоровой конкуренции, отбор лучшего. Важно создание среды, способной к самовоспроизводству, к генерации нового знания.

5. Принцип преемственности и интегрированности. Настоящий принцип обеспечивает дальнейшее применение и совершенствование эффективно используемых разработок, государственных стандартов и инновационных технологий, а также разумное сочетание в образовательном процессе современных информационных технологий и традиционных подходов.

Среди основных направлений использования информационных технологий в образовательном процессе Новосибирского военного института следует выделить:

1. Использование средств мультимедиа и видео-проецирования при подготовке и проведении всех видов учебных занятий, особенно лекций, а также при проведении различных научно-методических конференций, семинаров и других мероприятий.

2. Использование доступа к информационно-справочным базам данных и вычислительным сетям.

3. Постепенное внедрение так называемого «электронного документооборота». Так в образовательную деятельность Новосибирского военного института внедрена система электронного документооборота, которая позволяет оперативно обмениваться информацией между кафедрами, отделами, службами и иными структурными подразделениями.

4. Совершенствование ресурсов электронной библиотеки. Ядром фонда электронной библиотеки Новосибирского военного института внутренних войск являются ресурсы, создаваемые преподавателями, адъюнктура, учебным и научным отделами (учебно-методические комплексы, материалы конференций). Для достижения полноты охвата подобных ресурсов необходимо тесное взаимодействие библиотеки с другими подразделениями вуза: редакционно-издательским отделом, курсами повышения квалификации, управлением[2].

Таким образом, одной из главных задач современного военного образования является ориентация курсантов не на усвоение готовых знаний, а на развитие у них самостоятельности, умения самим добывать информацию, творческой активности в приобретении новых знаний, в которые способствуют формированию информационной культуры.

Библиографический список

1. Кравец В.А., Кухаренко В.Н. Вопросы формирования информационной культуры [Электронный ресурс]: http://www.e-joe.ru/sod/00/4_00/ku.html

2. Суховецкая Е.Ю. Совершенствование самостоятельной работы курсантов в информационно-образовательной среде // Информационные технологии в решении служебно-боевых задач внутренними войсками МВД России и в образовательном процессе вузов внутренних войск МВД России: состояние проблемы перспективы. – СПб: СПВИ ВВ МВД РФ, 2013. – С.128.

V.P. Bauer

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

bauer_vladimir@mail.ru

PSYCHO-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION INFORMATION CULTURE OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The article deals with theoretical aspects of formation of information culture of students in the educational environment of the internal troops of the MIA of Russia, proved organizational and pedagogical conditions of improvement of information culture in the educational process.

Keywords: information culture, information technologies, educational process, the cadets.

А.А. Борщ

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск
sasha2015-2015@mail.ru*

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ ОФИЦЕРА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В статье анализируется роль и место ценностей и ценностных ориентаций в структуре личности офицера внутренних войск МВД России. Качества личности, необходимые в условиях военной службы во внутренних войсках, анализируются в контексте функциональных действий военнослужащих. Отмечается высокая значимость ценностных отношений как необходимого фактора служебно-боевой деятельности офицеров внутренних войск МВД России.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, ценностные отношения, структура личности офицера.

Личность офицера можно рассматривать как совокупность связанных между собой элементов адекватных системе общественных отношений и обусловленных типом социального взаимодействия в военно-профессиональной среде. К таким элементам можно отнести: военно-профессиональную цель деятельности; занимаемые социальные статусы и выполняемые социальные роли; ожидания в отношении этих статусов и ролей; нормы и ценности, которыми офицер руководствуется в процессе своей деятельности; систему знаков, которую он использует; совокупность полученных знаний, позволяющих выполнять принятые на себя роли и ориентироваться в окружающем мире; уровень образования и военно-профессиональной подготовки; социально-психологические особенности; активность и самостоятельность в принятии решений. Взаимосвязь этих элементов можно рассматривать как систему личности военного специалиста.

В таком понимании она выступает как устойчивая система, в которой цели, позиции, исполняемые роли, ожидания, ценности, знания, навыки, умения, социально обусловленные биологические, физиологические и психологические особенности взаимосвязаны и призваны обеспечить надежную защиту прав и свобод, национальной безопасности, личности.

На данную систему оказывают влияние внешние факторы правовой ситуации в обществе, военной среды и социально-демографические особенности личности военнослужащего. Она включает в себя различные качества, присущие военному специалисту:

- общесоциальные (человечность, справедливость, патриотизм, законопослушность, доброта, отзывчивость и др.);
- общие военные (гражданственность, понимание роли и места военной организации в обществе, готовность к самопожертвованию, стойкость к трудностям военной службы, осознанность единоначалия и других принципов военного строительства, соблюдение воинской дисциплины и др.);
- моральные (честность, совесть, ответственность, верность воинскому долгу, боевому товариществу и др.);
- военно-профессиональные (воинское мастерство, квалификация, компетентность, профессионализм, творческая активность, инициативность и др.);
- психологические (устойчивость, выдержка, целеустремленность, воля, самостоятельность, коммуникабельность и др.);
- физические (сила, ловкость, выносливость, быстрота и др.).

Без наличия перечисленных качеств офицер не может рассматриваться в обществе как военный специалист, а в военной организации – как военнослужащий внутренних войск МВД РФ, способный решать правоохранительные задачи.

Качества личности военного специалиста, необходимые в условиях военной службы во ВВ МВД РФ, анализируются через призму функциональных действий военнослужащего и являются очень важными. В процессе службы эти качества должны сложиться в систему, образовать в своем взаимодействии единое целое, помочь офицеру стать личностью, достойно выполнить свой долг перед Отечеством.

Важно учесть и то, что все качества имеют не абстрактное, а конкретное деятельностное выражение. А потому нельзя стать личностью вообще, без конкретной статусно-ролевой привязки. Стать обладателем и носителем качеств личности командира подразделения, соединения, офицера воспитательных структур или преподавателя невозможно сразу после окончания вуза или непосредственно, заняв соответствующую должность. Такая личность формируется длительно, по мере движения по служебной лестнице. Следовательно, структуру личности военнослужащего необходимо рассматривать во взаимосвязи с ее деятельностью. А всякая деятельность понимается как мотивированный процесс, основанный на взаимодействии различных потребностей, интересов и ценностных ориентаций личности.

Особенно важен педагогический анализ потребностей, интересов и ценностных ориентаций военных специалистов, подготавливаемых в военных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, как составляющих личности будущего офицера в ее взаимосвязи с образовательной деятельностью.

Потребности, интересы и ценности выступают важным связующим звеном между обществом, военной организацией, социальной группой и личностью, ее внутренним миром.

Потребности имеют различную качественную природу и поэтому все они представляются в равной степени необходимыми для человека. В каждый конкретный момент те или иные потребности выдвигаются на первый план, приобретают первостепенное значение. Структура потребностей той или иной социальной группы основана на стремлении удовлетворить социальные, политические, экономические и другие интересы личности.

Интересы существуют в виде стремлений людей, представителей той или иной социальной группы, к удовлетворению их повседневных потребностей. Материальные, социальные и профессиональные интересы военных специалистов связаны с уровнем их денежного довольствия, продолжительностью рабочего дня, мерой интенсивности труда, общественной оценкой данного труда, взаимоотношениями в воинском коллективе, иными условиями и организацией деятельности. Все богатство объективного мира, так или иначе, преломляется в интересах человека. Через интересы устанавливается связь между личностью и миром вещей, ценностей, социальных отношений. Интересы следует рассматривать как основание системы ценностей.

Ценность можно рассматривать как обобщающее понятие для таких явлений как идея или идеал, нравственная норма. Она связана с интересами людей многообразными способами: через различные виды деятельности, межличностные отношения, быт и т. д. Система ценностей присутствует во всех формах общественного сознания и является важнейшим источником мотивов поведения и деятельности [1, 442].

Ценностные ориентации личности (французское *orientation* – установка) – это разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств достижения этих целей и в силу этого приобретающие функцию важнейших регуляторов социального поведения индивидов [1, 443].

Ценностные ориентации военного специалиста внутренних войск МВД РФ – продукт социализации индивидов к условиям военной среды, т. е. освоения общественных, служебных, нравственных, эстетических, военно-профессиональных идеалов и непреложных нормативных требований, предъявляемых к ним как к членам специфической военной организации, это фиксированная в психике военнослужащего социально обусловленная общая направленность на цели и на средства деятельности.

В структуре диспозиций личности офицера ВВ МВД ценностные ориентации образуют высший уровень иерархии предрасположенностей к определенному восприятию условий жизнедеятельности и реальному поведению в конкретной обстановке, а в ситуациях нравственного выбора являются опорными критериями принятия личностью жизненно важных решений [2, 291].

Являясь отражением фундаментальных социальных интересов личности, ценностные ориентации выражают субъективную общественную позицию индивидов, их мировоззрение и нравственные принципы. Непротиворечивость ценностных ориентаций – важнейший показатель устойчивости личности военнослужащего, тогда как обратное свидетельствует о неустойчивости; незрелости, маргинальности (совмещение ценностных ориентаций различных социальных групп, интересы которых существенно различаются) или психическом расстройстве. Формирование ценностных ориентаций знаменует становление личности военного специалиста как активного субъекта военно-профессиональной деятельности [3, 87].

Общественная и служебная деятельность, а также жизненный опыт военного человека интегрируется в его сознании в форме фиксированных установок. Наиболее устойчивые установки являются ценностными ориентациями личности. Таким образом, ценностные ориентации военного специалиста – система зафиксированных в сознании военнослужащего социальных установок относительно тех элементов действительности, которые обладают высокой значимостью для данного субъекта в качестве целей жизни или средств их достижения, это важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные накопленным в процессе служебно-боевой деятельности опытом индивида. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностных ориентаций образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов. В силу этого ценностные ориентации выступают важным фактором, обуславливающим мотивацию действий и поступков военнослужащего внутренних войск МВД России.

Ценностные ориентации офицера внутренних войск представляют собой еще и оценивание, опирающееся либо на абсолютные оценки («добро», «зло» и др.), либо на сравнительные оценки («лучше», «хуже», «равноценно» и др.), либо на пожелания, советы, предостережения, обещания, предписания, приказания. Они формируют принципы, образцы, нормы, правила поведения военнослужащего, влияют на сознание и являются основными критериями его внутренней системы соглашения. Поэтому принятые личностью

ценности ориентируют, направляют ее деятельность.

Механизм действия и развитая система ценностных ориентаций связаны с разрешением конфликтов и противоречий в мотивационной сфере личности. В наиболее общей форме этот механизм выражается в борьбе между долгом и желанием, мотивами нравственного и утилитарного порядка.

Ценностные ориентации могут не совпадать со структурой ценностей, функционирующей в обществе и военной организации. Для военного человека может быть важно и значимо вовсе не то, что является важным и значимым с точки зрения интересов и утвердившихся норм военной организации. В силу данного обстоятельства важно проводить различие между ценностными ориентациями личности и ориентациями личности на ценности, распространяемые или господствующие в военной организации внутренних войск, обеспечивающих национальную безопасность. Ориентация на ценности есть определенное отношение личности к внешним установлениям, нормам и обычаям. Таким образом, ценностная ориентация – внутренний компонент сознания и самосознания личности. Ценностное отношение представляет собой необходимый и всеобщий фактор жизни военнослужащего и военной организации общества [4]. Ориентация военного специалиста на ценности, принятые в армии, его социальном окружении, ставшие фактором его собственного сознания, предполагает соответствующий выбор типов поведения, целей и средств деятельности.

Библиографический список

1. Краткий словарь по социологии. – М.: Политиздат, 1989. – 479 с.
2. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. – М.: изд. Норма, 2002. – 656 с.
3. Теория и практика воспитания военнослужащих: учебное пособие. – М., 2005. – 340 с.
4. Соломатин Е.В., Матвеев В.С., Федункин А.В. Профессиональная этика и служебный этикет: курс лекций. – Новосибирск: НВИ ВВ МВД РФ, 2014.

A.A. Borshch

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

sasha2015-2015@mail.ru

VALUE ORIENTATIONS IN THE STRUCTURE OF PERSONALITY OF OFFICER OF INTERIOR MINISTRY TROOPS OF RUSSIA

The article analyzes the role and place of values and value orientations in the structure of personality of an officer of the MIA of Russia. Qualities required in the conditions of military service in the internal troops, are analyzed in the context of the functional actions of the military. There is a high significance value relations as a necessary factor Torah service and combat activity of the officers of the MIA of Russia.

Keywords: values, value orientation, value relations the structure of the individual officer.

УДК 378

А.В. Виноградов, А.М. Котов

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

В настоящей статье исследована проблема развития социальной ответственности будущих офицеров внутренних войск МВД России. Проведен теоретический анализ понятия социальной ответственности в научной литературе.

Ключевые слова: ответственность, социальная ответственность, будущие офицеры, служебно-боевая деятельность.

Коренные преобразования в различных областях общественной жизни происходят на фоне возникновения значительного количества конфликтов в Российской Федерации, характеризующихся быстротой и непредсказуемостью развития, масштабами последствий. В условиях социальной нестабильности важную роль играют внутренние войска МВД России. Государство и общество закономерно формируют социальный заказ на профессионально подготовленные кадры, готовые к качественному и эффективному выполне-

нию возложенных на них служебно-боевых задач и способные к быстрому целесообразному принятию решений в сложных условиях служебно-боевой деятельности подразделений внутренних войск МВД России.

Изучение практики свидетельствует: если офицерский состав профессионально подготовлен, то и служебно-боевые задачи выполняются качественно, в установленные сроки и с наименьшими потерями. Такое профессионально важное качество, как социальная ответственность, необходимо для эффективного выполнения служебно-боевых задач будущими офицерами внутренних войск. Вместе с тем анализ процесса формирования социальной ответственности у курсантов показывает, что он требует своего совершенствования. Повышение эффективности формирования социальной ответственности будущих офицеров внутренних войск выступает как актуальная научно-практическая проблема, целесообразность решения которой очевидна. В связи с этим возникает вопрос: что необходимо сделать для решения данной проблемы?

Для будущих офицеров внутренних войск новые условия деятельности – это качественно иная система отношений ответственной зависимости, где на первый план выступает необходимость самостоятельной регуляции своей профессиональной этики. Профессиональное развитие и самостоятельность определяют потенциальную возможность формирования социальной ответственности как главного профессионально значимого качества. Сам процесс формирования социальной ответственности имеет теоретический и практический аспекты.

Теоретический аспект включает в себя вопросы о содержании и структуре понятия «ответственность» в педагогической теории. Практический аспект содержит вопросы реализации в педагогической практике условий и средств, обеспечивающих целенаправленное развитие социальной ответственности у будущего офицера [4, 144].

Согласно основным положениям материалистической теории познания и формальной логики необходимо дать определение понятия «ответственность».

Исследование этимологии понятия «ответственность» приводит к интересным результатам. В современном русском языке термин «ответственность» понимается как «необходимость, обязанность отдавать кому-нибудь отчет в своих действиях, поступках» [6, 459]. «Необходимость» рассматривается как нужда, потребность, надобность – тем самым как бы косвенно указывается на наличие мотивации. Одновременно «обязанность» истолковывается как долг [6, 168], что свидетельствует о связи ответственности с моралью, нравственными нормами поведения и отношениями между людьми. Ответственный человек – это человек с высокоразвитым чувством долга, ревниво относящийся к обязанностям, возложенным на него. Осознание чувства долга играет очень важную роль в общественной жизни. При утрате или ослаблении чувства долга деградируют многие общественные отношения, оскудевает духовная жизнь личности [7]. Таким образом, в педагогической теории ответственность человека связывается с его обязанностями, развитым чувством долга и понимается как возлагаемое на человека или взятое им обязательство отчитываться в своих действиях и принимать на себя вину за возможные последствия.

Анализ научной литературы показал, что в научном мире не сложилось четкого и единого мнения о сложном и многоуровневом феномене ответственности. Его изучение осуществлялось в рамках таких теоретических дисциплин, как психология, философия, педагогика, этика, культурология и др. Существует множество подходов к описанию сущности ответственности и ее составляющих, в результате чего в настоящее время насчитывается множество определений данного понятия. Но каждая из используемых дефиниций отражает лишь определенную сторону, характеристику ответственности и в связи с этим имеет некую смысловую недостаточность.

По мнению С.Ф. Анисимова, «ответственность – совокупность объективных требований, предъявляемых обществом (профессиональной группой) к отдельным членам группы, коллектива в виде моральных принципов, норм, выражающих общественную необходимость» [1, 178].

К. Муздыбаев определяет ответственность «как качество, характеризующее социальную типичность личности» [5, 383].

С позиции В.Н. Шердакова «ответственность – это осознание личностью целей и выбора поступка в рамках ориентира духовного порядка» [8, 195].

Как считает К.А. Абульханова-Славская, «ответственность определяется как регуляция поведения на основе предвидения его последствий» [2, 17].

В целом в психологии ответственность выступает как свойство личности, характеризующее прежде всего ее социальную типичность.

Педагоги А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский рассматривают ответственность как категорию нравственности. Формирование нравственной позиции человека лежит в основе теории воспитания ответственности, где ответственность выступает не только социальным свойством личности, но и элементом нравственной позиции. «Чувство ответственности – это способность ориентировки, – говорил А.С. Макаренко, – функция ответственности в том и заключается, чтобы способствовать регулированию взаимоотношений и отношений между людьми и обществом» [3, 202].

Социальная ответственность будущего офицера внутренних войск формируется на основе объективных обязанностей, возложенных на него в процессе служебно-боевой деятельности. Независимо от того, осознает будущий офицер или нет эти обязанности, они объективно на него возлагаются. С.Ф. Анисимов раскрывает объективное содержание ответственности как «совокупность требований, предъявляемых обществом... в виде моральных принципов, норм, выражающих общественную необходимость» [1, 155]. Но при этом общество требует от каждого участника взаимоотношений осознанного отношения к своим обязанностям, личной ответственности за их выполнение. Индивидуальное сознание человека, понимающего свой долг в выполнении обязанностей как перед самим собой, так и перед другими людьми, коллективом и в целом перед обществом, – и есть субъективное содержание ответственности.

Таким образом, раскрывая объективную сторону формирования социальной ответственности, необходимо рассматривать моральную сторону вопроса, так как моральные принципы представляют собой выражение внешних требований, предъявляемых к индивиду обществом, коллективом и т. д. Они являются общими представлениями о том, как необходимо поступать в различных ситуациях, т. е. являются продуктом зафиксированной культуры человеческих взаимоотношений и базируются на социальной памяти, традициях и обычаях. Пронизывая все общество, все социальные группы, моральные нормы действуют неукоснительно, неотвратимо. Моральные принципы как выражение неформализованных требований общества к личности отражают объективность социальной ответственности и становятся внутренней основой поведения [4, 128].

Субъективная сторона формирования социальной ответственности является производной от сформированной объективной стороны ответственности. Именно в процессе формирования объективной стороны в общих представлениях должного формируются осознанное отношение человека к своим обязанностям и необходимость держать ответ за свои действия, а также убежденность в том, что его действия, поведение соответствуют нормам морали и права.

Рассматривая категорию социальной ответственности в области психологии, необходимо отметить, что ответственность относится к числу наиболее сложных понятий по содержанию. В рамках теории морального сознания существуют несколько гипотез о природе ответственности и стадиях развития поведения. Таким образом, необходимо считать, что поведение является производной от ответственности, основу которой составляют сложившиеся в обществе категории морали и нравственности, и с развитием данных категорий меняется само поведение. Тем самым необходимо подчеркнуть, что профессиональная культура поведения будущих офицеров внутренних войск имеет прямое отношение к устоявшейся в профессиональной группе совокупности категорий морали и нравственности, а значит, она будет выражаться в осознанном, ответственном, профессионально-нравственном отношении. Согласно теории К. Хелкмана, категория ответственности имеет три стадии формирования:

- 1) автономная субъективная ответственность;
- 2) ответственность как социальная обязанность;
- 3) ответственность, основанная на принципах морали [5].

Данные стадии формирования ответственности еще раз доказывают наличие объективной и субъективной сторон формирования категории ответственности, а именно наличие внутренних и внешних атрибуций. Существуют два вида атрибуций. Внутренняя (диспозитивная) – связывает человека с его внутренними характеристиками, и внешняя – связывает человека с той или иной ситуацией.

Таким образом, завершая теоретический анализ категории ответственности, следует уточнить понятие социальной ответственности. Социальная ответственность – это субъективная обязанность отвечать за свое поведение в социуме, поступки и действия, а также их последствия, основанная на осознанном, морально-нравственном отношении к деятельности.

Библиографический список

1. Анисимов С.Ф. Мораль и поведение. – М.: Мысль, 1995.
2. Дементьева И.А., Зубарева Н.И. Степень социальной ответственности подростков // Воспитание. – 2003. – № 10.
3. Кайда Л.И. Воспитание ответственности у курсантов вузов внутренних войск МВД России в процессе обучения иностранным языкам: дис. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. – СПб., 2003.
4. Минкина Н.А. Воспитание ответственностью : учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1998.
5. Мясинцев В.Н. Психология отношений. – М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: НПО МДОК, 1995.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: РАН; Рос. фонд культуры, 1994.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. : в 2-х тт. Т. 1 – М., 1998.
8. Шушерина О.А. Формирование ответственности как профессионально значимого качества у студентов: дис. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. – Красноярск, 1999. – 195 с.

A.V. Vinogradov, A.M. Kotov

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE FUTURE OFFICERS IN EDUCATIONAL THEORY AND PRACTICE

In this paper is studied the problem of the social responsibility of the future officers of internal troops of the Russian Interior Ministry. A theoretical analysis of the concept of social responsibility in the scientific literature.

Keywords: Responsibility, social responsibility, future officers, combat activities.

УДК 37.014.53; 323.21

Р.В. Володин

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

lopoukha@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЯ ПАТРИОТИЗМА И ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В статье анализируются проблемы формирования национальной идеологии в России на основе идеологии государственного патриотизма. Автором обосновываются важность социального идеала, патриотических ценностей как вектора его формирования; анализируются базовые российские ценности и критерии патриотизма личности.

Ключевые слова: патриотизм, социальный идеал, критерии развития патриотизма личности, духовность, главные ценности национальной идеи.

Патриотизм как общезначимый идеал связывает людей друг с другом и обеспечивает между ними не только рациональную, но и эмоциональную общность (чувство солидарности). Современной России необходима государственная идеология, которая объединит воедино понятия «Российская земля», «Отечество», «Государство». Сегодня ее основы зарождаются в идеологии государственного патриотизма.

Идеология – это учение об идеале. Значение категории идеала состоит в том, что это понятие показывает смысл человеческой деятельности. По мере расцвета идеала деятельность, направляемая этим идеалом, наполняется глубоким смыслом; по мере его упадка она постепенно теряет смысл и становится бессмысленной. Так обстояло дело с деятельностью офицеров в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века.

В настоящее время просматривается две тенденции преодоления идеологического кризиса: 1) ориентация народа на религиозные формы идеологии; 2) консервативно-либеральный центризм.

По критерию патриотизма либерально-рыночная модель развития России не выдерживает конкуренции. Китайцы-патриоты не воруют и не вывозят капиталы в США, а считают своим долгом вернуть капитал на свою родину. Первые крупные инвестиции вложили в развитие Китая именно богатые китайцы, проживающие за рубежом. У нас одна из главных причин социального упадка – пренебрежительное отношение к нашей истории, государственной идеологии патриотизма. Власти надлежит перестроить саму реальность – экономику и скорректировать субъективное отношение людей к этой реальности (трансформировать образ социального мира). Дух западноевропейской и американской идеологии, закреплённой в протестантской этике, – индивидуальная избранность к спасению, личное и материальное благополучие, оправдываемые любой ценой, – несовместимы с духовным наследием нашего народа. Сегодня наше общество расколото по линиям: «имущие – неимущие», «молодежь – старшее поколение», «новые русские – старые русские», «жители столиц – жители периферии», «горожане – селяне», «русские – нерусские», «православные – представители иных религиозных конфессий» и т. д.

«Противоядие» этой страшной эпидемии следует искать не в экономике. Нужно оживлять дух нации, ее духовность и нравственность. Решить проблему прекращения упадка без идеологии патриотизма невозможно. Именно идеология патриотизма должна быть положена в основу государственной идеологии, которая полностью отвечает национальным интересам страны. Сущность идеологии патриотизма составляет система взглядов, норм, ценностей основной массы населения, разделяющей и обожествляющей их, делом доказывающей свою преданность России, Отечеству. Государственный патриотизм – фундаментальная идея, отражающая действительные явления, процессы развития, формирующие человека.

Речь идет о социальном идеале, включающем практические (экономические, политические) и духовные (этические, эстетические и мировоззренческие) идеалы [1; 2]. Подлинная духовность, заключающаяся в следовании социальному идеалу и тем моральным нормам, которые определяются этим идеалом, вследствие отсутствия государственной идеологии, поддержки государства ослабевает. Происходит поля-

ризация духовности. В обществе нарастает бездуховность и псевдодуховность, происходит «брожение» идеалов. Необходимо правильно определить направление оптимального духовного вектора. Таким вектором является государственный патриотизм. Патриотические идеалы не оставляют человека равнодушным к судьбе России, Отечества, подвигают военнослужащих к его защите.

Крушение коммунистического идеала в России в XX веке и «очистка» многих сторон социальной жизни от влияния этого идеала отнюдь не означала деидеологизации российского общества вообще: на смену коммунистическому идеалу пришел либеральный идеал западного толка, и возникла проблема формирования либерального идеала с российской спецификой.

Эта специфика включала в себя рациональное из социалистических традиций (социальная роль демократического государства, руководствующегося не только принципом защиты прав и свобод каждого гражданина (принцип индивидуализма), но и принципом социальной справедливости в отношении всех своих граждан (принцип коллективизма)). Если принцип индивидуализма требует максимальной самобытности и оригинальности в действиях каждого гражданина (максимальной свободы выбора, т. е. максимальной самореализации), то принцип коллективизма – максимальной ответственности, выражающейся в коллективной взаимопомощи в преодолении негативных последствий стимулированного свободой социального неравенства (максимальной солидарности). Причем поддержка этого принципа осуществляется не административными, а исключительно экономическими методами. В этом состоит принципиальное отличие социальной роли социально-демократического государства от социальной роли тоталитарного государства.

Кроме того, одной из важнейших особенностей российских национальных традиций является приоритет духовного начала перед утилитарным. Воспитание народа в духе постоянной готовности пойти на серьезные жертвы во имя духовных ценностей – характерная черта российской государственности. Очевидно, что социальный идеал с российской спецификой не может включать в число своих требований безграничный рост «всеобщего потребления», а должен содержать требование только такого роста, при котором создаются наиболее благоприятные условия для духовного творчества. Это означает воспитание народа в таких национальных традициях, которые способствуют служению народа, в конечном счете, общечеловеческому идеалу и помогают его участию в приумножении общечеловеческих ценностей. Следовательно, либеральный идеал с российской спецификой должен заменить популярное на Западе бездуховное потребительство высокой духовностью (принцип духовности) [3].

В то же время следует обратить внимание на то обстоятельство, что специфика российского либерального идеала не может заключаться в отказе от светского характера государства. Либеральный идеал предполагает безусловную свободу для всех конфессий и неконфессиональных идеологий, соблюдающих конституцию государства, и в то же время безусловное отделение церкви от государства и государственной системы образования и воспитания от церкви.

Главную духовную опору народам нашей страны следует искать не столько в религии, сколько в нашей совместной истории, возрождении государственной идеологии патриотизма.

Понятие «идеал» связано с понятием «ценность». Более того, ценность является результатом реализации некоторого идеала. Таким образом, в основе системы ценностей, составляющей данную культуру, лежит идеал. Поэтому аксиология, в конечном счете, неизбежно становится «идеологией», т. е. учением о природе и универсальных закономерностях формирования и реализации идеала.

К числу российских базовых ценностей, выдержавших испытания временем, относятся: государственный патриотизм; стремление к социальной справедливости и социальному порядку; материальное благополучие; социальное здоровье нации; государственность; народовластие; общинность, духовность, коллективизм; многообразие форм собственности; семья как основа общества [4]. Объединяет все эти ценности, наполняет их духовным содержанием патриотизм, обеспечивающий целостность и величие народа, его внутреннюю способность преодолеть все тяготы ради сохранения своего Отечества.

Нужно всемерно способствовать развитию в обществе таких ценностей. Здесь велика роль всех социальных институтов: государства, семьи, школы, трудового коллектива, армии, церкви. Российская история свидетельствует, что любой политический режим, который защищал и развивал цивилизационные ценности, жил и укреплялся. И выражалось это в государственной идеологии патриотизма, доверии населения к власти.

Проблема взаимодействия двух уровней сознания, обыденного и теоретического, в развитии культуры патриотизма является весьма актуальной. Государственная идеология патриотизма конкретизирует, уточняет стратегические цели общественного развития. Сами цели должны быть «высокими», мобилизующими, отражающими реальные потребности человека, народа, общества. Стратегии выступают средствами целостной организующей мобилизации общества в рамках высоких целей, учитывая все важнейшие внешние и внутренние факторы достижения мобилизационности и целедостижения. Могут существовать стратегии «выживания», «развития», «эффективного функционирования», «стабилизации» и т. п. Переход к стратегии государственного управления и реализации стратегии целостного развития опосредуется нравственно-духовными основаниями, а также самым существенным представлением о государственной идее патриотизма.

Уровень развития личности патриота страны определяется следующими критериями: гражданская, общественная направленность личности, ее мировоззрение; формирование нравственных, духовных ценностей, убеждений; служение Отечеству, человечеству, развитое чувство служения общественному долгу.

К.Д. Ушинский подчеркивал: «Есть только одна общая для всех прирожденная склонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Как нет человека без самолюбия, так и нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми склонностями» [5].

Таковы основные параметры деятельности по воспитанию в человеке любви к малой и великой Родине, к человеку, семье, обществу, земле, передаваемые из поколения в поколение.

Все социальные институты – семья, школа, вузы, трудовые коллективы, армия, церковь, СМИ, общественно-политические организации, государство способны решить эту задачу только в рамках государственного патриотизма, совершенствования системы образования и воспитания. Сегодня из-за отсутствия государственной идеологии патриотизма весь процесс социализации личности деформирован, разорван. По мнению А.С. Хомякова, такое положение зависит от системы просвещения и воспитания: «Слышать только о деле общем и потом в нем участвовать, слышать с детства суд и расправу, видеть, как эгоизм человека становится беспрестанно лицом к лицу с нравственной мыслью об общем, о совести, о законе обычном, вере, и подчиняться этим высшим началам, это истинно нравственное воспитание, это просвещение в широком смысле, это развитие не только нравственности, но и ума» [6].

Тема патриотизма в России всегда обсуждалась в литературе, науке, армии, школах и вузах, в трудовых коллективах. П.А. Вяземскому принадлежит выражение «квасной патриотизм», вошедшее в историю нашей литературы. Его главный признак – порицание чужеземного и восхваление всего национального, принятие его на веру без разбора и обдумывания. Сегодня он никакой серьезной роли в политической жизни не играет, хотя на бытовом и психологическом уровне еще идут баталии. Как же все-таки отличить на деле истинный патриотизм от мнимого патриотизма, от простой демагогии и лжи? Здесь, как мы полагаем, исключительное значение имеет гражданственность. Понятие гражданственности в идеологии патриотизма является ключевым.

Главное предназначение гражданственности – служить стабилизирующим и интегрирующим фактором для общественных и личных интересов, морали и права. Она поддерживает опыт коллективного принятия решений, нормального социально-политического поведения людей.

Высшая форма активности военнослужащего предопределена его духовностью.

Духовность личности определяется как состояние души с устремлением к освоению лучших достижений культуры и к высшим идеальным ценностям жизни. Духовные личности неподатливы воздействиям извне, если они не согласуются с этими ценностями. Духовная личность такова, что для нее «идеальные устремления, ценности, благородные принципы выше личного преуспеяния» [7].

Патриотическая идеология, укрепление государственности носят фундаментальный характер.

«Одним из самых тяжелых последствий европеизации является уничтожение национального единства, расчленение национального тела европеизированного народа. Замечено, что при заимствовании чужой культуры, каждое поколение вырабатывает свою смесь, свой канон синтеза элементов национальной и иноземной культуры. Таким образом, в народе, заимствовавшем чужую культуру, каждое поколение живет своей особой культурой, и различие между «отцами и детьми» здесь будет всегда сильнее, чем у народов с однородной национальной культурой» [8].

На вопрос «что могло бы составить основу общенациональной идеи (идеологии) России?» получены следующие ответы (в% от числа опрошенных):

Благосостояние народа	40	Национальный интерес	8
Социальная справедливость	32	Прогресс	7
Патриотизм	27	Предприимчивость	5
Права человека	22	Терпимость	5
Трудолюбие	17	Народовластие	5
Вера, духовность	11	Евразийство	1
Государственность	8	Антиглобализм	0,5
Свобода	8	Затруднились ответить	9

Как мы видим, патриотизм находится в числе главных ценностей, которые россияне хотели бы видеть в содержании национальной идеи.

Проблема патриотизма в России гораздо более глубока, широка и фундаментально значима, чем это считает большинство людей, осмысливающих ее решение и сводящих ее лишь к миру чувственного.

Противники понятия слова «патриотизм» сознательно исказили его и перевели как «патриотизм – последнее прибежище негодяев» [9].

В условиях обострения мирового кризиса, роста военной опасности патриотизм становится необходимым условием формирования оборонного сознания. При этом очень важно оберегать глубинный «генетический код» России. Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал: «Если говорить про объединяющую идеологию, то для такой страны, как Россия, это, конечно, патриотизм. Нам недостаточно вспоминать, какими мы были великими, талантливыми и красивыми. Надо, чтобы мы и сегодня были такими» [10].

Библиографический список

1. Бранский В.П. Искусство и философия. – Калининград, 1999.
2. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. – СПб., 2004.
3. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. – СПб., 2002.
4. Левашов В.К. Социополитическая динамика. Опыт социологического исследования. – М.: РИД ИСПИ РАН, 2003. – С. 84-85.
5. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Избранные педагогические произведения. – М., 1968. – С. 280.
6. О сельской общине // Русская цивилизация и соборность: Сб. ст. – М., 1994. – С. 180.
7. Социальные технологии. Толковый словарь. – М., 1995. – С. 33, 37.
8. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 93.
9. Литературная газета. – 2002. – 25 сентября – 1 октября.
10. Путин В.В. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. – 2003. – 17 мая.

R.V. Volodin

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

lopoukha@yandex.ru

THE IDEOLOGY OF PATRIOTISM AND MILITARY EDUCATION

The article analyzes the problems of formation of national ideology in Russia on the basis of the ideology of state patriotism. Substantiates the importance of social ideals, Patriotic values, as a vector of its formation. We analyze basic Russian values and criteria of patriotism personality.

Keywords: patriotism, social ideal, criteria for the development of patriotism personality, spirituality, core values of the national idea.

УДК 159.923

Б.Г. Герш

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

arimoja@mail.ru

МОТИВАЦИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье содержится социально-психологический анализ феномена агрессивного поведения, дается определение данного явления, перечисляются виды агрессии, анализируются причины ее возникновения. Автор выявляет несколько разновидностей мотиваций, являющихся источником агрессивного поведения, и дает им развернутую характеристику, обозначает возможные социальные, психологические и правовые пути и подходы к снятию мотивационной составляющей агрессии и соответствующему снижению уровня агрессии во внутреннем мире личности и в обществе.

Ключевые слова: агрессия, агрессивное поведение, мотивация агрессии, насилие, предпосылки агрессивного поведения, причиняемый ущерб.

Агрессия есть психологически целенаправленный, внутренне мотивированный, эмоционально, энергетически и физически подготовленный (закрепленный) способ реагирования личности (субъекта деятельности) на другой объект. Объектом агрессии может быть: другой человек или группа людей, физический предмет или даже мысль, чувство, идеология, представление, образ.

Понятие «агрессия» синонимично понятию «насилие». И агрессивность всегда сопровождается той или иной формой насилия. В самом слове «насилие» коренится его смысловое поле – это активное использование силы для влияния на личность, ситуацию, общество. Но насилие предполагает не просто использование силы, но обязательное нанесение того или иного ущерба объекту насилия [7, 24].

Агрессия как форма социального поведения проявляется в реальном причинении (или желании, угрозе причинения) морального, психологического или физического ущерба объекту агрессии.

Причиняемый ущерб различается по своей направленности и интенсивности.

1. Физическое насилие. Физический ущерб возникает как результат прямого физического воздействия на тело, материальную субстанцию объекта агрессии, воздействие болезненное, угрожающее, разрушительное. Здесь агрессор так или иначе использует силу для причинения физической боли, подвергает физическому воздействию тело другого человека (в случаях вандализма агрессия проявляется в разрушительном воздействии на неживой объект). Степень этого воздействия очень различается – от легкого прикасания до нанесения смертельных травм. Эффект, которого в большинстве случаев стремится добиться агрессор в сознании жертвы – страх. Но возможны и мотивы мести, стремление добиться физической недееспособности объекта агрессии. Страх становится орудием подчинения волевой и поведенческой сферы жертвы. В данном случае это страх физической боли, иногда страх смерти.

2. Моральное насилие – все виды нефизического унижения личности. Морально-психологический ущерб заключается в унижении личного достоинства человека или группы лиц, подвергающихся агрессии, в насильственном подавлении волевой и деловой активности, принуждении личности к затребованному агрессором типу поведения. Угрозы, оскорбления, насмешки, демонстративное пренебрежение, ультиматумы, резкие высказывания и т. д. Этот вид агрессии несет угрожающий характер, проявляющийся в прямых или косвенных угрозах, шантаже, в общем смысловом оформлении агрессивного воздействия. Это проявляется в демонстрации специфических жестов, мимике, артикуляции, громкой речи, особых интонациях, использовании соответствующего лексикона. Здесь агрессия имеет целью подавление воли жертвы, стремление вызвать страх, но не только страх физической расправы (на ее возможность часто указывают угрозы), а страх потерять уважение среды, страх социальной изоляции, боязнь психологических и материальных потерь, опасение потерять имеющийся статус, опасение появления осложнений в жизни. Это страх перед возможными страданиями, лишениями и трудностями, которые могут последовать, если не подчиниться требованиям агрессора. Моральное насилие имеет прямую психологическую подоплеку и является результатом использования психологических средств (психологического насилия) для нанесения морального ущерба [2, 10].

3. Специфической формой проявления морального и физического насилия является идеологическое насилие. Отвержение определенных умозрительных понятий и символов, неприятие и восприятие как несущих угрозу определенных идеалов, концепций, принципов, мировоззрения становится источником агрессии против их материальных носителей – человеческих коллективов, общностей людей, стран, народов, рас. Данная агрессия может проявляться не в форме прямого насилия над личностью, но в виде расовой и идеологической дискриминации, в создании морального и правового поля, в котором носители преследуемой идеологии, национальной или расовой принадлежности оказываются в ущербном положении. Например, дискриминация по религиозному принципу всех не мусульман в Саудовской Аравии. Нанесение ущерба, проявляющееся в запрете на реализацию определенных принципов мировоззрения, и здесь остается признаком агрессии как реально существующей формы реагирования на объект.

Агрессивное поведение достаточно распространено, и существует несколько мотиваций, которые предопределяют использование агрессии в социальном пространстве. Рассмотрим эти мотивации.

1. Корыстные причины – агрессивное поведение используется для получения личной материальной выгоды. Используются методы физического и психологического насилия. Самые простые и грубые формы, в которых реализуется эта мотивация – рэкет, разбой, вымогательство. Психологически используются методы угроз, шантажа, запугивания с целью принудить жертву к той или иной деятельности или, напротив, к прекращению деятельности, с целью обретения материальной выгоды [4, 54].

2. Агрессия в полороловом поведении. Это также агрессия, имеющая корыстные причины – обладание избранным объектом полового желания. Внутренняя напряженность от угрозы потери внимания со стороны партнера, желание «закрепить» партнера за собой становятся источником ревности и агрессии. Цель агрессии – устранение конкурента (физическое насилие, угрозы, запугивание и т. д.) [5, 76].

3. Агрессия как форма самоутверждения в среде. Особенно явно проявляется данная мотивация в маргинальных сообществах, в подростковой среде. Демонстрация агрессии здесь есть заявление о готовности и способности занять то или иное место в социальной иерархии. Часто для этого используется унижение одним членом сообщества другого [3, 15].

4. Самозащита. Защита своей группы, близких, защита своей собственности. Агрессия проявляется как демонстрация силы и имеет смыслом предупреждение окружающим о необходимости соблюдать дистанцию и проявлять уважение к личности и к объектам, которые она обозначает как принадлежащее себе. Здесь агрессия имеет смыслом блокировку причинения ущерба со стороны потенциального агрессора (запугивание, заявление о своей силе и способности наказать агрессора за его возможный выпад).

5. Идеологическая агрессия. Агрессия как форма и как средство отстаивания ценностей, убеждений, принципов (идейная борьба и как крайняя форма – фанатизм). Очень часто – это тесно связанное с мотива-

цией защиты своих убеждений, ценностей своего сообщества стремление идеологически разрушить противостоящие данному индивиду, или данному обществу идеологии. Например, люди, исповедующие идеологии нацизма, расизма и т. д., стремятся опровергнуть и унижить противостоящие им ценности интернационализма, гуманизма и т. д. Идеологическая агрессия быстро принимает формы морального и физического насилия над носителями враждебной идеологии [5, 119].

6. Агрессия как форма поднятия личностной самооценки. Проявление агрессии по отношению к окружающим является одним из психологических механизмов снятия внутренней тревоги и неуверенности в себе. Можно выделить некоторые элементы этого процесса – унижение кого-либо означает на примитивном социально-биологическом (инстинктивно-животном) уровне утверждение собственного доминирования, что придает унижающему некое ощущение «социального веса». А так как именно социальная самооценка есть основа для формирования общего чувства безопасности, успешности, благополучия, то ее повышение таким способом ведет и к снятию фрустраций и внутренней напряженности (чаще всего временному и частичному, так как не снимается сам источник психологических проблем).

7. Агрессия с целью устранения давящих, психологически труднопереносимых и требующих затрат личностных ресурсов обстоятельств. Так, окружающие нас люди часто являются источником беспокойств и напряжений, часто требуют затрат на себя времени и жизненных сил. И агрессивное поведение может пресечь и прекратить обременительные отношения. Это раздражение, изливаемое на людей, поведение которых психологически тягостно, неудобно, неприемлемо. Здесь раздражение и агрессия имеют целью прервать обременительные отношения или контакт, «заставить» объект агрессии изменить свое поведение в приемлемую для субъекта агрессии сторону.

8. Агрессия в «воспитательных целях». Имеется в виду не просто силовое давление, которое закономерно и неизбежно во многих ситуациях межличностного взаимодействия, но и насильственное воздействие на объект агрессии, его моральное подавление и как результат – ощутимо болезненные переживания того, кто данному давлению подвергается. Мотивация этого вида агрессивного поведения – исправление неправильных, с точки зрения субъекта агрессии, поведения, убеждений, действий «воспитуемого». Очень часто этот вид насилия не имеет характерной эмоциональной (гневной) составляющей агрессии и потому в качестве агрессии часто на обыденном уровне не воспринимается (учителя, применявшие в XIX веке розги как средство воспитания, делали это иногда вполне доброжелательно и спокойно-философски). Однако, несмотря на благовидные цели и предлоги и на отсутствие агрессивного (гнев, раздражение, презрение, насмешка и т. д.) эмоционального и общего психологического фона, нанесение физического или морального ущерба, проявляющегося в страхе и подавленности объекта такого воздействия, заставляет признать эту практику проявлением агрессии [6, 20].

9. Следует отдельно сказать об аутоагрессии, которая возникает при существовании в личности внутренних противоречий, искажении образа «Я», неудовлетворенности собственным телом, своими качествами и своими социальными ролями (качеством исполнения тех или иных социальных ролей) и приводит иногда к серьезным последствиям (от депрессии и психозов до самоубийства и членовредительства). При этом мотивация аутоагрессии – недовольство неудобными проявлениями собственного «Я», отрицание определенных черт своей личности, стремление их изменить или избавиться от тех характеристик, которые создают внутреннюю напряженность и «мешают» жить. Мотивация «наказания» самого себя, «избавления» от неудобных проявлений собственного поведения, мотивация искаженного «воспитательного» подхода к тем сторонам личности, которые должны быть изжиты или изменены, создает специфическую ситуацию направления потока агрессии на локализованные и обозначенные как враждебные проявления собственной личности, желание уничтожить то, что является частью психики. Это желание приводит к соответствующей деятельности – аутоагрессии [2, 76].

10. Необходимо также сказать об энергетической мотивации на проявление агрессии. Так как агрессивное поведение есть древняя эволюционно выработанная программа, предназначенная для решения задач выживания и продолжения рода, всякое проявление агрессии неразрывно связано с мощной гормональной, гуморальной и нервно-соматической поддержкой агрессивных импульсов и состояний. При появлении агрессивного психологического импульса включаются сложные механизмы поддержки агрессивного поведения за счет мощного выброса соответствующих гормонов, изменения энергетического питания клеток и тканей, появления очагов возбуждения и изменения (интенсификации) энергетических процессов в определенных зонах головного мозга и нервных сплетениях. Организм готовится к борьбе, и это обязывает мобилизовать все имеющиеся энергетические и нервные ресурсы для победы. «Есть упоение в бою...», как сказал поэт, и эти слова очень точно отражают упоение агрессией как состоянием повышенной энергетики, силы жизни, силы осознания. Повышение энергетических ресурсов, которое дает агрессивное реагирование, выражается эмоционально через гнев, кураж, ярость, физиологически через прилив крови к конечностям, изменение ритма дыхания и сердцебиения, гормонально через изменение состава крови и биохимических процессов в клетках и системах организма. При этом люди могут сознательно провоцировать собственную агрессию именно как способ пережить энергетический подъем. И в этом одна из главных причин

привлекательности агрессии, культа «праведного» и несправедного гнева и насилия. В социально-регулируемых формах этим психологическим мотивом пронизано все движение спортивных болельщиков, особенно в силовых и боевых видах спорта, этим стремлением «подкормиться» энергетически от культивации агрессии наполнены залы, где сражаются гладиаторы и бойцовые собаки, кинозалы, где просматриваются боевики и триллеры, этим во многом обусловлены и культовое противостояние групп молодежи, и патриотический кураж гнева против врагов нации и т. д. В асоциальных формах эта мотивация агрессии проявляется в вандализме, садизме, злостном хулиганстве [3 39].

Сам по себе факт высокой энергетической насыщенности любых проявлений агрессии и обусловленная этим большая привлекательность агрессии для массы людей (для которых именно это переживание энергетической насыщенности и «упоения в бою» становится желанной целью и искомым состоянием) обязывают признать объективную трудность переключения огромного числа людей на более сложные, трудоемкие и к тому же менее энергетически насыщенные способы разрешения конфликтных ситуаций и преодоления проявлений агрессии. Но, тем не менее, этим сложным способам поведения приходится учиться, так как разрушительный элемент агрессии и нанесение ею ущерба личности признан основной массой людей как то, что следует преодолевать и от чего следует защищать рядового представителя человеческого сообщества.

Все эти мотивации агрессивного поведения определяют и сферы, и характер его проявлений. Общую закономерность можно определить следующим образом: агрессия возникает там, где людям есть что делить, где присутствует борьба за «место под Солнцем». Агрессия очень возможна в состояниях внутренней психологической напряженности, там, где есть неудовлетворенность собственным статусом и положением, где люди «мешают» друг другу и подвергают угрозе те или иные ценности другой личности. Известно также и о энергетической зависимости людей от переживания агрессивных состояний, о привлекательности агрессии и склонности привыкать к ней и воспроизводить ее.

Возникновение агрессии имеет предпосылки как в существовании определенных социальных противоречий, ведущих к столкновению интересов различных личностей, так и в экзистенциальных личностных тупиках, определяющих отсутствие или трудность достижения человеком экзистенциальных ценностей законными, а точнее – не агрессивными, способами. Психологические фрустрации, тупиковые жизненные ситуации, неумение или невозможность использовать гуманные или законные способы разрешить противоречия в межличностных отношениях, неспособность достижения желанного статуса или состояния законными (неагрессивными) путями формирует определенную психологическую напряженность. Эта напряженность создает мотивацию для использования агрессии как средства достижения требуемого статуса или состояния [8, 61].

Распространенность агрессии в различных проявлениях и вариациях человеческого взаимодействия обусловлена тем, что она является эволюционно закрепленной программой, которая в течение миллионов лет эффективно решала задачи выживания отдельной личности и целого вида, а также и тем, что проявления агрессии постоянно воспроизводятся в человеческом взаимодействии и естественно закрепляются как форма индивидуального поведения. Агрессия даже культивируется как «энергетический тоник» и как общедоступное и всеобщее применяемое средство самозащиты и самоутверждения, ее активно и постоянно используют для разрешения внутренних или внешних противоречий.

Однако продолжающаяся эволюция человеческой психики, как и эволюция человеческого общества, объективно требует ослабления зависимости как индивида, так и сообщества от проявлений агрессивного поведения. Зверские инстинкты мощны и часто они помогают современному человеку решить частные задачи своей жизни, но плата за эту помощь высока. Агрессия наносит ущерб объекту агрессии, а значит, аморальна и незаконна, агрессия нарушает социальное согласие и расстраивает поле человеческого взаимодействия, агрессия унижает и самого агрессора, который подвергается правовому преследованию и моральному осуждению. Дело и в том, что агрессия разрушает возможности построения атмосферы доверия и сотрудничества между людьми, коллективами и даже внутри самого человека – между различными проявлениями его психики. Агрессия закрепляет древние эволюционные реакции, власть которых препятствует обретению человеком и сообществом в целом более высокого эволюционного уровня, более эволюционного по показателям сознательности, самоконтроля, управления собой, построения гармоничных отношений внутри себя и с окружающим миром [1, 29].

Если социальные предпосылки агрессивного поведения коренятся в объективных несовершенствах и противоречиях социального устройства человеческого общества, то субъективные предпосылки коренятся в базовых биологических инстинктах и мотивациях, которые служат фундаментом деятельности человеческой психики. И агрессия, возникающая как результат столкновения различных социально-обусловленных интересов и как следствие экзистенциальной неудовлетворенности индивида, демонстрирует несовершенство существующих общественных отношений и несовершенство внутренних психологических механизмов индивидуальной саморегуляции.

Библиографический список

1. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. – СПб., 2000.
2. Кернберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. – М., 1998.
3. Кондратенко В.Т. Девиантное поведение подростков: социально-психологические и психиатрические аспекты. – Минск, 1988.
4. Криминальная мотивация / Под ред. В.Н.Кудрявцева. – М., 1986.
5. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
6. Можгинский Ю.Б. Агрессия у подростков: эмоциональный и кризисный механизм. – СПб., 1999.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.
8. Энциклопедия глубинной психологии / Под ред. А.М. Боковой. Т. 2 – 2001.

B.G. Gersh

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

arimoja@mail.ru

MOTIVATIONS OF AGGRESSIVE BEHAVIOR

The article contained a socio-psychological analysis of the phenomenon of aggressive behavior, a definition of the phenomenon are listed types of aggression, analyzed its causes. The author reveals several varieties of motivations that are the source of aggressive behavior, and gives them a detailed response, it indicates possible social, psychological and legal ways and approaches to the removal of the motivational component of aggression, and a corresponding reduction in the level of aggression in the inner world of the individual and in society.

Keywords: aggression, aggressive behavior, motivation, aggression, violence, background of aggressive behavior caused damage.

УДК. 37.037+355.5

Р.А. Гуца, С.В. Сергиенко

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

*Gusha.Roman@mail.ru
s-sergienko-72@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Условия современного боя предъявляют высокие требования к психофизическим и морально-волевым качествам военнослужащих подразделений специального назначения и разведывательных подразделений. Фундаментальной основой этих качеств является исключительно высокая физическая подготовка. В статье рассматривается система физического воспитания и подготовки личного состава подразделений специального назначения и разведки внутренних войск МВД России, формулируются предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: физическая подготовка, физические упражнения, моделирование, тренировка, физические качества.

Тактика боевых действий является одним из главных видов военно-профессиональной деятельности – напряженного труда всех военных специалистов по приведению внутренних войск МВД России в состояние, обеспечивающее успешное выполнение служебно-боевых задач. Многовековой опыт ведения боевых действий свидетельствует о том, что физическая подготовка военнослужащих всегда была важной составной частью системы боевого совершенствования войск, ее важность понимали даже в армиях эпохи рабовладения, уже тогда физическая подготовка была направлена на решение особых задач: формирование важнейших военно-прикладных двигательных навыков у воинов, развитие у них как физических качеств, так и волевых: смелости, решительности, настойчивости и мужества [1, 46].

Для выполнения служебно-боевых задач, возложенных на подразделения специального назначения и разведки, военнослужащим неделями приходится выдерживать предельное нервное и физическое напряжение: передвигаться на десятки километров пригнувшись, крадучись, переползая и преодолевая препятствия и преграды, стойко переносить холод, жару, голод, жажду, непогоду и отсутствие сна, быстро приспосабливаться к лишениям и довольствоваться максимально короткими сроками отдыха. В рукопашной

схватке, с оружием или без него, военнослужащий обязан действовать быстро, смело, дерзко, с применением большой физической силы. В ночное время от бойца спецподразделения требуется тонкость мышечного чувства и осязания, утонченность слухового и зрительного восприятия.

Таким образом, можно определить специальные задачи физического воспитания и подготовки военнослужащих подразделений специального назначения и разведки:

1) совершенствование морально-волевых и специальных физических качеств: быстроты и точности зрительных, слуховых и осязательно-двигательных функций восприятия (т. е. умения быстро и точно воспринимать происходящее, передавать виденное, слышанное, ощущать нужное и правильными действиями реагировать на неожиданные изменения), терпения, выдержки, выносливости, способности организма противостоять утомлению при продолжительных действиях;

2) воспитание смелости, решительности, настойчивости в достижении цели, боевого пыла, дерзости и инициативы, самостоятельности, исполнительности, хитрости и чувства взаимной выручки;

3) выработка прочных навыков в применении разнообразных приёмов и способов действий:

– в бесшумном передвижении, в передвижении шагом, бегом, перебежками и переползанием при меняющейся обстановке на любой местности, в различное время года и суток, при любой погоде и нагрузке;

– в преодолении различных естественных и искусственных препятствий (без груза и с грузом);

– в метании гранат из любого положения по неподвижным и подвижным целям;

– в умении пользоваться различным оружием (огнестрельным и холодным);

– в овладении мастерством борьбы в рукопашной схватке, а также искусством захвата противника в плен;

– в передвижении в воде, плавании, в прыжках в воду, в нырянии и преодолении водных преград (вброд, вплавь на табельных и подручных переправочных средствах);

– в передвижении на лыжах и действиях на них в разведке и в бою;

– в соскакивании на ходу с различных видов транспорта (и вскакивании);

– закаливание в перенесении холода, жары, болевых ощущений, больших физических и волевых напряжений.

В системе физической подготовки можно выделить основные мероприятия, содействующие выполнению поставленных задач физического воспитания и подготовки личного состава подразделений специального назначения и разведки:

– научно обоснованное чередование боевой работы, отдыха, приема пищи и сна;

– ежедневные утренние физические упражнения или разминка;

– специальные занятия по физической подготовке, проводимые регулярно с необходимой фазой отдыха, а также на фазе недовосстановления;

– специальная физическая подготовка перед выполнением боевого задания (индивидуально или в составе группы, днем или ночью);

– ежедневная физическая тренировка на строевых, тактических и других занятиях по боевой подготовке, а также периодическая физическая тренировка и закаливание в перенесении различных трудностей при подготовке и выполнении боевых заданий, во время многодневных выходов в поле с отрывом от баз, на отрядных учениях и маневрах [2, 15-19].

На основе вышеизложенного была сформирована логическая цепочка: «задачи – действия по выполнению этих задач – необходимые физические качества». Данная цепочка позволила нам определить профессионально важные физические качества, которые необходимо развивать у военнослужащих. К ним относятся: абсолютная сила, взрывная сила, скоростные качества, общая выносливость, специальная выносливость, силовая выносливость.

При этом основной формой организации физической подготовки являются учебные занятия по разделам: ускоренному передвижению и легкой атлетике, гимнастике и атлетической подготовке, лыжной подготовке, преодолению препятствий, военно-прикладному плаванию, рукопашному бою, спортивным и подвижным играм [5, 120-134].

Отдельно необходимо остановиться на роли соревновательной и состязательной деятельности военнослужащих в процессе формирования необходимых психофизических качеств. Все мы знаем выражение «Тяжело в учении, легко в бою». Еще у древних греков состязания понимались как прообраз боя или, говоря современным языком, модель боя. В феодальные времена модель боя воспроизводилась в сложной системе рыцарских состязаний и турниров. В настоящее время ежегодно Центральный спортивный клуб внутренних войск МВД России проводит чемпионаты внутренних войск МВД России по лыжным гонкам, рукопашному бою, офицерскому многоборью, легкой атлетике, стрельбе из табельного оружия, мини-футболу, борьбе самбо, борьбе дзюдо, а также два раза в год проходит сдача нормативов на право ношения крапового берета [3, 28-29]. К. Гевельский утверждал, что «соревнование производит гениев, а желание

прославиться порождает таланты» [4, 23-26]. Таким образом, соревнования по военно-прикладным видам спорта выступают в качестве побуждающего процесса в воспитании здоровых, сильных, волевых, способных быстро реагировать на изменение ситуации и принимать решения в экстремальных условиях военнослужащих.

Если сравнивать содержание физической подготовки подразделений специального назначения и разведки со штатными военными подразделениями, то можно увидеть конкретное различие в приоритетах развития тех или иных физических качеств, например, в спецподразделениях военно-прикладные физические упражнения являются отдельными темами боевой подготовки. К ним относятся: рукопашный бой, курс выносливости, лыжная подготовка, курс выживания на воде в боевых условиях, курс воздушно-штурмовой подготовки и специализированные курсы подготовки к боевым действиям в горах и населенных пунктах. Каждый из этих курсов, наряду с отработкой тактики боевых действий, включает специально подобранный комплекс физических упражнений и контрольных нормативов, отражающих специфику данного вида боевых операций. Подготовка по этим комплексам проводится непосредственно перед участием войск в боевых действиях или учениях. Особое внимание уделяется развитию выносливости. Помимо ежедневного бега на дистанцию 3-5 км, курс выносливости предусматривает совершение марш-бросков и пеших маршей с выкладкой до 40 кг по труднопроходимой местности днем и ночью на дистанции до 50-100 км. Попутно отрабатываются вопросы выживания в неблагоприятных условиях. Кроме того, в спецподразделениях, предназначенных для непосредственного участия в боевых действиях, программы физической подготовки дополняются курсом «приключений», куда входит преодоление препятствий, представляющих собой комплекс приемов и действий, связанных с передвижением по труднопроходимой местности, преодолением естественных и искусственных препятствий на фоне выполнения тактических задач. Кроме того, каждому военнослужащему рекомендуется совершенствоваться как минимум в двух видах спорта: в одном индивидуальном и в одном командном.

Анализ состояния физической подготовки военнослужащих этих подразделений показывает, что ее потенциальные возможности остаются мало реализованными ввиду недостаточной педагогической компетентности офицеров - руководителей занятий по физической подготовке. Требуется новый взгляд на проблему повышения педагогической компетентности руководителей как решающего фактора эффективной и качественной физической подготовки военнослужащих подразделений специального назначения и разведывательных частей (подразделений) внутренних войск.

Исходя из всего изложенного выше, сформулируем ряд предложений, направленных на совершенствование физической подготовки военнослужащих подразделений специального назначения внутренних войск МВД России:

- в программу отбора будущих военнослужащих подразделений специального назначения и разведки внутренних войск необходимо включать физические и специальные комплексные упражнения для проверки физических, психических и профессиональных качеств;
- средства и методы специальной подготовки применять после большой физической нагрузки с оружием в средствах бронезащиты днем и ночью;
- моделировать нагрузки предстоящих боевых действий, используя упражнения, которые являются максимально адекватными и схожими по объему, содержанию и структуре движения физическим нагрузкам, которые военнослужащие реально испытывают при выполнении возложенных на них задач, что позволит быстрее адаптировать личный состав к подобным нагрузкам;
- проводить комплексные занятия в сочетании с тактической и специальной подготовкой, что предполагает совершенствование конкретных двигательных умений и психофизических качеств не изолированно в стандартных условиях, а в условиях целостной двигательной деятельности, которая преимущественно имеет место в бою.

В заключение отметим, что содержание программы физической подготовки военнослужащих специальных подразделений и программы физической подготовки внутренних войск в вопросах определения профессионально важных физических качеств имеют существенные различия. Превосходство в данных вопросах будет за тем подразделением, в котором качественно и глубоко решены специальные задачи физической подготовки, направленные на детально изученные и конкретно поставленные цели.

Библиографический список

1. Волухов В.П. О воспитании смелости и решительности у солдат, физически слабо подготовленных, средствами физической подготовки // Труды факультета. - 1961. - № 27. - С. 45-54.
2. Гуца Р.А., Чокотов Е.Н., Норин Н.Е. Особенности физической подготовки подразделений специального назначения и разведки. - Новосибирск: НВИ ВВ МВД РФ, 2012. - 107 с.
3. Гуца Р.А. Роль физической подготовки в успешном решении служебно-боевых задач // Социальный характер и предназначение внутренних войск МВД России: прошлое, настоящее, будущее. - Новосибирск: НВИ ВВ МВД РФ, 2011. - С. 27-30.

4. Демьяненко Ю.К. Физическая подготовка и боеготовность военнослужащих: учебное пособие. – М.: Воениздат, 1981. – 156 с.

5. Миронов В.В. Теория и организация физической подготовки войск. 6 изд. – СПб.: ВИФК, 2005. – 648 с.

R.A. Gushcha, V.S. Sergienko

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

Gusha.Roman@mail.ru

s-sergienko-72@mail.ru

FEATURES OF PHYSICAL TRAINING OF THE MILITARY PERSONNEL OF DIVISIONS OF THE SPECIAL PURPOSE OF INTERNAL TROOPS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Terms of modern combat strongly demands on the psycho-physical and moral standing military special forces and intelligence units. The fundamental basis of these qualities is extremely intensive physical preparation. In the article is investigated the system of physical education and training of the special forces and intelligence services of the Interior Ministry of Russia, makes proposals for its improvement.

Keywords: physical fitness, exercise, simulation, training, physical qualities.

УДК: 316.354:355.1

Е.Н. Карлова

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
г. Воронеж*

alinord@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ МОТИВАЦИЕЙ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

В статье рассматривается структура мотивационной сферы курсантов военных вузов. Эмпирическое социологическое исследование демонстрирует динамику мотивации по мере взросления и адаптации к воспитательной среде военного вуза. Автор выделяет тенденцию к снижению мотивации по мере обучения в вузе, кризис мотивации в середине цикла обучения и некоторое повышение к его окончанию.

Ключевые слова: мотивация, военный профессионализм, социализация, воинская идентичность, военное образование.

Одним из приоритетов развития Вооруженных Сил в Военной доктрине Российской Федерации названо повышение качества подготовки кадров и военного образования. В ситуации активных организационно-штатных мероприятий в Вооруженных Силах и реформирования системы профессионального военного образования, особенно остро встал вопрос о качественной подготовке кадровых офицеров. Поэтому в сложившихся условиях изучение мотивации курсантов к учебе и военной службе является одной из важнейших составляющих военно-профессиональной ориентации и воспитательной работы.

В стремлении к успешности профессиональной карьеры скрыт огромный потенциал российских офицеров, необходимый для качественного реформирования Вооруженных Сил. Планирование и построение карьеры, в свою очередь, тесно связано с системой мотивации начиная с первых шагов в профессии – курсантских лет. В связи с этим актуальным становится изучение мотивов, представлений и ожиданий, связанных с военной сферой курсантов ВВС.

Несмотря на то, что мотивация курсантов уже становилась предметом научно-практического интереса, существует потребность в обобщении и систематизации данной проблемы, а также установления связи с более широким контекстом – процессом становления военного профессионала. Значимая роль в становлении военного профессионала принадлежит развитию профессиональной мотивации в процессе получения образования. Развитие профессиональной мотивации курсантов происходит посредством реализации специальных условий: внешних условий среды военного вуза, педагогических и воспитательных воздействий и внутреннего осознания ценности образования и карьеры, стимулирующих актуализацию потребностей, внутреннюю поисковую активность, процесс целеполагания [3].

Профессиональная мотивация курсантов представляет собой систему побудительных механизмов, направленных на овладение военной профессией и самореализацию в ней и включает в себя два компонен-

та: мотивацию учебно-профессиональной деятельности (побудительные механизмы, направленные на получение необходимых профессионально-значимых знаний, умений и навыков) и мотивацию служебно-профессиональной деятельности (побудительные механизмы, направленные на построение офицерской карьеры). Основными структурными компонентами, определяющими особенности развития профессиональной мотивации курсантов являются профессиональные мотивы (служебно-профессиональные и учебно-профессиональные), профессиональные ценности, интересы, склонности, способности, индивидуально-типологические особенности, коммуникативные качества.

Процесс становления, развития и поддержания устойчивой военно-профессиональной мотивации – это сознательная, целенаправленная, управляемая и самоуправляемая психическая деятельность человека, основу которой составляет интериоризация различных ценностных оснований и смыслов, актуализация на их основе военно-профессиональных потребностей и целей, а также перевод их в активную побудительную силу на основе сознательно принятого решения.

Понятие мотивация связано с еще одним важным социально-психологическим явлением – профессиональной социализацией, определяемой учеными академии как совокупность процессов (социальных и педагогических), позволяющих будущему офицеру усваивать систему установок, норм, ценностей, соответствующих осваиваемой социальной роли профессионала. Конечный результат профессиональной социализации – интеграция обучаемого в военно-профессиональное сообщество и идентификация будущего офицера с определенной моделью профессионала [1].

Осуществляя процесс управления мотивацией курсантов военных вузов, мы имеем дело с начальным этапом карьерного процесса – планированием и связанными с ним мотивами социального признания и безопасности. На данном этапе курсанты входят в новую социокультурную среду, получают первое представление о содержании воинского труда и особенностях военного образа жизни [2]. Таким образом, система мотивов, преломляясь в воспитательной среде военного вуза, трансформируется в тот или иной тип учебно-профессиональной и служебно-профессиональной мотивации.

Структура учебно-профессиональных и служебно-профессиональных мотивов меняется по мере взросления и адаптации к воспитательной среде военного вуза. Общей тенденцией, отмеченной многими исследователями, является снижение мотивации по мере обучения в вузе, кризис мотивации в середине цикла обучения и некоторое повышение к его окончанию. В основе этих явлений лежат: угасание интереса к учебе на почве недостаточного военно-прикладного характера учебного материала на втором – третьем курсе; несформированность у курсантов адекватной мотивации к военно-профессиональной деятельности.

Середина обучения является переходным этапом развития мотивации, когда у курсантов появляются терминальные (определяющие) ценности военной службы: военная карьера как способ самореализации, воинская честь и достоинство, возможность заниматься настоящим мужским делом и другие. В целом наблюдается рост профессиональной идентичности от курса к курсу. На первом курсе курсанты преимущественно осознают себя как субъекты учебно-образовательного процесса, к четвертому курсу «образ я как субъект профессиональной подготовки» обучаемых интегрирует в себе не только образ курсанта, но и образ специалиста-профессионала.

Таким образом, мотивация к обучению в военном вузе и продолжению службы трансформируется по мере взросления, адаптация также протекает неравномерно: быстрее и легче проходит приспособление к воинскому коллективу, а также к условиям быта в казарме и воинской дисциплине, наиболее сложным является адаптация к учебной деятельности и к учебным нагрузкам, что требует психосоциального и педагогического управленческого сопровождения.

С целью разработки системы управления мотивацией курсантов военных вузов было проведено социологическое исследование с использованием метода анкетирования курсантов Военно-воздушной академии. Объем выборочной совокупности составил 470 курсантов, отобранных гнездовым методом: сплошной опрос производился в учебных группах, отобранных по квотам для курсов пропорционально генеральной совокупности. Другими источниками информации послужили государственные и ведомственные документы. Источниковую базу исследования дополняет вторичная социологическая информация: данные социально-политических исследований Института социологии РАН, ВЦИОМ, Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург), Аналитического центра Юрия Левады. Таким образом, применение различных исследовательских приемов и методов дает возможность проведения всестороннего и объективного анализа предмета изучения, решения поставленных в исследовании задач и достижения цели.

Выбор профессии большинство курсантов делает задолго до поступления в военный вуз, примерно 43 % опрошенных приняли такое решение за три года до вступительных испытаний или раньше, причем среди первокурсников этот показатель еще больше – 57,14 %. В этом вопросе наблюдается значительная разница между первым (набор 2012 г.) и пятым курсом (набор 2008 г.): курсанты пятого курса, в условиях стабильного набора в военные вузы, могли себе позволить принять решение о поступлении буквально накануне, за несколько месяцев или за год.

Факторный анализ позволил разделить мотивы поступления курсантов в военный вуз на три группы, которые условно можно обозначить следующим образом:

1. Профессионально-корпоративные и патриотические мотивы: овладение интересной профессией, желание исполнить воинский долг перед Родиной, возможность работать с военной техникой, возможность проявить мужество и героизм в экстремальных условиях, формирование ценных личных качеств, желание сделать карьеру офицера.

2. Прагматичные мотивы образования и карьеры: высокий уровень оплаты труда, бесплатное образование, гарантированное трудоустройство, возможность работать в других силовых ведомствах, престиж военного образования.

3. Внешние мотиваторы: наставления родителей, продолжение семейной традиции, пример друзей, решение проблемы призыва в армию, случайное стечение обстоятельств.

Полученная факторная модель позволяет объяснить 48 % вариации признаков. Наибольшее значение для всех респондентов имеют мотивы первой группы, что говорит в пользу институциональной модели военной службы, материальный интерес и желание построить карьеру имеют меньшее значение для курсантов. Несмотря на то, что 44,3 % курсантов – дети военнослужащих, семейные факторы выбора профессии не признаются ими как существенные.

Для первого курса характерна интенсивная военно-профессиональная идентификация, выбор более высоких градаций оценочных шкал для мотивов первой группы. Пятикурсники более сдержаны в своих оценках мотивов поступления, они также придают большее значение возможности прохождения службы в других силовых ведомствах и чаще указывают внешние мотиваторы.

В вопросе о том, что значит быть военным профессионалом, курсанты чаще всего называют хорошее владение своей военно-учетной специальностью, кроме того, каждый третий респондент называет профессионально значимыми качествами патриотизм и соблюдение воинского кодекса чести. Опыт участия в боевых действиях считают важным для военного профессионала 29,36 % опрошенных. Старшие курсанты больше внимания уделяют формальным признакам, в два раза чаще называя прохождение военной службы по контракту в качестве признака профессионализма.

Отдельный раздел анкеты был посвящен некоторым аспектам учебы в академии. Анализ полученных данных подтвердил выявленные ранее тенденции и открыл новые грани мотивационной сферы курсантов. Подавляющее большинство опрошенных курсантов (77,9 %) в целом довольны организацией учебы в академии, при этом существенная разница наблюдается в оценках первого и пятого курса: если индекс удовлетворенности первых составляет 0,64, то у вторых 0,37. Эти показатели можно считать нормальными: оценки первокурсников несколько завышены в связи с желанием идентифицироваться, стать своими в новой среде, а на пятом курсе накапливается усталость и стремление продвигаться дальше по службе, что обуславливает некоторое раздражение и повышенную критичность.

Стимулы не всегда совпадают с внутренней мотивацией и направленностью интересов курсантов. Как показало исследование, несение службы в наряде и соблюдение дисциплины заставляет курсантов хорошо учиться и ответственно подходить к службе, однако вовсе не вызывает положительных эмоций. Напротив, необходимость следовать жестким правилам, соблюдать дисциплину и нести службу в наряде устраивают курсантов меньше всех прочих аспектов. К числу непопулярных сторон курсантской повседневности относятся также выполнение хозяйственных работ, отсутствие условий для отдыха и приема пищи между занятиями. Самыми приятными аспектами учебы оказались выезды на войсковую практику и дружеские отношения в коллективе, которые одновременно стимулируют к учебе и приносят удовлетворение.

Двухшаговый кластерный анализ данных позволил выделить три группы респондентов по степени удовлетворенности учебой: с низким уровнем удовлетворенности (11,9 % опрошенных, в ответах которых преобладали неудовлетворительные оценки различных аспектов учебы), со средним уровнем удовлетворенности (52,2 %, которые придерживались нейтральных оценок) и с высоким уровнем удовлетворенности (35,9 %, которые оценивали различные аспекты в основном положительно). Как видно из таблицы 1, доля курсантов, довольных учебой, больше среди первокурсников.

Таблица 1

Распределение курсантов по уровню удовлетворенности различными аспектами учебы
(в % от числа опрошенных)

	Низкий уровень удовлетворенности	Средний уровень удовлетворенности	Высокий уровень удовлетворенности
1 курс	7,9	50	42,1
5 курс	14,8	52,6	32,6

Если до 2012 г. военные социологи фиксировали неудовлетворительное материальное положение как главную социальную проблему военнослужащих, то после кардинального повышения размеров денеж-

ного довольствия стали четче просматриваться проблемы иного рода. В опросах курсантов 2008-2011 гг., проведенных ответственным исполнителем, главой причиной увольнения офицеров из армии курсанты считали неудовлетворительное материальное положение, в опросе 2013 г. эту причину называют всего 20 % респондентов. В настоящее время курсантов больше беспокоит карьерный рост и профессиональная самореализация.

Отношение к профессии военнослужащего у 71 % курсантов улучшилось, а у каждого пятого не изменилось за время обучения. Если бы пришлось начать все сначала, то подавляющее большинство первокурсников (88,9 %) вновь поступили бы в военный вуз, среди курсантов выпускного курса данный показатель существенно ниже и составляет 65,2 %, каждый десятый выпускник предпочел бы поступить на гражданскую специальность, столько же затруднились ответить, еще по 6 % прошли бы службу по призыву или нашли бы способ избежать военной службы.

Существенная разница наблюдается во мнениях курсантов первого и пятого курсов относительно мотивов продолжения офицерами военной службы и увольнения. В ответах на данные вопросы курсанты проецируют свою личную позицию и отношение к военной службе. На первом курсе доминируют духовные, патриотические и боевые мотивы: курсанты считают, что в армию идут истинные патриоты, всегда готовые без сомнений рисковать жизнью ради Отечества, их привлекает благородство и героический характер деятельности.

Из анализа учебно-профессиональных и служебно-профессиональных мотивов курсантов можно сделать следующие выводы:

1. Наибольшее значение для всех респондентов имеют военно-профессиональные и патриотические мотивы поступления в академию, что говорит в пользу институциональной модели военной службы, материальный интерес и желание построить карьеру имеют меньшее значение для курсантов. Для первого курса характерна интенсивная военно-профессиональная идентификация, выбор более высоких градаций оценочных шкал.

2. Мотивационная сфера курсантов первого и пятого курсов имеет существенные отличия. Первокурсники ориентированы на успешную адаптацию посредством хорошей учебы и придают успеваемости большее значение. Для выпускников приоритетными становятся другие ценности, связанные с будущей службой и материальным благополучием.

3. Курсанты разных лет обучения могут быть дифференцированы также по отношению к дисциплине. Несоблюдение воинской дисциплины респонденты объясняют, прежде всего, своими личными качествами – небрежностью, безответственностью, невнимательностью. Две трети респондентов всех курсов списывают свои дисциплинарные проступки именно на несформированность этих личных качеств.

4. В сравнении с предыдущими годами наблюдается восстановление доверия к государству, которое выражается в росте числа положительных оценок деятельности государственных и военных органов власти. Пик социальной напряженности пришелся на 2011 г. в связи с активными реформами, сокращением армии, приостановлением набора в военные вузы, на фоне низкого уровня жизни и слабых темпов реализации социальной гарантии на жилье.

5. Первокурсники пытаются конструировать образ Я, соответствующий идеалу воина-героя. Выпускной курс, в свою очередь, более прагматично относится к военной службе, сдержано относится к внешним атрибутам службы (военной форме), критично оценивает уровень знаний, полученный во время учебы, осторожно и взвешенно подходит к возможности принять участие в боевых действиях.

6. Большинство опрошенных курсантов уверено, что главным образом личные и деловые качества будут способствовать карьерному росту после выпуска. Старшекурсники, по сравнению с младшими товарищами, значительно больше значения придают связям и знакомствам в вопросе карьерного продвижения, в два раза чаще указывая этот фактор как способствующий карьерному росту.

Результаты, полученные в ходе исследования стали основанием для ряда практических рекомендаций командованию, органам по работе с личным составом, профессорско-преподавательскому составу, командирам курсантских подразделений. В интересах поддержания стабильно положительной военно-профессиональной мотивации курсантов в процессе обучения и общего повышения качества подготовки выпускников осуществлен ряд мер по формированию устойчивой положительной мотивации к учебе и профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Зибров В.Г., Терещенко А.Г. О методологических подходах к исследованию профессиональной подготовки офицерских кадров в высшей школе // Вестник ВАИУ. – 2009. – № 1. – С. 42-48.
2. Кулешов С.М. Управление профессиональной карьерой офицерского корпуса Вооруженных Сил Российской Федерации: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. – М., 2011. – 201 с.
3. Одегова О.В. Формирование военно-профессиональной мотивации курсантов военных вузов связи // Вестник ТГПУ. Выпуск 2 (92). – 2010. – С. 135–138.

E.N. Karlova

Air Force Military Educational and Scientific Center
«Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin»
Voronezh

alinord@yandex.ru

MANAGING CADETS MOTIVATION AT THE CURRENT CONDITION OF THE ARMED FORCES

The article deals with the structure of motivational sphere of cadets. Empirical sociological research demonstrates the dynamics of motivation as they grow and adapt to the educational environment of the military University. The author highlights the trend of reducing the motivation as studying in the University, the crisis of motivation in the middle of the training cycle and some increase towards the end.

Keywords: motivation, military professionalism, socialization, military identity, military education.

УДК 37.072

А.Д. Лопуха

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

lopoukha@yandex.ru

ЦЕЛЕСООБРАЗНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

В статье анализируется ход и итоги реформирования системы военного образования России в постсоветский период. Обращается внимание на его негативные последствия, повлекшие снижение качества подготовки офицерских кадров, опасные в период нарастания военных угроз. На основе сопоставления русской и англосаксонской военной школы предлагаются возможные направления оптимизации системы военного образования. Особо подчеркивается необходимость возрождения качественной военно-педагогической подготовки в военных вузах.

Ключевые слова: реформа военного образования, негативные последствия реформы военного образования, педагогическая подготовка офицеров и работников образования, учет опыта зарубежной военной школы, реализация информационно-компьютерных технологий.

В связи с системными изменениями Вооруженных Сил, приданием им нового облика, существенным уменьшением количества офицерских должностей и необходимостью повышения качества подготовки офицерских кадров система военного образования России свыше 20 лет активно реформируется.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 мая 2002 г. была утверждена Федеральная программа «Реформирование системы военного образования в Российской Федерации на период до 2010 года». В результате выполнения ее мероприятий к 2011 г. планировалось: создать оптимальную сеть военных вузов в стране; модернизировать материально-техническую базу и информационно-методическое обеспечение образовательного процесса; повысить квалификацию преподавательского состава; создать эффективную систему управления военным образованием в России.

В июле 2008 г. проект перспективной сети военных вузов был одобрен Президентом Российской Федерации и утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2008 г. Данным распоряжением на базе существующей сети военных вузов предусмотрено формирование системообразующих вузов. Созданы военные учебно-научные центры (ВУНЦ) по видам Вооруженных Сил. Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» (г. Москва) был создан путем присоединения 12 военных училищ (институтов) Сухопутных войск, расположенных по всей территории России. В его состав было включено Новосибирское ВВКУ (ВИ).

Реформирование системы военно-учебных заведений на основе создания крупных военных учебно-научных центров объясняли объективными потребностями современного этапа военного строительства в Российской Федерации и использованием опыта организации военного образования в США и Великобритании. Анализ результатов осуществленных этапов реформирования системы военного образования показывает, что содержание многих практических мероприятий не отвечало целям и задачам модернизации Вооруженных Сил Российской Федерации, позволяющей повысить их боевые возможности. На сегодняшний день ярко проявились такие негативные последствия реформы системы военного образования, как катастрофическое падение патриотических мотиваций офицерского состава к службе, снижение морально-

психологического состояния курсантских коллективов, устойчивая неуверенность военнослужащих в перспективах развития Вооруженных Сил. В качестве современной теоретической модели военного образования выступает эджастментизм, предполагающий снижение научного уровня преподавания и сводящий обучение к формированию простейших профессиональных навыков.

Была почти полностью разрушена система подготовки педагогических кадров. Формирование крупных учебно-научных центров только в пределах европейской территории делало систему военного образования громоздкой, уязвимой в военном отношении, неадаптированной к большому разбросу климатических условий на территории страны. Обучение в крупных мегаполисах младших офицеров на базе военных академий негативно сказывалось на их методической и боевой подготовке, формировании навыков практического управления военнослужащими.

Были утрачены высокоподготовленные кадры гуманитарных специальностей, позволяющие обеспечивать подготовку психологов, педагогов и профессиональную переподготовку офицерского состава и гражданских специалистов этого профиля.

В последние годы система военного образования России подвергается постоянным реформам, в основном в виде глубоких сокращений, то, что создаётся, не успев войти в режим эффективной работы, вновь ликвидируется, либо изменяется. Катастрофически падают мотивации постоянного состава к эффективной работе и обучаемых к качественной учебе. Существует еще одно негативное следствие этих «реформ».

Гражданская молодежь видит уничижительное отношение руководства страны к армии и самые способные юноши сегодня у нас не выбирают военные вузы. Тот человеческий материал, которым укомплектованы училища, имеет более низкое качество, нежели в гражданских вузах и ограничивает возможности повышения качества подготовки офицеров.

Представляется целесообразным, чтобы переменами в системе военного образования занимались специалисты.

Анализ систем подготовки кадров ведущих зарубежных государств свидетельствует о том, что их развитие определяется ориентацией на задачи, решаемые вооруженными силами в возможных в обозримой перспективе военных конфликтах. Государственный секретарь США К. Райс и бывший директор ЦРУ Д. Вулси заявили в 2002 г., что Америка после событий, связанных с уничтожением ВТЦ в Нью-Йорке, вступила в четвертую мировую войну. Первая ее фаза была связана с попыткой переструктурировать геополитическую ситуацию на «Большом Ближнем Востоке» и осуществить выход к границам КНР и южному «подбрюшью» России в ходе проведения силами НАТО военных операций в Афганистане и действий специальных служб в Пакистане. Указанные задачи решены, на Ближнем Востоке, в Южной и Центральной Азии создана обстановка управляемого хаоса, позволяющая моделировать удобную геостратегическую ситуацию ограниченными управляющими воздействиями. В настоящее время, в соответствии с дальнейшими планами, озвученными Ф. Фукуямой, проводится внедрение в зону бывших советских республик Средней Азии, которое началось с инициации очередной «цветной» революции в Киргизии, проведенной в режиме этнической войны киргизов и узбеков в Ферганской долине, являющейся предметом стратегического интереса КНР. Усиливаются недружественные действия Запада на Кавказе.

Все это происходит на фоне вхождения современного мира во второй, более глубокий этап мирового кризиса, в ходе которого у доминирующих сегодня в экономическом и военно-техническом отношении государств Запада нарастает стремление разрешить кризисные проблемы (перекройка зон политического влияния, передел сырьевых ресурсов, подавление геополитических конкурентов, перераспределение рынков сбыта) силовым путем. Об этом свидетельствует факт создания антирусского конфликта на Украине.

Какой будет возможная война?

С учетом современного развития событий можно с уверенностью определить ее коалиционный характер, глобальный размах, применение широкого спектра современных военных и невоенных средств. Попытки информационно обосновать, что главная угроза – «терроризм» не выдерживают критики. Главная угроза – государственный терроризм развитых стран Запада в разной форме. «Терроризм» сирийцев, жителей Донбасса, афганцев сегодня – сродни «терроризму» партизан Белоруссии в Великой Отечественной войне. Кризис продолжается, страны Запада нуждаются в ресурсах, к броску на Восток их будут подталкивать и неблагоприятные климатические изменения на Земле.

В 2010 г. было завершено выполнение программы перевооружения вооруженных сил США на оружие IV и V поколений, реализуется концепция сетцентрического боевого управления вооруженных сил США, Великобритании и объединенных вооруженных сил НАТО. НАТО продвигается на Восток, включилось в операции в Афганистане, на Ближнем Востоке и даже на Украине.

Сказанное делает «Большую войну» возможной. Длющиеся с конца 70-х гг. прошлого века региональные конфликты с участием России и внутренние вооруженные конфликты, подпитываемые извне, неизбежно продолжатся.

В таких условиях Россия должна уделять развитию своих Вооруженных Сил, основой которых является офицерский корпус, особое внимание. Министерством обороны предприняты неуспешные попытки

использовать западный опыт подготовки военных кадров.

Анализ англо-саксонской системы подготовки офицерских кадров демонстрирует определенное сходство с системой военного образования России: трехступенчатая система подготовки, наличие институтов переподготовки военных кадров, профессионализация в определенной области военного дела.

Однако принципиальных отличий гораздо больше. Они предопределены как исторической традицией, непреодолимыми этническими особенностями обучаемых, так и социальными задачами института профессиональных военных. Если в российской армии офицер отвечает за все: обучение, воинскую дисциплину, состояние вооружения и техники, боевую готовность, тыловое обеспечение, то в вооруженных силах англосаксонских стран его главное предназначение – управление «персоналом», руководство боем и подготовкой к нему, поддержание части (подразделения) в боеготовом состоянии. Все остальные вопросы возложены на сержантов и «ворэнт-офицеров», гражданских специалистов. Принципиально важно и то, что в российской армии за проступки подчиненных отвечает начальник, а в армиях англосаксонских государств – сам нарушитель.

Различна и логика подготовки офицеров. Так, если в военно-учебных заведениях России все обучаемые получают одинаковые стартовые возможности, что усиливает внутреннюю конкуренцию в офицерской среде, то в США изначальные преимущества получает «элита», лица, поступившие в одну из трех «академий» США (аналог наших военных училищ) по рекомендации президента или двух конгрессменов. То есть изначально проводится социальный отбор. Аналогичные механизмы действуют в системе военного образования Англии. Главное здесь – политическая надежность, мировоззренческая устойчивость и интеллектуальная развитость.

Основная масса офицеров готовится из выпускников гражданских колледжей, сержантов под решение задач управления первичными подразделениями (взвод, рота, батарея).

Можно ли говорить о преимуществе англосаксонской модели военного образования с учетом сказанного? Вряд ли. Ни Англия, ни США сами военных побед над Россией не одерживали. В классической форме в России данная модель не применима – не тот менталитет народа и уровень социальной, организационной и технической культуры.

Вместе с тем следует, безусловно, извлечь положительный опыт указанных военных школ с учетом того, что возможная «большая война» будет начата по их «правилам», а происходящие сегодня локальные конфликты моделируются в определенной военной логике, заданной представителями англосаксонской военной школы. Так в чешской академии национальных вооруженных сил британские советники с середины 2000-х гг. готовят командный состав для стран Восточной Европы, Украины, Эстонии, Литвы, Латвии).

Какой опыт должен быть нами учтен обязательно, в первоочередном плане?

1. Необходимо сохранить трехзвенную систему подготовки кадров (стратегического звена – в академии Генерального штаба, оперативно-тактического – в академиях видов Вооруженных Сил и тактического звена – в военных училищах). Как показывает опыт системы образования Англии, как наиболее развитой страны англосаксонского блока, совместить эти уровни подготовки в рамках одного вуза невозможно.

2. Необходимо избегать создания слишком крупных и малоуправляемых образовательных структур. Такие существовали в виде ВУНЦ, в которых десятки вузов разбросаны на тысячи километров.

3. Военно-образовательные заведения по подготовке офицеров тактического звена должны быть равномерно распределены по территории государства, по возможности в разных климатических условиях.

4. В связи с переходом на новый облик необходимо изменить статусное положение различных категорий военнослужащих, пересмотреть их задачи, права и обязанности. Это приведет к изменению содержания образования и структуры вузов. Так, курсанту должны быть делегированы более широкие права и вместе с ними – полная ответственность за все, что он совершает. Сержанты и гражданские специалисты должны быть ответственны за тыловое, техническое обеспечение и одиночную подготовку солдат. Офицеры, как в англосаксонских армиях, должны готовиться как специалисты-управленцы, получая в вузах высшее образование управленческого профиля (менеджмент, педагогика и психология, конфликтология, профориентология и др.). Возможно сокращение сроков обучения до 4 лет (уровень подготовки – бакалавриат). Их специализация по родам войск должна происходить в школах родов войск, образуемых на базе военных училищ (танковых, артиллерийских, связи, тыла и др.) и армейских частей, где выпускники училищ в течение 8-12 месяцев должны получить глубокую военную специализацию.

Эти же школы родов войск могут стать основой профессиональной переподготовки и повышения квалификации офицерского состава, которую необходимо сделать обязательной, цикличной (например, через 5 лет), либо перед назначением на основные должности (командир батальона, дивизиона, эскадрильи, полка, бригады и т. д.). Для повышения квалификации таких офицеров необходимо создание аналогов «штабных колледжей» с высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом в военных академиях и на высших офицерских курсах.

Возможности обучения в школах родов войск и производства в офицеры должны получить и сержанты, имеющие среднее профессиональное и высшее образование. Иначе данная профессиональная груп-

па не будет иметь достаточно высоких мотиваций служебной карьеры.

Таким образом, система военного образования должна включать в себя военно-учебные заведения, готовящие кадры стратегического, оперативно-тактического звена (академия Генерального штаба, академии видов Вооруженных Сил), высшие военные училища и школы (учебные центры родов войск).

Учебные центры целесообразно создавать для переподготовки специалистов родов войск (артиллерия, танковые войска, спецназ, ВДВ) и для подготовки специалистов по видам боевого обеспечения (психологическая борьба, тыловое обеспечение и др.).

По образцу английских военно-учебных заведений необходимо усилить связь с общей системой образования, использовать возможности армейских телекоммуникационных систем. Целесообразно снять существующие ограничения на создание полноценных локальных компьютерных образовательных сетей вузов и их объединение в единую сеть в масштабах системы военного образования. Сегодня этому препятствуют правила защиты государственной тайны, хотя в подготовке офицеров тактического звена такого рода информация крайне ограничена. Требуется создать единые базы учебных продуктов вузов Вооруженных Сил РФ по невоенным и несекретной части военных дисциплин.

С целью повышения качества научной и методической работы в высших военных училищах в них необходимо ввести факультетскую систему организации, сохранить устоявшуюся семестровую систему обучения.

С учетом опыта подготовки военных кадров в Англии и США необходимо усилить гуманитарную составляющую обучения в академиях и высших военных училищах и военно-профессиональную – в школах (учебных центрах) родов войск. Современная дегуманитаризация обучения в военных академиях ведет к снижению государственнической ориентации военачальников. В деятельности командира взвода-батальона от 40 до 75 % – психолого-педагогическая составляющая. При этом на изучение педагогики отводится от 20 до 48 часов, психологии до 72 часов. Итогом является педагогическое невежество современных офицеров.

Актуальной является задача наращивания компьютерной составляющей учебно-материальной базы. С учетом доли полевых занятий необходимо довести ее в военных училищах до 0,45 – 0,5 компьютеризированного рабочего места на обучаемого. Это позволит организовать обучение с использованием современных учебных материалов и качественную подготовку к прохождению внешнего тестирования в электронной форме, проводить тренировки и самоконтроль с использованием игровых и контрольных программ. Главное условие решения этой проблемы – снятие необоснованных ограничений на создание полномасштабной ведомственной сети ВС РФ, связанной с интернетом ограничено, а с помощью собственной спутниковой сети – в полном объеме реализующей информационные и учебные ресурсы ВС РФ и Министерства образования и науки. Кардинально улучшится компьютерная грамотность выпускников, значимость которой в системе управления и разведки возрастает.

Прерывность подготовки военных кадров разных категорий в период «сердюковщины» уже отразилась на комплектовании офицерским составом низовых должностей, руководящего состава среднего звена.

Фактически отсутствует система подготовки кадров для структур по работе с личным составом. Указанные должности сегодня комплектуются случайными людьми. Создание факультета по их подготовке в Новосибирском ВВКУ позволило бы решить ряд серьезных государственных задач в интересах страны, исключить дублирование подготовки этих специалистов в отдельных ведомствах на более низком уровне.

Достаточно только ввести такой факультет в штат училища со скромным набором штатных единиц. Обучение таких кадров сегодня пока еще позволило бы возродить разрушенную систему подготовки воспитателей. Через 5-6 лет сделать это будет просто некому.

Необходимо внести некоторые изменения в систему подготовки специалистов структур по работе с личным составом. Их главная роль – реализация государственной политики. Они мало где готовятся, да и то по психологическим специальностям, тогда как все обучение и воспитание проводятся по канонам педагогической науки, которая в военных вузах фактически не изучается.

Ликвидация кафедр военной педагогики и психологии исключила возможность качественной реализации программ профессиональной переподготовки, повышения квалификации, вызвало резко снижение аккредитационных показателей училищ по научным кадрам.

Исторический опыт российской армии свидетельствует, что упадок педагогической подготовки офицеров всегда вел к снижению качества подготовки войск, проигрышу войн (русско-англо-французской, русско-японской, первой мировой, гражданской). Указанные провалы ликвидировались с трудом. Необходимы были личности масштаба М.И. Драгомирова. В советский период военную педагогику спасал А.В. Барабанщиков. Сегодня сделать подобное может только С.К. Шойгу. Должен, поскольку поступающую в войска новую технику способен оживить и сделать победной только высокий моральный дух армии.

A.D. Lopoukha

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

lopoukha@yandex.ru

APPROPRIATE WAYS OF REFORMING THE SYSTEM OF MILITARY EDUCATION IN RUSSIA

The article analyzes the course and outcome of the reform of military education in Russia in the post-Soviet period. Drawing attention to its negative consequences, resulting in a decline in the quality of training of officers dangerous in a period of increasing military threats. On the basis of comparison of Russian and Anglo-Saxon military schools as possible directions of optimization of the system of military education. Emphasizes the need to revive high-quality military-pedagogical training in military educational institutions.

Keywords: reform of military education, negative effects of the reform of military education, teaching the officers and workers of education, based on the experience of foreign military schools, the implementation of information computer technologies.

УДК 355.13

М.В. Неверко, Н.И. Гомель

*Военная академия Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск*

mar77811082@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается теоретический аспект создания и развития системы психологического обеспечения на основе совершенствования психологической подготовки и психологической готовности как элементов и составных частей боевой подготовки в целом, так и боевой готовности, в частности. Раскрытие сущности и содержания перечисленных категорий в контексте повышения эффективности системы психологического обеспечения определяет цель статьи и ее теоретико-прикладную значимость.

Ключевые слова: психологическое обеспечение, психологическая подготовка, психологическая готовность, совершенствование, система, военнослужащие.

В соответствии со сложившейся ситуацией в мире и современными устойчивыми тенденциями развития военно-политической обстановки система обеспечения боевой подготовки военнослужащих требует постоянного совершенствования. Проведенный анализ руководящих документов и научных трудов по изучаемой проблеме показал, что нет единого подхода к системе обеспечения боевых действий. В свою очередь создана методологическая основа психологического обеспечения воинской деятельности, затрагивающая все уровни функционирования военнослужащего в боевой обстановке: соматический, психофизиологический, психологический, социально-психологический.

Нормативные правовые акты Министерства обороны Республики Беларусь (МО РБ) в сфере организации боевой подготовки (БП) военнослужащих Вооруженных Сил Республики Беларусь (ВС РБ) определяют, что главными задачами боевой подготовки являются:

- поддержание постоянной готовности сил и средств подразделений, воинских частей и соединений, их органов управления к выполнению боевых задач (задач) в соответствии с предназначением;
- освоение новых (модернизированных) образцов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), привитие и формирование у военнослужащих умений и навыков в поддержании ВВСТ в готовности к боевому применению (использованию);
- воспитание у военнослужащих высоких морально-боевых качеств, чувства ответственности за защиту Отечества, бдительности, дисциплинированности, исполнительности, войскового товарищества, выработка у них высокой психологической устойчивости, смелости и решительности, умения преодолевать трудности современного боя;
- разработка и внедрение новых принципов обучения и воспитания с учетом совершенствования средств и способов вооруженной борьбы, развития Вооруженных Сил и др. [13].

Основу эффективного решения этих и других задач составляет система мер, обеспечивающих активное и сознательное участие военнослужащих в данных процессах, то есть человеческий фактор. Данный фактор в свою очередь представляет собой мировоззренческую позицию военнослужащих, которая отражает уровень идеологической подготовки. Идеологическая подготовка проводится в рамках боевой (профес-

сионально-должностной, в т. ч. специальной) подготовки и напрямую зависит от эффективного проведения идеологической работы (ИР). В свою очередь идеологическая работа составляет основу всестороннего обеспечения боевой подготовки [13] и основные усилия ИР в ходе боевой подготовки направляются: на формирование психологической готовности личного состава к выполнению задач в боевой обстановке; организацию БП; всестороннее обеспечение БП; организацию психологической подготовки [13]. Идеологическая работа с личным составом проводится по следующим основным направлениям: воспитательная работа, информационно-пропагандистская работа, *психологическая работа*, социально-правовая деятельность, социокультурная деятельность [15]. При этом *психологическая работа* – это система мероприятий, направленных на поддержание психологической устойчивости и сохранение психического здоровья военнослужащих, гражданского персонала, членов их семей [15].

Основными *задачами психологической работы* являются: формирование и поддержание психологического состояния военнослужащих на уровне, обеспечивающем выполнение задач по предназначению; проведение мероприятий по обеспечению боевой и мобилизационной готовности, выполнению учебно-боевых задач, несению боевого дежурства, караульной и внутренней служб; изучение морально-психологического состояния (МПС) военнослужащих, социально-психологических процессов и явлений в воинских коллективах, прогнозирование их развития и выработка мер по повышению эффективности воинской деятельности, недопущению правонарушений [15].

В данной статье предпринимается попытка анализа взаимосвязи и классификации таких понятий, как «психологическая подготовка», «психологическая готовность» как элементов и составных частей боевой подготовки в целом, так и боевой готовности, в частности. Раскрытие сущности и содержания перечисленных категорий в контексте повышения эффективности системы психологического обеспечения определяет цель статьи и ее теоретико-прикладную значимость.

Одним из направлений целенаправленной психологической работы является психологическая подготовка. *Психологическая подготовка* (ПП) – формирование у личного состава психологических качеств, усиливающих его способность выдерживать высокие нервно-психические, психологические и физические нагрузки, действовать по предназначению в условиях непосредственной опасности. Цели психологической подготовки военнослужащих достигаются путем максимального приближения содержания учебно-боевой деятельности к условиям боевой обстановки [20].

Задачами психологической подготовки являются: выработка устойчивых навыков владения оружием, боевой техникой; обучение личного состава умелым, решительным и инициативным действиям в боевой обстановке; формирование у военнослужащих представлений о предстоящих боевых действиях, возможных действиях противника и изменениях обстановки, способности преодолевать страх и противостоять панике [20].

В ходе психологической подготовки решаются задачи формирования психологической готовности и функциональной надежности психики военнослужащих (далее – в/с). Таким образом, в процессе целенаправленной психологической подготовки, осуществляемой в ходе обучения и воспитания, достигается психологическая готовность в/с к выполнению поставленных задач.

Следует отметить, что в современной системе обучения и воспитания в/с в ВС РБ вопросам психологической подготовки уделяется достаточное внимание. В то же время при практической реализации поставленных задач возникает ряд проблемных аспектов следующего характера:

1. Согласно результатам анализа основополагающих нормативных правовых актов Республики Беларусь, регламентирующих деятельность военнослужащих, требуется дальнейшее совершенствование системы всестороннего обеспечения боевой подготовки [17].
2. Необходимо уточнить дефиницию таких процессов и явлений, как психологическая работа, психологическая подготовка, боевая готовность, психологическая готовность и ее виды.
3. Исследование степени разработанности проблемы психологической готовности военнослужащих в современных отечественных исследованиях показывает, что недостаточно разработана структура психологической подготовки.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод: в связи с отсутствием четко построенного категориального теоретического аппарата указанных понятий реализация практической составляющей данных процессов при обеспечении боевой подготовки требует дальнейшей доработки и совершенствования с точки зрения дедуктивного метода исследования.

Понятие «готовность» в литературе имеет различные толкования. Так, понятие «готовность» к высокопродуктивной деятельности в определенной области труда, общественной жизни Б.Г. Ананьев определяет как «проявление способностей» [1]. По мнению В.А. Крутецкого, готовность к деятельности – это синтез свойств личности (значительно более широкое понятие, чем способности) [2]. В соответствии с выдвинутой концепцией личности К.К. Платонова в структуре готовности к деятельности выделяет моральную, психологическую и профессиональную готовность [2].

Через совокупность мотивационных, познавательных, эмоциональных и волевых качеств личности, как ее общее психофизиологическое состояние, обеспечивающее актуализацию возможностей, как направленность личности на выполнение определенных действий рассматривали готовность Л.С. Нерсесян, А.Ц. Пуни и др. [12].

Понятие готовности к деятельности тесно связано с понятием установки, которая обеспечивает устойчивый, целенаправленный характер протекания успешной деятельности. Д.Н. Узнадзе понимал установку как более широкое явление, чем готовность. Готовность определялась им как существенный признак установки [23]. В свою очередь М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович разводят эти два понятия с точки зрения конкретно-психологической природы феноменов, которые данные дефиниции обозначают. По мнению этих авторов, установка является лишь формой готовности [6].

Несмотря на многообразие определений готовности все авторы сходятся на том, что готовность к деятельности – это предрасположенность субъекта ориентировать свою деятельность определенным образом [6]. Таким образом, понятием «готовность» в литературе обозначаются: условия и регулятор деятельности; психологическое состояние; установка; наличие у субъекта определенных потребностей; синтез свойств личности и т. п.

Рассмотрев понятие готовности к деятельности с точки зрения различных авторов, следует провести анализ понятия психологической готовности. *Психологическая готовность* (ПГ) – это психофизиологическое состояние, позволяющее актуализировать возможности имеющихся мотивационных, познавательных, эмоциональных и волевых качеств военнослужащего в интересах выполнения поставленных задач. Психологическая готовность включает в себя следующие взаимосвязанные компоненты: мотивационный, отражающий устремленность воина на выполнение поставленной задачи; эмоциональный, проявляющийся в уверенности военнослужащего, в чувстве воодушевления и удовлетворения поставленной задачей; волевой, выраженный в самообладании, самоконтроле и саморегуляции; познавательный, характеризующий степень осознания и понимания боевой задачи; интеллектуальный, отражающий умственную работоспособность, тип мышления; операциональный (моторный), объединяющий применяемые способы и приемы деятельности [8]. Уровень развития вышеперечисленных компонентов отражает функциональную надежность психики в/с в сложных условиях боевой обстановки и адекватно обеспечивает выполнение поставленных боевых задач.

Наиболее точное определение ПГ дано В. Дружининым: «психологическая готовность является психическим состоянием, которое характеризуется мобилизацией ресурсов субъекта деятельности на оперативное или долгосрочное выполнение конкретной деятельности» [21]. Данное состояние помогает успешно выполнять свои обязанности, правильно использовать знания, опыт, личные качества, сохранять самоконтроль и перестраивать деятельность при появлении непредвиденных препятствий.

Анализ источников [8, 10, 11, 15, 16, 18] позволяет дать следующие определения рассмотренным понятиям: *психологическая готовность в/с к выполнению поставленных задач (решение конкретных боевых задач) в период ведения боевых действий* – это своеобразный фундамент его активных действий в предстоящем бою [16]. Она достигается в процессе целенаправленной психологической подготовки, осуществляемой в ходе обучения и воспитания, всей воинской службы. В ходе ПП решаются задачи формирования ПГ и устойчивости и функциональной надежности психики в/с.

При этом следует различать два вида ПГ: 1. *общая (длительная) ПГ* как совокупность качеств личности, а также ее подготовленности; 2. *ситуационная (временная) ПГ* [16]. Синонимами данных видов готовности являются «предстартовое состояние» [4], состояние «оперативного покоя» [5] и состояние «бдительности» [12].

Длительная готовность представляет собой структуру, в которую входят положительное отношение к тому или иному виду деятельности, профессии, черты характера, способности, темперамент, мотивация, адекватные требованиям деятельности, необходимые знания, навыки, умения и устойчивые профессионально важные особенности восприятия, внимания, мышления, эмоционально-волевые процессы [12]. Временная готовность отражает особенности и требования предстоящей ситуации.

Динамическая структура состояния *ПГ к сложным видам деятельности* – это целостное образование, включающее в себя ряд личностных характеристик, основными из которых являются мотивационные, познавательные, эмоциональные и волевые [12].

Анализ научной литературы по рассматриваемой проблеме показал, что ПГ зачастую рассматривается в тесной взаимосвязи с таким понятием, как боевая готовность (БГ). В сборнике основных военных терминов и понятий БГ определяется как способность войск (сил) в любых условиях обстановки организованно и в установленные сроки привести органы управления и войска (силы) в готовность к выполнению боевых задач, в установленные сроки начать военные действия и успешно выполнить поставленные задачи [22]. Таким образом, БГ характеризуется в первую очередь состоянием военнослужащих, обеспечивающим эффективное проявление боевой способности, возможность использования в полной мере вооружения и военной техники, своих качеств, опыта в интересах выполнения поставленных задач.

На основании вышеизложенного *ПГ личного состава к выполнению поставленных задач* является одним из ключевых структурных элементов БГ. Следовательно, *боевая готовность* – это такое количественное и качественное состояние подразделений вооруженных сил, которое характеризует их готовность к переходу с мирного положения на военное, в любой обстановке и в заданное время осуществить активные, решительные и эффективные действия против агрессора [7].

В свою очередь Сборник основных военных терминов и понятий определяет понятие «*психологическая готовность к бою*», как нацеленность и активность (настроенность и мобилизованность) психики в/с на преодоление предстоящих трудностей боевой деятельности, обеспечивающее результативность и качество выполнения задач, адекватное их значимости и сложности. *ПГ к бою* – один из основных компонентов *ПГ подразделения к боевым действиям*. Выделяют три уровня состояния *ПГ к бою*: низкий, средний и высокий.

Таблица 1

Характеристика состояния психологической готовности к бою

Уровни	Характеристика уровня психологической готовности к бою
Низкий	Неуверенность в/с в себе, отсутствие стремления к противоборству, нерешительность, излишняя суетливость, ошибки при выполнении простейших задач
Средний	Сочетание у в/с уверенности в себе и недостаточного стремления к противоборству и решительным действиям. Незначительные ошибки при выполнении команд, физиологическое состояние близко к норме
Высокий	Желание борьбы, отсутствие сомнений у в/с, стремление испытать себя, добиться победы над противником

Так как психологическая готовность в/с формируется в ходе психологической подготовки, необходимо уточнить ее классификацию. *ПП* подразделяется на общую, специальную и целевую подготовку.

Таблица 2

Классификация психологической подготовки

Виды психологической подготовки		
Общая	Специальная	Целевая
Формирование <i>ПГ в/с</i> действовать в условиях психотравмирующих факторов современного общевойскового боя в период подготовки и ведения боевых действий	Обеспечение <i>ПГ и устойчивости</i> личного состава к конкретным видам боевых действий с учетом особенностей боевой деятельности конкретных специалистов в особых природно-климатических условиях	Формирование <i>ПГ в/с</i> выполнить конкретную боевую задачу в период ведения боевых действий

В ходе данных видов психологической подготовки формируются следующие виды *ПГ*: 1. *ПГ в/с* действовать в условиях психотравмирующих факторов современного общевойскового боя в период подготовки и ведения боевых действий. 2. *ПГ и устойчивость* личного состава к конкретным видам боевых действий с учетом особенностей боевой деятельности конкретных специалистов в особых природно-климатических условиях. 3. *ПГ в/с* на решение конкретной боевой задачи в период ведения боевых действий [16].

Состояние психологической готовности в/с к бою зависит от психики воина [10] и определяется уровнем общей *ПГ*. В свою очередь общая *ПГ* подразделяется на заблаговременную, временную и ситуативную.

Таблица 3

Характеристика общей психологической готовности

Общая психологическая готовность		
Заблаговременная	Временная	Ситуативная
Ранее приобретенные установки, ЗНУ, мотивы деятельности. На этой основе возникает состояние готовности к выполнению тех или иных текущих задач деятельности	Временное состояние готовности – это актуализация, приспособление всех сил, создание психологических возможностей для успешных действий в данный момент	Ситуативная готовность – это динамическое целостное состояние личности, внутренняя настроенность на определенную деятельность

Анализ научных публикаций по обозначенной выше проблеме свидетельствует о том, что научные исследования в области психологической и боевой подготовки, а именно в сфере *ПГ* как составной части (вида) БГ можно использовать для совершенствования научной концепции психологического обеспечения боевых действий и при подготовке к ним в повседневной служебной деятельности.

Результаты данного исследования показывают, что взятые за исходную основу теоретические положения в данной зависимости основных видов ПГ являются объективной закономерностью.

На этой основе сформулированы выводы, содержащие элементы новизны:

1. Подтверждено, что в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность в/с, недостаточно разработана единая система всестороннего обеспечения боевой подготовки.
2. Уточнено значение таких понятий, как психологическая работа, психологическая подготовка, готовность, психологическая готовность, боевая готовность.
3. Предпринята попытка структурировать систему психологического обеспечения на основе определения уровня психологической готовности в/с.
4. Сформулировано положение о необходимости усиления реализации практической составляющей психологического обеспечения боевой подготовки.
5. Установлено, что в связи с отсутствием четко построенного категориального аппарата ПП при обеспечении боевой подготовки необходимо усиление реализации практической составляющей психологического обеспечения.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2-х т. – М.: Педагогика, 1980.
2. Битехтина Л.Д. Готовность к действиям в экстремальных ситуациях среди военных // Вопросы психологии. – 2005. – № 11.
3. Боевой устав сухопутных войск. Ч. 3. Взвод, отделение, танк, 2010.
4. Ганюшкин А.Д. Исследования состояния психической готовности человека к деятельности в экстремальных условиях. – М.: Просвещение, 2002.
5. Гуревич П.С. Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ, 2007.
6. Дьяченко М.И., Кандыбович А.А., Пономаренко В.А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях. – Минск, 2005.
7. Дьяченко М.И. Военная психология и педагогика. – Минск, 1999.
8. Дербин Е.А. Информационная безопасность союзного государства как основа его обороноспособности в условиях непрямых действий противника // Вестник академии военных наук. – № 2. – 2009. – С. 31.
9. Методические рекомендации должностным лицам соединений, воинских частей и подразделений по профилактике нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими 18 августа 2008 г. – № 6/742.
10. Моральная готовность и психологическая способность военнослужащего к боевым действиям / В. Батищев // Ориентир. – 2007. – № 9. – С. 52.
11. Некоторые исторические аспекты системы психологического обеспечения профессиональной деятельности военнослужащих / А.В. Медведев // Проблемы управления. – 2013. – № 4. – С. 97.
12. Нерсесян Л.С., Пушкин В.Н. Психологическая структура готовности оператора к экстремальным действиям // Вопросы психологии. – 1989. – № 5.
13. Об утверждении Руководства по боевой подготовке в Вооруженных Силах: Приказ Министра обороны № 720 от 10 июля 2014 г.
14. О работе по поддержанию и укреплению дисциплины в Вооруженных Силах Республики Беларусь и транспортных войсках: приказ Министра обороны Республики Беларусь от 8 января 2015 г. № 1.
15. Об утверждении Инструкции о порядке организации идеологической работы в Вооруженных Силах: приказ Министра обороны Республики Беларусь от 10 сентября 2014 г. № 967.
16. Основы психологической готовности / А. Колосов // Ориентир. – 2012 – № 7. – С. 58.
17. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2010 г. – № 1/12080.
18. Основные пути формирования моральной готовности и психологической способности военнослужащего к боевым действиям / В. Батищев // Ориентир. – № 9. – 2010. – С. 52.
19. О системе работы должностных лиц по профилактике правонарушений в сфере межличностных взаимоотношений между военнослужащими в Вооруженных Силах и транспортных войсках: приказ Министра обороны Республики Беларусь № 1011 от 11 декабря 2009 г.
20. Об организации идеологической работы в ходе проведения занятий по боевой подготовке: Приказ помощника Министра обороны по идеологической работе в Вооруженных Силах – начальника главного управления идеологической работы Министерства обороны от 5 января 2008. – № 1.
21. Общая психология / под ред. В.Н. Дружинина. – СПб.: Питер, 2001. – 628 с.
22. Об утверждении сборника основных военных терминов и понятий: приказ Начальника Генерального штаба Вооруженных Сил – первого заместителя Министра обороны Республики Беларусь от 11 мая 2009 года № 222.
23. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1986.

M.V. Neverko, N.I. Gomel

*Military Academy of the Republic of Belarus
Byelarus Republic, Minsk*

mar77811082@yandex.ru

IMPROVEMENT OF PSYCHOLOGICAL SECURITY ARMED FORCES OF BELARUS: GENERAL VIEW OF THE THEORY ON THE PROBLEM

The article deals with the theoretical aspect of the creation and development of the system of psychological support on the basis of improvement of psychological training and psychological readiness as elements and parts of the combat training and readiness, in particular. Disclosure of the nature and content of these categories in the context of increasing the effectiveness of the system of psychological support defines the purpose of the article and its theoretical and applied significance.

Keywords: psychological support, psychological under-cooking, psychological readiness, improvement, system, military servants.

УДК 355

А.А. Подмаренко, Д.В. Суслов

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

nvvku@list.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КУРСАНТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ТАКТИКЕ

В статье формулируется взгляд на педагогическую поддержку обучающихся как на одну из сторон профессиональной деятельности преподавателя, рассматриваются основные положения применения педагогической поддержки курсанта на занятиях по тактике, анализируется воздействие рассматриваемой педагогической технологии на саморазвитие личности обучающегося.

Ключевые слова: педагогическая поддержка, преподаватель, курсант, обучающийся, тактика.

Педагогическая поддержка личности в современной отечественной педагогической науке в основном рассматривается в интересах решения проблем, связанных с обучением и воспитанием детей школьного возраста. Основоположник концепции педагогической поддержки ребенка в образовании О.С. Газман писал: «Под педагогической поддержкой мы понимаем процесс совместного с ребенком определения его собственных интересов, целей, возможностей и путей преодоления препятствий (проблем), мешающих ему сохранить свое человеческое достоинство и самостоятельно достигать желаемых результатов в обучении, самовоспитании, общении, здоровом образе жизни [1].»

По окончании школы каждый выпускник получает уровень базового образования и культуры исходя из проявленного им желания и объективных возможностей семьи, школы. Таким образом, человек, окончивший среднюю школу, должен вступать во взрослую жизнь вполне сложившимся среднестатистическим гражданином, способным в дальнейшем совершенствовать себя (свой ум, таланты).

Опыт показывает, что вчерашние школьники, поступившие в военные училища, попав в условия, отличные от школьных, как правило заново сталкиваются с проблемами обучения, социализации, самореализации.

На занятиях по тактике, как показывает педагогическая практика, актуальной задачей является проблема передачи знаний военного дела во взаимосвязи с развитием абстрактного мышления и интуиции у курсантов. Неумение курсанта в короткий промежуток времени абстрагировать окружающую действительность не позволяет ему в полной мере эффективно реализовать свой потенциал.

Противоречия современного процесса подготовки офицерских кадров, возросшие требования к курсантам военных вузов, возрастающие физические и психологические нагрузки обучающихся приводят профессорско-преподавательский состав к пониманию необходимости изыскания резервов для совершенствования учебно-воспитательного процесса. В качестве одного из таких резервов выступает педагогическая поддержка обучающихся в процессе проведения занятий по различным учебным дисциплинам.

Исходя из вышеизложенного целесообразно рассмотреть понятие «педагогическая поддержка курсантов» в интересах повышения результативности занятий по тактике.

Термин «педагогическая поддержка курсанта на занятиях по тактике» фиксирует роль основных субъектов образовательного процесса – педагога и курсанта (обучающегося). Педагогу необходимо стремиться создавать условия для плодотворной деятельности всех курсантов, имеющих различный уровень способностей. Роль каждого обучающегося заключается в принятии предложенных условий как идеальных для реализации его возможностей. Предполагается, что эти условия должны способствовать дальнейшему возрастанию интереса обучающегося к всестороннему развитию.

В процессе изучения учебной дисциплины «Тактика» курсанты приобщаются к знаниям и умениям офицера, командира подразделения действовать в интересах обороны и безопасности государства. На первых порах изучение тактики курсантам кажется весьма сложным. Они сталкиваются с новой терминологией, с информацией, представленной в виде текстов и условных обозначений как на бумажной основе, так и посредством компьютера. Информация, как правило, поступает в повелительной форме в виде приказа, который необходимо обязательно исполнить. Курсант должен уметь самостоятельно фиксировать, понимать и дополнять полученную информацию на основе предоставленных ему полномочий. Обучающийся учится быстро действовать: оценивать условия окружающей действительности, предвидеть их развитие в интересах своей деятельности; своевременно выявлять изменения в условиях, принимать адекватные решения и добиваться их выполнения от подчиненных для достижения поставленных целей. И главное, что в реальной боевой обстановке будущему офицеру придется действовать в условиях опасных для его жизни и вверенных ему людей, в этом и заключается сложность и особенность учебной дисциплины «Тактика».

Определимся, далее, с основными положениями применения педагогической поддержки курсантов на занятиях по тактике.

Так, О.С. Газман предлагал индивидуализировать процесс воспитания, для чего педагогу и школьнику необходимо вместе пройти пять взаимосвязанных этапов:

- диагностический (установление контакта, вербализация проблем, оценка значимости проблемы);
- поисковый (совместный поиск решения проблемы или трудности);
- договорный (проектирование и взаимная договоренность о действиях);
- деятельностный (поддержка инициативы ребенка, помощь и взаимодействие);
- рефлексивный (обсуждение, констатация, осмысление опыта).

Первый (диагностический) этап проводится с первых занятий. В ходе непосредственного общения со всей группой и индивидуального с каждым курсантом осуществляется знакомство, налаживается контакт с обучающимися и одновременно производится их диагностика (посредством наблюдения, заслушивания ответов выявляется уровень развития каждого курсанта, его способности и особенности, индивидуальные пристрастия, положение в группе и т. д.).

На втором (поисковом) этапе преподаватель уделяет внимание каждому обучающемуся. На данном этапе необходимо выявить талантливость курсанта, его способность к адекватным ответным действиям в ответ на действия руководителя занятия. Преподаватель стремится создать наилучшие условия для самореализации личности курсанта, развития ее субъективных свойств. Немаловажно «найти» для каждого обучающегося свой собственный «путь в тактику»:

- курсант умеет красиво рисовать, аккуратно чертить схемы и обладает каллиграфическим почерком – путь в тактику через условные обозначения, через разработку и ведение боевых документов;
- курсант обладает хорошей памятью, запоминает в большом объеме информацию, прочитанную или услышанную, – путь в тактику через информационные доклады и доклады о сложившейся обстановке на определенное время;
- курсант свободно выступает перед группой людей, обладает ораторским мастерством – путь в тактику через работу командира по организации боя;
- курсант логически строит свои ответы на вопросы преподавателя, обосновывает их – путь в тактику через принятие решения по сложившейся обстановке и его обоснование и т. д.

Опыт показывает, что когда обучающийся осознает свою значимость, способность эффективно выполнять какое-либо действие (решать какую-либо задачу), то он, как правило дорожит этим и стремится развивать (удерживать) свой талант (свое первенство относительно других обучающихся).

В ходе третьего (договорного) этапа преподаватель, усложняя задание, заблаговременно доводит до обучающихся новые условия их учебной деятельности и критерии оценки полученных результатов.

На четвертом (деятельностном) этапе преподаватель всемерно поддерживает инициативу обучающегося, регулируя и направляя ее в нужное направление.

Пятый (рефлексивный) этап связан с выявлением ошибок, допускаемых курсантом в процессе учебной деятельности и показом нескольких возможных вариантов исправления ошибок с целью выбора обучающимся пути решения проблемы. На данном этапе большое значение придается обдуманной, доброжелательной, конструктивной критике в адрес курсанта со стороны преподавателя, которая должна мотивировать курсанта на дальнейшие позитивные действия.

В качестве критериев эффективности педагогической поддержки курсантов на занятиях по тактике в военном вузе могут выступать:

- высокий уровень мотивации курсантов к учебной и профессиональной деятельности после окончания вуза;
- высокий уровень мотивации преподавательского состава к деятельности по предназначению;
- отсутствие нервно-психического напряжения субъектов образовательного процесса, связанного с управленческой деятельностью командира;

– объективно измеряемый уровень обучения, воспитания, и развития личности под воздействием продуманных управленческих технологий;
– успешное решение курсантами поставленных задач в ходе учебных занятий;
– соотношение затрат, усилий субъектов учебной деятельности и достигнутых курсантами учебных результатов.

Таким образом, педагогическая поддержка курсанта на занятиях по тактике является для преподавателя функцией повышения своего профессионального мастерства, а для курсанта наилучшим условием для саморазвития, самореализации, понимания значения получаемых знаний и искусное их применение на практике.

Библиографический список

1. Иванов А.В. Новые ценности образования // Становление теории и практики педагогической поддержки. – С. 2
2. Садовников С.М. Педагогическая поддержка студентов в системе среднего профессионального образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2014. – № 2(14). – С. 102.
3. Корнетов Г.Б. Педагогические парадигмы базовых моделей образования: учебное пособие для студентов педагогических специальностей и слушателей системы повышения квалификации работников образования. Организаторы: Григорий Борисович Корнетов. Дата выхода: 11.01.2005 © OIM.RU, 2004 (Электронное издание).

A.A. Podmarenko, D.V. Suslov

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk
nvvku@list.ru*

EDUCATIONAL SUPPORT TO CADETS AT THE LESSONS OF TACTICS

In the article is formulated view on pedagogical support of cadets as a part of the professional work of the teacher, the basic provisions of the use of pedagogical support to the cadet in classes on tactics, analyze the impact of pedagogical technology under consideration to self-development of the individual of cadets.

Keywords: pedagogical support, teacher, student, trainee, tactics.

УДК 37.035.7

А.В. Поликанов

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск
polikanov1978@mail.ru*

ПРИНЦИПЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Автор статьи рассматривает педагогический мониторинг процесса адаптации курсантов к образовательной среде военного института внутренних войск МВД России как метод исследования и сопровождения образовательного процесса. В статье выделены некоторые психологические и педагогические аспекты педагогического мониторинга.

Ключевые слова: педагогический мониторинг, курсанты военного института, принципы, аспекты, технологическая модель.

Образовательная среда военного института обеспечивает эффективную профессиональную подготовку будущих офицеров к выполнению служебно-боевых задач в мирное и военное время с учетом высоких требований, предъявляемых к офицерам внутренних войск МВД России. Процесс профессионального становления курсантов, как военных специалистов происходит в период обучения в военном институте. И именно на первом курсе обучения происходит основная часть процесса адаптации курсантов к образовательной среде военного института.

Принцип педагогического мониторинга процесса адаптации курсантов к образовательной среде военного института внутренних войск МВД России является одним из ключевых. Данный принцип состоит в необходимости специальной организации в образовательной среде военного института постоянного педагогического мониторинга, в ходе которого достаточно детально выясняется актуальное состояние адаптации курсантов, соответствующее ее структурно-функциональной модели, разработанной нами в рамках нашего исследования.

Педагогический мониторинг рассматривается как метод исследования и сопровождения образовательного процесса военного института, а также как один из методов управления им. Изучению теоретико-методологических оснований и различных аспектов педагогического мониторинга посвящены многие работы педагогов и психологов (И.В. Бестужев-Лада [1]; А.И. Куприна [3]; В.В. Репкин, Г.В. Репкин, Е.В. Заика [5] и др.). В работах исследователей раскрыты сущность данного педагогического явления, рассмотрены различные виды мониторинга, функциональные возможности его применения в педагогике.

Выделим, далее, основные положения, важные для организации образовательной среды военного института.

Мониторинг как производная форма от слова «монитор» обозначает осуществление некоторого действия, направленного на реализацию функций наблюдения, контроля и предупреждения.

Рассматривая социальный мониторинг, И.А. Кривобоков систематизирует и обобщает различные подходы к определению понятия «мониторинг». Согласно полученным им результатам, мониторинг имеет следующие сущностные характеристики:

- мониторинг понимается как процесс оценки состояния объекта, контроля за происходящими событиями, для своевременного предупреждения нежелательных тенденций развития;

- мониторинг осуществляется адресно, т. к. применяется к конкретным процессам и объектам для решения конкретных задач;

- мониторинг представлен как непрерывный процесс, организованный на достаточно продолжительном отрезке времени, что позволяет регистрировать состояние объекта в определенные моменты, проводить оценку происходящих процессов и прогнозировать тенденции развития [2, 64].

В педагогике мониторинг как метод исследования интенсивно развивается с 1980-х гг. Ученые сформулировали задачи психологического и педагогического мониторинга: психологический устанавливает тенденции и закономерности психического развития личности разных возрастов, а педагогический, используя данные указанных обследований, определяет, насколько рациональны педагогические средства, которые реализуются в инновационном процессе, насколько дидактические средства (содержание, формы, методы обучения, режим учебной работы и другое) адекватны заявленным целям и выявленным индивидуально-психологическим особенностям личности обучающегося, специфике среды и жизнедеятельности.

Основными моментами, характеризующими сущность мониторинга, В.В. Репкин и др. полагают:

- мониторинг означает пристальное перманентное внимание к текущим процессам, происходящим при реализации замысла (проекта);

- фиксируются текущие процессы, т. е. реальные условия становления замысла, с целью гибкого преобразования элементов замысла [5].

На необходимость применения педагогического мониторинга указывают многие отечественные и зарубежные ученые. При этом выделяются следующие компоненты педагогического мониторинга: определение целей образования (как конечных, так и промежуточных); выбор контрольных заданий, проверяющих достижение этих целей; оценку или иной способ выражения результатов проверки. Обязательным условием реализации этого процесса является взаимосвязь всех его компонентов.

Мониторинг предполагает формирование специальных, текущих знаний о состоянии образовательной среды, в которой осуществляется целенаправленный педагогический процесс – в нашем случае процесс адаптации курсантов к образовательной среде военного института внутренних войск МВД России, а также о конкретных способах последующего перевода этих знаний в соответствующие управленческие и организационные решения.

Понятие мониторинга в некоторых отношениях близко к таким распространенным общенаучным и педагогическим понятиям, как обратная связь, рефлексия, контроль, текущая аттестация.

Выделим также некоторые психологические аспекты в педагогическом мониторинге. В качестве источников, детерминирующих цель педагогического мониторинга, выступают в единстве психологический и педагогический подходы. С одной стороны, педагогический мониторинг предназначен для отслеживания процесса адаптации курсантов к образовательной среде военного института с позиции интересов курсантов, с другой – с позиции задач образовательного процесса военного института. Поэтому цель педагогического мониторинга двудеина: проследить характер и состояние индивидуального формирования различных составляющих адаптации курсантов к образовательной среде военного института в условиях педагогического процесса и дать качественную оценку характеру педагогических отношений, обеспечивающих этот процесс.

Рассмотрим основные составные части педагогического мониторинга: цель, задачи, содержание, нормы, эталоны, стандарты, обратная информация, оценка, коррекция и результат.

Сравнение реальных результатов с эталонами и нормами в образовательной деятельности является одним из компонентов и этапов мониторинга, за которым следует содержательная оценка и коррекция.

Данный этап мониторинга сходен и с информационной стадией управления – в обоих случаях речь идет об информационных процессах. Одной из отличительных черт мониторинга, как мы уже ранее отме-

чали, является информация о соответствии фактических результатов с ожидаемыми, а также оценка этого соответствия. Наличие обратной информации – один из необходимых элементов мониторинга.

Для обеспечения эффективности мониторинга в образовательном процессе военного института важным является ряд требований, которым должна удовлетворять обратная информация: адекватность, объективность, полнота, релевантность, своевременность, точность, непрерывность, доступность, структурированность и специфичность для каждого этапа мониторинга. Все указанные выше требования рассматриваются нами как основные свойства мониторинга, именно они и определяют различные формы его организации.

Для того чтобы педагогический мониторинг процесса адаптации курсантов к образовательной среде военного института стал реальным фактором управления данным процессом, он должен быть организован как определенная система деятельности. Организацию мониторинга мы связываем с выбором оптимального сочетания разнообразных форм, определением способов и видов мониторинга, с учетом особенностей конкретной педагогической ситуации. Таким образом, мониторинг процесса адаптации курсантов к образовательной среде военного института становится областью принятия конкретных решений.

Рассматривая педагогический мониторинг с технологической стороны, выделим основные принципы, которыми целесообразно руководствоваться при его организации.

Принцип непрерывности. Позволяет рассматривать мониторинг как динамическую, целостно развивающуюся систему, в которой происходящие структурно-функциональные перестройки носят не только количественный, но и качественный характер.

Принцип научности. Организация слежения, использующая научно-обоснованные характеристики процесса адаптации курсантов к образовательной среде военного института, соответствующие основным закономерностям психолого-педагогического познания и управления педагогическими объектами и явлениями.

Принцип педагогической целесообразности. Мониторинг, не являясь самоцелью, выступает инструментом педагогического управления и надежным средством глубокого изучения личности курсанта, ее продвижения в процессе адаптации к образовательной среде военного института.

Принцип прогностического мониторинга. Состоит не только в том, чтобы получить общую картину состояния педагогического процесса на определенной стадии, в определенный момент, а также в том, чтобы сделать заключение о направлениях его развития и предвидеть возможные управленческие решения, направленные на поддержку, развитие положительных и торможение, блокировку, трансформацию нежелательных тенденций в адаптации курсантов к образовательной среде военного института.

Принцип преемственности, целостности процессов диагностики, слежения, прогнозирования и управления педагогическим процессом. Первостепенной задачей организации отслеживания эффективности управления процессом адаптации курсантов к образовательной среде военного института является создание технологической модели педагогического мониторинга, формирование системы ее показателей и оценок [4].

Технологическая модель педагогического мониторинга в нашем исследовании соотносится с моделью процесса адаптации курсантов к образовательной среде военного института. Педагогический мониторинг осуществляется на каждом из этапов в специально организованных условиях и представляет собой комплекс специфических методов и средств, применяемых в определенной логике. Структурно педагогический мониторинг включает в себя три взаимосвязанных компонента: прогнозирование, отслеживание промежуточных результатов и оперативное (непосредственное и опосредованное) регулирование продвижения обучаемых в процессе их адаптации к образовательной среде. Прогнозирование предполагает определение стратегии и тактики педагогического мониторинга, программирование деятельности командиров подразделений и педагогического состава военного института на конкретный промежуток времени. Отслеживание промежуточных результатов личностного роста в процессе адаптации курсантов к образовательной среде военного института представлено диагностическим блоком, включающим в себя: регулярно проводимые пролонгированное включенное наблюдение за обучающимися, самонаблюдение, опрос, тестирование, анализ продуктов деятельности и др., и блоком постоянной, устойчивой, относительно достоверной «обратной связи», позволяющим командиру подразделения получать оперативную информацию об их состояниях «напрямую».

Таким образом, на основе информации, полученной путем педагогического мониторинга, осуществляется оперативное регулирование личностного роста курсантов в процессе адаптации к образовательной среде военного института.

Библиографический список

1. Бестужев-Лада И.В. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг: принципы организации // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 100-104.
2. Кривобоков И.А. Социальный мониторинг. Теоретико- методологическое обоснование. Статистический анализ: дис. ... канд. философ. наук / И.А. Кривобоков. – М., 1994. – 116 с.

3. Куприна А.И. Мониторинг как средство повышения качества управления образовательным процессом: дис. ... канд. пед. наук / А.И. Куприна. – Екатеринбург, 1999. – 186 с.

4. Кучер В.А. Формирование профессиональной устойчивости офицеров внутренних войск МВД РФ в образовательной среде современного военного института: автореф. дис. ... д-ра педагог. наук / В.А. Кучер – Владикавказ, 2012. – 45 с.

5. Репкин В.В. О системе психолого-педагогического мониторинга в построении учебной деятельности / В.В. Репкин, Г.В. Репкин, Е.В. Заика // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 13-24.

A.V. Polikanov

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk
polikanov1978@mail.ru*

PRINCIPLES OF PEDAGOGICAL MONITORING OF THE PROCESS OF ADAPTATION OF CADETS TO THE MILITARY EDUCATION IN THE INSTITUTE OF INTERIOR MINISTRY TROOPS OF RUSSIA

The author considers the pedagogical monitoring of the process of adaptation of cadets to the educational environment of military institute of the Russian Interior Troops as a method of research and support the educational process. The article describes some psychological and pedagogical aspects of pedagogical monitoring.

Keywords: pedagogical monitoring, the cadets of the Military Institute, principles, aspects, technological model.

УДК 355.23

В.Л. Разгонов

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск
nvvku@list.ru*

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ И ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

В статье анализируется состояние военно-профессионального воспитания офицеров современной российской армии, ставятся вопросы о значимости в воспитании традиционных ценностей российского офицерства и о необходимости построения системы военно-профессионального воспитания с позиций аксиологического подхода. Автором отмечается важность формирования военно-профессиональной направленности курсантов в рамках рассматриваемых проблем и решаемых воспитательных задач.

Ключевые слова: военно-профессиональное воспитание, ценностно-ориентированная система профессионального воспитания курсантов военных вузов, военно-профессиональная направленность будущих офицеров.

Современный этап военного строительства характеризуется особой миссией профессионального военного образования, связанной с устранением последствий развала Советской Армии и затяжной постсоветской военной реформы, сказавшихся на фундаментальных мировоззренческих основах военно-профессиональной деятельности офицера. Неизменная сущность военной службы, ее смыслы, а также весьма динамично изменяющееся содержание предъявляют особые требования к системе ценностей современного офицера, с позиции которой он интерпретирует профессиональные события и явления, себя как субъекта профессии, принимает профессиональные решения и влияет на современное состояние Вооруженных Сил Российской Федерации.

Сегодня военные вузы через воспитание офицерского корпуса призваны сформировать тот самый «новый облик российской армии», о котором очень много говорили и писали. Практическая реализация данного замысла связана с необходимостью решения целого ряда взаимосвязанных научных проблем: социальных, политических, экономических и педагогических. Одним из основных квалификационных требований к офицеру выступает сформированная система ценностей, определяющая доверие к нему со стороны общества, а также уверенность в том, что он качественно и эффективно выполнит порученные ему профессиональные задачи. Обществу не может быть безразлично то, в чьих руках находится его безопасность, таким образом, налицо очевидная связь между профессиональным обучением и профессиональным воспитанием человека и военного специалиста.

Офицерский корпус Вооруженных Сил Российской Федерации является правопреемником офицеров дореволюционной России и Советского Союза, однако в трансляции ценностей офицерского корпуса

произошел очевидный разрыв, связанный с десятилетиями «безидеологичного» воспитания будущих офицеров, с отказом от государственной системы подготовки граждан к военной службе, с рядом непродуманных административно-управленческих решений, разрушающих систему взаимоотношений между офицерами. Сегодня одинаково провальными являются попытки копирования методов воспитания дореволюционных военно-учебных заведений без их адаптации к современным условиям и попытки возврата к советским технологиям профессионального воспитания офицеров без советской государственной системы воспитания молодежи. «Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. – Подчеркивал Президент Российской Федерации В.В. Путин. – Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, также далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма. Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции» [1]. Актуальной и государственной, таким образом, можно считать потребность в разработке и внедрении в практику ценностно-ориентированных систем профессионального воспитания курсантов военных вузов, отвечающих современным условиям.

Традиционные ценности офицерского корпуса, оставаясь неизменными по сути, весьма динамичны в содержании и вариантах их использования в военно-профессиональной деятельности в современных условиях. Кроме того, они дополняются инновационными ценностями, возникающими в связи с беспрецедентным расширением военной сферы, инновационным характером развития российского общества и многими другими тенденциями. Система ценностей, которыми руководствуется офицер, требует баланса традиций и инноваций, а, следовательно, и профессиональное воспитание будущих офицеров нуждается в научном осмыслении идейно-ценностных основ. Очевидно, что жизненные ценности молодежи, ценности военно-профессиональной деятельности, как и государственной службы в целом, постоянно подвергаются деструктивным воздействиям извне, являющимся формами ведения информационной, идеологической войны и проявлением геополитического противостояния [2]. Учитывая ослабление институтов воспитания, массовые деформации ценностных ориентаций современной молодежи, наличие контрагентов в пространстве воспитания, можно предположить, что восприятие и осмысление ключевых идей и идеалов военно-профессиональной деятельности в традиционной постановке будет с трудом воспринято людьми, поступающими в военные вузы. Вместе с тем и педагогическая наука, и педагогическая практика старательно избегают идеологической работы, воспринимая ее как пережиток тоталитаризма и антиконституционное явление. В результате профессиональное воспитание курсантов осуществляется в условиях идейно-ценностной неопределенности, при которой его нельзя считать целенаправленным и управляемым.

Профессиональное становление офицера – сложный и противоречивый процесс, который требует четкой системы критериев оценки явлений и процессов военно-профессиональной деятельности, себя как ее субъекта. Без них возникает разочарование в военной службе, к которой нельзя подходить с «обычными мерками», ценностный конфликт с сослуживцами, проблемы профессиональной и личностной самореализации. Несмотря на эту потребность, профессиональное воспитание курсантов военного вуза редко строится с позиций аксиологического подхода. Развитие аксиологического знания в педагогической науке пока не находит адекватного отражения в военной педагогике. Работы в области технологий профессионального воспитания военнослужащих преимущественно выполняются с позиций деятельностного подхода, тогда как усиления ценностной направленности воспитательных процессов требуют, как минимум, две инновационные тенденции развития профессионального военного образования: обращение к личностно-ориентированной образовательной парадигме и компетентностный подход к организации образовательных процессов. Разработку ценностно-ориентированных воспитательных инструментов, дефицит которых сегодня испытывают военные вузы, можно рассматривать как реализацию актуальной потребности общества, Вооруженных Сил и самой личности.

Ценностно-ориентированное профессиональное воспитание курсантов военного вуза как научная проблема имеет предпосылки разрешения и теоретические основы научного поиска. Вместе с тем для ее решения необходимо особое внимание обратить на учет и формирование военно-профессиональной направленности курсантов.

Профессия офицера в современном российском обществе связана с выполнением задач по обеспечению вооруженной защиты Отечества. Такое занятие, отражающее общественные цели, придает военно-профессиональной деятельности высокий уровень социальной ответственности и глубокий нравственный смысл.

Военно-профессиональная деятельность отличается сложностью выполняемых функций, напряженностью и огромным разнообразием форм. Взаимосвязанными и взаимообусловленными сторонами воинской деятельности выступают командная, социально-правовая, педагогическая, воспитательная и другие виды деятельности. В своей самой активной форме – боевой деятельности – она требует исключительной решительности действий. Деятельность военнослужащих предполагает наличие реального риска для жиз-

ни, жестких стрессовых ситуаций. В силу этого профессия офицера связана с предельным напряжением возможностей личности.

Характерными чертами, определяющими специфику труда офицера, выступают:

- сознательная ориентация офицера на первоочередную реализацию интересов общества, государства в ущерб собственным интересам ввиду особой общественной важности воинской деятельности;
- ограничение свободы деятельности через подчинение, соблюдение законов иерархии и правил субординации; единый, установленный законами и воинскими уставами порядок прохождения службы;
- строгая нормативная регламентация воинского труда, преимущественно групповой способ деятельности по управлению военнослужащими;
- готовность к ограничениям и лишениям, действиям в сложной обстановке; настроенность на самопожертвование, ответственность за выполнение задач, жизнь и здоровье подчиненных.

По своей социальной и нормативно-правовой сущности военно-профессиональная деятельность определяется как особый, приоритетный вид государственной службы – военная служба [3].

Успех военно-профессиональной деятельности в современных условиях в большой степени зависит от уровня развития государственно-патриотического мировоззрения и мотивации офицера. Его, прежде всего, должны отличать патриотизм, гражданская позиция, готовность любой ценой выполнить свой долг перед Отечеством, направленность на качественное овладение военной специальностью и эффективное выполнение должностных обязанностей в любой обстановке.

Проблема военно-профессиональной направленности личности военнослужащего, ее сущность и характеристики исследуются в работах отечественных ученых. Они относят военно-профессиональную направленность к числу приоритетных качеств офицера.

А.В. Барабанщиков профессиональную направленность называет ведущим компонентом структуры личности офицера, обеспечивающим высокую эффективность его служебной деятельности [4].

По мнению Н.Ф. Феденко, направленность выражается системой «целей, стоящих перед человеком, целей, которые он преследует своими действиями» [5].

М.П. Коробейников считает, что направленность личности (потребности и мотивы, их осознанность, сила и степень развития) занимает важнейшее место среди субъективных условий, от которых, наряду с объективными обстоятельствами, зависит тип ведущей деятельности военнослужащего [6].

К.В. Синицын считает военно-профессиональную направленность наиболее значимым для офицера свойством личности, представляющим собой основанную на государственно-патриотическом мировоззрении, внутренне согласованную, устойчивую систему осознанных потребностей, побуждений, целей, перспектив, стремлений и активных отношений к овладению профессией и совершенствованию в ней.

Таким образом, военно-профессиональная направленность может рассматриваться как сложное, интегративное свойство личности, включающее преобладающие мотивы, потребности, интересы, жизненные цели, склонности, убеждения, идеалы и ценностные ориентации, проявляемые как положительное отношение к военно-профессиональной деятельности, активное стремление к овладению профессией офицера и совершенствованию в ней. Сформированная устойчивая военно-профессиональная направленность является важным условием успешности военно-профессионального воспитания курсантов.

Структура военно-профессиональной направленности личности отражает структуру общей направленности личности и в соответствии с системным подходом может быть представлена совокупностью четырех взаимообусловленных компонентов, придающих воспитанию курсантов успешность и одновременно в ходе него развивающихся:

– мотивационно-ценностный компонент включает направленность на объект военно-профессиональной деятельности; преобладающие мотивы, потребности, склонности, выражающиеся в увлеченности военно-профессиональной деятельностью (либо одним из ее видов); осознание ее цели, общественной значимости и необходимости; признание ценностью овладение офицерской деятельностью; профессиональные планы;

– гносеологический компонент объединяет знания содержания и условий деятельности по избранной военной профессии, правильные представления о требованиях профессии к психофизиологическим и личностным качествам человека, а также совокупность представлений о себе как субъекте военно-профессиональной деятельности;

– эмоционально-оценочный компонент отражает эмоциональное отношение к избранной офицерской профессии; проявляется в удовлетворенности военно-профессиональной деятельностью, склонности заниматься ею и добиваться успешности в деятельности;

– деятельностный компонент включает осознание своих способностей к офицерской деятельности, своего уровня военно-профессиональной компетенции; устойчивую мотивацию на самосовершенствование с целью развития необходимых для служебной деятельности профессионально важных качеств.

Взаимосвязь и взаимообусловленность компонентов военно-профессиональной направленности отражаются в следующем. Мотивы, интересы влияют на степень активности личности, побуждают человека

заниматься избранной воинской профессией, что, в свою очередь, способствует укреплению мотивации, дальнейшему развитию интересов, установок, профессионально важных качеств личности. Соответствие психофизиологических и личностных качеств требованиям избранной военной профессии, увлеченность ею, возможность реализовать в ней свои потребности позволяют обеспечить высокие служебные показатели, успешность в офицерской профессии. Это влечет за собой удовлетворенность избранной профессией и стремление заниматься ею, совершенствовать свои способности и компетенции, желание связать свои жизненные планы с профессией офицера.

Важная роль в формировании военно-профессиональной направленности принадлежит социальной среде формирования личности, характеру воспитания и обучения в военном вузе.

Г.Д. Луков отмечал, что направленность теснейшим образом связана с мировоззрением, историко-экономическими и социальными условиями жизни (общественный и государственный строй, господствующие в данном обществе нормы морали, уровень развития культуры). Автором подчеркивается решающую роль патриотизма, политической сознательности, составляющих ядро направленности личности офицера, определяющих мотивы его поведения в мирной и боевой обстановке [7].

Н.Ф. Феденко выделяет основные группы мотивов выбора профессии офицера:

1. Мотивы, детерминируемые общими социальными условиями: осознание необходимости принести пользу обществу, желание оказывать помощь людям, общественная установка на необходимость деятельности.

2. Мотивы, детерминируемые специфическими условиями профессиональной деятельности.

3. Мотивы, определяемые непосредственно особенностями характера самой личности: удовлетворение потребности в самоактуализации, самовыражении, самореализации.

4. Мотивы, связанные с условиями материального характера: получение определенных материальных благ для себя и семьи [5].

Курсант, выступая субъектом воинского труда, стремится к достижению профессионализма в том случае, когда у него сильны мотивы профессиональных достижений и профессиональной самореализации. С военно-профессиональной направленностью его личности, субъективными отношениями к военно-служебной деятельности тесно связано развитие профессионально значимых качеств личности будущего офицера.

Сказанное позволяет сформулировать вывод о том, что военно-профессиональная направленность личности курсанта – это сложное интегративное свойство личности, характерное активно-действенным отношением к офицерской военно-профессиональной деятельности и важное условие военно-профессионального воспитания будущих офицеров российской армии.

Библиографический список

1. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». Стенограмма [Электронный ресурс] // Российская Газета. 19.09.2013. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения 02.08.2015).
2. Перетолчин Д. Образование наизнанку // Завтра. – 2015. – № 26. – С. 4.
3. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 30.12.2012).
4. Основы военной психологии и педагогики: учеб. пособие / Под ред. А.В. Барабанщикова и Н.Ф. Феденко. – М.: Воениздат, 1981.
5. Феденко Н.Ф. Очерки по психологии личности советского воина. – М.: Воениздат, 1967.
6. Коробейников М.П. Современный бой и проблемы психологии. – М.: Воениздат, 1972.
7. Луков Г.Д. Основы военной психологии: учеб. пособие. – М.: Воениздат, 1964.

V.L. Razgonov

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

nvvku@list.ru

PROFESSIONAL MILITARY EDUCATION OF CADETS AND THEIR PROFESSIONAL ORIENTATION

The article analyzes the current state of professional military education of officers of the modern Russian army. Based on today's reality, the question of the significance in the education of the traditional values of Russian military officers, the necessity of formation of the system of professional military education from the standpoint of axiological approach. The importance of the formation of military-vocational orientation of students in the solution of this task.

Keywords: professional military education, value-oriented system of professional education of cadets of military educational establishments, military-vocational orientation of future officers.

А.Н. Сливкин

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

An.sliwckin@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗАХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Автором обосновывается актуальность патриотического воспитания будущих офицеров внутренних войск МВД России, рассматриваются педагогические аспекты формирования системы патриотического воспитания в вузах внутренних войск, раскрывается роль образовательного пространства военного вуза в решении задач патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, образовательное пространство, курсанты, вузы внутренних войск.

Развитие внутренних войск всегда было неразрывно связано с жизнью страны. Изменения в различных ее сферах во многом определяют место и роль внутренних войск МВД России в системе государства, основные тенденции их применения.

Основу внутренних войск составляет офицерский корпус. Задачи перехода к новому перспективному облику внутренних войск предъявляют высочайшие требования к уровню подготовки офицерских кадров, духовному потенциалу офицерского состава.

Как добиться, чтобы юноша, выбирая себе профессию служить Отечеству, за время обучения в военном вузе не только стал военным профессионалом, но и настоящим патриотом? Отечественный и зарубежный опыт, а также события на Украине показывают, что в современных условиях проблема патриотического воспитания граждан и молодежи, особенно в системе военно-профессиональной подготовки, приобретает все большую актуальность.

В вузах внутренних войск обеспечение воспитательной работы регламентировано приказами и директивами главнокомандующего внутренними войсками МВД России, однако анализ правовых документов и педагогической практики позволяет выявить противоречие между необходимостью повышения эффективности патриотического воспитания и недостаточной научной и практической разработанностью механизма реализации данной цели. В частности, нет обоснованных, внятных критериев оценки содержания и результатов работы (мероприятий) по патриотическому воспитанию военнослужащих. Согласно приказу МВД от 14 января 2005 г. № 22 «Об утверждении Положения об организации деятельности военного образовательного учреждения высшего профессионального образования внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации» воспитательная работа представляет систему целенаправленных согласованных мероприятий, осуществляемых начальниками (командирами подразделений) военно-учебных заведений внутренних войск МВД России, органами по работе с личным составом, войсковой общественностью, в целях формирования и развития у курсантов государственно-патриотического сознания, верности России, конституционному долгу, гордости за принадлежность к внутренним войскам, их офицерскому корпусу.

Однако, существующая в настоящее время система подготовки офицеров внутренних войск МВД России к воспитательной деятельности военно-патриотической направленности практически не учитывает новых тенденций в социальном заказе, обусловленном современными требованиями к офицеру как руководителю и воспитателю.

Большие и сложные задачи, стоящие перед внутренними войсками, процессы, происходящие в войсках под влиянием военной реформы, требуют научного подхода к организации воспитательной работы, полного учета ее закономерностей и принципов, а также качественных изменений в личном составе войск.

С 2011 г. вузы внутренних войск МВД России осуществляют подготовку курсантов по федеральным государственным образовательным стандартам третьего поколения, которые ориентированы на формирование профессиональных, военно-профессиональных и общекультурных компетенций, в связи с этим вопросы повышения эффективности патриотического воспитания требуют более пристального внимания в системе военного образования. Оптимизация системы военного образования, ее интеграция в образовательное пространство России, внедрение федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения и реализация компетентностного подхода к обучению будущих офицеров обусловили необходимость разработки принципиально новых механизмов обеспечения образовательного

пространства военного вуза, направленного на эффективность патриотического воспитания будущих офицеров внутренних войск МВД России.

О понятии «образовательное пространство» в научных педагогических исследованиях последних лет ведутся активные дискуссии. Исследователи подчеркивают широту и многоаспектность данной категории.

По мнению Н.Б. Крыловой, образовательная среда является частью социокультурного пространства, зоной взаимодействия образовательных систем, их элементов, образовательного материала и субъектов образовательных процессов [2].

Образовательная среда трактуется с позиции взаимодействия личности с окружающей средой, которая, по мнению В.А. Ясвина, представляет собой систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [9, 28].

По нашему мнению, под образовательной средой вуза внутренних войск следует понимать целенаправленную систему формирования личности курсанта для ее дальнейшего развития в условиях военно-профессиональной деятельности.

Таким образом, образовательное пространство военного вуза направлено на передачу курсантам общекультурных, профессиональных, военно-профессиональных компетенций, формирующих патриотические качества будущего офицера через влияние на мотивационно-ценностную, эмоционально-волевую, информационно-операционную, потребностную, поведенческую сферы личности курсанта. Сформированность вышеназванных компетенций позволяет подготовить курсанта к будущей военно- профессиональной деятельности.

Если говорить о материально-территориальном обеспечении военного вуза, то можно заметить, что оно устроено достаточно компактно и относительно изолированно. Обеспечение жизнедеятельности достигается, во многих аспектах, в «изолированном» режиме, большую часть личного времени курсант проводит на территории вуза. Именно это обуславливает эффективность педагогического воздействия в процессе формирования патриотических качеств в условиях образовательного пространства военного вуза. Замкнутая среда вуза, в которой осуществляется жизнедеятельность курсанта при постоянном педагогическом воздействии, а также наличие глубоко патриотичных офицеров-педагогов, носителей ценностей офицерства и их духовно-нравственного исторического наследия формирует его мотивацию к патриотическому поведению.

Целостность образовательного пространства вуза внутренних войск в своей основе задается целью подготовки военного специалиста, патриота, осознающего совокупность целей и задач будущей военно-профессиональной деятельности.

Что же требуется от вуза внутренних войск, а точнее от участников образовательного процесса – управленцев, педагогических работников, курсантов, чтобы создать и развивать целостное образовательное пространство, направленное на формирование патриотического воспитания?

Стержневым направлением движения к созданию целостности образовательного пространства в вузе внутренних войск будет целенаправленная ориентация образовательного процесса вуза, всей его жизнедеятельности на становление целостной личности будущего офицера-патриота. Для этого прежде всего необходимо обеспечить направленность образовательного процесса на личностное развитие курсантов, на педагогическую поддержку их личностного саморазвития, формирование высоких патриотических качеств.

Некоторые педагоги-исследователи предлагают программы по совершенствованию патриотического воспитания будущих офицеров в условиях образовательной среды военного вуза. Так, в частности, в работе И.П. Финского рассмотрена содержательная сторона патриотического воспитания. По мнению данного исследователя, содержательной стороной патриотического воспитания курсанта будет являться: расширение знаний по истории Отечества; воспитание любви к своей стране, народу и готовности защищать их; воспитание верности Военной присяге, Боевому Знамени и традициям; формирование и развитие патриотических знаний, убеждений и чувств; воспитание волевых и морально-боевых качеств, обеспечивающих реализацию патриотических идей в практической деятельности; формирование компетенций, позволяющих осуществлять патриотическое воспитание подчиненных и побуждение к патриотическому самовоспитанию [7, 11]. При таком подходе к развитию образовательного пространства создается система патриотического воспитания, в которой каждый элемент выполняет специфические задачи.

Эти задачи могут успешно решаться только при условии особого внимания к развитию и закреплению в опыте военных педагогов таких характеристик, как рефлексивность, творчество, полнота их личностно-профессиональной самореализации.

Подобного рода внимание к формированию патриотизма может быть обеспечено на основе ряда действий, определяющих образовательную стратегию вуза внутренних войск. В первую очередь это мировоззренческая, идеологическая консолидация педагогических работников, командиров курсантских

подразделений всех степеней, начиная от начальника военного института и заканчивая командиром взвода курсантов.

Значимую поддержку в этом способен оказать учебный и научный отделы военного института, а также предметно-методические комиссии на кафедрах. Немаловажную помощь может оказать редакционно-издательский отдел, обеспечив публикацию соответствующих научных и методических материалов по проблемам воспитания патриотизма у будущих офицеров внутренних войск, разработанных на кафедрах.

В настоящее время под влиянием объективных обстоятельств размываются многие духовные ценности, определяющие моральные основы жизнедеятельности войск, а над некоторыми из них нависла реальная угроза утраты. Во многом это объясняется тем, что, с одной стороны, продолжает снижаться уровень интеллектуального и культурного развития курсантов, а с другой, – расширяется круг нежелательных и опасных воздействий на их духовный мир посредством интернета, массовой культуры и масс-медиа.

Как известно, во все времена ослабление внимания к сохранению духовных ценностей, утрата интереса к духовным основам и национальным традициям всегда приводили к деградации общества. Поэтому на передний план выдвинулась задача поиска новых методов и приемов военно-патриотического воспитания в вузах внутренних войск.

В Новосибирском военном институте, как, впрочем, и в других вузах внутренних войск, всегда отчетливо осознавали: вырастить офицера, отвечающего требованиям времени, очень непросто. Слишком уж эти требования высоки, сложны и разнообразны. В их числе любовь к службе, готовность в течение долгих лет неустанно совершенствовать профессиональное мастерство, способность соединить в себе жесткую исполнительность, дисциплину с самостоятельностью в решениях и действиях, инициативой. А еще умение строить отношения со старшими и младшими, беззаветная преданность войсковому товариществу, мужество, храбрость, самоотверженность в большом и малом.

Стало очевидным, что офицер внутренних войск должен обладать не только хорошими знаниями в области военных дисциплин, но и быть всесторонне развитой личностью, разбираться в людях и обладать педагогическим мастерством. Поэтому важным образовательным ресурсом, который можно использовать для повышения качества патриотического воспитания будущих офицеров, выступает проведение круглых столов, семинаров по данной проблеме преподавателями дисциплин гуманитарного и социального блока. Опыт педагогической деятельности Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России показывает, что наиболее эффективны конференции, круглые столы, на которых обсуждаются традиции русского офицерского корпуса. В России во все времена ценили опыт прошлого и стремились начинать подготовку подростка, юноши к военной службе как можно раньше.

Проведенный анализ опыта деятельности вузов внутренних войск МВД России по военно-патриотическому воспитанию позволяет сформулировать вывод: в вузах внутренних войск необходима образовательная среда, способствующая формированию патриотических качеств обучающихся и оказывающая содействие личностному становлению курсанта.

Библиографический список

1. Коровин В.М., Свиридов В.А. Воспитание чести. // Войсковой вестник. – 2004. – № 3.
2. Крылова Н.Б. Культурология образования. – М.: Народное образование, 2000.
3. Об утверждении Кодекса профессиональной этики военнослужащих внутренних войск МВД России: Приказ МВД России от 23 августа 2011 г. № 969. – М.: На боевом посту, 2012.
4. Стенографический отчет о встрече Президента РФ с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://президент.рф/news/16470#sel=>.
5. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы: Государственная программа, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 41 (часть II). – Ст. 5250.
6. Уткин В.Е. Проектирование и реализация системы подготовки будущих офицеров к военно-патриотическому воспитанию военнослужащих: дис. ... д-ра пед. наук. – Казань, 2010. – 461 с.
7. Финский И.П. Педагогические условия эффективности патриотического воспитания в системе высшего военного образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009.
8. Эйнгорн И.Д. Патриотическое воспитание молодежи в концепции национальной безопасности России // Построение системы работы по гражданско-патриотическому воспитанию в год 65-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы научно-практической конференции. Новосиб. гос. акад. вод. трансп. – Новосибирск, 2010. – 163 с.
9. Ясвин В.А. Тренинг педагогического взаимодействия в творческой образовательной среде / под ред. В.И. Панова. – М.: Молодая гвардия, 1997. – 176 с.

A.N. Slivkin

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

An.sliwckin@yandex.ru

PEDAGOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF PATRIOTIC EDUCATION IN INSTITUTES OF INTERIOR MINISTRY TROOPS OF RUSSIA

The article is devoted to the urgency of the patriotic education of the future officers of the Interior Ministry of Russia, considered pedagogical aspects of formation of the system of patriotic education in high schools of internal armies, reveals the role of educational environment of military high school in solving the problems of patriotic education.

Keywords: patriotic education, educational space, cadets, universities internal troops.

УДК 362

А.Л. Снигирев

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

snigir@ngs.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В статье рассмотрены вопросы формирования профессионализма преподавателей вузов внутренних войск МВД России, проведен анализ понятия педагогического мастерства в педагогической теории и практике.

Ключевые слова: педагогическое мастерство, профессионализм, внутренние войска, образовательный процесс.

Сегодняшний этап развития внутренних войск МВД России предъявляет качественно новые требования к офицерским кадрам, организации, содержанию и методике подготовки будущих офицеров внутренних войск в условиях современного государства [3].

Поскольку проблемы качества подготовки курсантов являются весьма значимыми в плане оптимизации управления образовательным процессом, особую актуальность приобретают вопросы совершенствования педагогического мастерства преподавателей вузов внутренних войск МВД России.

Успех реформы образовательного процесса в условиях перехода к обучению по образовательным стандартам третьего поколения во многом связан с повышением профессионализма преподавателя – ключевой фигуры в образовательном процессе, во многом определяющей качество обучения и воспитания будущих офицеров [2]. Эта позиция обусловлена тем обстоятельством, что важнейшим аспектом кризиса образования является проблема преподавателей, а точнее, их квалификации.

В то же время на современном этапе реформирования системы военного образования повышаются требования к профессиональному уровню военного преподавателя, возрастает роль его личной ответственности за результаты своего труда. Добиться успеха может лишь преподаватель, имеющий не только знания о преподаваемом предмете, но и способный на практике использовать психолого-педагогические закономерности для их усвоения обучающимися. При этом в военных вузах традиционно основополагающие учебные дисциплины ведут специалисты, хорошо знающие свое дело, но не подготовленные к педагогической деятельности.

Практика и специальные исследования привели к выводу о том, что ряд преподавателей вузов не имеют ясного представления о том, что такое профессионально-педагогическое мастерство и каковы пути его становления. К решению, казалось бы, азбучных вопросов педагогической деятельности многие, и не только начинающие преподаватели, оказались неподготовленными. Многие из них привержены шаблонным, однообразным приемам обучающего воздействия, ограничиваются набором некоторых практических навыков, позволяющих проводить занятия, и пребывают в полной уверенности, что этого достаточно для педагогической деятельности.

Среди этой части преподавателей широко распространено мнение, что для преподавательской деятельности достаточно хорошо знать предмет своей специализации. В немалой степени этому способствует

то обстоятельство, что становление военных преподавателей связано преимущественно с работой над содержанием преподаваемого предмета (пополнение своих знаний о нем, их включение в лекционный курс и т. п.), но не с приобретением теоретических знаний о самом процессе преподавания. Становление преподавателя осуществляется, как правило, на основе собственного, личного опыта обучения 10-15-летней, а то и 20-летней давности по формуле: «Учу так, как учили меня». Результаты такого обучения хорошо известны: негативная установка к овладению теорией обучения отрицательно влияет на процесс профессионального становления преподавателя и качество преподавания.

В настоящее время в психолого-педагогической литературе понятие педагогического мастерства характеризуется множественностью и неоднозначностью его трактовок (Н.В. Кузьмина, Н.Н. Тарасевич, А.А. Реан, В.А. Сластенин и др.).

С позиций личностно-деятельностного подхода педагогическое мастерство определяется как «комплекс свойств личности, обеспечивающий высокий уровень самоорганизации профессиональной деятельности» [1, 45]. К данным свойствам относят: гуманистическую направленность деятельности педагога, профессиональные знания, педагогические способности и педагогическую технику.

Анализ литературы по проблеме педагогического мастерства показал, что при множественности подходов к данному явлению, оно остается недостаточно изученным. Выявлены нерешенные задачи: разработка критериев и способов измерения и оценки педагогического мастерства, построение формирующих педагогическое мастерство образовательных технологий.

Состояние уровня подготовки преподавательского состава вузов внутренних войск настоятельно требует новых подходов к совершенствованию педагогического мастерства.

В этих условиях проблема совершенствования профессионально-педагогического мастерства военного преподавателя выступает не только как объективная социальная потребность, но и как субъективная потребность в росте профессиональной компетентности. Военное образование имеет свои специфические особенности. Так, порядок комплектования педагогического состава происходит в основном офицерами из войск с большим служебно-боевым опытом, однако, к сожалению, с отсутствием у них специального педагогического образования.

Решение этой проблемы в Новосибирском военном институте внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России осуществляется путем реализации дополнительной профессиональной образовательной программы с присвоением квалификации «преподаватель высшей школы». Данные курсы функционируют в военном институте с 2011 г., благодаря их деятельности прошли переподготовку и получили дополнительную профессиональную квалификацию более 40 офицеров-преподавателей.

Целью данной дополнительной профессиональной образовательной программы является подготовка будущего преподавателя высшей школы к учебной и научно-исследовательской деятельности, включающей: реализацию основных образовательных программ и учебных планов высшего профессионального образования (ВПО) на уровне, отвечающем государственным образовательным стандартам ВПО; разработку и применение современных образовательных технологий, выбор оптимальной стратегии преподавания и целей обучения, создание творческой атмосферы образовательного процесса; выявление взаимосвязей научно-исследовательского и учебного процессов в высшей школе, использование результатов научных исследований для совершенствования образовательного процесса; формирование профессионального мышления, воспитание гражданственности, развитие системы ценностей, смысловой и мотивационной сфер личности, направленных на гуманизацию общества; проведение исследований частных и общих проблем ВПО.

В результате освоения дополнительной профессиональной образовательной программы «Преподаватель высшей школы» многие офицеры продолжили занятия научно-исследовательской деятельностью, поступив в адъюнктуру и аспирантуру по педагогическим и психологическим специальностям.

Реализация современной политики в военном образовании невозможна без педагога, владеющего высоким профессионализмом, творческим потенциалом, занимающего ведущие интеллектуальные позиции в обществе.

Библиографический список

1. Основы педагогического мастерства: учеб. пособие / под ред. И.А. Зязюна. – М., 1989.
2. Снигирев А.Л., Бауэр В.П. Совершенствование самостоятельной работы курсантов в информационно-образовательной среде на основе компетентностного подхода // Инновации в образовании. – 2011. – № 8. – С. 79.
3. Суховецкая Е.Ю. Компетентностная модель военно-профессионального образования в условиях перехода к образовательным стандартам третьего поколения // Проблемы и опыт преподавания дисциплин гуманитарного и социального цикла в период перехода к образовательным стандартам третьего поколения. – СПб: СПВИ ВВ МВД РФ, 2013. – С. 75.

A.L. Snigiryov

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

snigir@ngs.ru

THEORY OF IMPROVING THE PROFESSIONALISM OF PROFESSORS OF INSTITUTES OF INTERIOR MINISTRY TROOPS OF RUSSIA

In the article are analyzed the questions of formation of professionalism of professors of Institutes of Russian Interior Ministry, the concept of pedagogical skills in educational theory and practice.

Keywords: pedagogical skill, professionalism, internal forces, educational process.

УДК 355.13

М.Н. Сорокин

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

nvvku@list.ru

МИФЫ И СИМВОЛЫ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье предпринимается попытка психолого-педагогического осмысления феноменов мифов и символов в современной педагогической практике России.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, символ, аллегория, педагогическая практика, религия, общество, институты социализации.

Образовательная политика правящих политических элит современной цивилизации XXI в., казалось бы, отодвинула на задний план такие архетипы прошлого, как религиозные суеверия, предрассудки, мифы. Однако, несмотря на утверждение научной рациональности в сознании современного образованного человека, архетипное сознание, мифотворчество, неоязычество воспроизводятся вновь и вновь, сохраняются и не только уживаются с успехами в области образования, науки и техники, но порой побеждают так называемого «цивилизованного человека». К этому можно прибавить политику политкорректности и мультикультурализма, ренессанс ислама и православного христианства в современной России. Сегодня нельзя не замечать того обстоятельства, что мифы по-прежнему существуют. Более того, они продолжают играть в жизни современного российского общества немаловажную роль.

Обратимся к истории вопроса. Мифы в переносном смысле – ложные, некритичные, оторвавшиеся от действительности состояния сознания. С точки зрения ресурсного подхода к пониманию психологических возможностей участника педагогического процесса – это разновидность ресурса, позволяющего найти веру и мотивацию там, где ее на самом деле нет. В педагогической практике мифы могут возникать как спонтанно и передаваться по каналам неофициальной коммуникации (например, «курсантский телеграф»), так и целенаправленно формироваться органами педагогического управления. Логично иронизировать, но за последние как минимум 10 лет в реформаторской деятельности российского министерства образования и науки этот философско-психологический феномен присутствует.

Мифы, свернутые в своем содержании, максимально обобщенные, возведенные в ранг общественной или групповой ценности, становятся символами.

А.Л. Доброхотов, обосновывая специфику символа и его функции, подчеркивает, что в отличие от понятия, для которого однозначность является преимуществом (по сравнению, например, со словом естественного языка), сила символа заключается в его многозначности и динамике перехода от смысла к смыслу.

В отличие от аллегории и эмблемы, символ не является иносказанием, которое снимается подстановкой вместо него прямого смысла: смысл символа не имеет простого наличного существования, к которому можно было бы отослать интересующее сознание. В отличие от притчи и мифа, символ не предполагает развернутого повествования и может иметь сколь угодно сжатую форму экспрессии. В отличие от метафоры, символ может изучать свойства предметов и устанавливать те или иные соответствия не для взаимного описания этих предметов, а для отсылки к неопишуемому. В отличие от знаменья, символ не является

знаком временного или пространственного явления сверх природной реальности, поскольку допускает наличие бесконечно большей дистанции между собой и своим интенциональным предметом.

Чем же объясняется живучесть мифа и символа в современном российском обществе?

Сознание русского человека изначально формировалось под влиянием заимствованных традиций (сначала византийских, золотоордынских, а затем западноевропейских), которые устанавливали необязательность их критического осмысления, но обязательность их принятия. Аналогичная ситуация сложилась и в 90-е годы прошлого века, когда российские «младореформаторы» решили перенести западноевропейские политические, экономические, культурные и педагогические традиции на российскую почву. И если для западной цивилизационно-культурной традиции было характерно стремление к аналитическому осмыслению мира, рациональное и быстрое принятие нового, приоритет материальных ценностей, стремление к самодостаточности, быстрая смена нравственных ценностей и традиций, то для российской в свою очередь было типично: стремление к целостному интуитивному осмыслению мира, неукоснительное следование религиозным традициям (часто без понимания их смысла), консервативность конфессиональных и профессиональных традиций.

Российская цивилизация с момента своего возникновения вобрала в себя огромное религиозное и культурное многообразие народов, нормативно-ценностное пространство которых было не способно к самопроизвольному сращиванию и синтезу, поэтому функцию объединения столь поликультурного пространства взяли на себя государство и религия.

В России государство всегда претендовало не только на власть политического, но и духовного характера. Становление единого государства проходило в условиях необходимости поддержания безопасности и обеспечения обороны. Начиная с XV столетия государство в России присвоило себе неограниченные права по отношению к обществу и стало стремиться к трансформации национально-исторического самосознания, этнокультурных архетипов. Два принципа – этатизм и патернализм стали определяющими в сознании русского человека.

Сначала московские князья, а затем и русские цари, обладавшие огромной властью, были убеждены, что вся земля принадлежит им, страна является их собственностью, так как создавалась она по их велению. Власть приобрела гипертрофированный характер. Решая проблемы развития, государство постоянно брало инициативу на себя, используя при этом разнообразные методы контроля, опеки, в том числе и мифы.

В переходный период от России царской к России советской совершилась грандиозная переделка и перестройка сознания людей. Победа революции и установление новой советской власти сопровождалось полным отказом от пережитков прошлого в лице устоявшихся традиций, мифов, символов и рождением новых мифов и символов. Миф стал одним из инструментов замещения, переориентации содержания общественного сознания, в соответствии с новой логикой социального развития страны.

С одной стороны, власть учла и использовала в формировании новой идеологии основные черты мифа: запредельность пространства, страх и одновременно воинственность, информационность и героические действия. С другой, в деле мифотворчества власть использовала специфику российского менталитета.

Интересно отметить, что в послереволюционной стране рождаются мифы, которые на долгие годы (в том числе, как это ни парадоксально, и в постсоветской России) задают вектор мировосприятия человеком окружающей действительности.

На долгое время миф стал выражением социальной ортодоксии, в которой господство социума над личностью является определяющим, а школа как основной институт социализации (с точки зрения социальной психологии) стала основной проводницей государственной идеологии, в которой миф и политика оказались слиты воедино.

Всеобщий характер образования позволил охватить огромное количество «незамутненных» буржуазной идеологией детских сознаний. Многие российские педагоги сегодня подчеркивают, что именно в детской среде отработывалась модель советского общества. Система «социалистического народного образования» на долгие годы определила формирование коммунистического типа личности, а о том, какие страдания пришлось пережить нескольким поколениям людей, ставшим социальными винтиками в механизме государственной машины, хорошо известно и сегодня. Со временем многие советские мифы потеряли свою притягательность, но на уровне иррационального мышления они оставили след в сознании человека. Не потому ли и сегодня мы – бывшие дети Советского Союза, став взрослыми, пережив тяжелейшие 90-е годы прошлого века, в изменившихся социально-экономических обстоятельствах, испытываем неприятие времени либеральных преобразований, ностальгируем по «сильной власти».

При всем при том, что сегодня изменилось время, социальные ориентиры, миф по-прежнему продолжает присутствовать в жизни всех социальных страт современного российского общества, вступившего в XXI в., и играть в нем весьма значительную роль. И на то есть свои причины. В стабильно функционирующем обществе сознание «вплетено» в языки реальной жизни и миф, по сути, помогает поддерживать в социальной системе стабильность существования. Более того, сегодня многие исследователи настаивают на том, что миф не нарушает универсальность культуры, а напротив, воспроизводит ее и является никак не

преддверием или предшествующим недоразвитым типом культуры, а одной из важнейших ее форм и именно поэтому постоянно присутствует в ней.

Стоит признать, что миф являет собой один из важнейших «миров» сознания, который требует вдумчивого изучения. Становление в XX в. особого постнеклассического типа рациональности, признающего ограниченность научного знания и сверхсложность объективной реальности, диктует необходимость обращения к многообразию вненаучных источников познания, вот почему в последнее время особого интереса в этой связи заслуживают искусство, идеология, религия и мифы, как особые формы отражения объективной реальности.

В контексте заявленной темы следует отметить, что педагогика как наука социально-гуманитарная, изучая феномен образования для понимания его культурологической сущности и оснований, сегодня как никогда нуждается в привлечении различных источников постижения педагогической реальности. Миф точно так же как и религия, искусство, символ, народная мудрость несет в себе определенный взгляд на явления окружающей жизни и некое определенное знание. Задача социально-гуманитарных наук вообще (и педагогики, в частности) как раз и состоит в том, чтобы извлечь скрытые социокультурные смыслы, находящиеся в мифологии, для объяснения многочисленных феноменов.

Миф как явление культуры обладает рядом функций: гносеологической, аксиологической, коммуникативной, праксиологической, компенсаторной и некоторыми другими. Представляется весьма интересным и актуальным исследование их проявлений в педагогической практике.

Особого внимания заслуживают мифы, запечатленные в обыденном педагогическом сознании, например: «взрослые (старшие) всегда правы», «личность формируется в коллективе», «испорченность подрастающего поколения», «российское образование – лучшее в мире» и др. Работа с мифологической составляющей сознания может идти как по пути преодоления мифов, так и по пути их замещения и формирования новых ценностных элементов сознания.

Мифы могут выступать транслятором государственной идеологии в образовательную практику и способом поддержания функционирующих в социуме педагогических институтов. Именно эта сторона требует от педагогической общественности особого внимания и тщательной теоретической проработки.

Таким образом, мы можем сформулировать вывод о том, что наибольшую нравственную притягательность будет иметь тот «мифолого-символический продукт», который учит людей человечности и духовности. Сегодня для людей думающих, особенно для представителей педагогической общественности, важно синтезировать нравственный смысл мифов и символов, устремляющихся к усовершенствованию современной России, важно установить объединяющий язык общения, некие рамочные соглашения в сфере морали, которыми не только обозначается область запретного поведения (по отношению и к себе, и к другим), но и выдвигаются сопряженные позитивные ценности прошлого, настоящего и будущего, ценности достоинства отдельной личности и ценности всего мироздания.

Библиографический список

1. Бабаева А.В. Миф в пространстве повседневности // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Вып. VIII. – СПб.: Изд-во СПб.-го филос. об-ва, 2001. – (Сер. «Мыслители»).
2. Ефремов К. Мифологическое мышление детей и взрослых // Народное образование. – 2003. – № 8.
3. Каган М.С. О структуре мифологического сознания // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Вып. VIII.– СПб.: Изд-во СПб.-го филос. о-ва, 2001. – (Сер. Мыслители).
4. Мазниченко М.А. Мифологическое мышление педагога: пережиток или традиция // Современные проблемы педагогики: парадигма науки или тенденции развития образования: материалы Всероссийской методологической конференции-семинара. В 2-х ч. – Краснодар, 2006.

M.N. Sorokin

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

nvvku@list.ru

MYTHS AND SYMBOLS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY AND EDUCATIONAL PRACTICE

The article attempts to psycho-pedagogical understanding of the phenomena of myths and symbols in modern teaching practice in Russia.

Keywords: myth, myth-making, symbol, allegory, teaching practice, religion, society, institutions of socialization.

М.В. Чихачёв, А.В. Поликанов, А.В. Спирин

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

*max_chihachev@mail.ru
polikanov1978@mail.ru*

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ КУРСАНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ К УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОЕННЫХ ИНСТИТУТАХ

В статье раскрывается содержание феномена социально-психологической адаптации. На материалах исследования, проведенного авторами статьи, выявляются психолого-педагогические условия, обеспечивающие социально-психологическую адаптацию курсантов-первокурсников к учебно-профессиональной деятельности в военных институтах. Детально раскрыты компоненты межличностных отношений в курсантском коллективе, сформулированы рекомендации для командиров курсантских подразделений и профессорско-преподавательского состава по повышению эффективности адаптации курсантов-первокурсников в курсантском коллективе.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, коллектив курсантов, адаптационные способности.

Социально-психологическая адаптация понимается нами, как приспособление человека к системе взаимоотношений в конкретной группе, к групповым нормам, встраивание в конкретный коллектив, отражающееся в переживании психологического комфорта.

Психологическим содержанием процесса социальной адаптации является сближение целей и ценностных ориентаций группы и входящего в нее индивида, усвоение им норм, традиций, групповой культуры, вхождение в ролевую структуру группы [6, 269- 272].

Особенные требования к адаптации возникают при попадании человека в незнакомую социальную среду (например, в новый коллектив) [7, 218-222]. В военных институтах особенность процесса адаптации к условиям обучения первокурсников определена характером и ориентированностью деятельности курсантов, спецификой подразделений курсантов, учебного и воспитательного процесса как в целом, так и на некоторых этапах обучения. Учебная, военно-служебная, общественная, спортивно-массовая и творческая деятельности являются основными видами деятельности курсантов. Как раз они и обуславливают преимущественную ориентированность развития черт личности курсантов. В военном институте вся деятельность направлена на подготовку офицера и вследствие этого обладает ярко выраженным военно-профессиональным аспектом. Этот аспект проявляется в содержании учебных дисциплин, службе суточных нарядов, организации жизни института, предельно приближенных к войсковым правилам.

Для военных институтов в отличие от службы в армии спецификой является добровольный принцип комплектования, что должно обеспечивать активизацию мотивационного компонента социально-психологической адаптации к условиям обучения. Коллектив курсантов складывается из молодых людей, пришедших после окончания школы, суворовских училищ, прослуживших в рядах Вооруженных Сил и из рабочих коллективов. Названные категории обладают социально-психологическими особенностями, своим жизненным опытом, что выражается в особенности их адаптации к учебе в военном вузе.

Коллектив курсантов – временно функционирующая организация. Курсантский коллектив формируется с момента зачисления курсантов в институт и прекращает свое существование после его окончания. С иной стороны, этот коллектив функционирует продолжительное время, состав его почти не изменяется на протяжении всего времени существования, что создает благоприятные возможности курсантам для взаимоизучения, взаимопознания, общения и разделения ролевых функций, сплочения коллектива и создания в нем здоровой морально-психологической атмосферы.

Особенности жизнедеятельности курсантов первого курса непосредственно определяют условия и возможности для развития, проявления и формирования их адаптированности. Однако они обуславливают поведение, деятельность и развитие курсантов не непосредственно, а опосредованно, через внутренние психические, личностные детерминанты. Эффект всех внешних воздействий зависит от внутренних условий, от той почвы, на которую эти воздействия падают [4].

На процесс адаптации оказывает влияние то, как система личностных ценностей курсанта соотносится с групповыми и коллективными. Последние выражаются в общих мнениях, оценочных суждениях, устремлениях, интересах, нормах поведения, критериях оценок деятельности, поведения и личностных качеств курсантов. Поэтому важно учитывать ценности конкретной социальной среды.

Курсантам Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России было предложено оценить социально-психологический климат во взводах и на этом материале было проведено исследование зависимости адаптированности от оценки курсантом социально-психологического климата во взводе. Диагностическое исследование проводилось по «экспресс-методике» изучения социально-психологического климата в коллективе О.С. Михалюка и А.Ю. Шалыто [1]. Методика позволяет выявить эмоциональный, поведенческий и когнитивный компоненты межличностных отношений в коллективе.

Для оценки адаптационных способностей курсантов в коллективе было проведено тестирование по методике Р.Б. Кеттелла [3]. Тест позволяет показать адаптационные способности курсантов в виде ранговой шкалы от 1 до 4.

С учетом результатов тестирования было проведено исследование зависимости развития адаптационных способностей от различных компонентов психологического климата в коллективе методом вычисления коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Проведенный корреляционный анализ показал, что существует прямо пропорциональная зависимость между эмоциональным компонентом психологического климата в коллективе и развитием адаптационных способностей в коллективе ($\kappa = 0,3074$ при I критерии равном $0,3079$), слабая обратно пропорциональная зависимость между когнитивным компонентом психологического климата и развитием адаптационных способностей ($\kappa = -0,0142$ при I критерии равном $0,9625$), слабая обратно пропорциональная зависимость между поведенческим компонентом психологического климата и развитием адаптационных способностей ($\kappa = -0,1661$ при I критерии равном $0,5818$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что эмоциональный компонент психологического климата в коллективе оказывает наибольшее влияние на развитие адаптационных способностей и его улучшение может быть использовано для более эффективной адаптации курсантов первого курса к условиям обучения в военном институте.

Другим важным условием, влияющим на развитие адаптационных способностей, является деятельность командира курсантского взвода, его личные качества. Для исследования зависимости развития адаптационных способностей от личных качеств командира взвода была использована методика, разработанная В. Луценко [2, 49-52]. Курсантам было предложено оценить по четырехбалльной системе профессиональные, личностные, коммуникативные качества и качества руководителя своего командира взвода.

Нами было опрошено 186 курсантов. Исследовалась зависимость среднего значения развития адаптационных способностей (тест Р.Б. Кеттелла) во взводе от личных качеств командира взвода. В результате проведения корреляционного анализа Спирмена было выявлено, что существует прямо пропорциональная зависимость между профессиональными качествами командира взвода и развитием адаптационных способностей курсантов взвода ($\kappa = 0,2832$ при I критерии равном $0,3476$), слабая прямо пропорциональная зависимость между личностными качествами командира взвода и развитием адаптационных способностей ($\kappa = 0,1101$ при I критерии равном $0,7149$), прямо пропорциональная зависимость коммуникативных качеств командира взвода и развитием адаптационных способностей курсантов ($\kappa = 0,2155$ при I критерии равном $0,4749$), слабая прямо пропорциональная зависимость между качествами руководителя командира взвода и развитием адаптационных способностей курсантов ($\kappa = 0,0823$ при I критерии равном $0,7849$).

Результаты исследования показывают наибольшую значимость профессиональных и коммуникативных качеств командира курсантского взвода для развития адаптационных способностей. Это необходимо учитывать при подборе офицеров на должность командира курсантского подразделения и в работе по личностному развитию командиров учебных взводов на первом курсе.

Социальная значимость личности, социальный статус в группе, ее качества, взгляды, идеалы с одной стороны и ценности социальной группы, психологический климат в ней, роль руководителя группы с другой стороны выступают одним из регуляторов процесса адаптации у курсанта, его самоутверждения, поведения и деятельности, стремления к определенному проявлению своей индивидуальности в коллективе, контактной социальной среде. На адаптацию курсанта к условиям вуза влияют и притязания курсанта, их адекватность его возможностям и требованиям деятельности контактной социальной среды. В притязаниях курсанта выражаются, прежде всего, ценности, потребности, установки. Притязания поэтому могут выступить побудительной силой, мотивом определенного поведения, деятельности курсанта. В этом плане адаптацию курсанта можно рассматривать как реализацию курсантом своих притязаний на достижение определенных результатов в деятельности, положения в социальной группе.

Понимание особенности адаптации курсанта не может быть полным и правильным на основе анализа только внешних условий и проявлений его в поведении и деятельности. Для всестороннего учета в военно-педагогическом процессе особенностей адаптации к условиям обучения важно знать влияние на

их развитие личностных детерминант. Опора на эти знания может повысить эффективность решения учебно-воспитательных задач.

Истоком основных проявлений личности выступают, как известно, потребности. Изучение показало, что в основе стремлений курсантов к адаптации и самоутверждению в коллективе находятся следующие потребности:

1) потребность в получении определенных результатов в деятельности и достижении на этой основе соответствующей общественной личностной значимости, желаемого отношения товарищей, старших, младших;

2) потребность в общении (быть в коллективе, иметь в нем друзей, быть полезным людям);

3) потребность в познании (познать себя, проверить свои возможности, силы, показать их другим, приобрести уверенность в себе).

Детерминация поведения и деятельности человека объективно существующими потребностями непосредственно связана с его личностными особенностями. Среди последних важную роль играет система ценностей и обусловленные ею, но выступающие относительно самостоятельным регулятором поведения личности притязания.

Личностные ценности курсанта идейные, нравственные, военно- профессиональные, эстетические и др. выражаются в его взглядах, убеждениях, идеалах, мировоззрении, наиболее и наименее предпочитаемых качествах у себя и у других людей. В результате тестирования курсантов по методике Лири были выявлены качества личности, которые, по мнению курсантов, присущи или не присущи им, и качества, которые они хотели или не хотели бы иметь [3].

Среди качеств, которые курсанты стремятся больше всего развить у себя, ведущее место занимают: гордость (94 %); умение распоряжаться (93 %); самостоятельность (89 %); реализм взглядов (87 %); соревновательность (84 %); целеустремленность (82 %); приветливость (82 %).

Среди качеств, которыми курсанты не хотели бы обладать выявлены: нытье (1 %); хвастливость (1 %); раздражительность (2 %); слащавость (2 %); мнительность (2 %); слабохарактерность (3 %); завистливость (3 %); злопамятность (3 %).

Система ценностей личности определяющим образом влияет на избрание ее целей, на социально- психологическую адаптацию курсанта, на успешность самоутверждения в курсантском коллективе. Курсанты высоко ценят, прежде всего, достижения в учебе, общественной работе, спорте, военно- профессиональной сфере и др. Курсанты, желая добиться признания, уважения, доверия товарищей, выделяют главные, по их мнению, сферы жизнедеятельности в институте и стремятся проявить себя именно в них. Но не у всех это проходит успешно.

В результате проведенного исследования у 72 курсантов выявлена зависимость развития адаптационных способностей от их самооценки и целевых установок на развитие своих профессиональных качеств. Курсанты опрашивались по социометрической методике с целью выявления статуса каждого курсанта в коллективе и по методике Лири с целью выявления самооценки курсантом своих качеств и устремления к их развитию.

В результате опроса по социометрической методике была получена ранговая шкала, показывающая социальный статус курсанта в коллективе по оценке курсантов взвода. Согласно методике Лири курсанты оценивали наличие у себя предложенных 60-ти качеств, а затем высказывали пожелание на развитие в себе этих 60-ти качеств. Результаты тестирования можно представить в виде ранговой шкалы по четырем психологическим характеристикам личности: доминирование, агрессивность, подчинение и дружелюбие в двух видах (в виде самооценки и в виде установки на развитие этих качеств). По результатам тестирования проведен корреляционный анализ выявленных личностных характеристик.

Проведенный ранговый корреляционный анализ Спирмена показал: прямо пропорциональную зависимость между развитием адаптационных способностей и самооценкой доминирования ($k = 0,1314$ при t -критерии равном $0,2681$), обратно пропорциональную зависимость между развитием адаптационных способностей и самооценкой агрессивности ($k = - 0,3015$ при t -критерии равном $0,0111$), обратно пропорциональную зависимость между развитием адаптационных способностей и самооценкой подчинения ($k = - 0,2010$ при t -критерии равном $0,0904$), прямо пропорциональную зависимость между развитием адаптационных способностей и самооценкой дружелюбия ($k = 0,3846$ при t -критерии равном $0,012$).

Самооценка наличия у себя качеств, отрицательно сказывающихся на процессе адаптации в курсантском коллективе, при опросе по методике Лири является достаточным условием для утверждения, что данный курсант имеет затруднения в адаптации. Проведенное исследование показало наличие обратно пропорциональной зависимости между самооценкой агрессивности и развитием адаптационных способностей. Коэффициент корреляции Спирмена равен минус $0,3015$ при t -критерии $0,0111$. Также выявлена отрицательная зависимость между самооценкой склонности к подчинению и развитием адаптационных способностей. Коэффициент корреляции Спирмена равен минус $0,2010$ при t -критерии $0,0904$. Оче-

видно, что своевременная психодиагностика качеств личности может способствовать успешному прогнозу эффективности процесса адаптации курсантов первого курса к условиям обучения в военном вузе.

Эффективность развития адаптационных способностей находится в прямой положительной зависимости от устремленности курсанта на доминирование в группе, от высоконравственных, положительных идеалов. Наиболее выражена зависимость успешности адаптации от развития дружелюбия курсанта, это качество наиболее высоко оценивалось курсантами. Успешная адаптация выступает и процессом и одним из способов реализации притязаний курсанта в конкретных условиях его жизнедеятельности, когда курсант сам ставит перед собой соответствующие притязаниям цели и стремится их реализовать (притязания личности могут быть реализованы и в результате стечения обстоятельств, действия руководителей, товарищей, коллектива в целом). Притязания личности выступают одним из механизмов ее самоутверждения. Притязания личности (как и ее самооценка) могут быть адекватные, завышенные и заниженные, что определяет характер ее взаимодействия с окружением. С одной стороны притязания личности влияют на ее отношение к деятельности, ролевым функциям, а с другой стороны, на особенности восприятия данной личности окружением. Сложность и противоречивость этого явления подтверждена в исследовании. Коэффициент корреляции Спирмена между стремлением к доминированию и развитием адаптационных способностей равен $-0,0493$ при критерии равном $0,6779$, что говорит о том, что одного стремления к доминированию мало для успешной адаптации. Но при исследовании взаимосвязи стремления к дружелюбию и развития адаптационных способностей мы получаем другой результат. Коэффициент корреляции между ними равен $0,2870$ при критерии равном $0,0156$, что говорит о прямо пропорциональной зависимости между ними.

Поведение курсанта и его нравственная оценка зависят не только от характера притязаний личности, но и от степени соответствия места, занимаемого ею в ролевой структуре коллектива, индивидуальным возможностям (последние могут соответственно быть ниже или выше требований социальной среды, исполняемых ролей).

Возможности курсантских коллективов полностью удовлетворить потребности каждой личности в исполнении желаемых ролевых функций ограничены. При занятии курсантом положения в ролевой структуре коллектива ниже его возможностей (а при завышенных притязаниях, даже когда возможности личности соответствуют ее ролевому положению) создается конфликтная ситуация. При адекватных притязаниях конфликты обычно не выходят за рамки внутриличностных, тогда как при завышенных они развиваются в межличностные. Исходя из этого при оказании помощи в адаптации курсантов к условиям обучения важно добиваться адекватности их притязаний и занятия курсантами места в ролевой системе взаимоотношений, подобающего их личностным возможностям. Формирование у курсантов верных притязаний выступает одним из условий обеспечения их успешной адаптации. С другой стороны, соответствующая оценка и признание членами коллектива результатов деятельности и поведения личности способствуют формированию ее правильной самооценки и соответственно успешной адаптации.

Важную роль в детерминации поведения и деятельности курсанта при адаптации его к условиям военного вуза играют мотивы как осознанные психические побуждения к совершению конкретного целенаправленного действия. Мотивом могут выступать сознаваемые, прежде всего потребностные состояния курсанта как результат взаимодействия потребностей, системы ценностей личности и ее притязаний.

В интересах более полной и точной характеристики психологических условий, влияющих на адаптацию курсантов первого курса, целесообразно выделить две взаимосвязанных группы мотивов:

- 1) мотивы генерализованные, «мотивы цели» (А.Н. Леонтьев), общие мотивы, детерминирующие линию поведения, направленность деятельности личности;
- 2) мотивы, формирующие особенности самого процесса самоутверждения и адаптации курсанта, его способы, приемы, средства.

Определяющими, ведущими являются мотивы первой группы, они, как правило, детерминируют и мотивы второй группы, мотивы выбора способов, средств, путей адаптации в коллективе. В отдельных случаях мотивы второй группы, неадекватные по характеру и содержанию общей мотивации к учебе, изменяют последнюю, изменяют направленность курсантов. Это может иметь как негативный, так и позитивный характер.

Значительный вес среди мотивов учебной деятельности курсантов имеют престижно-личностные мотивы. Наиболее рельефно они выделяются именно на первом курсе обучения. Это объясняется тем, что в период складывания коллектива, его психологической структуры, взаимоотношения курсантов характеризуются особой состязательностью, соперничеством с целью не только активно проявить себя, но и занять в коллективе соответствующее положение, место в системе взаимоотношений.

Обобщенные данные о преимущественной направленности активности курсантов следующие:

- более 80 процентов стремятся проявить себя и добиться успеха среди равных;
- около 40 процентов – в глазах и мнении старших;
- около 30 процентов – среди подчиненных и младших.

Особенности проявления активности курсантов детерминированы внешними условиями их жизнедеятельности. Особое место среди личностных детерминант влияющих на успешный процесс адаптации курсантов, занимает воля, выполняющая, прежде всего, исполнительно-регулирующую функцию. Социальная активность личности, не подкрепленная соответствующей волевой подготовленностью индивида, может привести к утрате им уверенности в себе, в своих возможностях и, в конечном итоге, к снижению социальной активности, к затруднению в адаптации. Воля необходима уже на этапе самоопределения личности, выбора ее целей, средств, способов формирования качеств, и особенно в процессе адаптации к учебе.

Одним из важных внутриличностных факторов успешной адаптации выступает стиль отношения курсантов к окружающей действительности. В его основе находится преимущественная, относительно устойчивая система отношений личности к деятельности, другим людям и себе самому. В зависимости от этого могут быть выделены варианты отношений направленные:

- 1) на решение деловых задач и подчинение этому своих личных интересов при недостаточной опоре на мнение других и неучете их интересов (деловая личность);
- 2) на взаимодействие с другими людьми, максимальный учет их интересов и подчинение этому своих интересов при недостаточном учете интересов дела, деятельности (альтруистическая личность);
- 3) на преимущественное удовлетворение своих личных интересов и потребностей, подчинение этому интересов дела и других людей (эгоистическая личность).

При самооценке курсантов по методике Лири можно выделить четыре категории в зависимости от направления векторов:

- 1) преобладает направленность на доминирование и на дружелюбие;
- 2) преобладает направленность на подчинение и на дружелюбие;
- 3) преобладает направленность на доминирование и на агрессию;
- 4) преобладает направленность на подчинение и на агрессию.

Кроме того, каждая категория может характеризоваться преимущественным стилем отношения к окружающим: директивным, коллегиальным, либерально-анархическим и смешанным. Исходя из этого необходимо изучать преимущественный стиль отношений курсантов к действительности и учитывать его при оказании помощи в адаптации к учебной деятельности.

Таким образом, оказание поддержки курсантам в развитии военно-профессиональной установки, точности самоопределения в коллективе, в выборе надлежащих нравственно-положительных средств и методов реализации целей обучения выступают одной из практических задач командного состава и педагогов. Обеспечить всем курсантам аналогичную направленность, следовательно, наиболее удачно воздействовать на их социально-психологическую адаптацию к условиям обучения в военном институте. Важно учить курсантов правильным отношениям с другими людьми, верному выбору линии поведения, что воздействует на соответствующее восприятие их окружающими и делает более успешной работу по их адаптации.

Мотивы развития черт личности курсантов зависят от мотивов их поступления в военный институт. Вследствие этого знание истинных мотивов поступления молодых людей в институт, организация профессионального отбора важны для командного и профессорско-преподавательского состава в интересах постановки правильной работы по социально-психологической адаптации курсантов с первых дней нахождения в военном институте.

Для успешного протекания процесса социально-психологической адаптации курсантов важное значение имеет и подготовка командиров подразделений курсантов, развитие их личностных, особенно профессиональных черт, манера их работы и концепция взаимоотношений с подчиненными. Также для успешной адаптации курсантов немаловажны занятия по сплочению курсантских коллективов, созданию комфортного психологического климата в них, в особенности его эмоциональной сферы.

Библиографический список

1. Деркач А.А., Кузьмина Н.В. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. – М., 1993.
2. Костюк А.И. Адаптация и военная служба // Вестник ПВО. – 1973. – № 11. – С. 49-52.
3. Кочетов А.И. Культура педагогического исследования. – Минск, 1996.
4. Наенко Н.И. Психическая напряженность. – М., 1976. – 112 с.
5. Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. – М., 1988.
6. Чихачев М.В. Психологическая адаптация в исследованиях военных психологов // Сибирский педагогический журнал. Из-во: НГПУ. – Новосибирск. – 2012. – №3 – С. 269-272.
7. Чихачев М.В., Кононова Т.А. Специфика процесса адаптации в воинских коллективах // Направления и перспективы развития образования в военных институтах внутренних войск МВД России. Материалы VI междунар. научно-практич. конф. 29 декабря 2014 г., – Новосибирск, 2014. – С. 218-222.

M.V. Chikhachev, A.V. Polikanov, A.V. Spirin

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

*max_chihachev@mail.ru
polikanov1978@mail.ru*

STUDYING OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS, PROVIDING SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF CADETS TO EDUCATION AND THE PROFESSIONAL ACTIVITY IN MILITARY INSTITUTE

The article reveals the phenomenon of social and psychological adaptation. On materials research conducted by the authors, identified psycho-pedagogical conditions providing social and psychological adaptation of freshmen to the educational and professional work in military institutions. Detailed disclosure of the components of interpersonal relations in the cadet team, makes recommendations to the commanders of cadet units and faculty to improve the effectiveness of adaptation of freshmen in the cadet team.

Keywords: socio-psychological adaptation, a team of cadets, adaptive capacity.

УДК 378.1

В.А. Шадрин

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

shadrinv.a@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА К ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В настоящей статье автор отражает развитие, совершенствование и особенности экспериментальной работы по формированию готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих. Раскрываются цели эксперимента, рассматриваются его этапы, формы, методы и способы проведения.

Ключевые слова: эксперимент, патриотизм, формирование готовности, будущий офицер.

Эксперимент – это единственный метод исследования и проверки гипотезы, позволяющий достоверно установить, что наличие какого-либо одного фактора влечет за собой обязательное проявление другого. Под педагогическим экспериментом понимается общенаучный метод познания, способствующий получению новых знаний о причинно-следственных отношениях между педагогическими процессами, факторами, условиями. Его сущность заключается в целенаправленном внесении принципиально важных изменений в педагогический процесс в точном соответствии с задачей и гипотезой исследования [6, 83]. В нашем исследовании мы опираемся на трактовку определения эксперимента, данную М.Н. Скаткиным [4, 152]. Автор трактует эксперимент как искусственное воспроизведение или изменение явления с целью исследования его в более благоприятных условиях.

Целью нашей опытно-экспериментальной работы стала апробация и проверка эффективности технологии формирования готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих, разработанной на основе сконструированной модели и сформулированных педагогических условий.

Экспериментальная работа по исследуемому процессу выступала как определенная система педагогических и организационно-методических мероприятий, направленных на решение задач исследования. В контрольной группе не проводился формирующий эксперимент, обучение осуществлялось в рамках учебного плана.

При выборе экспериментальных и контрольных групп мы обращали внимание на то, чтобы они были типичными по наполняемости, уровню успеваемости и общей культуры. Нашими респондентами были лица трех категорий: профессорско-преподавательского состава вуза, командиры курсантских подразделений и курсанты.

Для решения выдвинутых задач нами определены этапы и условия проведения экспериментальной работы. Эксперимент по проблеме исследования предполагал последовательное проведение констатирующего, формирующего и контрольного этапов.

1-й этап эксперимента – констатирующий. На данном этапе изучалась и анализировалась научная, психолого-педагогическая литература отечественных и зарубежных авторов, нормативно-директивные материалы военного командования и другие источники, что определило состояние исследуемой проблемы. Анализ литературных источников и изучение нормативно-директивных документов проводились и в ходе всего эксперимента. На 1-м этапе эксперимента также решались задачи проведения диагностического обследования испытуемых, установления реального положения дел, определения уровня их готовности к патриотическому воспитанию военнослужащих, установления наличия или отсутствия исследуемых качеств, выявления уровня деятельности руководящего состава, преподавателей, командиров курсантских подразделений по подготовке будущих офицеров к патриотическому воспитанию военнослужащих и возможностей ее совершенствования. Основные методы исследования на данном этапе: теоретический анализ литературы по проблеме, беседы, анкетирование, тестирование, опытно-поисковая работа.

Констатирующий этап эксперимента позволил определить проблемы, которые требуют своего решения: определение уровня сформированности готовности будущего офицера к патриотическому обучению военнослужащих; определение структуры и содержания исследуемого качества офицера; организация, разработка и реализация технологии исследуемого процесса; определение педагогических условий представленного процесса.

2-й этап эксперимента – формирующий, он имел основной задачей уточнение правильности наших предположений о путях и средствах решения исследуемой проблемы. Он позволил выяснить пути совершенствования учебно-воспитательного процесса по формированию готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих. Данный этап был направлен на внедрение и реализацию модели формирования готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих. На этом этапе последовательно реализовывались педагогические условия, обеспечивающие результативность воздействия на курсантов.

Одним из требований к исследуемому процессу формирования готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих является его включенность в образовательный процесс военного вуза, что предполагает строгую регламентацию организационных форм обучения и повседневной деятельности курсантов. Эксперимент по организации и реализации предложенного процесса не подменял, а дополнял собой те или иные компоненты учебно-воспитательной деятельности в военном образовательном учреждении.

3-й этап эксперимента – контрольный. Оценка уровня готовности будущих офицеров к патриотическому воспитанию военнослужащих в рамках 3-го этапа проводилась по аналогии с 1-м этапом эксперимента. Анализировались, обрабатывались, обобщались теоретико-экспериментальные результаты; формулировались выводы, рекомендации; литературно оформлялись результаты исследования.

Для оценки результативности спроектированной и реализуемой в образовательном процессе военного вуза модели, педагогических условий нами были определены критерии эффективности исследуемого процесса.

При разработке критериев и показателей сформированности у военнослужащих патриотических качеств, эффективности процесса патриотического воспитания были использованы выводы и рекомендации ряда ученых, исследовавших данную проблему, мнения преподавателей кафедр педагогики и методики высшего профессионального образования.

Результаты эксперимента закреплялись и проверялись дополнительно с использованием других методов. В исследовании мы широко использовали следующие методы теоретического исследования: моделирование, абстрагирование, идеализацию; эмпирические методы: наблюдение, индивидуальные и групповые беседы, анкетирование, экспертные оценки, тестирование, самооценивание [5, 227].

Данные, полученные в ходе эксперимента, положены в основу разработки научно-методических рекомендаций по формированию готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих.

Библиографический список

1. Алямкин А.Е. Деятельность должностных лиц подразделения по организации патриотического воспитания военнослужащих // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум», 2012.
2. Матвеев Д.Е., Беловолов В.А., Ждано А.И. Особенности профессиональной подготовки курсантов военного вуза // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 1.
3. Минаков В.А. Место патриотизма в российской национальной идее : дис. д-ра. философ. наук. - Горно-Алтайск, 2009.
4. Скаткин М.Н. Методология и методика педагогических исследований: в помощь начинающему исследователю. – М.: Педагогика, 1987. – 152 с.
5. Тимофеев А.И. Анализ результатов опытно-экспериментальной работы по формированию гражданственности курсантов в военном вузе // Направления и перспективы развития образования в военных институтах ВВ МВД

России: материалы V Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: НВИ ВВ МВД России, 2013. – С. 220–227.

6. Тимофеев А.И. Педагогические условия формирования гражданственности курсантов военного вуза // Диссертация кандидат пед. наук. – Чита, 2014.

V.A. Shadrin

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

shadrinv.a@mail.ru

FEATURES OF EXPERIMENTAL WORK ON FORMATION OF READINESS OF THE FUTURE OFFICER TO PATRIOTIC EDUCATION OF MILITARY MEN

In the present article the author reflects development, perfection and features of experimental work on formation of readiness of the future officer to patriotic education of military men. The experiment purposes reveal, stages, forms, methods and ways of carrying out of experiment are considered.

Keywords: experiment, patriotism, readiness formation, the future officer.

УДК 159.9-057.36

Н.И. Шульга

*Российский государственный социальный университет
г. Москва*

bogomazovargsu@mail.ru

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ УВОЛЕННЫХ В ЗАПАС ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В статье рассматривается влияние позднего зрелого возраста на планирование жизненных перспектив в выборе и построении жизненных стратегий уволенных в запас или отставку военнослужащих. Дается описание типичных форм выстраивания жизненной перспективы алгоритмов, действий в построении их жизненных стратегий в быстро изменяющейся социальной реальности.

Ключевые слова: поздний зрелый возраст, перспектива жизни, жизненная стратегия, ценностные ориентации, кризис возраста.

Существует в практике жизненных ситуаций уволенных в запас военнослужащих один тонкий психологический момент: однажды утром не нужно надевать форму. Для человека военного, отдавшего многие годы служению Отечеству, этот момент по своей значимости можно сравнить с остановкой планеты, это момент истины, осознание и ощущение переходного состояния из одной плоскости жизни в другую.

Социальные проблемы и жизнь человека на пенсии изучали и изучают отечественные и зарубежные психологи: Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, В.Д. Шапиро, Н.Н. Савчук, М.Э. Елютина. Медикобиологические вопросы геронтологии рассматривают: Ю.К. Дупленко, А.А. Дыскин, А.Н. Рубакин, З.Г. Френкель, В.В. Фролькис, Д.Ф. Чеботарев и др. Вопросы демографии поднимают в своих трудах М.С. Бедный, Д.И. Валентей, А.Г. Вишневецкий, Л.Е. Дарский, А.Я. Кваша, Б.Ц. Урланис, др.

Социальная реальность в нашем обществе сегодня такова, что поздний зрелый возраст является препятствием при трудоустройстве мужчин вообще и уволенных военнослужащих, в частности. Приоритеты на рынке труда отдаются более молодому поколению. Наличие образования, навыков трудового, жизненного, организационного опыта, профессии недостаточно, чтобы трудоустроиться. Основная причина – возрастной ценз. Бывшим военнослужащим приходится часто соглашаться на проигрышные условия: профессия, не всегда отвечающая личностным потребностям, невысокий уровень зарплаты.

Выстроить перспективу активной, полезной для общества деятельности в существующей ситуации уволенным военнослужащим достаточно сложно. Хорошо социализированные, активные, чувствующие в себе силы для полезной деятельности люди часто сталкиваются с ситуацией своей ненужности, что отрицательно сказывается на их самооценке. Тем не менее, благодаря личностным качествам уволенные в запас военнослужащие в большинстве своем успешно справляются с временными трудностями психологической адаптации к требованиям гражданской жизни, ставят перед собой конкретные достижимые цели и осуществляют определенную деятельность для пользы своей и общества.

Перспектива выбора и построения жизненных стратегий в этот период наиболее затруднительна, и здесь нельзя не оценить роль государства в заботе о своих бывших защитниках. Государственные образовательные учреждения подставили свое могучее плечо под интеллектуально развитую, образованную, актив-

ную часть нашего общества – бывших военных. Предоставление широкого спектра возможностей повышения уровня образования и профессиональной переподготовки можно расценивать как ступеньку вверх в период выбора новых жизненных стратегий на перспективу в условиях гражданской жизни.

Это важная ступень, открывающая возможность уволенным в запас военнослужащим преодолеть социально-психологические барьеры неопределенности (осознание непричастности к прошлому и невозможность видения себя в будущем), разрешить внутриличностные противоречия, принять те или иные решения, выстроить реально осуществимые планы, поставить достижимые цели в построении дальнейших жизненных стратегий, сократить время психологической адаптации к новому социальному статусу, в том числе в период трудных жизненных ситуаций.

Представляется важным рассмотреть социально-психологическую сторону настоящей проблемы, выявить причинно-следственные связи, факторы и условия, оказывающие влияние на процесс адаптации и дезадаптации военнослужащего, уволенного в запас, с учетом его «кризисного» возраста.

Ситуацию, радикально меняющую образ жизни, условия, а часто и место жительства человека, можно с уверенностью назвать «трудной жизненной ситуацией». Чем шире спектр предлагаемых обществом возможностей в приобретении новых профессий и специальностей, тем более уверенно и ответственно человек строит жизненные планы и реально достижимые жизненные цели на ближайшее будущее и на перспективу, активно начинает их осуществлять, тем самым включаясь в жизнь общества. Это в свою очередь обуславливает чувство веры в собственные силы, что способствует поддержанию и повышению самооценки в кризисный период жизни человека.

Своеобразной превентивной мерой избегания сужения жизненной перспективы для увольняемых военнослужащих может служить пример успешно действующих в настоящее время в нашей стране курсов переквалификации на гражданские профессии, открытых Военной академией войсковой ПВО ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (г. Смоленск). Военнослужащие имеют возможность обучаться на данных курсах за полгода до увольнения. Таким образом, расставшись с военной профессией, они выходят в гражданское общество, «вооруженные» новой специальностью, сохраняя свой социально-психологический ресурс.

Касательно частных вопросов подготовки специалистов, по мнению А.Г. Караяни, относительно только профессии психолога, вузы должны запустить механизмы формирования психологического видения мира и самоощущения в нем, мотивировать на овладение профессией. В разные периоды образовательного процесса матрицей профессиональной идентичности для психологов должен стать тренинг, соответственно для других профессий – другие матрицы [4, 223-224]. Рекомендации А.Г. Караяни в полной мере можно применить к подготовке профессионально пригодных специалистов по многим направлениям.

К.А. Абульханова-Славская рассматривает перспективный путь как разрешение противоречий личной жизни, которые касаются, прежде всего, общественных идеалов и реальной практики жизни. Она рассматривает человека как субъекта жизни в том случае, если он понимает и находит способы разрешения противоречий жизни, делая при этом нравственный выбор, реализует свои способности и использует возможности в реальных условиях жизни. Также она выделила индивидуальные черты в жизненном пути личности, раскрыв причинную связь активности личности, развития и изменений в ее жизни. Подчеркивала, что «личность включается в совокупность причин и следствий своей жизни не только как зависимая от внешних обстоятельств, но и как активно преобразующая и формирующая линию своей жизни» [1, 21].

Выход на пенсию для военнослужащего в первый период – это достаточно глубокое эмоциональное переживание, которое вызвано осознанием возрастных ограничений. Именно в этот период бывший военнослужащий осознанно или неосознанно стоит перед выбором построения стратегии надвигающейся старости. Как один из способов совладания с трудной жизненной ситуацией включаются психологические механизмы защиты в любом их проявлении, т. к. они призваны организовать временное душевное равновесие.

В возрасте 45-50-ти лет становится решающим самоанализ: несмотря на определенные достижения, мужчина в этом возрасте обычно испытывает спад, беспокойство, отягощенность заботами, признает своеобразное чувство его недооцененности внешним миром. Появляется чувство беспокойства о здоровье, сомнение в реализации жизненных планов, в том числе и браке. Все больше мужчин ищут в «середине жизни» новое дело. Некоторые просто «ломаются». Многие чувствуют, что останавливается карьерный рост, пересматриваются детско-родительские и супружеские отношения, все события кажутся несостоявшимися. К 50-ти – 55-ти годам кризисное состояние мощным ударом подталкивает мужчину к большей жизненной активности, к постановке новых целей достижений, к построению новых жизненных планов и созданию реальных путей их реализации. Принятие новых решений и поступков детерминировано менталитетом, личностными смыслами, позицией, ценностными ориентациями конкретного мужчины, темпом и траекторией профессионального выбора согласно возрасту и состоянию его здоровья.

Э. Эриксон утверждал, что каждый возрастной этап имеет свою точку напряжения, но кризисы возраста достаточно предсказуемы: каждый переход на следующую ступень развития заставляет человека разрушать существующую защитную структуру. Он становится ранимым и чувствительным как эмбрион, но

приобретает и способность постепенно приспосабливаться к окружающим условиям. Этот переход может продолжаться несколько лет, в результате человек обретает продолжительный период стабильности и обретает чувство равновесия.

Следует отметить, что ценности в позднем зрелом возрасте становятся не только осознаваемыми и смыслообразующими, но перерастают в мотивы, одновременно смыслообразующие и побуждающие к действию. Тем не менее, мотив носит индивидуальный характер, а ценность сближает личность с социальным общим [6, 23].

Внутренние аспекты, состоят из определенных моментов, важных для каждого человека: вопросы смысла жизни, «Я-концепции», кризис идентичности, внутрличностный кризис, осознание которых помогает понять свою целостность, выработать меры достижений, провести планирование перспектив личностного роста.

Каким образом цели и стремления конкретной личности подкрепляются или нарушаются существующим образом жизни? Какие черты собственной личности человек может изжить, а какие подвергаются подавлению? Внутренний аспект проявляется там, где разрушающие силы начинают выводить человека из равновесия, сигнализируя о необходимости изменения и продвигая его к новой опоре на следующей ступени развития. Такие кардинальные перемены происходят в жизни повсеместно. Однако люди все равно отказываются признать, что у них есть система внутренней жизни. Человек испытывает дискомфорт, но не может объяснить внутренние причины и ссылается на внешние знаменательные события: переезд, увольнение с работы, выход на пенсию и т. д. Менее десяти процентов людей осознают, что их состояние вызвано внутренними причинами и понимают, что должны пройти через это болезненное изменение.

В переходные моменты в жизни мужчины происходят внезапные изменения: внутреннее ощущение себя по отношению к другим, чувство безопасности и опасности, восприятие времени (чувствуется его нехватка), ощущение физического спада. Все эти ощущения тонизируют жизнь и подталкивают к тем или иным решениям. Поздний зрелый возраст может стать причиной профессионального кризиса, который выражается в профессиональной стагнации, равнодушии, когда нет познавательного или карьерного роста и человек нейтрально относится к ситуации. Либо нечетким осознанием недостаточного уровня своей профессиональной компетентности, либо более высокой профессиональной компетентности, чем требуется для выполнения нормативной работы, следствием чего является апатия, пассивность, либо высокие энергетические и эмоциональные перегрузки (часто встречающиеся в лечебных и образовательных учреждениях), влекущие эмоциональное выгорание. Обострение противоречия между субъективной и объективной составляющими социальной ситуации развития и есть критическая фаза, последствием которой, при активном разрешении ситуации, является образование новой социальной ситуации развития личности [4, 96].

Для снятия остроты возрастных кризисных явлений военнослужащих, уволенных в запас, оправдано было бы на предприятиях и в организациях проводить курсы по их психологической готовности к смене сфер деятельности, организовывать тренинги социально-экономической взаимопомощи, тренинговые группы личностного роста и т. д.

Важная роль принадлежит копинг-стратегиям: совокупности способов когнитивных, эмоциональных, поведенческих стратегий, используемых личностью для совладания со взаимоотношениями «человек-среда» [15, 11]. Копинг определяют как «адаптивные действия, целенаправленные и потенциально осознанные». Альтернативная точка зрения базируется на том, что эффективность копинга зависит от ответной реакции и контекста, в котором этот копинг реализуется [11, 71].

Выход на пенсию военнослужащего кардинально изменяет его образ жизни. Проблема качества жизни возникает в период, когда ее количественный потенциал становится зримо ограниченным. Грядущая старость является процессом, который сложно затормозить. Этот период оказывается трудным для большинства стареющих мужчин, вызывая негативные эмоциональные переживания. Однако индивидуальная выраженность и напряженность переживания пенсионного кризиса весьма различаются в зависимости от характера труда, от ценности его для мужчины, от степени психологической подготовленности человека, его личностных особенностей и жизненной позиции, сложившейся в предшествующие годы. Деятельность психологических центров направлена на выработку психологической готовности бывших военнослужащих к новой социальной позиции, предвидение негативных состояний и событий.

Современные социокультурные условия предъявляют работоспособному мужчине очень высокие требования, подчас вступающие в противоречие с его потребностями. Под воздействием этих требований истинные потребности человека теряют свою актуальность и цельность. Здесь заслуживает внимания ортобиотика (здоровьесбережение).

Сохранение здоровья работающего мужчины – это своеобразная стратегия его жизни, включая систему правильного питания. Забота о качестве жизни, по мнению отечественного ученого В.М. Шепеля, объясняет и попытки контроля над симптомами, и максимальное сохранение психической стабильности. Безвыходность социальной, бытовой ситуации запускает механизм депрессии и как результат последней –

нежелание жить дальше. Положительной оценки всегда заслуживает такая стратегия, как активное решение проблем [3].

Чтобы чувство цельности, сложенное на протяжении жизни, помогало бывшим военнослужащим в позднем зрелом возрасте справляться с различными ситуациями в жизни и давало возможность ставить достижимые цели, строить планы и жизненные стратегии, необходима переоценка собственного «Я» с учетом новой жизненной ситуации. Кризисные явления служат неотъемлемым атрибутом динамического процесса личностного и профессионального становления уволенного в запас военнослужащего.

Характер функционирования самосознания, как известно, выражается в его диалогичности. В этом контексте следует принимать во внимание ценностные ориентации как систему принятого личностью знания, связанного с положительными или отрицательными эмоциями, на основе которой оцениваются жизненные события. В то же время система «Я» включает чувства, потребности, волю и др., содержание которых уходит за пределы ценностных установок: функциональность может подавлять субстанциональность и определять при этом стратегию поведения личности [8, 39].

На этом сложном этапе жизни военнослужащего, уволенного в запас, в период его кризиса, когда в одиночку справиться с жизненной ситуацией не хватает знаний, опыта, сил, когда ситуация выстраивания жизненных стратегий оказалась в состоянии форс-мажора, очень важно иметь специальную социально-психологическую службу, которая позволит воспользоваться помощью, поддержкой и сопровождением, предлагаемыми практическими психологами, социальными педагогами, профориентаторами и другими специалистами.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Васильева О.С., Демченко Е.А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. – 2002. – № 4. – С. 74-85.
3. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
4. Караяни А.Г. Тренинг профессиональной идентичности как матрица психологического образования // Социальная психология в образовательном пространстве. Материалы I Международной научно-практической конференции. – М.: МГППУ, 2013. – 323 с.
5. Кузьменко Г.Н. Социально-антропологический кризис и новый гуманизм // Социальное образование и социальная история России: опыт изучения и проблемы подготовки кадров для социальной сферы. – М.: Изд-во: Перо, 2014. – 374 с.
6. Мельничук А.С. Детерминанты формирования субъективных стратегий личностно-профессионального развития // Мир психологии. Научно-методический журнал под ред. Д.И. Фельдштейна. – 2011. – № 3. – 287 с.
7. Михеева И.Н. Амбивалентность личности: морально-психологический аспект. – М.: Наука, 1991. – 128 с.
8. Муздыбаев К.С. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – вып. № 2. – 267 с.
9. Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. – М.: Изд-во: Эксмо, 2005. – 960 с.
10. Петров В.П. Переориентация военнослужащих на гражданские профессии. Советы психолога. – М., 1993. – 136 с.
11. Петрова Е.А. Жизненная стратегия как категория современной психологической науки // Ученые записки. – 2014. – № 1. – С. 44-48.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2006. – 713 с.
13. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии / Пер. с англ. В.В. Румынского; под ред. Е.Н. Емельянова. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 429 с.
14. Самсоненко Л.С. Основные параметры построения жизненной стратегии /cyberleninka.ru/.
15. Степашов Н.С. Состояния социально-групповых затруднений жизнедеятельности человека. Учебное пособие. – КГМУ, 1996. – 140 с.
16. Шаповаленко И.В. Социальная ситуация развития в пожилом возрасте // Психология зрелости и старения. – М., 1999. – 321 с.

N.I. Shulga

*Russian State Social University
Moscow*

bogomazovargsu@mail.ru

LIFE STRATEGIES OF RETIRED SERVICEMEN

The article examines the impact of the late mature planning prospects in life and in the choice of building a life strategies discharged or retired military personnel. A description of typical forms of building the life prospects of algorithms of action in building life strategies in a rapidly changing social reality.

Keywords: late middle age, the prospect of life, life strategy, values, a crisis of age.

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

УДК 374.3

А.И. Алифиров

Российский государственный социальный университет
г. Москва

anat.alifirov@yandex.ru

СТРУКТУРА ВОЕННО-ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XVI-XIX ВЕКАХ

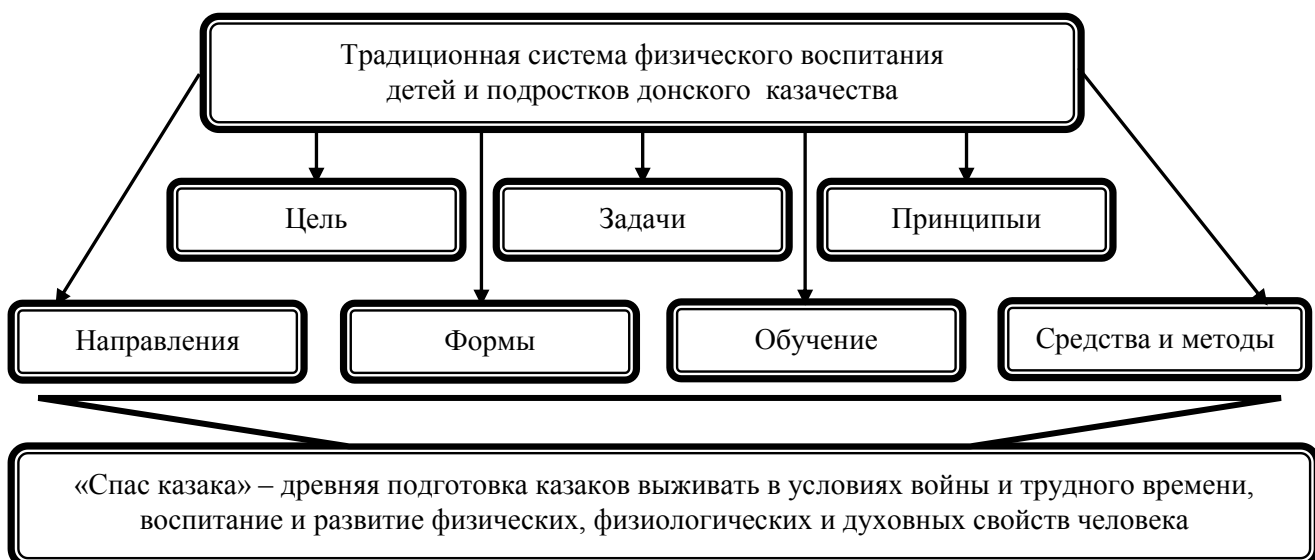
В статье рассматривается генезис системы физического воспитания донского казачества в XVI-XIX веках. Структура военно-физической подготовки подрастающего поколения донского казачества формировалась под воздействием боевых, трудовых и бытовых условий существования казачьего сообщества, превратившегося в военное сословие. В качестве институтов военно-физического воспитания донского казачества использовались следующие организационные формы: семейные и народные традиции, станичные школы и училища, кадетские корпуса и военные училища, подготовка в казачьих войсках.

Ключевые слова: система физического воспитания казачества, военно-прикладная подготовка, формы организации физического воспитания донского казачества.

На сегодняшний день можно констатировать, что казачество сумело создать механизм передачи военного опыта и физической подготовки подрастающему поколению, а система физического воспитания казаков адаптирована с учетом современных реалий и функционирует на каждой ступени институтов социализации. Актуальным представляется рассмотрение основных компонентов структуры и организационных форм системы физического воспитания донского казачества как старейшего носителя военно-физических традиций российского казачества с момента становления до начала XX века.

Накапливающийся веками потенциал военно-физической подготовки успешно реализовывался на полях сражений и превратился в военный механизм, который использовался в целях распространения влияния в регионе, охраны собственных территорий, заключения военных союзов с народами, живущими по соседству [6]. Историко-генетическое эволюционирование системы физического воспитания казаков обусловлено поэтапным развитием социогенеза самого казачества. В архивных документах по истории Донского края мы находим, что периодизация казачества опиралась преимущественно на социально-экономические, политические и военные события, а также решения государственной власти. На протяжении столетий уклад жизни казаков способствовал развитию способностей воина и охотника. «Военно-физическая подготовка казака начиналась уже в детстве, она разделялась на базовую и специальную, и представляла целостную систему, составляющие компоненты которой между собой были тесно взаимосвязаны» [4].

Компоненты традиционной системы физического воспитания детей и подростков донского казачества

Основной идеей духовного и нравственного воспитания казаков было воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма и православной веры, стремление к идеалам доброты, любви к родине, чести, преданности роду и своему войску. Методы трансляции нравственных ценностей и духовного опыта, патриархальный уклад жизни и микроклимат в семье, действия отца или матери как продолжателей тради-

ций рода, способствовали осмыслению поведения у подрастающего поколения и формированию подражательных действий, передаче на духовном уровне силы и знаний [8].

Теоретико-методическую основу физического воспитания детей и подростков казаков представляли знания о закономерностях физиологического развития организма человека, окружающей среды и природы, общепедагогических руководящих положениях, специфических, военно-прикладных и традиционных средствах и методах физического воспитания.

В качестве программно-нормативных основ и установленных критериев физической подготовленности использовались своеобразные «тесты», которые начинались в возрасте 1 года и заканчивались в 16-18 лет, когда казака переводили в распоряжение войска, и он вместе со всеми ходил в походы. Функция этих тестов заключалась в том, чтобы поставить казачонка в определенные условия, посмотреть на его реакцию, выявить недостатки и достоинства, и уже потом начинать их корректировать и вырабатывать необходимые навыки и качества.

Целью традиционной системы физического воспитания донского казачества в XVI-XIX веках было воспитание казака-воина, защитника своей Родины, патриота, что предполагало формирование военно-физических и патриотических качеств личности, выражение гражданской позиции и продолжение национальных традиций, развитие физических, военно-прикладных умений и навыков, позволяющих эффективно осуществлять трудовую и профессиональную деятельность, направленную на защиту Отечества.

Построение образовательных задач этой системы соответствовало требованиям, предъявляемым к военно-физической подготовке казаков. До появления первых казачьих образовательных учреждений использовались семейные и родовые традиции обучения. Накапливаемые веками знания, умения и навыки военно-физической подготовки передавались из рода в род и способствовали наследуемости многих физических и физиологических качеств. После открытия в 1790 г. в г. Черкасках народного училища, преобразованного в гимназию, в то время одну из первых, появившихся в России (перенесенную в новую столицу донского казачества г. Новочеркасск в 1808-1809 гг.), началась эпоха образования и народного просвещения талантливой молодежи, которая впоследствии составила управленческий костяк Войска Донского.

Приоритетной воспитательной задачей было воспитание воина и патриота, развитие духовно-нравственных и физических качеств личности. Функция этого воспитания заключалась в формировании у молодежи представлений о социально-политической роли казака-воина, защитника, отстаивающего интересы своего государства. Развитие и воспитание у подрастающего поколения социально-значимых качеств благотворно отражалось на донском обществе в целом, создавая идеал казака семьянина, воина, христианина.

Оздоровительные задачи в традиционной системе физического воспитания казаков носили опосредованный характер, но специфические условия степного климата и река Дон с ее притоками оказали влияние на образ жизни казаков. С ранней весны до поздней осени казачата росли в степи, помогали старикам в поле на бахче, пасли овец, ловили рыбу. Резкая смена температур и пребывание на свежем воздухе закаляли растущий организм и укрепляли здоровье, способствовали гармоничному физическому развитию, повышению сопротивляемости организма к воздействию на него холода и жары, делая его выносливым.

Традиционная система физического воспитания донских казаков имела военно-прикладную направленность, которая подразделялась на базовую и специальную подготовку. Базовая подготовка предполагала подготовку казака-кавалериста, а прикладная – казака-разведчика (пластуна) и воина-моряка. Образование особенного воинского этноса и воинской культуры способствовало становлению этнического самосознания, отраженного в двух аспектах: морском и степном. В начале XVIII века после превращения казачьих общин в иррегулярные войска казачество становится военным сословием Российской империи. Военная реформа 1835 г. утверждала Положение и штаты Донского казачьего войска, принятые меры давали казакам значительные привилегии, превращали казачество в замкнутую военную касту. Казакам запрещалось переходить в другие сословия, служить в регулярных войсках, заключать браки с представителями других сословий. С этого момента военно-прикладная подготовка становится профессионально значимой и необходимой для казака, а открывшиеся в XVIII веке первые казачьи училища и гимназии начинают развивать направление профессионально-прикладной физической подготовки и целенаправленно готовить специалистов военного дела из среды казаков.

Средства традиционной системы физического воспитания казаков включали военно-прикладные физические упражнения:

- единоборства: казачий рукопашный бой, «кулачки», «в грудки», «на крест», «стенка на стенку», «возня-борьба» – только за руки, только за шею, «на ломка» – только за пояса и др.;
- виды конных упражнений: скачки на короткие и длинные расстояния (до 100 км), джигитовка и «вольтижировка», верховая борьба, рубка лозы и различных предметов на скаку;
- фехтование и упражнения с холодным оружием: фехтование и фланкировка с нагайкой, ножом, кинжалом, клинком, «кошкой», перначом, боевой косой, шашкой («джигитка»), рубка струи воды без

брызг, рубка шашкой и клинком на скаку лошади разнообразных целей, меток, лозы справа и слева, снизу вверх и сверху вниз на высоком, среднем, низком уровнях высоты;

- стрельба из различных видов оружия в различных условиях;
- прикладные виды метания в цель: шашки, клинки, ножи, топоры, саперные лопаты, боевые косы, пластины, заточки, гвозди, нагайки;
- упражнения на коновязи – ходьба, бег, прыжки, перескоки перевороты, упоры, висы;
- упражнения на воде – плавание, гребля, переправы через реки и др.;
- легкоатлетические виды упражнений – «казачья верста», бег с потягом, военизированная полоса препятствий и др.;

– групповые упражнения – казачьи потешки: чехарда, городки, возня, «куколка», беготня и скакание через одну и две веревки, карусель, обстрелы, быстрые кулачки, схорончики (прятки), ножички, игры с нагайкой, игры на коновязи, лазание по деревьям, групповое катание на конях и др.

Бытовые упражнения включали: самооборону с использованием сельскохозяйственных инструментов – лопата, коса, серп, оглобля, мотыга (тяпка), арапник, батог (кнут) и др.; упражнения, используемые на досуге: казачьи танцы – «казачок», «гопак» и «боевой гопак» (с ударной техникой). Казачьи танцы являлись хорошим средством для проверки уровня межмышечной координации, согласованности движений и развития физической выносливости [1].

Оздоровительные силы природы являлись средством традиционной системы физического воспитания казаков. Природа на войне и в мирной жизни для казака была как родная мать. Понимание казаками использования в практических целях сил природы – воздушных ванн, энергии и тепла солнца, обливание и закаливание холодной водой, купание в крещенской проруби, целебные свойства источников подтверждается опытом благоприятного воздействия этих сил на организм человека.

Соблюдение режима дня, двигательной активности, питания и сна в преломлении православного мировоззрения и народного календаря содействовали укреплению здоровья казаков. Сохранение тела в чистоте и выбор благоприятных мест занятий на свежем воздухе рассматривались казаками как положительные факторы, влияющие на процесс физического воспитания.

Методы физического воспитания казачьей педагогики совершенствовались из поколения в поколение, утверждались наиболее значимые и соответствующие уровню общественного развития. Наиболее распространенными были методы воспитательного воздействия – разъяснения, убеждения, личного примера, показа упражнений, цель которых была закрепить динамический стереотип по принципу «увидел – осознал – сделал». Очень часто использовался метод тестирования (констатирующей проверки) физических качеств и навыков, значение которого было создать заведомо сложные для казачонка условия с установкой их преодолеть, проверить значимые военно-физические навыки с последующей их корректировкой и совершенствованием [2].

Организационными формами физического воспитания казаков являлись: семейные и народные традиции, станичные школы и училища, кадетские корпуса и военные училища, подготовка в казачьих войсках. По мере взросления казака расширялся и спектр осваиваемых им знаний, умений и навыков. Можно выделить следующие институты военно-физического воспитания казаков:

- подготовка в казачьих войсках;
- кадетские корпуса и военные училища;
- станичные школы и училища;
- семейные и народные традиции.

Основы будущей личности казака-воина закладывались в семье. В каждой семье сохранялись свои традиции обучения, и от отца к сыну передавалось не только оружие, доспехи, амуниция, но и фамильная техника боя. Умение владеть конем и оружием являлись главными показателями воинской доблести и родовой славы [7].

Специфичной формой физического воспитания донских казаков были «шермиции» – примерные бои, приуроченные к православным календарным праздникам и военно-траурным обрядам. На шермициях, «домашних играх» – станичных праздниках организовывались малые полковые маневры и «ученья оборотам казачьей службы». Они представляли собой состязания и упражнения конного и пешего характера, коллективного и индивидуального действия, с оружием и без него.

Открытие станичных и поселковых школ на Дону во второй половине XIX века последовало после получения права в 1860 г. наказному атаману открывать образовательные учреждения на средства станичной казны. Станичные школы напрямую подчинялись войсковому начальству, а оно в свою очередь обеспечивало организацию образовательного процесса: от назначения кадрового состава до составления планов по учебным дисциплинам. Станичные школы в России создавались с целью подготовки детей и подростков к военной службе, поэтому главными задачами были военно-физическая подготовка, сохранение и укрепление здоровья, освоение знаний военного дела на казачьих традициях [3]. В школы принимали казачат с 8-9 летнего возраста без сословных ограничений, дети офицеров, старшин и рядовых казаков обучались вме-

сте. Воспитание имело ярко выраженную военную направленность, кроме чтения и письма ученики 1,5-3,5 часа в день занимались строевым шагом, гимнастикой, фехтованием, плаванием, борьбой, кулачным боем. Станичные и поселковые школы являлись самой массовой формой военно-физического воспитания донских казаков, к 1919 году численность школ составляла 3115.

Первое народное училище на Дону было открыто в г. Черкаске 5 февраля 1790 г. Наряду с военно-профильным обучением училище решало проблемы местного значения, подготавливая гражданских специалистов – войсковых писарей, топографов, учителей начальных классов, землемеров. В училище принимали с 10 лет без сословных ограничений, существовало 2 отделения (разряда): малое (2 класса) и главное (3-5 классов). Программа обучения была очень насыщена общественными науками, но военно-физическая подготовка и занятия, «свойственные казачьей службе», занимали главенствующее положение. В учебные планы по физическому воспитанию народных училищ входили: военные науки – пехотный и кавалерийский уставы, полевая фортификация, тактика боя, артиллерия, фехтование и фланкировка, верховая езда, гимнастика, стрельба, плавание, владение различными видами казачьего оружия – пикой, палашиком, дротиком, клинком, ножом, «кошкой» и др. Также юношей обучали ритмике и танцам, пению обрядовых, молодецких, конно-маршевых песен. Казачьи народные училища на протяжении более 200 лет обучали талантливую молодежь военным и светским наукам, сохраняя традиции военно-физического воспитания своих предков, выпускники училищ составляли костяк командного и управленческого аппарата Области Войска Донского [5].

Для подготовки подростков Войска Донского к военной службе в 1883 г. в Новочеркаске был открыт Донской Императора Александра III кадетский корпус. Дети офицеров, чиновников, дворян и простых казаков принимались в кадетский корпус в возрасте 10-12 лет, срок обучения составлял 7 лет. Не менее 4-5 часов в день в урочное время кадеты осваивали различные виды подготовки к фронтовой службе: строевое обучение, фехтование, гимнастику, подвижные игры, плавание, стрельбу из различных видов оружия, конную и артиллерийскую подготовку, казачий рукопашный бой. Во внеурочное время кадеты занимались танцами, командованием устраивались парадные смотры, марши, состязания. Воспитанники двух старших классов в летнее время 2 месяца проходили подготовку на сборах и в военно-полевых лагерях, где проводились усиленные строевые, конные, артиллерийские маневры и учения. До 1917 г. из стен Донского Императора Александра III кадетского корпуса вышла целая плеяда генералов и офицеров, ставших национальной гордостью донского казачества и Российской империи.

В казачьих военных образовательных учреждениях – училищах, гимназиях, кадетских корпусах осуществлялась подготовка рядовых донских воинов на профессиональной основе.

Таким образом, рассмотренная традиционная система физического воспитания донских казаков в XVI-XIX веках состояла из структурных компонентов – военно-физического, прикладного, психофизиологического и оздоровительного, имела конкретные цели, задачи, принципы, направления, средства, методы, формы и отвечала всем требованиям своего времени. Содержание системы физического воспитания формировалось под воздействием мировоззрения казачества как служилого сословия, образовательной и воспитательной среды, военного быта казаков. На структурную организацию образующих элементов системы большое влияние оказал процесс развития военного искусства и технический прогресс. Институтами физического воспитания в казачестве являлись организационные формы: семейные и народные традиции, станичные школы и училища, кадетские корпуса и военные училища, подготовка в казачьих войсках.

Библиографический список

1. Астапенко Г.И. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII-XX веков. – Батайск, 2002. – С. 81.
2. Башкатова Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.П. Башкатова. – Владикавказ, 2005. – 23 с.
3. Воспитательное пространство культуры казачества: реалии XXI века: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. С.Н. Лукаша. – Армавир: Полипринт-С, 2007. – 230 с.
4. Голошапов Б.Р. История отечественных и зарубежных систем физического воспитания и спорта: учебное пособие. – М.: МПУ, 1995. – 376 с.
5. Коновалов А.В. Военно-патриотическое воспитание казаков Северного Кавказа: XVIII – начало XX века: Автореф. дис. ...к-та пед. наук: 13.00.01/ А.В. Коновалов. – Владикавказ, 2005. – 22 с.
6. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона: краткий очерк истории войска Донского. М.: Граница, 1992. 342 с.
7. Стрельников В.И. Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. – М.: Русский путь, 2000. – 179 с.
8. Шестун Е.Н. Православная педагогика. – М., 2001. – 576 с.

A.I. Alifirov

Russian state social University
Moscow

anat.alifirov@yandex.ru

THE STRUCTURE OF THE MILITARY AND PHYSICAL TRAINING ORGANIZATIONAL FORMS OF PHYSICAL EDUCATION OF THE DON COSSACKS IN THE XVI-XIX CENTURIES

The article discusses the Genesis of the system of physical education of the don Cossacks in the XVI-XIX centuries. The structure of military-physical training of the younger generation of the don Cossacks was formed under the influence of military, labor and domestic conditions for the existence of the Cossack community, which turned into a military caste. As institutions of military physical education of the don Cossacks used the following organizational forms: family and national traditions, stanichno in schools and colleges, cadet corps and military schools, training in the Cossack armies.

Keywords: the system of physical education of the Cossacks, military-applied training, forms of organization of physical education of the don Cossacks.

УДК 94(47).083

В.Г. Визер, Н.Ф. Калачкова, С.В. Казначеев

*Бийский промышленно-технологический колледж
г. Бийск*

*Новосибирский филиал Национального государственного Университета
физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта
г. Новосибирск*

*pr_py4@mail.ru
doc_kazna@mail.ru*

КАЗАЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН РУССКОГО МИРА

В статье на основе сравнительного обзора литературных, научных и практических данных по истории возникновения и социального развития казацкого сословия представлен условно эталонный его «портрет» и предпринята попытка оценки влияния казачества на формирование культуры современного Русского Мира.

Ключевые слова: казачество, культура, социальное развитие, образ жизни, патриотизм.

О казачестве как феномене Русского Мира можно говорить только в контексте времени и истории. Сегодня к нам приходит понимание того, что для возрождения казачества нужно не только красиво рассуждать о его славном прошлом и «наведении порядка» с использованием нагаек, но и четко представлять себе будущее казаков как этноса Русского Мира [4; 5; 7].

Казачество согласно можно попытаться определить как отдельный этнос, самостоятельную народность, четвертую ветвь восточного славянства или даже как особый субэтнос смешанного тюрко-славянского происхождения [1; 2; 4].

1. О том, что сформировало казачий этнос как феномен Русского Мира.

Казачьи заповеди (Дух казака)

1. Казаком нужно родиться!
2. Казаком нужно стать!
3. Казаком нужно быть!
4. Никогда не гордись казачеством!
5. Никогда не считай сына другого народа ниже или глупее себя.
6. Будь равно добр и открыт со всеми. Помни, по тебе судят о казачестве!
7. Храни достоинство, но не гордись!
8. Служи Господу через служение народу своему!
9. Помни: Душа твоя принадлежит только Богу, Жизнь – народу, Честь – никому!
10. Пуще всех благ и самой жизни ставь казачью волю!
11. Помни: воля – не своеволие, лихость – не разбой, а доблесть – не жестокость!
12. Храбрые – всегда добрые, потому как они сильные!
13. Не мсти! Оставляй врага своего на суд Божий, и станет он скор и справедлив!

14. Будь свободен душою, но страсти держи в оковах, да не овладеют они сердцем твоим, да не ввергнут в пучину беззакония!

15. Никогда не воюй со слабейшим! Сразив врага, будь милостив!

16. Слава тебе, Господи, что мы – казаки!

Натура казака и его социальная идентификация

Казак – взрослый представитель особого многоплеменного этноса: казачьего этноса (казачьего народа). Казак родовой (природный) – знающий не менее трех поколений предков-казаков по мужской линии (отца, деда и прадеда). Казак, знающий четыре и более поколений, является казаком старинного рода. Казак потомственный – взрослый казак, имеющий (знающий) хотя бы одного из своих родителей (включая крестного отца) из родовых казаков. Казак приписной (повёрстанный) – взрослый мужчина неказачьего происхождения, принятый в казачью станицу (в общину, в реестровое казачество) и берущий на себя соответствующие Уставу обязанности [1; 2; 4].

«Душа казака»

Внешне казак, конечно, может не проявлять такта и этической сдержанности в своем естественном и раскрепощенном поведении и даже выглядеть некоторым образом вызывающе: высокомерно и похотливо свободно. Но при этом он по-доброму весел и открыт. И таким своим поведением он не причиняет никому никаких неудобств или смущения. Напротив, он сразу располагает к безудержному общению и доверительному отношению к себе. У него есть широкая и распахнутая душа, которая ветвями своими плодородными выходит наружу, и этого нельзя не увидеть. Это подтверждает вся его сущность, своими благими делами и поступками чести, а также острым чувством справедливости, заступничеством за обижаемого и духом, Богом дарованной свободой. Казачья строгость не есть зло Преисподней. Наоборот, это есть добро и зоркость, обращенные на мир. Это совершенно нормальная реакция православного христианина на окружающую его действительность. Строгость во всем – это как раз и есть сконцентрированность Души на созерцании Бога и исполнении в своей жизни Его заповеданного нам Закона. Зло же, напротив, зиждется в невежестве, в отсутствии такого рода строгости, то есть нерадении и рассеянности сознания и расслабленности духа.

2. Казачье сословие

Начиная с петровских времен 18-го века вплоть до революции 1917 г. казаки образовывали в Российской империи основу отдельного сословия (совместно с другими племенами – осетинами, калмыками, бурятами, якутами и пр.). Казаки охраняли государственные и внутренние границы, в качестве иррегулярных войск участвовали во множестве войн, служили как личный конвой царя. В ответ они имели значительную социальную автономию, выборность атаманов низшего и среднего звена, плодородные земли в общинной собственности. Казачье сословие освобождалось от государственных налогов, однако с казаков взимали станичные сборы.

3. Казачья семья

Казачья семья – курень: совместно проживающие и ведущие общее хозяйство казак-отец, казак-дед, казачки – их жены, женатые сыновья и дочери, их невестки и зятья (примаки), взрослые и малолетние сыновья и дочери [4; 5; 6].

Казачья община: территориальное объединение казаков, образуемое в местах их проживания с целью организации казачьего самоуправления, сохранения и развития традиционного быта, хозяйствования, культуры, землевладения и землепользования. Община образуется вокруг конкретной церкви (храма) и составляет ее приход.

4. Казачья система землепользования

Вся казачья земля считалась войсковой (общественной). Частной собственности на землю не существовало. Большой Войсковой Круг утверждал деление войсковых земель на округа, округ распределял земли для станичных юртов. Земля казакам выделялась по количеству душ в семье и за семьей закреплялась. Имея свой «земельный пай» казак мог работать на земле, передавать ее по наследству, отдавать родственникам или соседям на время, но не мог ее продать. Земля являлась собственностью станицы, хотя внутри ее допускались перераспределения паев (сенокосы) с учетом ее продуктивности. Для образования отдельного хутора станица выделяла землю. В каждом станичном юрте имелся «войсковой запас» свободной земли. Свободная земля использовалась для общественных нужд (пастбищ). Казакам выделялись деланки кустарников и лесов для заготовки дров. Часть земли выделялась иногородним жителям на правах аренды, за плату. Сами казаки всегда считали, что земля казакам никогда не была пожалована государями, а владели они ею по праву, уплатив за нее в свое время казачьей кровью своих предков [4; 5; 6; 7].

5. Казаки в детстве, в юношестве и на воинской службе

У каждого новорожденного казака или казачки, помимо кровных отца да матери, были крестный отец и крестная мать. Это не должны были быть родственники (как принято сейчас). Крестного подбирал отец – это должен быть человек надежный (кунак, односум, побратим и т. п.), у которого было, чему поучиться. Это он в первую очередь формировал дух казака. Крестный отец и крестная мать должны быть способны участвовать в воспитании ребенка – жить недалеко от крестника (крестницы). Крестную подыскивала кровная мать из числа своих подруг (желательно хотя бы немного старше ее возраста) [1].

Если в семье родился казак, то основная нагрузка ложилась на крестного: он делал из казака воина. Главная же задача крестной матери в этом случае состояла в том, чтобы сформировать в казаке отношение к девушке-казачке как к жене, матери и хозяйке. Если же родилась казачка, то основную роль выполняла крестная. Она формировала из девочки женщину-казачку как умеющую ждать жену, терпеливую мать и добрую хозяйку. Крестный в данном случае формировал в казачке отношение к казаку как к воину-защитнику, как к мужу, отцу и главе семьи.

До службы в армии юноша-казак должен был овладеть как минимум верховой ездой с элементами джигитовки, рубкой лозы шашкой, стрельбой из винтовки (лежа, стоя, с колена, с коня, в том числе на скаку), использованием пики. Все юноши и взрослые казаки демонстрировали свои воинские умения на общем казачьем воинском празднике.

Служба в армии начиналась в 21 год и продолжалась в течение 4 лет. После службы все казаки 1-ой очереди проходили ежегодные воинские сборы в казачьих лагерях по 1-2 месяца. В них казаки совершенствовались на практике воинские приемы, проводя тактические занятия по ведению боевых действий в составе сотен и полков, выполняя марш-броски, отрабатывая атаки «лавой», выполняя стрельбы, маневры в степи (отходы, обходы, захваты и пр.). Воинская служба считалась почетной обязанностью казака. Казаки с гордостью носили военную форму, но не каждый день. Форма носилась только на службе, одевалась на Круг, в церковь, на воинских сборах и в особо торжественных случаях. Строевые казаки имели право носить форму, когда сочтут нужным. После выхода на льготу по возрасту казакам разрешалось ношение формы, но без погон. Офицеры могли носить погоны до конца своих дней.

Особенностью казачьего войска было наличие в нем, наряду с конными, пеших казаков, входивших в состав пластуных подразделений. Боевые традиции и тактика пластунов складывались веками. С пластунами связан процесс развития и совершенствования в России стрелкового искусства, снайперства. Природные охотники, пластуны были такими совершенными стрелками, что «били без промаха впотьмах, не на глаз – на слух», это определило их функцию в казачьем войске в качестве «стрелков на выбор» – по офицерам, оружейной прислуге, вестовым противника [4].

6. Бытовые, боевые, культурные и православные традиции казачества

Принятый в 1991 г. Закон о реабилитации репрессированных народов, а также Указ Президента Российской Федерации о реализации данного закона в отношении казачества заложили основу законодательной базы для развития казачества как особой этнической и социальной группы, сохранения и воспроизводства казачьей культуры. Параллельно с развитием мероприятий по возрождению казачества происходило формирование и развитие казачьих обществ.

В 1995 г. с выходом Указа Президента Российской Федерации за казачьими обществами, включенными в государственный реестр, была законодательно закреплена функция несения государственной и иной службы. В 2005 г., после принятия Закона о государственной службе российского казачества, это направление процесса казачьего возрождения становится приоритетным для государственной политики и казачьих обществ. Казачьи общины и реестровые войсковые общества – это две основные формы развития казачества. Их цель одна – служение своему Отечеству.

В условиях роста национального самосознания, современная педагогическая наука все чаще обращается к историческим памятникам, культурным традициям, в частности, традициям казачества как средствам воспитания подрастающего поколения. Традиция – понятие многогранное. На знании истоков казачества, его сакральных традиций, родного фольклора воспитывается интерес и уважение к культуре других народов [1; 2; 6].

7. Молитвы казака

Верую, Господи, и исповедую, что Ты есть Христос, Сын Бога живаго, пришедший в мир спасти грешных, из них же первый есмь я. Еще верую, что по неизреченной милости Твоей ты простишь прегрешения наши и гнев Твой праведный претворишь в милость и святой Вере нашей Христовой не дашь погибнуть от козней Антихриста и возвеличишь ее по всей земле.

Господи сил, с нами будь! Десницею Твоею крепче булата соедини Всероссийское Казачество!

Пусть Тихий Дон и Яик, Бурный Терек, Кубань Многоводная, Центральное, Астраханское и Оренбургское Войска, и за Уральским хребтом, за рекой Иртышом все братское Казачество в полном единении

со всем Русским Народом с мечем в руке, с крестом на груди, в едином могучем порыве сокрушит главу Змия-диавола и великому Русскому Народу укажет высокий его жребий!

Ты с нами, Господи! Да уразумеют народы, что Ты с нами! С Тобой страха не имеем, смерти не страшимся!

8. Казачий этнос

Современный казачий этнос в России – это не прямые и «чистые» в антропологическом и лингвистическом отношении потомки одного из народов с эпохи бронзы (а может и ранее), жившего по казачьим рекам и «выращенного» учеными-исследователями казачьей истории. И не отдельные «ветви» того самого дерева, символически олицетворяющие не единство, а разделение единого «ствола-этноса» по этническому и территориальному признаку. Казачий этнос – это сам «ствол», сохранивший свой неповторимый менталитет и самобытность. Это автохтонное население исконно казачьих земель, ассимилировавшее прокатившиеся через них «волны» вышеназванных и многих других, менее известных и малочисленных народов, впитавшее в себя часть их культуры, обычаев и традиций, языков и наречий [2; 3].

Представляется принципиально важным понимание того, что казачьи традиции – это не показная внешняя атрибутика и обязательная «государева служба», а образ жизни, основанный на наличии традиционной среды обитания казачьего этноса, всего казачьего сообщества, гарантированного традиционным порядком казачьего землепользования на основе местного казачьего самоуправления.

Признание казаков самостоятельным этносом в рамках Конституции и действующего законодательства о национальном самоопределении народов в Российской Федерации может быть достигнуто только проведением ряда официальных и конкретных мероприятий, которые могут быть расценены как фиксированная индивидуальная национальная самоидентификация части населения Российской Федерации, относящей себя к казачьему этносу, как коллективное волеизъявление этого населения в части его этнической самоидентификации в формах, предусмотренных законом.

Казачество является хранителем высоких духовных и нравственных ценностей. Оно имеет высокую идею в форме «Святая Русь или Мать-Сыра Земля» и необходимо сохранить эту константу, трансформировать ее через века в современность [1; 6]. Казак не может считать себя казаком, если не знает и не соблюдает традиции и обычаи казаков.

В основу морально-нравственных устоев казачьих обществ положены десять Христовых заповедей. Приучая детей к соблюдению заповедей Господних, родители по народному их восприятию поучали: не убивай, не кради, не блуди, трудись по совести, не завидуй другому и прощай обидчиков, заботься о детях своих и родителях, дорожи девичьим целомудрием и женской честью, помогай бедным, не обижай сирот и вдовиц, защищай от врагов Отечество. Но прежде всего, крепи веру православную: ходи в Церковь, соблюдай посты, очищай душу свою через покаяние от грехов, молись единому Богу – Иисусу Христу. И добавляли: если кому-то что-то можно, то нам нельзя – мы казаки!

9. Мы казаки!

Мы казаки, казаки и только казаки... Белые ли, красные ли, зеленые ли – мы казаки и только казаки! Что нас делит между собой? Что сближает нас?

Нас делят политические моменты, нас делят социальные взгляды, но мы казаки, все казаки хотим счастья, хотим радости своему народу.

Разве это не сближает нас, разве это не сбивает нас в одно целое, из которого никто и не смеет, и не может уйти. Мы казаки, все казаки и только казаки!

Политические взгляды, социальные моменты, ведь это не цели, но только пути, по которым шли, идут и будут идти народы, а наша цель – счастье русского народа, своего народа, казачьего народа.

Разве должны политические моменты разделять, делать врагами, непримиримыми врагами? Нет, у нас у всех одна цель – счастье казачьего народа, у нас у всех один путь – казачий шлях.

Соединимся же все, сплотимся же все около казачьего знамени, национального знамени, около одной и единственной казачьей цели – служение своему измученному казачьему народу. Кто нам поможет? Никто кроме нас казаков, никто кроме нас не вдохнет в душу казачьего народа новую веру, веру в счастливое будущее, никто кроме нас казаков не залечит тяжелые раны на казачьем теле!

Мы не имеем права расплытаться, и расходиться по чужим, неказачьим лагерям и организациям, у нас должна быть только одна ориентация – казачья, один лагерь – казачий национальный лагерь!

Объединимся все около святого и родного казачьего имени, около нашего казачьего национального имени! Мы должны помнить свой долг перед казачеством!

Наш долг – служения казачеству, наш долг поднять казачество и сделать его счастливым и славным, достойным наших великих казачьих предков.

Мы хотим сами на своей казачьей земле устроить свою казачью жизнь. К Вам казаки, родные братья, казаки, казаки всех Войск несет наш призыв: «За славу Казачества! За счастье Казачества! Казачество должно жить! Казачество не смеет исчезнуть!»

* * *

Уникальность российского казачества состояла в том, что оно в тяжелых условиях, среди враждебного окружения смогло создать сильную демократическую, свободолюбивую и религиозно-идейную общину с целостным мировоззрением, особым говором, своими нравами и обычаями, с рыцарской идеей защиты Отечества и Православной веры.

Библиографический список

1. Бондарь Н.И. Традиционная духовная культура кубанского казачества (конец XIX – пер. пол. XX в.) // Традиционная культура и дети. – Краснодар, 1994. – С. 5-38.
2. Бондарь Н.И. Узловые проблемы казачества // Проблемы развития казачьей культуры: Материалы научно-практической конференции. Пос. Тульский 7 июня 1997 г. – Майкоп, 1997. – С. 11-22.
3. Гордеев А.А. История казаков. Золотая Орда и зарождение казачества. – М., 1991. – 176 с.
4. Гордеев А.А. История казаков. Со времени царствования Иоанна Грозного до царствования Петра I. – М., 1992. – 256 с.
5. Запорожская сечь. /Автор-составитель С. Шумов, А. Андреев. – М.: Изд. Эксмо, Изд. Алгоритм, 2004. – 608 с.
6. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. – М., 1967. – 356 с.
7. Савельев Е.П. Древняя история казачества (Репринтное воспроизведение издания 1915 г.). В трех частях. – Новочеркасск., 1916 – 442 с.

V.G. Wieser, N.F. Kalachkova, S.V. Kaznacheev

Biysk Industrial and Technological College

Biysk

Novosibirsk branch of the National State University of Physical Culture, Sport and Health,

named by P.F. Lesgaft

Novosibirsk

pr_py4@mail.ru

doc_kazna@mail.ru

COSSACKS AS A PHENOMENON OF THE RUSSIAN WORLD

On the basis of a comparative review of the literary, scientific and practical information on the history and social development of the Cossack class is represented by its shareware reference "portrai" and an attempt to assess Cossacks influence on the formation of the modern Russian Culture of Peace.

Keywords: Cossacks, culture, social development, lifestyle, patriotism.

УДК 37.0 (470)

А.М. Егорычев, Л.В. Мардахаев

Российский государственный социальный университет,

г. Москва

chelovekcap@mail.ru

mantissa-m@mail.ru

ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: УЧЕТ ТРАДИЦИЙ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В статье рассматривается проблема гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения в современной России. Авторы анализируют вопросы, касающиеся модернизации отечественной системы образования в решении проблемы гражданско-патриотического воспитания российской молодежи с учетом традиций российского казачества.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, традиции российского казачества, воспитательно-образовательный потенциал России, отечественная культура.

Проблема гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения в современной России стоит достаточно остро. Выход России (1991 г.) на новое пространство социально-экономического и социокультурного жизнестроительства практически полностью разрушил институт социализации граждан страны, социального воспитания подростков и молодежи. Прежние, сформированные в советское время смыслы и ценности, лежащие в основе гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколе-

ния, были подвергнуты уничтожающей критике и отвергнуты. Новые ценности творятся и утверждаются с огромным трудом.

В целом, как считают ведущие ученые страны (А.И. Субетто, В.Н. Турченко, С.И. Григорьев, А.Д. Лопуха, Л.В. Мардахаев, А.М. Егорычев, И.А. Федосеева, А.И. Родионов и др.), институт воспитания и образования в новой России переживает жесткий кризис. Ученые также отмечают, что воспитание как таковое практически исчезло из образовательных программ всех уровней системы российского образования [2; 6].

Тем не менее, патриотически настроенная научно-образовательная общественность России, ее огромный общественный актив предпринимают разнообразные усилия для развития гражданско-патриотического направления, его включения в систему образования. Пишутся научные статьи, защищаются диссертации, организуются всевозможные социально-политические и социокультурные мероприятия, открываются и работают молодежные патриотические клубы, центры, общественные организации и мн. др. Приходит понимание, что без разработки методологически четкого гражданско-патриотического направления в государственной социальной политике просто невозможно эффективно реализовывать все другие ее направления, эффективно строить социальное государство (согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации).

Вполне ясно, что молодежь выступает основным звеном в долгосрочной политике государства. От уровня сформированности мотиваций, сознания и мировоззрения подрастающего поколения зависит будущее страны, ее устойчивое развитие.

Мотивация отношения подростков и молодежи ко всему происходящему имеет свои истоки в пределах семьи, ее ближайшего окружения, школы и тех сообществ, которые их окружают. Мотивация в этом возрасте в большей степени определена стремлением подражать старшим людям, неформальным лидерам и героям, которые своими поступками являют пример отношения к конкретному событию. Однако, лидеры и герои, которых выбирают для подражания подростки и молодежь, должны выражать ментальность отечественной культуры, быть близкими по духу русскому (российскому) человеку, находить отклик в его сознании и душе. Это и есть те самые «краеугольные камни», на которых взращивается истинная гражданственность и патриотизм [2; 3].

К сожалению, современные СМИ, обладающие огромными ресурсами и возможностями для создания идеала человека новой России, формирования мифологических образов героев нашей страны, тем не менее, огромного влияния на сознание и мотивацию подрастающего поколения не имеют. Можно говорить о том, что российские СМИ работают крайне неэффективно, а в отдельных случаях их действия можно рассматривать как социально вредные, создающие реальные риски в реализации государственной социальной политики.

Сегодня в основных государственных документах и законодательных актах, касающихся вопросов образования и воспитания российской молодежи (прежде всего в Законе об образовании в Российской Федерации), практически не обозначены и четко не прописаны конкретные цели образования и воспитания, идеал личности, который формируется в системе образования.

Также необходимо отметить, что гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения как важнейшее направление государственной социальной молодежной политики пока не получило должного признания и практического выражения в образовательных организациях всех уровней российской системы образования. Все организуемые и проводимые мероприятия по гражданско-патриотическому и военно-патриотическому воспитанию детей, подростков и молодежи не носят системного характера и зависят в большей мере от энтузиазма их руководителей и участников.

Современная социально-политическая ситуация требует нового государственного подхода к организации системы гражданско-патриотического воспитания в Российской Федерации. Данная ситуация обусловлена процессами, протекающими как в мировом сообществе, так и имеющими место в России. Так, события, происходящие на Украине, показывают, что недооценка этого важного направления в социальной политике страны может породить огромные риски в развитии российского государства и общества, отрицательно повлиять на систему безопасности страны.

На наш взгляд, данный подход должен включать следующие компоненты, требующие пошагового решения:

1) в государственной социальной политике по направлению воспитания молодежи необходима четкая формулировка, выражающая сущность государственной идеологии по вопросам гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания подрастающего поколения; должен быть представлен идеологический «заказ» по формированию соответствующего типа личности;

2) принятие Федерального закона «О патриотическом воспитании граждан Российской Федерации» с четким обозначением необходимости обязательного внесения данного направления воспитания во все образовательные организации всех уровней системы российского образования (формирование социально-политической компетенции);

3) Министерству образования и науки Российской Федерации разработать воспитательные стандарты нового поколения с учетом положений Федерального Закона «О патриотическом воспитании граждан Российской Федерации», провести соответствующий мониторинг всех образовательных организаций системы российского образования по вопросу соответствия уровня реализации гражданско-патриотического воспитания обучающихся требованиям разработанных стандартов;

4) Внести в Федеральный Закон об образовании в Российской Федерации дополнения, касающиеся целей образования и воспитания подрастающего поколения, идеала личности, формирующейся в системе российского образования;

5) Российскому научно-образовательному сообществу разработать соответствующий пакет научно-методических материалов по направлению гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания детей, подростков и молодежи (с учетом положений Федерального Закона «О патриотическом воспитании граждан Российской Федерации»), предназначенный для образовательных учреждений страны.

Таким образом, идеологически выверенная и законодательно закреплённая концепция гражданско-патриотического воспитания детей, подростков и молодежи в Российской Федерации, выражающая четкую систему социальных норм, смыслов и ценностей, позволит регулировать широкий спектр отношений молодежи к себе, своей семье, стране и народу, своим обязанностям и долгу, формировать систему смыслов и ценностей, соответствующих отечественной культуре, вырабатывать навыки и привычки гражданского и патриотического поведения.

Глубокое осмысление огромного исторического воспитательно-образовательного потенциала России позволяет говорить о том, что страна обладает громадными возможностями использования смыслов, ценностей и традиций русской (российской) культуры, накопленного военного опыта по защите Отечества, поддержанию у молодежи боевого духа и готовности защищать страну, честно трудиться на благо своего народа, стать истинными патриотами своей Родины [2; 3; 4].

Одним из важнейших направлений гражданско-патриотического воспитания российских подростков и молодежи является их приобщение к культуре российского казачества. Сегодня данное направление активно развивается как в научном, так и в практическом плане. В стране эффективно функционируют сотни кадетских корпусов и кадетских классов, где возрождаются казачьи традиции, формируется мотивация и мировоззрение будущего защитника Отечества.

Приобщение подрастающего поколения к традициям казачества, образу их жизни, знакомство с их героической историей должно стать важным направлением государственной социальной политики в области гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания молодежи. Данное направление должно иметь системную направленность, четко прописанный «заказ» на подготовку соответствующей личности, обладающей определенным сознанием и мировоззрением, качествами и свойствами. Сама личность должна выступать носителем новой идеологии российского государства, выражать смыслы и ценности родной культуры.

История российского казачества показывает высокий потенциал ресурсов, которые позволяли на должном уровне формировать у подрастающего поколения необходимые качества и свойства, которые побуждали молодежь честно относиться к своим обязанностям перед обществом, хорошо трудиться, заботиться о семье, уважать старших, любить свою Землю и, когда возникала необходимость, быть отважными воинами, защищать свою Отчизну.

Весьма эффективна была подготовка будущих граждан «малой родины» в виде казачьей семьи и станицы, жизнь которых осуществлялась на принципах самоуправления, демократии и единоначалия, а также коллективного решения социально значимых задач военного, экономического и культурного характера. С молоком матери впитывалось казачье отношение к семье, земле и к станичному укладу жизни. Казачья станица выражала своеобразие социокультурной среды этого этнического сообщества, где социальными скрепами выступала круговая порука всех за каждого, где Родина начиналась с семьи и казачьего круга как формы коллективного управления жизнью казаков.

С самого рождения семейная и станичная социокультурная среда была настроена на воспитание казака (казачки) как сына (дочери) Отечества, которое он (она) призваны защищать от рождения и до тризны. Только при наличии такой органичной и гармоничной связи казак может создать настоящую казачью семью, которая окончательно сформирует для него «гражданство малой родины», которое неразрывно связано с понятиями «моя Земля», «Отчизна», «Родина».

Детство и отрочество казака шаг за шагом было выстроено не только с целью воспитания гражданина-патриота, но и с целью закрепления в его сознании духовно-нравственных основ, без которых не может получиться человека-гражданина, способного вырабатывать правильную гражданскую позицию казака, ежедневно и ответственно осуществлять ее в повседневной жизни. К подобного рода основам можно отнести: обязательность православных норм и требований; соблюдение народных традиций; выполнение необходимых обрядов и ритуалов, связанных с жизнью казачьей станицы; участие в общественных делах станицы и организуемых военных учебных лагерях; почитание старших и мн. др. Можно говорить о том, что

жизнь казака была полностью «регламентирована» системой общественного уклада казачьей станицы. В процессе участия каждого члена этнического казачьего сообщества в исполнении всех обозначенных традиций и обычаев формируются устойчивые стереотипы поведения, утверждается единый стиль поведения казака, воспитывается его патриотическое сознание и мировоззрение.

Как пример, на сороковой день от рождения сына отец-казак берет его на руки, символически вешая на него шашку, и, возвращая матери, говорит: «Принимай и воспитывай, мать, казака». Когда сыну исполняется пять лет, отец сажает сына на коня и везет его в храм. В 15 лет отец представляет сына станичному атаману и казакам станицы, где по-настоящему сыну устраивалось испытание, чтобы оценить, готов ли он достойно выполнять казачьи обязанности. До 17 лет молодой казак официально относится к разряду «малолетки». Затем перед ним открывается путь непосредственной подготовки к государственной службе по защите Отечества.

С рождением сына родители подбирают ему крестного отца и крестную мать с подходящим общественным авторитетом и новорожденной девочкой-сверстницей. Связанные крестными узами семьи общаются друг с другом, дети совместно растут и развиваются, привыкают друг к другу, развивают, что очень важно, общие интересы. Казаки и казачки до вступления в брачные узы уже приобретали необходимые практические навыки по самостоятельному обустройству казачьего быта и ведению обширного казачьего хозяйства.

Таким образом, в повседневной жизни этнического казачьего сообщества обычаи и ритуалы, утвержденные нормы и стереотипы поведения выступали в качестве:

- необходимого компонента этнической социализации каждого члена казачьего сообщества (казачьей станицы);
- инструмента сохранения и передачи основ этнической казачьей культуры от поколения к поколению;
- орудия поддержания и укрепления исторического опыта организации жизни казачьей станицы, многообразных форм ролевого поведения его членов;
- механизма контроля и коррекции социального поведения членов казачьего сообщества, соответствия его духовным смыслам и ценностям.

Можно говорить о том, что все обозначенные компоненты, составляющие суть повседневной жизни казачьего сообщества, представляют собой устоявшуюся, исторически проверенную систему социального воспитания подрастающего поколения, его гражданско-патриотической и военно-патриотической подготовки к служению Отечеству.

Вся жизнь казачьей станицы протекает на виду у детей, подростков и молодежи, они с учетом своего возраста, участвуют в ней. Происходит их естественная подготовка к самостоятельной жизни. Боевая история представителей старших поколений казачьей станицы, живые, в конкретных лицах станичников примеры доблести, храбрости, уникальной смекалки и героизма – прекрасный образец для подражания.

Особенность подросткового и юношеского возраста такова, что вся полнота смысла поступка, послужившего примером для подражания, воспринимается ими на эмоциональном, чувственном уровне, переживается лично, закрепляется в его сознании на долгие годы, определяет суть его поведения и поступки в будущем. По истечении определенного времени формируются гражданская позиция и готовность ее проявления, приходит полное осмысление настоящих поступков, порожденных усвоенным опытом прошлого [5; 6].

Гражданская позиция казака – это активное его отношение к происходящему вокруг него, всем событиям своей «малой родины» и, через это, уже к российскому государству, своей Отчизне. По большому счету, гражданская позиция казака – это его духовное отношение к своей семье и семье родителей, могилам предков, станице, родной Земле, Родине. Казак представляет собой образ духовного гражданина Родины предков. Его духовная гражданственность прописывается через человеческое сознание в самой душе, укрепляется соответствующими поступками. Духовная гражданственность, по сути, есть неуничтожимое состояние, без чего просто не может осуществляться гражданская позиция русского человека.

Примером тому могут послужить судьбы многих российских казаков, вынужденно оказавшихся в условиях многолетней эмиграции, но сохранивших станичный дух казачьего братства и не изменивших своей Родине.

Таким образом, рассуждая о проблеме гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения в современной России, необходимо учитывать, прежде всего, богатое историческое наследие русской (российской) культуры. В культуре России значимое место занимает история рождения, становления и развития этнического казачьего сообщества, которое содержит богатый этнопедагогический потенциал, имеющий важное значение для теории и практики гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения нашей страны.

Библиографический список

1. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издат. отдел Московского Патриархата, 1993.
2. Егорычев А.М. Философские и научно-теоретические основы отечественного социального образования // *Alma-mater* (Вестник высшей школы). – 2014. – № 10. – С. 20-28.
3. Егорычев А.М. Восхождение к гражданственности в педагогике А.С. Макаренко // *Воспитание есть искусство, дело живое и творческое: матер. вторых международных социально-педагогических калабалинских чтений, посвящённых А.С. Калабалину: сб. ст. / под ред. Л.В. Мардахаева. – М.: Изд-во РГСУ, 2014. – С. 75-79.*
4. Кононов П.Н. Критерии выбора: На «Право» пойдешь – «коня» потеряешь, налево пойдешь – женишься. – М.: Издат. дом «Ниола 21-й век», 2005.
5. Мардахаев Л.В. Синергетический анализ устойчивого развития воспитательной системы А.С. Макаренко // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2014. – № 10. – С. 53-59.
6. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика. Полный курс: учебник. 5-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 816 с.

A.M. Egorychev, L.V. Mardakhaev

*Russian State Social University,
Moscow*

*chelovekcap@mail.ru
mantissa-m@mail.ru*

EDUCATING THE YOUNGER GENERATION IN A MODERN RUSSIA: RUSSIAN COSSACKS ACCOUNTING TRADITIONS

The article deals with the problem of civil-patriotic education of the younger generation in modern Russia. The authors analyze issues relating to the modernization of the national education system in solving the problems of civil and patriotic education of the youth of Russia, taking into account the traditions of the Russian Cossacks.

Keywords: Civil-patriotic education, the traditions of the Russian Cossacks, educational and educational potential of Russia and Russian culture.

УДК 94(47).083

А.И. Родионов

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск*

ajonn.r@mail.ru

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И В ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье дается характеристика казачества как воинского феномена Русской державы, рассматриваются основные аспекты его деятельности в различные исторические периоды, обсуждаются проблемы современного российского казачества, его место и роль в решении задач, стоящих перед российским обществом. Автором подчеркивается исключительность миссии казачества в деле формирования и воспроизводства российской национально-патриотической элиты, обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: возрождение казачества, казаки, казацкие войска, национальная безопасность, российское казачество, формирование национально-патриотической элиты.

Из истории казачества

Об истории казачества написано достаточно много статей и книг [1-5; 11; 12]. Кратко и научно убедительно, на наш взгляд, эта история представлена в конце статьи С. Волгина:

«В начале XVII в. окончательно сложился тип казака – универсального воина, одинаково способного участвовать в морских и речных набегах, сражаться на суше, как в конном, так и в пешем строю, прекрасно знающего фортификационное, осадное, минное и подрывное дело. Но главным видом боевых действий тогда были морские и речные набеги. Преимущественно конными казаки стали позже при Петре I, после запрета в 1696 г. выхода в море. По своей сути казаки – это каста воинов, кшатриев (в Индии – каста воинов и царей), многие века защищавших Веру Православную и Землю русскую. Подвигами казаков Русь становилась мощной империей. Ермак преподнес Ивану Грозному Сибирское ханство. Сибирские и дальневосточные земли по рекам Обь, Енисей, Лена, Амур, а также Чукотка, Камчатка, Средняя Азия, Кавказ были присоединены во многом благодаря воинской доблести казаков. Украину воссоединил с Россией казачий атаман (гетман) Богдан Хмельницкий. Но казаки нередко выступали и против центральной власти (примечательна их роль в русской Смуте, в восстаниях Разина, Булавина и Пугачева). Много и упорно днепровские казаки бунтовали и в Речи Посполитой. В значительной степени это объяснялось тем, что предки

казаков идейно были воспитаны в Орде на законах Ясы Чингисхана, согласно которой настоящим царем мог быть только чингизид, т. е. потомок Чингисхана. Все остальные владыки, включая Рюриковичей, Гедиминовичей, Пястов, Ягеллонов, Романовых и прочих, в их глазах были недостаточно легитимны, были «царями не настоящими» и казакам морально и физически дозволялось участвовать в их свержении, воцарении, бунтах и прочей антиправительственной деятельности. А после Великой Замятни в Орде, когда в ходе усобиц и борьбы за власть были уничтожены сотни чингизидов, в том числе и казачьими саблями, чингизиды лишились казачьего пиетета. Не следует сбрасывать со счетов и простое желание показавать, воспользоваться слабостью власти и взять в ходе смут законный и богатый трофей. Папский посол в Сечи отец Пирлинг, немало и успешно потрудившийся, чтобы направить воинственный пыл казаков на земли еретиков московитов и османов, так писал об этом в своих воспоминаниях: «Кзаки писали свою историю саблей, и не на страницах древних книг, но на полях битвы оставляло это перо свой кровавый след. Для казачества было привычным делом доставлять троны всевозможным претендентам. В Молдавии и Валахии периодически прибегали к их помощи. Для грозной вольницы Днестра и Дона было совершенно безразлично, подлинные или мнимые права принадлежат герою минуты. Для них важно было одно – чтобы на долю их выпала хорошая добыча. А можно ли было сравнивать жалкие придунайские княжества с безграничными равнинами русской земли, полной сказочных богатств?» Однако с конца XVIII века и до Октябрьской революции казаки безоговорочно и усердно играли роль защитников Российской государственности и опоры царской власти, получив от революционеров даже прозвище «царских сатрапов». Каким-то чудом царице-немке и ее выдающимся вельможам, сочетанием разумных реформ и карательных акций, удалось вбить в буйную казачью голову устойчивую мысль о том, что Екатерина II и её потомки – это «настоящие» цари. Эта метаморфоза в сознании казаков, происшедшая в конце XVIII века, на самом деле казачьими историками и писателями еще мало исследована и изучена. Но есть непреложный факт, что с конца XVIII века и до Октябрьской революции казачьи бунты как рукой сняло» [1].

По нашему мнению, к XX-му веку российское казачество окончательно оформилось как сословие, как единство субэтносов всех казачьих войск Русского Мира. Хотя споры ученых и самих казаков на эту тему продолжаются до сих пор.

Русское казачество в эпоху Советской власти

Советская власть и ее ленинское руководство (лишенное русских национальных корней) увидело в казаках одно из главных препятствий осуществления своих всероссийских и всепланетарных планов. И для этого у большевиков были глубокие основания. Так, например, Лев Троцкий отмечал, что в эпоху революции «казачество это единственная самоорганизующаяся сила в России», монархическая, по сути, и противостоящая большевикам, поэтому оно должно быть уничтожено. А Вильгельм II – последний германский император, утверждал, что «казаки – это последнее рыцарство XX-го века». Ни самоорганизации казаков, ни тем паче их рыцарства, православия как основы их мировоззрения, и в большинстве преданности самодержавию советское руководство допустить не могло. Поэтому, в «годину нашего лихолетья» и был взят курс на геноцид православного казачества. Этот процесс можно дифференцировать на три фазы.

Первая фаза (карательная) – фаза бессудных карательных расстрелов, когда казачество уничтожалось просто по площадям. В эту фазу отрядами красновардейцев выселялись и расстреливались целые станицы, а затем в уничтоженные казачьи селения массами переселялись жители русских и украинских губерний.

Вторая фаза (фаза голодомора) – специалисты связывают эту фазу геноцида казаков с проведением политики коллективизации, к которой на землях Казачьего Присуда реально перешли в 1929 г. [11].

В середине 30-х годов по указанию Сталина предпринимается ряд мер, отразивших новый курс национальной политики советского руководства. В их числе постановление ЦИК о снятии с казачества ограничений по службе в Красной Армии. Так же вышел приказ наркома обороны о комплектовании территориальных и кадровых казачьих частей. На праздновании очередной годовщины ОГПУ чекисты с изумлением увидели в ложе Большого театра группу казачьих старшин в форме царских времен с золотыми и серебряными аксельбантами. В РККА были восстановлены прежние воинские звания. Казачьи части Красной Армии храбро сражались на фронтах Великой Отечественной войны и покрыли себя неувядаемой славой.

Однако часть терских казаков и казаков из белой эмиграции воевала на стороне фашистской Германии и милитаристской Японии. Казаки атамана Краснова, в частности, отличились своим упорством в боях на стороне немцев на Курской дуге и на Днепровской переправе, при подавлении Варшавского восстания и боевых действиях на территории Югославии, не гнушаясь при этом бесчинствами над мирным населением.

Возможно, что эти факты и боязнь партийного и советского руководства возродившейся в годы Великой Отечественной войны «единственной самоорганизующейся силы в России» породили третью фазу геноцида казачества (геноцид исторической памяти). Эта фаза началась сразу же за победой Советского

Союза в Великой Отечественной войне, когда в 1946 г. были расформированы казачьи части РККА, а слово «казак» вновь автоматически бросало на человека тень неблагонадежности. Своего пика эта фаза достигла при Хрущеве, когда казаки целенаправленно лишались исторической памяти и национальной гордости. При Брежневем накал «антиказацкой» пропаганды начинает спадать [11].

Казачество в постсоветскую эпоху

Современное российское казачество – это граждане Российской Федерации, относящие себя к казакам (прямые потомки казаков, а также граждане, изъявившие желание быть членами казачьих обществ). Казачьи общества и общественные объединения российского казачества созданы на территории более 70 субъектов Российской Федерации. По предварительным оценкам, российское казачество насчитывает около 7 млн человек [6].

В современной России сегодня имеется 11 реестровых войсковых казачьих обществ (казачьих войск): Всевеликое Войско Донское, Кубанское, Терское, Центральное, Волжское, Оренбургское, Сибирское, Енисейское, Иркутское, Забайкальское, Уссурийское. Самыми крупными из них являются Всевеликое Войско Донское (старейшее в России), Кубанское Казачье Войско и Сибирское Казачье Войско [6].

В России функционируют 27 казачьих кадетских корпуса, более тысячи казачьих классов в общеобразовательных учреждениях в которых учатся более 40 тысяч воспитанников. В стране существуют 150 военно-патриотических и военно-спортивных клубов и более 500 казачьих фольклорных ансамблей. Ежегодно в масштабе страны проводятся мероприятия, связанные с военно-патриотическим воспитанием казачьей молодежи [6].

К сожалению, отдельные элементы непонимания важности и значения возрождения российского казачества сохранялись буквально до последнего времени в политике руководства Российской Федерации, несмотря на уже принятые решения о реабилитации казачества и создании госреестровых Казачьих войск.

С чем связано подобное положение дел? Взаимосвязанных причин, по-видимому, четыре:

- 1) отсутствие на данный момент единого национально-патриотического руководства страны, сцементированного единым цельным мировоззрением, общностью задач и методов их решения;
- 2) наличие в нашем мононациональном по международным стандартам русском государстве (порядка 85 % русских) нерусского в большей части и не очень патриотического истеблишмента, боящегося казаков как «единственной самоорганизующейся силы в России»;
- 3) наличие прозападной «пятой колонны» внутри Российской Федерации саботирующей и противодействующей многим решениям руководства;
- 4) выходящее за всякие разумные рамки количество чиновников (бюрократии), как своего рода «шестой колонны» в нашей стране.

Все это вместе взятое и деятельность нерусской и непатриотической части наших СМИ приводит к тому, что часть наших оболваненных сограждан воспринимает казачество в основном как «ряженых».

Однако в последние годы здоровая часть нашей государственной элиты во главе с Президентом Российской Федерации начинает поворачиваться в сторону национального патриотизма, в сторону казачества. Так, например, В.В. Путин на большой пресс-конференции в конце 2013 г. заявил, что «патриотизм сегодняшний очень важен для продвижения идей государственности в сознание народа... В этом смысле казаки играют уникальную и весьма позитивную роль». Глава государства отметил, что, на его взгляд, «казаки иногда действуют гораздо более эффективно, чем правоохранительные органы». Президент заявил о поддержке самоорганизации казаков, в том числе и создании казачьих дружин. Эффективность их деятельности была продемонстрирована на сочинской олимпиаде, на юге России и в Новороссии.

При поддержке Президента России 3 февраля 2015 г. был создан Союз Казаков – Воинов России и Зарубежья на основе госреестра и Союза казаков России. После получения документов из Минюста Российской Федерации об официальной регистрации Союза, продолжилась работа по формированию его региональных отделений в 72 субъектах Российской Федерации.

Об основном тормозе нашего развития

О бедах России уже достаточно много сказано. Основной бедой современной России является бюрократия. Еще ранний Маркс утверждал, что в частной собственности бюрократии находится государство. А Иван Лукич Солоневич в своем фундаментальном труде «Народная Монархия» обоснованно говорил об одной из главных проблем России, заключающейся в чрезмерно расширенном воспроизводстве национального чиновничества [10]. Исторический опыт показывает, что продуктом бюрократии являются всегда только сама бюрократия, непрерывно воспроизводящая только саму себя, и сопутствующие своей деятельности, как правило, «пустые» бумаги.

Скрупулезные подсчеты, проведенные сотрудниками еженедельника «Аргументы и факты» (представлены в № 88 от 22 февраля 2012 г.) дали суммарную оценку российского чиновничества всех уровней почти в 6 млн человек! Сегодня «бумажный бюрократический ком» в образовании, в медицине, в академи-

ческой науке постоянно давит нормальное функционирование этих отраслей. Высшему российскому чиновничеству, не обремененному в целом национальным православным мировоззрением и склонному к либерализму, воровству, «обожанию» денег и комфорту, может быть, «в душе» иногда и хочется сделать для России «как лучше», но получается «как всегда», или даже хуже. Словом, «благими намерениями выложена дорога в ад!» Таким образом, современное чиновничество является главным тормозом в развитии нашей Родины сегодня!

О необходимости подготовки национальной, патриотически настроенной элиты России

Обуздать разгул отечественной бюрократии способна только национальная, патриотически настроенная элита. Вопрос о формировании и воспроизводстве эффективной, немногочисленной патриотически настроенной элиты, сцементированной едиными национальными целями и интересами, целостным православным мировоззрением, становится главной задачей современной России.

Известные из нашей истории модели «госэлит»: дворянская в Российской Империи, партийно-номенклатурная в СССР, и бюрократически-олигархическая в постсоветской Российской Федерации полностью исчерпали себя. Но позитивный интегральный опыт наших предков может стать основой новой национальной элиты современной России. Без такой элиты наше многонациональное государство нормально функционировать не сможет. Ее создание сегодня жизненно необходимо для оздоровления и укрепления современного российского общества и государства. А элита, как известно, возвращается и выпестовывается в течение длительного времени.

Процесс формирования и воспроизводства национальной элиты в современной России тесно связан с институтом казачества. Почему? Да потому, что в современной России носителями Национального Воинского Русского Православного Духа и идеи государственности практически оказались только казаки в казачьих войсках России. Среди 7 млн казаков России, как минимум миллион профессионалов высокого класса в различных областях деятельности – носителей целостного православного мировоззрения, высокого нравственного и культурного потенциала. Именно эти люди могут способствовать процессу формирования национальной элиты в качестве наставников и преподавателей в кадетских корпусах, лицеях и других учебных заведениях.

Президент В.В. Путин принял в 2014 г. решение о выделении среди всех кадетских казачьих корпусов России нескольких элитных и их отдельном финансировании, решен вопрос и о президентских лицеях. Таким образом, формирование национальной патриотической элиты сегодня стало реальностью.

В Москве уже функционирует первый казачий университет – Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (МГУТиУ), а в ряде городов России открыты его филиалы. Однако эти учебные заведения лишь с натяжкой можно назвать казачьими. В программах обучения, к сожалению, до сих пор практически отсутствует воинский казачий компонент. Только сегодня в МГУТиУ и его филиалах создаются военные кафедры. Представляется целесообразным укомплектовать эти кафедры офицерами-казаками и гражданскими лицами – носителями казачьего Православного Духа. Было бы весьма своевременным создание в стране нескольких специализированных воинских казачьих университетов и казачьих отделений в военных училищах и институтах на базе Федеральных округов. Такой университет можно было бы создать и в Сибирского Федеральном округе.

На службе Отечеству

События последних лет демонстрируют нам, русским, что атака на нашу государственность и наше Православие со стороны недругов России идет с нарастающими темпами. Всем гражданам Российской Федерации, независимо от национальности и принадлежности к той или иной религиозной конфессии, следует осознать то, что у России не было, нет, и не будет других таких наипреданнейших союзников, как наши Православная Церковь, Армия и Военно-морской флот».

В рамках этой формулы в наших Вооруженных Силах уже создаются казачьи подразделения, комплектуемые из казачьей молодежи, призванной на действительную военную службу.

Укажем на острую необходимость создания в России добровольческой государственной территориальной армейской структуры – Казачьих Войск как национальной гвардии России. Эта добровольческая структура, состоящая из православных потомственных казаков и казаков из госреестра (профессиональных военных патриотов, прошедших действительную военную службу в армии) обеспечит безопасность и стабильность субъектов Российской Федерации, их защищенность от потенциальных военно-политических угроз и вызовов внутреннего и внешнего характера. Такая мера представляется жизненно необходимой!

* * *

Казаки как универсальные воины в истории Русской Державы и сегодня остаются неотъемлемой частью Русского Мира, защищающей этот мир от внешних и внутренних угроз.

Мы казаки служим Господу Богу, Вере Православной, Матушке России! Служим Казачеству!

Библиографический список

1. Волгин С. Казаки в Смутное время // Независимый казачий журнал «Казачье Братство». Томск. – 2013. – № 2. – С. 13-21.
2. Гетманов В.Н. Российская демография времен Великой Отечественной Войны как зеркало геополитики // Электронный научный журнал «ЦИТИСЭ» [Электронный ресурс]. – 2014. – № 2 // URL.:<http://ma123.ru>.
3. Гнеденко А.М., Гнеденко В.М. За други своя или все о казачестве. – М.: Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993. – 272 с.
4. Гордеев А.А. История казаков. Золотая Орда и зарождение казачества. – М.: Наука, 1991. – 176 с.
5. Гордеев А.А. История казаков. Со времени царствования Иоанна Грозного до царствования Петра I. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
6. Казачество в современной России. Справка // <http://ria.ru/spravka/20100526/238433341.html>.
7. Родионов А.И. Вековые беды России. Кто виноват? Почему? Что делать? // Уровень жизни населения регионов России. Москва. – 2011. – № 6. – С. 158-161.
8. Родионов А.И. Россия XXI века! Быть тебе или не быть? // Независимый казачий журнал «Казачье Братство». Томск. – 2013. – № 2. – С. 140-145.
9. Родионов А.И. О состоянии и ближайших перспективах Русской Цивилизации // Электронный научный журнал «ЦИТИСЭ» [Электронный ресурс]. – 2014. – № 1 // URL.:<http://ma123.ru/> (+).
10. Солоневич И.Л. Народная Монархия. – М.: Изд-во «Центр поддержки культуры и развития информационных технологий», 2002. – 623 с.
11. Сошин Ю.А. «Что есть современное казачество?»: попытка научного анализа. // Независимый казачий журнал «Казачье Братство». Томск. – 2012. – № 1. – С.24-27.
12. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Т. 1. – Новосибирск: Изд. Сибкнига, 2014. – 608 с.
13. Пырх Г.А. Хроника юбилейных Всероссийских «Ермаковских Чтений». Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба «Православие. Самодержавие. Народность». СПб. 25.10.2013.

A.I. Rodionov, Yu.A. Fabrika

Novosibirsk State Technical University

Novosibirsk

ajonn.r@mail.ru

**THE RUSSIAN COSSACKS ON SERVICE OF THE FATHERLAND:
YESTERDAY, TODAY AND IN THE FUTURE**

The article describes the Cossacks as a phenomenon of Russian military power, the basic aspects of its activities in different historical periods, discussed the problems of modern Russian Cossacks, its place and role in addressing the challenges before the Russian society. The authors underline the exceptional mission of the Cossacks in the formation and reproduction of Russian national-patriotic elite, Russia's national security.

Keywords: revival of the Cossacks, Cossacks, Cossack troops, national security, Russian Cossacks, formation of the national-patriotic elites.

УДК 94(47)

А.И. Родионов, Ю.А. Фабрика

Новосибирский государственный технический университет

г. Новосибирск

Дом офицеров Новосибирского гарнизона

г. Новосибирск

ajonn.r@mail.ru

dom-officerov-museum@mail.ru

РУССКАЯ АРМИЯ, КАЗАЧЕСТВО И СИБИРЯКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1914-1918 гг.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с общей характеристикой и состоянием Русской армии и казачества, мужества русских воинов во время Первой мировой войны, выявляется вклад Восточного фронта, Омского военного округа и Новониколаевска в организацию отпора врагу.

Ключевые слова: Восточный фронт, мобилизация. Новониколаевск, Омский военный округ, Первая мировая война, Русская армия, русский народ

Начало войны

Русско-японская война 1904-1905 гг. выявила серьезные недостатки в организации системы комплектования, боевой подготовке и техническом оснащении армии Российской империи. После войны с Японией в вооруженных силах была проведена серьезная реорганизация, осуществлена колоссальная работа по устранению недостатков, проявившихся в ходе боевых действий.

Правительство, предвидя новую войну, проводило в жизнь огромную программу перевооружения армии и флота, затронувшую почти все стороны жизни армии. Для устранения недостатков в 1905-1912 гг. был проведен ряд преобразований в военной сфере [1-5].

Вооруженные силы России к началу Первой мировой войны состояли из сухопутной армии и флота. Все казачьи войска России, в том числе и сибирские казаки, с началом военных действий входили в состав кавалерии. Она была прекрасно подготовлена. Почти 3/4 состава нашей кавалерии в военное время составляли казаки. В столкновениях с конницей противника успех неизменно оставался на стороне русской.

Расходы военного и морского министерств достигли в 1913 г. 826 млн руб.

К началу войны в 1914 г. население Российской империи без Польши и Финляндии составляло 169,4 млн человек, численность Русской армии достигла 1 423 тыс. человек, численность вооруженных сил по окончании мобилизации – 5 460 тыс. человек. Людские ресурсы составляли 5 650 тыс. военнообязанных. Вооруженные силы имели хорошо подготовленный офицерский и унтер-офицерский состав. Русское оружие было не хуже зарубежных аналогов, а во многом и лучше. Кадровая русская армия превосходила вражеские армии по «качеству» бойцов. Русская пехота в стрельбе показывала очень высокие результаты. Русские артиллеристы не знали себе равных в стрельбе [1-6].

России противостояли армии Австро-Венгрии, Германии и Турции. На Западном же фронте союзники России Франция, Англия, Бельгия и позднее США воевали против одной Германии. Восточный фронт на протяжении всей войны был главным, основным. Напомним: осенью 1915 г. против Франции и Англии действовали 91 дивизия и 161 – против России. За период 1914-1918 гг. Россия поставила под ружье 19 млн человек.

Сухопутная армия с началом военных действий образовала фронты: Северо-Западный, Юго-Западный и Кавказский. Армия Российской империи три года держала удар военной машины трех империй – Германской, Австро-Венгерской и Османской – на огромном фронте от Балтики до Черного моря.

Командование Русской армии провело мобилизацию четко и без намека на транспортный хаос. «Неготовая к войне» (по советской легенде) Русская Императорская армия под водительством «бездарных» царских генералов не только осуществила своевременное развертывание, но еще сама нанесла противнику серию мощных ударов, проведя ряд удачных наступательных операций на вражеской территории в начале войны [1-4].

За годы войны ни одна русская армия не была уничтожена неприятелем. Неудачи случались, и достаточно большие, но полного окружения, пленения или разгрома – никогда. Генералам приходилось отступать, но армии под их началом отходили дисциплинированно и организованно, только по приказу. Царские генералы и их солдаты вглубь Отечества врага так и не пустили. Да и гражданское население старалось на поругание врагу не оставлять, по возможности эвакуируя.

Среди командующих были многие талантливые полководцы, такие как генералы А.А. Брусилов, М.В. Алексеев, Н.В. Рузский, П.А. Плеве, адмирал Н.О. Эссен. Заметный след также и в истории Гражданской войны оставили генералы А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов, Н.Н. Юденич, А.М. Каледин, адмирал А.В. Колчак, будущие советские военачальники и крупные военные теоретики А.И. Геккер, А.Е. Гутор, А.М. Зайончковский, В.К. Триандафиллов и др. [6].

За Веру, Царя и Отечество! Мужество и героизм воинов Русской армии

Едва кайзеровская Германия напала на Россию, по всей стране прокатилась волна: «Отстоим родную землю!» Генерал Брусилов, ставший потом любимцем нации, говорил в ту пору, что война с агрессором есть война освободительная и, следовательно, справедливая.

Патриотизм охватил все слои населения. Первым стимулом к бранному подвигу русского народа являлось осознание того, что Германия сама напала на нас. Угроза Германии и ее союзников независимости и целостности России разбудила в народе высокие патриотические чувства: наша армия сражалась на нашей земле, защищала независимость нашей Родины. Понятным народу явилось и то, что эта битва началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа.

Миллионы русских солдат и офицеров пошли в бой. Пошли и кадровые военные и свыше 200 тысяч прапорщиков-добровольцев, которые до войны были студентами, врачами, учителями, артистами... Пошли казаки, крестьяне, горожане... Чтобы облегчить страдания израненных солдат, уходили на поля сражений медсестрами вчерашние мешчанки, гимназистки, курсистки и девушки-смолянки...

Нашим народом в войне были понесены колоссальные потери: число убитых – до 1,7 млн человек, раненых – 4,95 млн человек (из них умерло 350 тысяч человек), попавших в плен – 2,4 млн человек. Около 260 тыс. русских пленных пытались бежать из германского плена, и каждый седьмой смог вернуться на Родину [1-6]. Офицерский корпус Русской армии потерял свыше 71 тыс. человек: 208 генералов, 3368 штаб-офицеров, 67722 обер-офицера. Лишь в немногих пехотных полках за время войны из строя выбыло 300 % офицерского состава (обычно эти цифры достигали 400 и даже 500 %) [6].

Грандиозные сражения кипели несколько лет на тысячекилометровых пространствах. Были горькие поражения, но были и блестящие победы. Русское оружие очередной раз покрыло себя неуязвимой славой. При советской власти были забыты талантливые русские полководцы, были забыты многочисленные подвиги русских солдат, казаков, моряков. Солдаты и офицеры Русской армии выполнили свой долг до конца.

Роль Восточного фронта в победе Антанты

Россия, проявив исключительные усилия в годы Первой мировой войны, внесла огромный вклад в общую победу. Последняя была украдена у России в результате февральского переворота и последующих событий. Русская армия, как это не раз признавали военные авторитеты всего мира, заслужила восхищение и благодарность всех тех, кто вместе с нею боролся против общего врага.

Восточный фронт был главным в течение всей войны. Уже в начале борьбы на фронте находилось 4 млн русских солдат. Отметим, что союзники в это время имели на Западном фронте только 3 млн человек. Из месяца в месяц возрастала роль и значение Восточного фронта, который уже в 1915 г. отвлекал больше дивизий держав германского блока, чем Западный фронт. На 1 января 1917 г. русская армия насчитывала 10 800 тыс. бойцов, все остальные союзные армии – 12 700 тыс. бойцов. В среднем за всю войну русские армии приковывали на Востоке от 40 до 50 процентов всех вооруженных сил Германии и её союзников, тем самым обеспечивая успех войск Антанты. Русская армия своими активными операциями на Восточном фронте расстраивала замыслы германского командования, лишала его плодов победы. На протяжении почти всей войны Россия, по меткому выражению одного из военных историков, «мёртвой хваткой держала своих врагов, увлекая их за собой в пучину военного поражения и социальной революции» [6].

Россия заплатила за победу союзников очень дорогую цену. Большая часть безвозвратных потерь Германии и ее союзников были получены в боях с Русской армией. Германская армия понесла на Восточном фронте более крупные потери, чем на Западном. Из 1 980 тыс. немецких солдат и офицеров, убитых во время войны, 1 201 тыс. приходится на Восточный фронт и 789 тыс. – на Западный. Россия ввела в бой 19 млн человек, а Франция, Великобритания и США вместе – 21 490 тыс. человек [1-5].

Именно русские армии более основательно, чем какие-либо другие, подорвали военную мощь Германии. Именно борьба на Восточном фронте привела к тому, что германская армия истекла кровью и уже не смогла победить в 1918 г. Наши прежние союзники, недавние боевые соратники стараются забыть, что достижением окончательной победы в Первой мировой войне они обязаны русской национальной армии. И что их нынешнее благополучие в значительной степени построено на священной крови русского солдата и русского офицера; что самим своим существованием в настоящем виде они обязаны жертвам русского народа.

Омский военный округ в 1914-1917 гг.

Сибирские полки, дивизии и корпуса участвовали во всех важнейших сражениях Первой мировой войны. В Великой войне в составе Русской армии сражались 7 сибирских армейских корпусов, 22 стрелковые дивизии, 13 пехотных и 88 стрелковых полков, сибирские казачьи полки.

Омский военный округ в первые месяцы войны отдал на формирование армий все свои полевые и резервные войска.

В августе 1914 г. на фронт из Омского военного округа ушли 41-й, 42-й, 43-й и 44-й Сибирские полки и штаб 11-й Сибирской стрелковой дивизии, а также другие части. В сентябре 1914 г. в Действующую армию отправилась 14-я Сибирская стрелковая дивизия (53, 54, 55 и 56-й Сибирские стрелковые полки). Сибирские стрелковые полки и дивизии по своим боевым качествам выделялись из всех войск. Они имели в своем составе боевой командный состав с опытом Русско-Японской войны, а по мобилизации они были пополнены бывшими в боях той же войны стрелками, многие из которых были Георгиевскими кавалерами. Кроме того, эти полки в мирное время содержались по усиленным штатам, поэтому нуждались в очень малом пополнении запасными. Несмотря на громадные потери, сибирские полки и корпуса до конца войны сохраняли свои высокие боевые качества [6; 7]. Наша отечественная история хранит ярчайшие факты мужества и героизма воинов-сибиряков.

На протяжении всей войны командование Омского военного округа, местные власти делали все возможное для размещения и обеспечения большого количества формируемых для фронта воинских частей. Проявлялась забота о семьях призванных на войну сибиряков. Размещались и трудоустраивались тысячи беженцев и эвакуированных. Обеспечивались бесперебойные поставки в Действующую армию огромного количества продовольствия, фуража и т. д.

Десятки и сотни тысяч сибирских крестьян, горожан, казаков были призваны на военную службу. По состоянию на 1 сентября 1917 г. по стране было мобилизовано в армию 12 861,4 тыс. человек, в т. ч. по Азиатской России – 1 209,8 тыс. человек. Омский военный округ дал фронту 830,3 тыс. человек. Из Томской губернии, куда входил и Новониколаевск, было призвано 482,6 тыс. человек [7].

Запасные батальоны округа готовили личный состав для пополнения частей Русской армии на германском, австро-венгерском, турецком и румынском фронтах [6; 7]. Из запасных бригад Омского военного

округа в 1914-1915 гг. ежемесячно на фронт отправлялось до 25 тыс. человек, т. е. по 100 маршевых рот, а в последующие месяцы – до 15 тыс. человек, т. е. по 62 роты. Маршевые роты уходили в Киев (250 чел.), Брест-Литовск (250 чел.), Волковыск (250 чел.), Псков (1 500 чел.), Минск (1 250 чел.). И так было на протяжении всей войны [7].

Русской армией за 41 месяц участия в Великой войне взято пленных почти в полтора раза больше, чем остальными армиями союзников – Францией, Англией, Италией, США, Сербией, Бельгией и Румынией вместе взятыми. Всего в России оказались более 2 млн военнопленных. Более 200 тыс. военнопленных были размещены в Омском военном округе [7]. Строительство барачков, организация охраны, питания, лечения, использования труда военнопленных в народном хозяйстве были весьма непростой задачей для округа и местных властей.

Омский военный округ в годы Первой мировой войны стал важнейшей госпитально-реабилитационной базой Русской армии (в пределах военного округа на излечении находились десятки тысяч раненых и больных воинов, большинство из которых вернулись в ряды армии).

Сибиряки на фронте сражались храбро, а в тылу напряженно и самоотверженно трудились под лозунгом «Все для фронта, все для победы!».

Новониколаевск в годы Второй Отечественной войны

В трудное военное время сибиряки-новониколаевцы разделили все тяготы, обрушившиеся на Россию.

В годы Первой мировой войны значительно выросло значение Новониколаевска (с 1925 г. – Новосибирск) в обороне страны: в действующую армию были мобилизованы все горожане в возрасте до 43-х лет; город перевел на выпуск оборонной продукции все промышленные предприятия, разместил многотысячный гарнизон, отдал все нужные для военных целей помещения – под госпитали, казармы, склады и т. д., дал кров и работу тысячам беженцев и эвакуированных (около 3-х тыс. семей); горожане организовывали сбор денежных средств, теплых вещей, предметов первой необходимости для воинов и в помощь семьям, призванных в армию [7].

Высочайшее мужество и героизм проявили воины ушедших на фронт из города полков: 41-го Сибирского стрелкового полка (покинул Новониколаевск в августе 1914 г.), 53-го Сибирского стрелкового полка (оправлен из Новониколаевска в сентябре 1914 г.), 533-го Новониколаевского стрелкового полка (сформированного на фронте из новониколаевцев и томичей в 1916 г.) [6].

Война превратила Новониколаевск в крупнейший за Уралом пункт подготовки войск для фронта с непрерывным формированием и отправкой в действующую армию маршевых рот.

Гарнизон города насчитывал от 50 до 70 тыс. человек военнослужащих (всего же численность населения города достигала 120 тыс. человек).

Управление 4-й Сибирской стрелковой запасной бригады, 17, 21, 22 и 23-й Сибирские стрелковые запасные батальоны (полки) на протяжении всей войны готовили прекрасно обученных воинов для Действующей армии. Управление 52-й бригады Государственного ополчения сформировало ряд дружин, предназначенных как для пополнения действующей армии, так и для охраны военных объектов.

Новониколаевск стал одним из главных распределительных пунктов военнопленных в Сибири (в городе одновременно находилось до 12-14 тыс. военнопленных) [7].

В Новониколаевске, как и в Сибири в целом, велась заготовка муки, крупы, хлеба, масла, мяса, мясных консервов, сухарей, рыбы и других продуктов, овса, сена, а также осуществлялась заготовка мешков, брезентов, конской упряжи. Оборудовались продовольственные магазины – склады, велась постройка новых промышленных предприятий. Был введен 11-часовой рабочий день. Устанавливалась 16-часовая длительность рабочего дня на железной дороге: с 5 часов утра до 9 часов вечера.

Новониколаевск являлся важнейшим поставщиком хлеба, мяса и масла для нужд Действующей армии, для войск и оборонных предприятий, расположенных во многих регионах страны. Продовольствие, поступавшее из Сибири, шло для снабжения населения обеих столиц России.

Город принял и разместил два сводных эвакуационных госпиталя. Всего в местном лазарете, в названных госпиталях, в лазарете для военнопленных, частных лазаретах на излечении одновременно находилось около 3-х тысяч раненых и больных [7].

Вся жизнь новониколаевцев на фронте и в тылу была отдана достижению победы над врагом, вторгнувшимся в пределы Отечества, угрожавшим самому существованию России.

* * *

Подвиги наших дедов и прадедов на фронтах Второй Отечественной войны и в тылу, лозунг «Все для фронта, все для победы!», родившийся в 1914 г. и вновь возродившийся в 1941 г., опыт перевода экономики на военные рельсы, размещение эвакуированных предприятий, прием тысяч беженцев, организация помощи раненым и больным воинам, а также семьям воинов, призванных на действительную службу, – все это оказалось неоценимым опытом, востребованным СССР, Сибирью, новосибирцами в годы Великой Отечественной войны советского народа 1941-1945 гг.

Библиографический список

1. Абрамов П.В. Мировая война 1914-1918 гг. В 3-х томах. – М., 1948.
2. Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война 1914-1918 гг. – М.: Просвещение, 1964. – 206с.
3. Деникин А.И. Путь Русского офицера. – М.: Эксмо, 2014 – 480 с.
4. Зайончковский А.М. Первая мировая война. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. – 878 с.
5. История первой мировой войны 1914-1918 гг. В 2-х томах. / А.М. Агеев, Д.В. Вержховский, В.И. Виноградов, В.П. Глухов, Ф.С. Криницын, И.И. Ростунов, Ю.Ф. Соколов, АА. Строков. Под ред. д. истор. н. И.И. Ростунова. – М.: Наука, 1975.
6. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Т. 1. – Новосибирск: Изд. Сибкнига, 2014. – 608 с.
7. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Т. 2. – Новосибирск: Изд. Сибкнига, 2014. – 308 с.

A.I. Rodionov, Yu.A. Fabrika

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk
Officers' Club of Novosibirsk garrison of Ministry of Defense of the Russian
Novosibirsk

ajonn.r@mail.ru

dom-officerov-museum@mail.ru

RUSSIAN ARMY, COSSACKS AND SIBERIANS IN THE YEARS OF GREAT WAR

This article discusses problems related to the general characteristics and condition of the Russian army and Cossacks, the courage of Russian soldiers during the First World War, revealed the contribution of the Eastern Front, the Omsk Military District and Novonikolaevsk in organizing resistance to the enemy.

Keywords: Eastern Front, mobilization, Novonikolaevsk, Omsk Military District, First World War, Russian army, Russian people.

УДК 94(47).083

А.И. Родионов, Ю.А. Фабрика

*Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск*

*Дом офицеров Новосибирского гарнизона
г. Новосибирск*

ajonn.r@mail.ru

dom-officerov-museum@mail.ru

РОССИЯ И СИБИРЬ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1914-1918 гг.

В статье рассмотрены вопросы, связанные с общей характеристикой Первой мировой войны, состоянием России накануне и во время войны. Авторы формулируют свой взгляд на место и роль Русской Православной Церкви и семьи Романовых в годы войны, анализируют вклад Сибири в организацию отпора врагу.

Ключевые слова: армия, Первая мировая война; Романовы, Россия, Русская Православная Церковь, Сибирь.

Первая мировая война началась 19 июля (1 августа) 1914 г. В войну было втянуто 38 из 59 независимых в то время стран, свыше полутора миллиардов человек. За период войны было мобилизовано свыше 65 млн человек. Общее количество убитых достигло 8 млн среди военных и 6,6 млн среди гражданского населения. Общее количество раненых достигало 21,2 млн человек.

Война велась из-за взаимных территориальных претензий и передела сфер влияния в мире между коалицией стран так называемого Тройственного союза, в который входили Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария, и странами, входящими в блок, получивший название Антанта (от фр. «сердечное согласие»). В этот блок входили Англия, Франция и Россия. Впоследствии на стороне Антанты воевали Сербия, Италия, Бельгия, Румыния, Черногория и вступившие в войну в апреле 1917 г. США, а также ряд других стран. В этой войне наша держава встала на защиту братьев-славян на Балканах.

Первая мировая война, которую тогда в России называли Великой, Второй Отечественной, Великой Отечественной войной, была для нашего народа Отечественной, ибо Германия и ее союзники покушались на независимость и территориальную целостность России. Именно потому война дала столько примеров героизма и массового, и индивидуального. Наши героические предки явили миру высочайшие образцы любви к Родине.

Но сама война, талантливые полководцы, многочисленные подвиги русских солдат, моряков, казаков, героический труд российского тыла, беззащитные, безмолвные памятники – молчаливые свидетели подвига русских солдат и офицеров, по идеологическим мотивам при советской власти оказались накрепко забыты.

Сто лет отделяют нас от событий Великой мировой войны 1914-1918 гг. Абсолютно изменился мир, изменилась наша страна, изменились мы. Обращаясь мысленно к тому далекому времени, мы вновь убеждаемся в том, что это славные страницы истории нашего народа, великого и высокоодаренного, народа-патриота, народа-воина.

Россия в конце XIX – начале XX века

Россия в конце XIX – начале XX века имела все предпосылки для собственного успешного экономического развития: огромная территория, неисчерпаемые природные ресурсы, многомиллионное трудолюбивое население.

В Российской империи с учетом Польши и Финляндии проживало порядка 180 млн человек, прирост населения активно продолжался. Рождаемость была очень высокой (45,5 детей на 1 000 жителей в год).

К 1914 г. Российское государство добилось огромных успехов практически во всех сферах жизни страны. Россия переживала бурный экономический подъем.

Примерно на протяжении тридцати лет до начала Первой мировой войны (с 1885 г.) Россия занимала первое место в мире по темпам экономического роста (5-8 %), опередив США, также переживавшие период бурного расцвета. А в целом по уровню экономического развития она уступала только Англии и Германии, догнав Францию, Японию и шагая вровень с Америкой.

Россия занимала 4-е место по добыче золота в мире. К началу войны Россия не только рассчиталась со старыми долгами, но и смогла создать солидный золотовалютный резерв. Настолько солидный, что хватило на Великую войну и еще осталось. Немецкая марка тогда стоила меньше рубля, доллар – 1,94 рубля, английский фунт стерлингов – 9,46 руб.

Огромная страна покрылась сетью железных дорог, в том числе и Транссибом, были освоены угольные месторождения Донбасса, активно стали функционировать нефтепромыслы Баку и Грозного, строились такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, текстильные центры в Иваново, Подмоскowie, Лодзи и т. п. Вводились в оборот мощные залежи Кузнецкого бассейна в Западной Сибири.

Урожай хлебных злаков, четверть которых шла на экспорт, превысил грандиозный показатель в 65 млн тонн. Россия занимала первое место в мире по производству зерна – ежегодный экспорт составлял 100 тыс. тонн, по 226 кг русского зерна на каждого жителя тогдашней Европы. В 1910 г. одна молочная продукция России оценивалась в 1 017,5 млн руб., а вся остальная продукция животноводства – в 841 млн руб. В общем экспорте продуктов сельского хозяйства и лесоводства экспорт сливочного масла прочно занял пятое место (на первом была пшеница, затем лес, яйца и птица). Только за одно масло, проданное в 1913 г. за рубеж, страна получила в два с половиной раза больше золота, чем добывали его все золотые прииски России. Фактически Россия занимала первое место в мире среди экспортеров масла, хотя юридически лидером считалась Дания, перепродававшая наше масло после переработки в Англию.

Вырос общий доход населения, непрестанно увеличивалось количество учащихся и студентов, что свидетельствовало о росте уровня образования в стране. В 1912 г. в России по инициативе императора Николая II-го был принят закон о начальных училищах и введении обязательного начального образования. Если же коснуться российского среднего образования, то нелишне вспомнить, что тогдашние гимназии и реальные училища давали объем знаний, превосходящий во многом по качеству объем знаний выпускников современных российских вузов. А человек, получивший высшее образование тогда, был Специалистом с большой буквы, его отличала высочайшая квалификация. На всю Россию с населением в 180 млн человек в 1917 г. насчитывалось всего лишь 250 тыс. государственных чиновников. Царские чиновники – весьма квалифицированные профессионалы, прекрасно справлялись со своими задачами. Как сообщил еженедельник «Аргументы и факты» № 88 от 22 февраля 2012 г. численность российского чиновничества всех уровней в 2012 г. составила почти 6 млн человек при 138 млн населения.

Предвоенное время известно нам как «Серебряный век» русской культуры. Невиданного расцвета достигла литература, поэзия, музыка, балет, наука. На развитие фундаментальной и прикладной науки тогда тратилось пять процентов государственного бюджета.

За четыре года до революции зарубежные аналитики и послы ведущих держав отмечали, что если Россия продолжит развиваться такими же темпами дальше, то к середине XX века она прочно займет лидирующие позиции в мире. По их данным получалось, что численность населения России к середине XX-го века превысит совокупный показатель ведущих европейских стран: население России в 1948 г. должно было составлять 343,9 млн, а Германии, Австро-Венгрии, Англии, Италии и Франции, вместе взятых, – 336 млн человек. «Если у большинства европейских народов, – заявлял американский экономист Тэри, –

дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912 годами, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и экономическом и финансовом отношениях».

Сибирь и сибиряки в годы Великой войны

С первых дней войны население Сибири проявило лучшие качества, свойственные русскому народу: патриотизм, готовность разделить с воюющими на фронте земляками тяготы войны, желание каждого быть полезным в борьбе с врагом.

Население Сибири к 1917 г. составляло около 11,8 млн человек (7 % от общей численности населения Российской империи).

За годы войны в Действующую армию было взято около миллиона сибирских крестьян, что составляло около 35 % молодых людей рабочего возраста.

Из Сибири к западным границам России, охваченным огнем войны, по Великому Сибирскому пути бесперебойно шел поток войск и военных грузов: отобюролизированные сибирские полки, продовольствие, фураж, военные грузы.

В условиях войны все большее значение приобрела промышленность, расположенная за Уралом. Большинство промышленных предприятий перешло к выпуску продукции военного назначения. К 1916 г. в России было 3 846 предприятий, работавших на оборону, с 1 797 тыс. рабочих, а в Сибири – 288 предприятий (около 8 % всех предприятий страны) с 464 тыс. рабочих. К 1917 г. число таких предприятий увеличилось в России до 5 200, а в Сибири – до 933 (или 17 % общероссийского количества).

С начала войны Сибирь оказалась одним из важнейших районов, где стали производиться правительством России заготовки продовольственных продуктов вначале только для нужд армии, затем и для потребностей населения европейской части России. Омский военный округ являлся одним из главных источников поступления в армию продовольствия и фуража, обученного конского резерва. Из 120 отделений конского запаса России в Омском военном округе имелось 10, и они по организации и внутреннему распорядку являлись лучшими в русской армии.

Омский военный округ взял на себя ответственную задачу по охране Сибирской железной дороги, имевшей стратегическое значение. Сибирская магистраль была занята обслуживанием исключительно потребностей армии и действовала бесперебойно. Архангельское и Сибирское направления являлись единственными путями для поддержания товарообмена с союзными и нейтральными странами, а Сибирское, кроме того, главным путем для получения продовольственных и фуражных грузов для армии. Ежедневно из Сибири в европейскую часть России отправлялось от 900 до 1 200 вагонов продовольствия и военных грузов.

В 1915-1917 гг. из Сибири было вывезено 174,1 млн пудов хлеба. В условиях, когда значительно уменьшилось число рабочих рук в деревне (в сельской местности всей азиатской части страны в армию было взято около половины трудоспособных мужчин), решение этой проблемы было весьма сложной задачей. В этих труднейших условиях Сибирь сумела не только не сократить производство сельскохозяйственных продуктов, но и увеличить его. Выросли посевные площади.

Снабжение Действующей армии мясом и мясopодуктами в годы войны оставалось вполне достаточным весь период боевых действий. Потребность войск в жирах удовлетворялась по преимуществу сибирским маслом и салом.

Сибирь стала одной из главнейших здравниц страны, вернувшей в строй сотни тысяч воинов. Грядущей победе над врагом Сибирь отдавала своих лучших сыновей, природные богатства, свой напряженный труд, обеспечивая производство военной техники, снаряжения и обмундирования, продовольствия, топлива, сырья. На нужды войны сибиряками были собраны значительные средства в виде подарков для воинов и денежных пожертвований.

Романовы в годы Второй Отечественной войны

Уже 20 июля (6 августа) 1914 г. Николай II назначил Великого князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим. Вместе с Николаем Николаевичем в ставке находился и его родной брат Петр Николаевич.

Великий князь Борис Владимирович – августейший походный атаман всех казачьих войск – почти всегда был на фронте.

В штабе Юго-Западного фронта служил Великий князь Николай Михайлович.

Великий князь Александр Михайлович, уйдя с морской службы, стал руководителем и организатором русской военной авиации и, превратившись в хорошего летчика, возглавил авиацию Юго-Восточного фронта, а потом и всю военную авиацию страны.

В Действующей армии, в гвардейских полках служили офицерами и другие Романовы: тогда еще совсем молодые офицеры – сыновья Великого князя, Президента Академии наук, поэта «К.Р.» Константина

Романова – Гавриил, Константин, Олег и Игорь. Старшему из «Константиновичей» – Гавриилу было 27, самому младшему, Игорю – 20.

29 сентября (12 октября) 1914 г., через два месяца после начала войны, в семье Романовых погиб один из самых молодых ее членов, князь Олег Константинович. Ему шел двадцать второй год. Это случилось в Восточной Пруссии, когда его эскадрон отступал к русской границе по топким болотам под градом вражеских снарядов. Он был тяжело ранен в живот и умер на второй день после ранения.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна в 1914-1917 гг. руководила «Красным Крестом», формировала санитарные отряды и санитарные поезда, организовывала госпитали и как могла помогала раненым.

Великий князь Михаил Александрович в сентябре 1914 г. был назначен начальником Кавказской туземной конной дивизии («Дикой дивизии»). Дивизия состояла из добровольцев, горцев-мусульман. В дивизию входили шесть полков – Кабардинский, Дагестанский, Татарский, Чеченский, Ингушский и Черкесский, а также пешая Осетинская бригада и 8-й Донской казачий артиллерийский дивизион. За боевые отличия, воинское мастерство и личное мужество Михаил Александрович был удостоен ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия IV степени.

Дочери императора – Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, как и их бабушка Мария Федоровна, мать Александра Федоровна, их тетки и старшие двоюродные сестры с первых же дней войны ушли в «Красный Крест», стали сестрами милосердия в санитарных поездах и лазаретах. Лазареты были развернуты во всех их дворцах.

Во многих поездках на фронт Николая II сопровождал цесаревич Алексей, одетый в длинную солдатскую шинель рядового пехотинца.

17 июля 1918 г. последний русский император Николай II был убит вместе со своей женой и пятью детьми – четырьмя девочками и тринадцатилетним сыном.

Вместе с этим убийством закончилась история династии Романовых на земле России. Весь 1918 г. продолжалась охота за членами этой семьи. К январю 1919 г. погибли семнадцать человек: мужчин, женщин, девушек и подростков.

Однако гораздо больше Романовых осталось в живых: как тех, кто еще до революции жил за границей – в других монархических семьях, так и тех, кому удалось уехать, или убежать за границу.

Русская Православная Церковь в годы Великой Войны

В трудный для страны час нравственной опорой народа стала Русская Православная Церковь. В ней черпал он Веру, Надежду, Любовь – те нравственные силы, которые, в конечном счете, позволяли человеку преодолеть все испытания, залечить душевные раны.

Более 5 тыс. священнослужителей были активными участниками Великой войны. Являясь комбатантами (невоюющими), военные священники шли в самые опасные места сражений и вместе с солдатами исполняли свой долг.

Боевые потери среди священников по сведениям, полученным с театра военных действий с начала войны по 31 декабря 1917 г., составили: убито – 15; умерших от ран – 7; отравлено газами (больных) – 4; раненых в сражениях – 27, раненых, оставшихся в строю – 5; контуженных – 19, контуженных, оставшихся в строю – 9; без вести пропавших – 6; в плену – 53; возвратившихся из плена – 7; больных – 290; ушибленных – 2; всего – 477.

За проявленный в годы Второй Отечественной войны героизм более 1 200 священников получили государственные награды. По неполным данным, только за один год войны им было вручено 227 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте, 85 орденов Св. Владимира 3-й ст. с мечами, 203 ордена Св. Владимира 4-й ст. с мечами, 239 орденов Св. Анны 3-й ст. с мечами.

Мужество и героизм на фронтах проявили военные священники сибирских полков, корпусов и дивизий. Среди них – священники 41-го и 42-го Сибирских стрелковых полков Николай Звездин и Николай Шалютто, священник 137-го военно-подвижного госпиталя 11-й Сибирской дивизии о. Андрей Лопарев, священник 2-го лазарета этой же дивизии Александр Родинов и другие.

В Томской епархии к началу 1914 г. было три военных храма: в Томске, в Новониколаевске и Барнауле. Церкви, причисленные к военному ведомству, являлись центрами культуры, духовной жизни армии, нравственного и патриотического воспитания воинов.

В течение всей войны Церковь (до 42 000 православных приходов) вела сбор многочисленных пожертвований, которые затем передавала на нужды Действующей армии, поддержку больных и раненых воинов, вдов и сирот и т. д. В каждом храме были учреждены приходские попечительские Советы с задачей заботы о семьях лиц, призванных в ряды войск. Эти Советы вели благородную и огромную по своим масштабам работу: собирали и раздавали деньги, продукты, вещи, зерно, муку, крупу, доставляли дрова, уголь, чинили постройки и т. д.

Высокую оценку проводимой Томской епархией работы дал прославленный русский полководец А. Брусилов. В своей телеграмме на имя Антония, епископа Томского и Алтайского, 18 июля 1917 г. он писал: «От лица армии... прошу передать сердечную благодарность за пожертвования на нужды армии деньгами. Поручаю армию и себя вашим молитвам...».

Церковь чтит священную память о погибших героях. В Омском военном округе создают особые Братские кладбища павших героев в городах Омске, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Бийске.

Россия не оставила без внимания, заботы и поддержки своих сынов, оказавшихся во вражеском плену. Священники, находившиеся в плену, совершали богослужения, возносили славу Господу и русскому оружию, создавали храмы, церковные хоры, библиотеки, школы обучения грамоте, философские кружки для офицеров, организовывали группы пленных по обучению сельскохозяйственным знаниям, музыкально-драматические кружки, участвовали в побегах из плена.

Последовал приказ германского правительства русским священникам в Германии, которым при православном богослужении воспрещалось употребление молитв, содержащих моление о воинстве, о победе над врагом и т. д., за нарушение которого духовенство подвергалось серьезным преследованиям, вплоть до расстрела. Все храмы России организовывали культурно-просветительскую и материальную помощь военнопленным: сбор пожертвований, собиранье и отправка в Германию и Австро-Венгрию книг, посылок с продовольствием, теплыми вещами, обувью, церковной утварью и облачением. Благотворительность и попечительство умножали силы страны и укрепляли дух народа в трудные годы войны.

* * *

Вторая Великая Отечественная война стала свидетельством воинской доблести и гражданского мужества наших предков: Романовых, русского воинства, казаков, духовенства и мирян, образцом совместного патриотического служения, сотрудничества и взаимодействия представителей династии, церкви, армии и народа.

Превращения России в державу мирового уровня не хотели многие: и ее «союзники», и ее враги. Впереди Россию ожидала полоса тяжелейших потрясений: войн, революций, разрухи, восстановления. Впереди была Великая Отечественная война советского народа 1941-1945 годов...

Библиографический список

1. Абрамов П.В. Мировая война 1914-1918 гг. В 3-х томах. – М., 1948.
2. Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война 1914-1918 гг. – М.: Просвещение, 1964. – 206 с.
3. Деникин А.И. Путь Русского офицера. – М.: Эксмо, 2014 – 480 с.
4. Зайончковский А.М. Первая мировая война. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. – 878 с.
5. История первой мировой войны 1914-1918 гг. В 2 т. / А.М. Агеев, Д.В. Вержховский, В.И. Виноградов, В.П. Глухов, Ф.С. Криницын, И.И. Ростунов, Ю.Ф. Соколов, А.А.Строков. Под ред. д. истор. н. И.И. Ростунова. – М.: Наука, 1975.
6. Родионов А.И. Россия XXI века! Быть тебе или не быть? // Независимый казачий журнал «Казачье Братство». Томск. – 2013. – № 2. – С. 140-145.
7. Родионов А.И. О состоянии и ближайших перспективах Русской Цивилизации // Электронный научный журнал «ЦИТИСЭ» [Электронный ресурс]. – 2014. – № 1 // URL:<http://ma123.ru/> (+)
8. Родионов А.И. Об основаниях Веры в Бога и Господа Иисуса Христа для неправославных интеллектуалов. // Электронный научный журнал «ИТИСЭ» [Электронный ресурс]. – 2014. – № 2 // URL:<http://ma123.ru/>(+)
9. Фабрика Ю.А. Церковь и Армия в России. – Новосибирск: Изд. Сибкнига, 2007. – 179 с.
10. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Т. 1. – Новосибирск: Изд. Сибкнига, 2014. – 608 с.
11. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Т. 2. – Новосибирск: Изд. Сибкнига, 2014. – 308с.

A.I. Rodionov, Yu.A. Fabrika

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk

Officers' Club of Novosibirsk garrison of Ministry of Defense of the Russian
Novosibirsk

ajonn.r@mail.ru

dom-officerov-museum@mail.ru

RUSSIA AND SIBERIA BEFORE AND DURING THE SECOND PATRIOTIC WAR OF 1914-1918.

The article is devoted to the general characteristics of the First World war, the state of Russia before and during the war. The authors formulate their views on the place and role of the Russian Orthodox Church and the Romanov family during the war, analyzing the contribution of Siberia in organizing resistance to the enemy.

Keywords: Army, World War I, The Romanovs, Russia, Russian Orthodox Church, Siberia.

А.В. Сафронов

Независимый Казачий Журнал «Казачье Братство»
г. Томск

RusRati@sibmail.com

ГЕРОИНЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ, ПОЛНЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР – КАЗАЧКА МАРИЯ БОЧКАРЁВА

В статье представлен авторский взгляд на вопросы, связанные с жизнью, судьбой, служением Отечеству и подвигами замечательной русской женщины – казачки, офицера русской армии, полного Георгиевского кавалера – Марии Леонтьевны Бочкарёвой.

Ключевые слова: Мария Бочкарёва, полный Георгиевский кавалер, Первая мировая война, русская армия.

Русскому солдату Марии

*Родная землячка Мария,
Винтовку сжимая в руке,
Ты русских красавиц водила
В атаку на страшной войне.
Твой крестный поход на Голгофу
Для всякого русского свят.
И памятью подвигов давних
На бой собираешь девчат.
В бою не боялась ты смерти
И пули не брали тебя,
Такой ты оправилась в вечность,
Такой будем помнить тебя!*

*Стихи Раисы Сафроновой,
г. Томск 2014 год.*

Мария Леонтьевна Фролкова, по мужу Бочкарёва, родилась в июле 1889 г. в селе Никольском Новгородской губернии, в бедной казачьей семье. В нескольких архивных документах упоминалось, что предки Марии по отцовской линии были казаками с Урала, точнее с реки Яик, откуда они, со слов ее матери, бежали, опасаясь, что власти припомнят им участие в бунте Емельяна Пугачева [1].

В конце 1895 г. шестилетняя Маша вместе со своими родителями Леонтием Семёновичем и Ольгой Илизаровной переселилась в поисках лучшей жизни из Новгородской губернии в село Ксеньевку, что под Томском, перейдя в податное (крестьянское) сословие. Первоначально семья собиралась переехать на Алтай к родственникам, но по неизвестным причинам осталась проживать в Томске. Со слов Марии, сибирский Томск стал для нее истинной Родиной, где она провела годы детства и девичества, там где узнала свою первую любовь, вышла замуж, но впоследствии разочаровавшись в замужестве, выбрала для себя Путь Женщины – Воина. Именно на этом Пути в ее сердце зародились огромная любовь к Отечеству и Русскому народу, понимание Добра и Справедливости. Эти чувства она, как казачка и офицер русской армии, пронесла через всю свою короткую, но очень яркую и бурную жизнь [2; 4; 5].

Так случилось, что, пройдя через весь ад Первой мировой войны – Второй Великой Отечественной войны, неоднократно раненная в боях и выжившая в многочисленных газовых и штыковых атаках, своим примером поднимавшая в атаку русских солдат, Мария вернулась домой. Здесь судьба уготовила ей как Георгиевскому кавалеру другой конец: погибнуть не от пуль германцев, а от рук большевиков.

Но вернемся в прошлое. Шли годы, Мария выросла и уже из шестилетней девочки, прибывшей в губернский город Томск, она превратилась в крепко сложенную с непростым характером девушку-сибирячку. На одной из молодежных вечеринок судьба свела ее с Афанасием Бочкарёвым, который сделал ей официальное предложение стать его женой. Было Марии тогда неполных семнадцать лет. Венчание со-

стоялось в Воскресенской церкви г. Томска, о чем свидетельствует запись в метрической книге, сделанная 22 января 1906 г. [5].

В Томске Мария и Афанасий после бракосочетания проживали в доме по пер. Горшковскому № 20. Медовый месяц молодожены провели работая в конторе по укладке дорожного полотна. Семейная жизнь молодой пары, к сожалению, не заладилась, – муж много пил и бил жену. Тогда впервые проявляется ее характер: она сбегает от мужа к сестре в Барнаул и устраивается там работать на пароход. Вскоре Афанасий находит ее, и не без усилий возвращает домой. Однако все продолжается по-прежнему, и тогда в отчаянии Мария решается на ужасный поступок – она хочет убить мужа. Лишь чудо мешает ей осуществить свой страшный замысел [1; 5].

В скором времени она влюбляется во владельца мясной лавки еврея Якова Бука, который «по совместительству» оказался еще и разбойником. Его поймали, изобличили, судили и выслали в Якутск. Мария последовала за ним. Но и в ссылке Яков не угомонился, продолжал разбойничать. Его снова посадили в тюрьму, а потом сослали едва ли не на край света, в поселок Амга, где кроме нескольких ссыльных жили одни эскимосы. Мария не бросила своего возлюбленного и здесь, она вертелась, как могла, чтобы облегчить жизнь своему любовнику, но никакой благодарности от него кроме побоев не видела, и вдруг... [5].

Вдруг приехавший в их Тмутаракань урядник привез множество различных новостей, но Марию потрясла только одна из них – началась Отечественная война с германцами! Ее всю как будто перевернуло. Она все бросила и в конце 1914 г. вернулась в Томск, где явилась к командиру 25-го резервного батальона с просьбой записать ее в солдаты и отправить на фронт. Командир, естественно, выгнал ее вон. Но это не остановило Марию, и она отправила телеграмму аналогичного содержания на имя самого Государя-императора Николая II. И свершилось чудо! Император ей ответил согласием. После этого ее были вынуждены зачислить в полк [4; 5].

Служба и учеба в резерве продолжались недолго. Ранней весной 1915 г. ее полк оказался на фронте, где сразу же проявилась необыкновенная храбрость добровольца Марии. Она сражалась наравне с мужчинами в штыковых схватках, проявляла чудеса смелости и находчивости в разведке, показывала бесстрашие во время артиллерийских обстрелов. Несколько раз была тяжело ранена, но снова возвращалась в свой полк. Во время одной из газовых атак, предпринятой германцами, она сама вынесла с поля боя несколько своих раненных и отравленных товарищей [4; 5]. Там, на фронте, она просила называть себя «Яшкой», и это прозвище надолго закрепилось за ней.

К началу 1917 г. Мария стала полным Георгиевским кавалером, а также получила еще несколько медалей и других наград [5].

Солдаты ее любили, и никаких инцидентов по женской части с ее участием не было зафиксировано. Облик ее в окопах заметно изменился: голос охрип, кожа обветрилась и огрубела, волосы стали выпадать и сесть. На сохранившихся фотографиях она выглядит обычным солдатом, и если вы не знаете, кто это, то и не поймете, что это женщина. В окопах Мария наконец-то научилась читать и писать [5].

После февральского переворота обстановка на фронтах стала стремительно ухудшаться. Марию пригласили в Петроград для того, чтобы она поделилась с известными политиками своими взглядами на положение на фронтах. Перед изысканной аудиторией Мария держалась просто и естественно. Она рассказала о падении дисциплины и Боевого Духа в армии, о растущем дезертирстве и пораженческой пропаганде среди солдат со стороны революционеров. Ее спросили, что можно сделать, чтобы выправить ситуацию. Она ответила, что надо первым делом поднимать Боевой Дух в частях. Мария предложила добиться этого не карательными мерами, а путем создания женских батальонов и быстрой их отправки на фронт. Очевидно, она давно вынашивала эту идею. Мария считала, что, видя, как погибают женщины, солдаты не станут отсиживаться в окопах и проявят чудеса храбрости. Какая наивность!

Однако члены Временного Правительства и связанные с ним политики встретили эту идею с восторгом. Последовали обед с Керенским в Зимнем дворце, митинг в Мариинском и т. д. В первую же неделю записалось добровольцами более двух тысяч женщин. После жесткого отсева осталось чуть больше пятисот человек. Учебные занятия и тренировки занимали от 10 до 14 часов в сутки – это был курс ускоренной подготовки, так как время и тяжелое положение на фронте подгоняли. Была установлена железная дисциплина. На Бочкарёву посыпались жалобы, что она очень жестока и прибегает даже к рукоприкладству. Дошло это и до Керенского. Он попытался урезонить Марию, но та сказала, что «недовольные могут убираться ко всем чертям».

21-го июня 1917 г. на Исаакиевской площади произошло вручение знамени первому Женскому Батальону Смерти (слова «Батальон Смерти» в то время означали, что солдаты этих частей обязуются не беречь своей жизни и идти на смерть во имя спасения России). На церемонии были Керенский, архиепископ и другие высокопоставленные лица. Состоялся молебен и освящение знамени. Командиру батальона Марии Бочкарёвой был присвоен чин прапорщика. Петроград встречал Батальон Смерти цветами [5].

Не все шло гладко в среде добровольцев. Некоторые дамы-бойцы ушли из батальона сами, некоторых «попросили» уйти. В результате на фронт отправилось немногим более трехсот человек. Военное ко-

мандование относилось к идее создания женских батальонов очень скептически и считало, что это ни к чему, кроме напрасных жертв, не приведет. Военные оказались правы. Когда 9 июля 1917 г. женский батальон пошел в атаку, «русские богатыри» в своем большинстве доблестно остались сидеть в окопах. Женщины попали под сильный артиллерийский и пулеметный обстрел, забыли все, чему их учили, сбились в кучу и понесли большие потери. А мужчины наблюдали за этим из своих окопов. Чудо так и не произошло!

В этом бою Мария была в очередной раз ранена и попала в госпиталь. В женском батальоне начались склоки, которые прекратились только после возвращения Бочкарёвой из госпиталя. В стране же продолжали создаваться другие женские батальоны, казалось, идея Бочкарёвой торжествует, но в душе самой Марии уже произошел трагический надлом: она перестала верить в свое детище.

25 октября 1917 г. Мария продолжала командовать вверенной ей частью. В рядах женского батальона сражались и другие женщины-казачки, отличившиеся на полях сражений Первой мировой войны: Пелагея Сайгина из станицы Богуславской Угольного поселка Оренбургской губернии, Василиса Привалова и другие [5]. Долгое время советские ученые считали, что Зимний дворец охраняли женщины из первого батальона Бочкарёвой, но позже это заблуждение было развеяно, поскольку выяснилось, что он находился под охраной второго ударного батальона Бочарниковой. Следует отметить, что советские историки вообще всячески замалчивали фигуру нашей героини. Она же, получив приказ новой власти расформировать свой полк, спокойно выполнила его и прибыла в Петроград. Бочкарёва была разочарована в женщинах-солдатах и не смогла понять своей уникальности. Она требовала от своих подчиненных такой же храбрости, какой обладала сама, но, увы, это было невозможно. Люди с ее характером и силой воли не рождаются полками и дивизиями. Они – штучное производство.

После свержения Временного правительства женский батальон был отправлен в Красное Село и расформирован. Саму Бочкарёву арестовали. У нее, если верить мемуарам, произошла встреча и беседа с Лениным и Троцким [4]. В разговоре с ними бывший командир женского батальона смерти пыталась убедить их, что мир с немцами является актом предательства и приведет Россию к гибели. Ей предложили служить на стороне Советской власти, но она отказалась, заявив, что устала, изранена и воевать больше не хочет и не может [5]. Остается загадкой, как удалось Марии Бочкарёвой освободиться. Скорее всего, ей помогла всероссийская известность и, возможно, заступничество иностранных посольств. Как бы то ни было, Марию отпустили, и она поехала к себе домой в Томск. По дороге она позволила себе несколько резких высказываний в адрес новой власти, и солдаты-большевики выбросили ее на ходу из поезда. Это были родные братья тех «героев», что отсиживались в окопах во время женской атаки на фронте. Дома ее ожидали нищета и пьянство. Она и сама, после всего пережитого, стала прикладываться к бутылке, но быстро опомнилась и вернулась в Петроград в начале 1918 г., так как к мирной жизни она уже не могла привыкнуть. Здесь Мария связалась с белым подпольем, и ей дали поручение пробраться в ставку генерала Корнилова. Бочкарёва добралась до Новочеркасска, встретила с генералом, и ожидала от него боевого задания. Но генерал велел ей с небольшой делегацией отправиться в Англию и Америку, чтобы добиться помощи в борьбе с большевиками.

И вот пошли: Букингемский дворец, Белый дом, президент Вильсон и английские министры... Все иностранные газеты писали о ней как о русской героине, «русской Жанне д'Арк». Обеды, пресс-конференции, встречи с влиятельными людьми... Она всех очаровала, и помощь Белой Армии была обещана [2]. В конце августа 1918 г. Мария Бочкарёва прибыла в Архангельск, где в Ставке командования Белой Армии на Севере ее поблагодарили с успешным завершением важной миссии и предложили воевать на стороне белых. Но Мария отказалась, чем вызвала всеобщее непонимание. Недавнюю героиню все стали избегать. Мария очень тяжело переживала случившееся. Она сильно запила, демонстрировала случайным встречным свои боевые награды и раны, а за стаканом водки рассказывала о своих подвигах. От нее решили избавиться: ей дали денег на дорогу и велели ехать в Сибирь, домой [5].

На родную землю Мария Бочкарева ступила 27 августа 1918 г. В апреле 1919 г. временное правительство Северной области постановило выплачивать ей, награжденной четырьмя Георгиевскими крестами, ежемесячно 750 рублей. Летом того же года в составе Карской экспедиции полковника Д. Котельникова Бочкарева уплыла в село Тутальское [5].

Чуть позднее неугомная Мария встретила с Колчаком, который поручил ей сформировать санитарный отряд. Она согласилась, а так как еще не утратила своего умения убеждать, то быстро добилась поставленной цели. Мария Леонтьевна произнесла страстные речи в двух омских театрах и за два дня вербовала 200 добровольцев. Но дни самого «Верховного правителя России» и его армии уже были сочтены. Отряд Бочкарёвой оказался никому не нужен. Тем страшнее было ее разочарование, когда при поспешном отступлении Колчака из Омска брошенными на произвол судьбы оказались эшелоны с ранеными солдатами и офицерами, большинство из которых погибло [5].

Постаревшая и измученная скитаниями, Мария окончательно вернулась домой в Томск к родителям и стала по мелочам подрабатывать себе на жизнь. О своем боевом прошлом она уже почти и не вспоминала. Ей было всего тридцать лет, а выглядела она совсем не молодой женщиной: редкие седые волосы, лицо

в морщинах, шатающиеся зубы. Когда в конце 1919 г. красные заняли Томск, Бочкарёва сама явилась к коменданту города, сдала ему свой револьвер и предложила Советской власти свое сотрудничество. Комендант от предложения отказался, взял с нее подписку о невыезде и отпустил домой, пообещав в конце разговора не трогать ее [5].

Мария стала часто посещать церкви и монастыри, пытаясь стать ближе к Богу. Храмом, который она постоянно посещала, поскольку он наиболее полюбился ей, стал Воскресенский казачий храм, который и поныне находится по адресу ул. Кузнечный Взвоз 10, возвышаясь над городом Томском, как непреступная крепость Торжества Православия. Мария много молилась, пытаясь найти душевное успокоение, прося у Господа помощи и заступничества за русский народ и поруганное Отечество [1].

В Рождественскую ночь 1920 г., находясь на богослужении в помещении своего любимого Воскресенского храма, она была арестована и затем отправлена в Красноярск. На все вопросы следователя Мария Бочкарёва давала откровенные и бесхитростные ответы, чем поставила чекистов в сложное положение. Никаких явных доказательств ее «контрреволюционной деятельности» обнаружить не удалось, в боевых действиях против красных Бочкарева также не участвовала [3].

В конечном итоге особый отдел 5-й армии вынес постановление: «Для большей информации дело, вместе с личностью обвиняемой, направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву». Возможно, это сулило в результате благоприятный исход для Марии, тем более что постановлением ВЦИК и СНК смертная казнь в РСФСР была в очередной раз отменена. Но, к несчастью, в Сибирь прибыл заместитель начальника Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский, наделенный Ф. Дзержинским чрезвычайными полномочиями. Представитель Москвы не понял, что же смутило местных чекистов в деле нашей героини. На постановлении он написал краткую резолюцию: «Бочкарёву Марию Леонтьевну расстрелять». «Русской Жанне д'Арк» шел тридцать первый год. Марию Бочкарёву отвезли в ЧК, предъявили стандартное обвинение в контрреволюционной деятельности, и 16 мая 1920 г. приговор был приведен в исполнение. Новая власть постаралась предать имя героини забвению [3].

В нашем городе Томске, как и в других городах нашей страны, многие улицы требуют переименования. В названиях улиц и площадей родного города Томска должны остаться только имена тех, кто верно служил Отечеству и его народу на протяжении веков. Одна из улиц Томска по Праву Справедливости должна носить имя нашей землячки – Героини Марии Бочкарёвой. Мы, патриоты России и Томска, надемся, что придет тот день, когда на одной из площадей нашего города благодарными потомками будет установлен памятник русскому воину – полному Георгиевскому кавалеру – Марии Бочкарёвой, истинно русскому патриоту, казачке и Православному Человеку, положившему свою жизнь на алтарь Отечества!

Вечная тебе память, Мария Бочкарёва!

Библиографический список

1. Материалы Архива Томской области.
2. Yashka, my life as peasant, exile and soldier. London, 1919.
3. Дроков С.В. Протоколы допросов организатора Петроградского женского батальона смерти // «Отечественные архивы». – 1994. – № 1.
4. Дроков С.В. Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина // Русский исторический сборник. Том 2 – М.: Куликово поле, 2010. – С. 168-197.
5. Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. – М.: Воениздат, 2001.

A.V. Safronov

Independent Cossack Magazine "Cossack Brotherhood"
Tomsk

RusRati@sibmail.com

HEROINE OF GREAT WAR, COMPLETE GEORGE KNIGHT – COSSACKS MARIA BOCHKAREVA

The article presents the author's view on the issues related to the life, destiny, service to the fatherland, and exploits the remarkable Russian woman - Cossack, Russian army officer, full George Knight – Mary Leontyevna Bochkarev.

Keywords: Maria Bochkareva, full George Knight, First World War, the Russian army.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Вадим Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор Академии военных наук Российской Федерации, полковник запаса, г. Новосибирск.

Алифиров Анатолий Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и оздоровительных технологий Российского государственного социального университета (РГСУ), г. Москва.

Аргунова Марина Петровна – аспирант Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул.

Балабушевич Виктор Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор Академии военных наук Российской Федерации, подполковник в отставке, г. Новосибирск.

Баранов Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, г. Кострома.

Бауэр Владимир Павлович – заместитель начальника кафедры математики и информатики Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, полковник, г. Новосибирск.

Борщ Александр Алексеевич – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, подполковник, г. Новосибирск.

Бояренко Виталий Гениевич – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Визер Виктор Григорьевич – кандидат педагогических наук, заслуженный учитель Российской Федерации, заслуженный работник науки и образования, отличник системы профтехобразования, директор Бийского промышленно-технологического колледжа, член-корреспондент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА), профессор Российской академии естествознания (РАЕ), академик Академии безопасности и правопорядка (АБиП), Бийский Союз казаков Союза казаков России, казачий генерал, г. Бийск.

Виноградов Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, полковник юстиции, г. Новосибирск.

Володин Роман Викторович – командир батальона курсантов Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, соискатель РГСУ, майор, г. Новосибирск.

Герш Борис Геннадьевич – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Гомель Николай Иванович – кандидат педагогических наук, профессор кафедры идеологической работы Военной академии Республики Беларусь, Республика Беларусь, г. Минск.

Гостев Игорь Николаевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры общей тактики и оперативного искусства Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Министерства обороны Российской Федерации, подполковник, г. Кострома.

Гурский Анатолий Иванович – кандидат философских наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор Академии военных наук Российской Федерации, полковник в отставке, г. Новосибирск.

Гуща Роман Александрович – преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, капитан, г. Новосибирск.

Десятков Денис Евгеньевич – курсант Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, рядовой, г. Новосибирск.

Егорычев Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной и семейной педагогики Российского государственного социального университета (РГСУ), профессор Академии военных наук Российской Федерации, член учёного совета СВКО (гос. реестр), казачий полковник, г. Москва.

Ежов Дмитрий Сергеевич – курсант Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, рядовой, г. Новосибирск.

Изонов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник 2-го управления Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, полковник запаса, г. Москва.

Казначеев Сергей Влаильевич – доктор медицинских наук, профессор, директор Новосибирского филиала Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург), академик Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА), президент западно-сибирского отделения МСА, г. Новосибирск.

Калачкова Надежда Фёдоровна – заведующая музеем Бийского промышленно-технологического колледжа, доцент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА), Бийский Союз казаков Союза казаков России, есаул, г. Бийск.

Каменецкий Иван Павлович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск.

Карлова Екатерина Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации, г. Воронеж.

Кокоулин Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор кафедры истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор Академии военных наук Российской Федерации, г. Новосибирск.

Комаров Дмитрий Дмитриевич – курсант Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, рядовой, г. Новосибирск.

Коротун Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации, г. Воронеж.

Котов Александр Михайлович – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, подполковник юстиции, г. Новосибирск.

Ксенофонов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь, полковник, Республика Беларусь, г. Минск.

Кураев Александр Михайлович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры тактики Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, подполковник, г. Новосибирск.

Кураева Арина Александровна – учащаяся Образовательного центра «Горностай», г. Новосибирск.

Куратченко Мария Анатольевна – заведующая кафедрой китайского языка Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск.

Лихоманов Игорь Валентинович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Лопуха Александр Дмитриевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры тактики Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, полковник в отставке, г. Новосибирск.

Лопуха Татьяна Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Мардахаев Лев Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой социальной и семейной педагогики Российского государственного социального университета (РГСУ), профессор Академии военных наук Российской Федерации, полковник в отставке, г. Москва.

Михеев Илья Александрович – курсант Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, рядовой, г. Новосибирск.

Неверко Марина Викторовна – магистр педагогических наук, преподаватель кафедры идеологической работы Военной академии Республики Беларусь, Республика Беларусь, г. Минск.

Пальцев Андрей Иванович – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Сибирского института международных отношений и регионоведения, профессор Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры прав человека и демократии UNESCO при МГИМО(У) МИД России, подполковник в отставке, г. Новосибирск.

Пашкевич Татьяна Леонидовна – заведующая библиотекой Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Подмаренко Андрей Александрович – преподаватель кафедры тактики Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, подполковник, г. Новосибирск.

Поликанов Алексей Владимирович – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, подполковник, г. Новосибирск.

Путинцев Александр Николаевич – курсант Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, рядовой, г. Новосибирск.

Разгонов Виталий Леонидович – начальник Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, полковник, г. Новосибирск.

Родионов Андрей Иванович – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры проектирования летательных аппаратов Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), член Союза журналистов России, профессор Академии военных наук Российской Федерации, член Петровской академии наук и

искусств (ПАНИ), академик Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА), член ученого совета СВКО (гос. реестр), казачий полковник, г. Новосибирск.

Ростов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул.

Сафронов Алексей Владимирович – главный редактор журнала «Казачье братство», член Союза журналистов России, председатель Межрегиональной общественной организации «Союз казачьих журналистов Сибири и Дальнего Востока», член Всеславянского союза журналистов, заместитель атамана Томского ОКО СВКО (гос. реестр) по идеологии, информационной политике и духовно-просветительской работе, войсковой старшина СВКО (гос. реестр), г. Томск.

Сергиенко Сергей Витальевич – начальник кафедры физической подготовки и спорта Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, полковник, г. Новосибирск.

Сиотани Масатика – PhD, профессор университета Тохоку, Япония, г. Токио.

Сливкин Андрей Николаевич – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, полковник, г. Новосибирск.

Снигирев Александр Леонидович – кандидат педагогических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, полковник, г. Новосибирск.

Собольников Валерий Васильевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и специальной психологии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск.

Сорокин Михаил Николаевич – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, майор запаса, г. Новосибирск.

Спирин Александр Викторович – начальник отдела кадров Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, полковник, г. Новосибирск.

Стариков Денис Дмитриевич – курсант Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, рядовой, г. Новосибирск.

Суслов Дмитрий Валентинович – кандидат военных наук, начальник кафедры тактики Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, полковник, г. Новосибирск.

Суховецкая Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, г. Новосибирск.

Усокский Андрей Игоревич – курсант Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, рядовой, г. Новосибирск.

Фабрика Юрий Аркадьевич – научный сотрудник экспозиционного (военно-исторического) отдела Дома офицеров Новосибирского гарнизона Министерства обороны Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза журналистов России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), академик Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА), войсковой старшина Сибирского казачьего войска, г. Новосибирск.

Чихачёв Максим Витальевич – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, капитан, г. Новосибирск.

Чугунов Евгений Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Министерства обороны Российской Федерации, г. Кострома.

Шадрин Вадим Александрович – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, подполковник, г. Новосибирск.

Шевченко Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии Юридического института Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск.

Шульга Наталья Ивановна – аспирант кафедры социальной и общей психологии факультета психологии, социальной медицины и адаптационно-реабилитационных технологий Российского государственного социального университета (РГСУ), г. Москва.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Перед вами – очередной выпуск военно-научного журнала «Гуманитарные проблемы военного дела».

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность всем авторам, представившим свои статьи для публикации на страницах журнала. Мы надеемся на продолжение и углубление творческого сотрудничества, ждем Ваших писем, советов, предложений и новых материалов.

По всем интересующим Вас вопросам можно обращаться по адресу E-mail: gumproblemy@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

1. Общими критериями работ, принимаемых для публикации в журнале, является актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и прикладном аспектах. Принимаются материалы, которые ещё не были опубликованы в других периодических изданиях. Статьи, имеющие приоритетный характер, публикуются в первую очередь.

2. Редакция обеспечивает экспертную оценку (рецензирование) рукописей, привлекая для этого необходимых рецензентов. На основании рецензий и заключения редколлегии рукопись принимается к печати, отклоняется или высылается автору на доработку.

3. Ответственность за отсутствие сведений, не допустимых к печати, несёт автор статьи.

4. Редакция оставляет за собой право публиковать принятые к печати статьи в том номере и в такой последовательности, которые представляются оптимальными для журнала.

Оформление рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 0,5 печатного листа (текст в формате Word, 20 тыс. знаков с пробелами, Times New Roman шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора, год издания. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).

Размер изображения не должен превышать 190 x 270 мм. Рекомендуемый размер черно-белых фотографий 100 x 150 мм. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что к электронным версиям рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif) следует приложить их распечатки высокого качества на белой бумаге. Просим вас не изменять исходный электронный формат создаваемого вами графического объекта. Все надписи и символы на них следует перевести в кривые. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. На обороте каждой иллюстрации необходимо написать фамилию автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации.

Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 x 270 мм.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы (почтовый адрес с индексом), должность, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Кроме того, к тексту статьи прилагаются: аннотация на русском языке (3–4 предложения), фамилия и инициалы автора, название статьи и аннотация (резюме) на английском языке, ключевые слова на русском языке (до 10 слов), ключевые слова на английском языке, а также указывается индекс УДК.

Статья должна быть тщательно выверена. Сокращение слов, названий, кроме общепринятых, допускается не более 3 и только с первоначальным указанием полного названия.

Рукописи, оформленные не по правилам, не рассматриваются.

Рукописи не возвращаются, корректура авторам не высылается.

Образец оформления рукописи

УДК а94(47+57)“1917/1991”

В.В. Авдеев, В.Г. Бояренко, Л.В. Глемба

Новосибирское высшее военное командное училище

г. Новосибирск

vadim-avdeev@mail.ru

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье рассматривается история создания военной разведки нацистской Германии, анализируется проблема определения её места в истории Великой Отечественной войны, роли в поражениях Красной Армии в первые месяцы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная разведка, Бранденбург-800, абвер.

Причины поражений Советского Союза в первые месяцы Великой Отечественной войны стали предметом многочисленных дискуссий, как среди историков, так и в многочисленных публицистических изданиях. Они в целом сводятся к следующим постулатам: неготовность СССР к войне и репрессии среди высшего и среднего командного состава, тоталитарный характер власти в СССР и т.п. [1. С. 35]. Однако, есть ещё один немаловажный аспект, который пока представляется лишь как рабочая гипотеза. Дело в том, что высшее советское военное командование и, в частности, И.В. Сталин, мыслили себе предстоящую войну во многом в категориях Гражданской войны, не обращая внимания на принципиально новые аспекты военной стратегии и тактики <...>

Библиографический список

1. Карнович А.П. Деятельность разведподразделений зарубежных армий // Армия и военное дело зарубежных стран // Материалы междунар. науч. конф. 15–17 ноября 2007 г. СПб., – 2007. – С. 56-59.
2. Роулз Дж. Из истории фашизма в Германии. – Новосибирск, 1995. – 96 с.
3. Dvorkin K. Brandendurg-800. Cambridge MA: Harvard University Press, 1986. 120 с.
4. Hart S. G. A. Nazism: pages of history // Historical Review. 1955. Vol. 64. P. 175-191.
5. Чистяков Б. З. Спецподразделения // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Серия: История. – 2007. – Т. 5, вып. 1. – С. 34-40.

V.V. Avdeev, V.G. Boyarenko, L.V. Glemba

Novosibirsk Higher Military Command School

MILITARY INTELLIGENCE OF NAZI GERMANY IN MILITARY OPERATIONS AGAINST THE SOVIET UNION IN THE FIRST YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: The article is devoted to the history of creation of military intelligence of nazi Germany, is analyzed the problem of definition of its place in the history of the Great Patriotic War, it's role in defeats of Red Army in the first months of war.

Keywords: Great Patriotic War, military intelligence, Brandenburg-800, abver.

Для заметок

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА

Военно-научный журнал

Выпуск № 3(4) 2015 г.

Корректор – Пантелеева О.Н.

Издается с ноября 2014 г. Выходит 4 раза в год.

Подписано в печать 11.11.2015. Формат 60x90 1/8 Усл. печ. л. 24,75 Тираж 200 экз. Заказ № 330

Отпечатано в типографии Новосибирского высшего военного командного училища.

630117, г. Новосибирск, ул. Иванова, 49

УДК 355.011/.014(082)

ББК 68.01я43

Г94

ISSN 2413-8347